ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

Электронный журнал

№ 3(104) 2025 г.

Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2025

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [электронный ресурс]: электронный журнал Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (3,0 МБ). – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Редакторы *С.Ю. Клевцова, Н.Н. Зайцева*

Дата выхода в свет: 30.09.2025.
Объем издания: 3,0 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: niirio.oryui@yandex.ru
http:www.orui.mvd.ru.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему Российского индекса научного цитирования. URL: http://www.elibrary.ru и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д.Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
по научной работе кандидат юридических наук, доцент Д.Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л.А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А.А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М.В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С.С. Безруков;

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
доктор юридических наук, профессор В.Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В.В. Головко;

заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе
кандидат юридических наук, доцент П.В. Гридюшко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе
доктор юридических наук, доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С.А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В.П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процесуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев;

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Победкин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н.Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Горбатюк Л.Н., Иванова Я.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР В ГОДЫ ВОЙНЫ……14

Дурнева Н.С. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕПРАВОСЛАВНЫХ КОНФЕССИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ……...21

Кнаус О.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИЕМНИКОВ-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ В СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ УВД ИРКУТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА)…….28

Кобец П.Н. ОПТИМИЗАЦИЯ ОСНОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ…….37

Поваляев Э.А. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..44

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Амелина Т.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ….....52

Афонин В.В. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РЕГИСТРАЦИОННО-ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..…..…….…….58

Беженцев А.А. ЗАКОННОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: АКЦЕНТЫ НА СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ……..66

Былинин И.А., Шукаева И.Н. ОПАСНОЕ ВОЖДЕНИЕ, КАК ХУЛИГАНСТВО НА АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГАХ: ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ТРАКТОВАНИЯ, ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....73

Зенина М.Г. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ….83

Литвинова Н.А. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....91

Лысухо П.И. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННУЮ ПРАКТИКУ И КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ……..……...98

Сальников Е.В., Сальникова И.Н. ПОКАЗАТЕЛИ АВАРИЙНОСТИ С УЧАСТИЕМ ЭЛЕКТРОВЕЛОСИПЕДОВ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ..……..108

Смирнов И.А., Андреев П.Г., Литвинов А.В. ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЗАПРЕТА ОПАСНОГО ВОЖДЕНИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ……..……...115

Смоляков А.И. ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ……127

Юшина К.А. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ…….....136

Ясникова В.А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА СНИЖЕНИЕ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА..……144

Уголовно-правовые науки

Акиев А.Р. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ …….……...150

Беспалов В.Н. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ДОПУСТИМОСТИ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗАЩИТНИКОМ В ХОДЕ ОПРОСА……158

Вастьянова О.Д., **Михайлова Т.Н.** ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ, ОБВИНЯЕМЫМ В ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....166

Вецкая С.А. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА…….……...175

Виноградова В.А. АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ….....182

Гришин А.В., Селютина О.Г. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ДОЛЖНОСТНЫМ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ..…….....188

Земцова С.И. НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ И СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК (НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ И СБЫТА ОБЪЕКТОВ ОГРАНИЧЕННОЙ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ).....202

Исаева Е.Д., Нечай С.Л. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ ……...211

Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. ПРОГРАММЫ РАЗРЕШЕНИЯ ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИЕЙ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ СТАЦИОНАРЫ……...……220

Килимбаев Р.В. ОТ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ К ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА..……228

Клевцова С.Ю., Москвичев А.А. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА……236

Колмыков И.А. СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..……..……...……..243

Колычева А.Н., Тихомирова О.Г. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ……251

Конин А.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ…….....257

Мельников Е.А. ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ЛИЦА, ОСУЖДЕННОГО К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ, ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ……...263

Морозова Н.В. СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ.....273

Паутов С.С. СУЩНОСТЬ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ……...……..281

Принц-Лапин Д.Н. РОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ИНТЕРПОЛА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……288

Прохорова Е.А. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА …..294

Рябинина Т.К., Чистилина Д.О. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ…..……..……..300

Семенов В.Р. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ ……308

Сибилькова А.В., Бадиков Д.А. РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……317

Смирнов И.М., Климачков А.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА……..324

Таршева М.Н. ПРОЦЕДУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……....334

Хазинурова Е.А. «КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ» КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……..……340

Чаплыгина А.Д. ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ…….347

Информация для авторов……..354

CONTENTS

Theoretical-historical legal sciences

Gorbatyuk L.N., Ivanova Y.S. ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISARATE OF THE USSR INTERNAL AFFAIRS DURING THE WAR YEARS.……14

Durneva N.S. IMPLEMENTATION OF RELIGIOUS POLICY IN RELATION TO NON-ORTHODOX DENOMINATIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND DURING THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET STATE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS…….....21

Knaus O.A. ACTIVITIES OF DISTRIBUTION RECEIVERS IN THE USSR (BASED ON MATERIALS FROM THE IRKUTSK REGIONAL GOVERNMENT)……..28

Kobets P.N. OPTIMIZATION OF THE FUNDAMENTALS OF CRIMINAL LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR…….37

Povalyaev E.A. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MEDICAL EXAMINATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION…….44

Public-law (state-legal) sciences

Amelina T.A. IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE OF MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN ADMINISTRATIVE LAW: LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS……..….....52

Afonin V.V. PROBLEMS OF IMPLEMENTING CONTROLLED AUTHORITIES OF REGISTRATION AND EXAMINATION BODIES OF THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE IN THE FIELD OF ROAD SAFETY……..…..…….……...58

Bezhentsev A.A. LEGALITY IN POLICE ACTIVITIES: EMPHASIS ON MODERN AREAS OF ENSURING IT…….……..66

Bylinin I.A., Shukaeva I.N. DANGEROUS DRIVING AS HULIGANISM ON HIGHWAYS: PROBLEMS, PECULIARITIES OF LEGAL INTERPRETATION, AND PROPHYLAXIS OF OFFENSES…….....73

Zenina M.G. ADMINISTRATIVE AND PREVENTIVE MEASURES APPLIED BY JUVENILE AFFAIRS UNITS IN THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY…….….83

Litvinova N.A. FEATURES OF BRINGING JUDGES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ADMINISTRATIVE LIABILITY…….....91

Lysukho P.I. SOCIAL AND LEGAL STATUS OF NATIONAL DIASPORAS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR IMPACT ON MIGRATION POLICY AND CRIMINOGENIC ENVIRONMENT…….……...…….98

Salnikov E.W., Salnikova I.N. ACCIDENT RATES INVOLVING ELECTRIC BICICLESIN RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS…….....……..108

Smirnov I.A., Andreev P.G., Litvinov A.V. LEGAL INDEFINITENESS OF THE PROHIBITION OF DANGEROUS DRIVING AS AN OBSTACLE TO ENSURING THE PRINCIPLE OF INEVITABLE ADMINISTRATIVE LIABILITY…….115

Smolyakov A.I. GENERAL AND SPECIAL NORMS IN THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMATIC ISSUES……..127

Yushina K.A. RUSSIA'S MIGRATION POLICY: STAGES OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE……...……...136

Iasnikova V.A. FOREIGN EXPERIENCE OF MEASURES AIMED AT REDUCING CHILD ROAD TRAFFIC INJURIES..……..144

Criminal Law Sciences

Akiev A.R. CRIMINALISTIC SUPPORT FOR INTERACTIONOF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES WITH UNIFORMED DIVISIONS FOR MINOR AGENTS…..…….....150

Bespalov V.N. ENSURING BY THE INVESTIGATOR THE ADMISSIBILITY OF INFORMATION OBTAINED BY THE DEFENSE DURING THE INTERVIEW…….158

Vastyanova O.D., Mikhailova T.N. EFFECTIVENESS OF CIVIL ENFORCEMENT MEASURES APPLIED TO MINOR SUSPECTS, INVESTIGATING CRIMES IN PRACTICE…….....166

Vetskaya S.A. CRIMINAL PROCEDURAL INSTITUTE OF WITNESS IMMUNITY: THEORY AND PRACTICE……..…….……...175

Vinogradova V.A. CURRENT STATE OF THE LEGISLATIVE MODEL OF PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA.....182

Grishin A.V., Selytina O.G. LEGAL ASPECTS OF RECOGNITION OF A PERSON AS AN OFFICIAL AND SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CERTAIN OFFICIAL CRIMES……...…….....188

Zemtsova S.I. SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CLASSIFICATION AND STRUCTURE OF FORENSIC TECHNIQUES (USING THE EXAMPLE OF THE INVESTIGATION OF ILLEGAL ACQUISITION AND THE SALE OF OBJECTS OF LIMITED TURNOVER).....202

Isaeva E.D., Nechay S.L. FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS…….....211

Kalyuzhny A.N., Chaplygina V.N. PROGRAMS FOR RESOLVING TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AT THE PRELIMINARY STAGE OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL HOSPITALIZATION IN PSYCHIATRIC HOSPITALS……...……220

Kilimbaev R.V. FROM CONTEMPORARY GEOPOLITICAL ISSUES TO SUGGESTIONS FOR IMPROVING CRIMINAL LAW……...……228

Klevtsova S.Y., Moskvichev A.A. SELECTED PROBLEMS OF BUILDING A UNIVERSAL SYSTEM TO COUNTER CRIMES RELATED TO TRAFFICKING IN HUMAN BEINGS AND THE USE OF SLAVERY……236

Kolmykov I.A. MODERN WAYS OF UNLAWFUL INFLUENCE ON THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION…….……243

Kolycheva A.N., Tikhomirova O.G. PROBLEMATIC ASPECTS OF CONDUCTING FORENSIC EXAMINATIONS AND THEIR SUBSEQUENT USE AS EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST PROPERTY……..251

Konin A.V. SOME ISSUES OF THE INSTITUTION OF CIVIL ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS…….....257

Melnikov E.A. MALICIOUS EVASION OF A PERSON SENTENCED TO RESTRICTION OF LIBERTY FROM SERVING A SENTENCE: CONTROVERSIAL ISSUES OF OBJECT CHARACTERISTICS AND THE OBJECTIVE SIDE…….263

Morozova N.V. FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN RUSSIA: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS…….....273

Pautov S.S. THE ESSENCE OF FRAUD COMMITTED USING INTERNET ADVERTISING SERVICES….……...……..281

Prince-Lapin D.N. THE ROLE OF THE INTERPOL NCB DIVISIONS IN CRIME PREVENTION.……288

Prokhorova E.A. ON SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL LAW……..……294

Ryabinina T.K., Chistilina D.O. THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE COURSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND PROSPECTS……..…….300

Semenov V.R. SYSTEMIC PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ABUSE OF THE BODIES OF THE DEAD AND THEIR BURIAL PLACES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW……..…….308

Sibilkova A.V., Badikov D.A. THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND AUTOMATED SYSTEMS IN FORENSIC EXPERTISE..…….317

Smirnov I.M., Klimachkov A.V. THE ACTIVITIES OF THE OPERATIONAL UNITS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS IN SOLVING CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS OR OTHER PROPERTY……324

Tarsheva M.N. THE PROCEDURAL MECHANISM OF RECONCILIATION OF THE PARTIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT…….334

Khazinurova E.A."COMPUTER INFORMATION" AS A SIGN OF A CRIME……340

Chaplygina A.D. FEATURES OF PERSONAL DATA PRESERVATION WHEN USING ELECTRONIC DOCUMENT FLOW IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES...……..347

Information for authors……354

Научная статья
УДК 351.74.1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР В ГОДЫ ВОЙНЫ

Горбатюк Людмила Николаевна[1], Иванова Яна Сергеевна[2]
[1,2]Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганская Народная Республика, Луганск, Россия

[1]rebrunenko799@mail.ru
[2]Yana1vanova@mail.ru

Аннотация. В статье исследована роль органов Народного комиссариата внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР) в Великой Отечественной войне (далее – ВОВ); описаны их функции по обеспечению безопасности, поддержанию порядка и борьбе с внутренними и внешними угрозами. Внутренние войска НКВД СССР и милиция активно участвовали в боевых действиях, охране тыла (борьбе с диверсантами), обеспечении эвакуации граждан и стратегических грузов. Основное внимание уделено успешной адаптации структуры НКВД СССР к вызовам военного времени и анализу их работы, вклада в достижение Победы.

Ключевые слова: НКВД, Великая Отечественная война, внутренние войска НКВД, милиция, безопасность, тыл, диверсанты, эвакуация, поддержание общественного порядка, охрана стратегических объектов.

Для цитирования: Горбатюк Л. Н., Иванова Я. С., Деятельность органов Народного комиссариата внутренних дел СССР в годы войны // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 14–20.

ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISARATE OF THE USSR INTERNAL AFFAIRS DURING THE WAR YEARS

Lyudmila N. Gorbatyuk[1], Yana S. Ivanova[2]
[1,2]Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Russia

[1]rebrunenko799@mail.ru
[2]Yana1vanova@mail.ru

Annotation. The article examines the role of the NKVD bodies in the Great Patriotic War, describes their functions in ensuring security, maintaining order and combating internal and external threats. The NKVD internal troops and the police actively participated in military operations, protecting the rear (fighting saboteurs), ensuring the evacuation of citizens and strategic cargo. The main attention is paid to the successful adaptation of the NKVD structure to the challenges of wartime and the analysis of their work, contribution to the achievements of Victory.

Keywords: NKVD, Great Patriotic War, internal troops of the NKVD, police, security, rear, saboteurs, evacuation, maintaining public order, protection of strategic facilities.

For citation: Gorbatyuk L. N., Ivanova Y. S. Activities of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR during the War Years // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 14–20.

В этом году исполняется 80 лет с момента победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Тема данной статьи не только о прошлом нашей стран – она о её сегодняшнем и завтрашнем. Она о необходимости консолидации всего российского социума, всех слоёв населения для борьбы с современным фашизмом в лице украинских неонацистов. Ведь «будущее общества, по словам Д. Фаулза, не может и не должно быть фашистским» [1, с. 183]. Тем более это сегодня быстрыми темпами происходит радикализация Европы, все воинственнее звучат наиболее одиозные призывы лидеров стран НАТО об очередном «крестовом» походе на Восток. Подобные люди, «потеряв рассудок, будут не в состоянии поддерживать существование жизнеспособного общества в отдалённой перспективе, а в ближайшей – не смогут воздержаться от использования ядерного или биологического оружия», – писал в своё время Эрих Фромм [2, с. 210]. России сегодня приходится вновь бороться с фашизмом, и он не должен пройти.

Среди многочисленных страниц этих трагических и одновременно героических событий заметна и роль войск НКВД СССР в достижении Победы.

О работе этих государственных структур существует множество как положительных, так и критических мнений относительно оценки их деятельности, зачастую противоречивых. Органы, отвечающие за безопасность и правопорядок, редко вызывают единодушное одобрение особенно в тех случаях, когда им приходится действовать в условиях чрезвычайной ситуации.

В мирное время внутренние войска не сталкивались с рядом задач, которые стали для них актуальными в годы войны. Однако существующая структура войск НКВД СССР продемонстрировала высокую степень гибкости, способность быстро адаптироваться к новым условиям и быстро меняющейся оперативной обстановке (особенно это было характерно для начальной стадии войны). Сотрудники органов внутренних дел нередко брали на себя выполнение задач, которые выходили далеко за пределы их основных обязанностей. Объём работы постоянно увеличивался, и им приходилось справляться с дополнительными, зачастую крайне сложными задачами, выполнение которых требовало от сотрудников не только высокой оперативной, но и специальной подготовки, высокой политико-идеологической и моральной мотивированности.

Сегодня в условиях стремительно усложняющейся международной обстановки важно изучить положительный опыт работы НКВД СССР тех лет и результативно использовать его на практике. Он позволяет понять, каким образом правоохранительные структуры справлялись с серьёзнейшими вызовами военного времени. В этих условиях наряду с выполнением повседневных задач мирного времени органы НКВД успешно решали задачи, продиктованные исключительно военной обстановкой [3, с. 63].

10 июля 1934 года было создано новое ведомство, которое объединило под единым управлением, возглавляемым Генрихом Ягодой, функции нескольких важнейших государственных органов. В состав НКВД СССР включили также Объединённое государственное политическое управление (далее – ОГПУ), что существенно увеличило его компетенции и круг обязанностей [4, с. 53].

Деятельность НКВД СССР охватывала следующие направления:

– организация и управление коммунальным хозяйством, а также строительными работами;

– руководство отдельными секторами промышленности;

– проведение политического сыска и контроль за общественными настроениями;

– вынесение приговоров без участия суда;
– управление пенитенциарной системой и исполнением наказаний;
– осуществление внешней разведки;
– обеспечение охраны границ и управление внутренними войсками.

Данная структура занимала ключевое место в жизни государства, сосредоточив в своих руках широкий спектр функций и полномочий. Многие исследователи полагают, что подобная централизация власти в рамках одного ведомства выводила его за рамки «конституционных норм» и принципов социальной справедливости. Тем не менее опыт деятельности НКВД представляет значительный интерес для изучения того, как правоохранительные и административные органы могут функционировать в условиях высокой нестабильности, а также при наличии внешних и внутренних угроз. Изучение их работы сохраняет свою актуальность, поскольку позволяет определить эффективные методы обеспечения безопасности, которые могут быть применены в современных условиях.

С началом военных действий на НКВД СССР были возложены новые задачи, значительно расширившие его компетенцию. Помимо обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью, ведомство занималось предотвращением нарушений в области воинского учёта, поиском дезертиров и лиц, уклоняющихся от призыва. Особое внимание уделялось противодействию мародёрству, паническим настроениям и распространению ложных слухов. Кроме того, НКВД активно выявлял шпионов, диверсантов и других враждебных элементов, а также обеспечивал охрану военных грузов, предотвращая их хищение и гарантируя их сохранность. Такая интеграция усиливала координацию между различными подразделениями, что было крайне важно для борьбы с диверсиями, поддержание общественного порядка и защиты государственной безопасности.

В военный период была создана эффективная система оперативных мер, направленных на стабилизацию обстановки в стране.

Ключевыми задачами НКВД СССР в этот период стали организация и контроль за эвакуацией населения и промышленных предприятий, а также транспортировка стратегически важных грузов. Для обеспечения безопасности и соблюдения порядка проводились регулярные проверки документов, усиливалась охрана промышленных объектов и жилых кварталов. На улицах, особенно в вечерние и ночные часы, было введено постоянное патрулирование. Эти меры помогли сохранить контроль над внутренней ситуацией и минимизировать риски, связанные с военными действиями. Это позволило милиции и другим подразделениям НКВД эффективно адаптироваться к военным реалиям, обеспечивая безопасность государства и населения. НКВД СССР выполнял не только свои специфические задачи, но и принимал самое активное и непосредственное участие в боевых действиях [5, с. 12].

Если рассматривать деятельность крупнейшего структурного подразделения НКВД – милиции, то стоит отметить, что с началом войны перед ней встали новые вызовы, связанные с массовой эвакуацией населения и необходимостью поддержания порядка. В первые месяцы войны по решению Правительства из войск НКВД было сформировано 15 дивизий. Только из московской милиции на фронт было призвано 12 тыс. работников [6, с. 20].

Для учёта эвакуированных граждан в структуре паспортного отдела Главного управления милиции было создано Центральное справочное бюро. При нём организовали специальный отдел, занимавшийся поиском детей, разлучённых с родителями. Подобные службы также появились в управлениях милиции республик, краёв, областей и крупных городов, что позволило оперативно восстанавливать связи между членами семей. Особое внимание уделялось помощи эвакуированным. Центральное справочное бюро зафиксировало данные примерно 6 млн человек, вынужденно покинувших свои

дома. За годы войны было обработано около 3,5 млн запросов на поиск родственников. Благодаря усилиям милиции удалось предоставить адреса почти 2,8 млн человек, а также вернуть родителям порядка 20 тыс. детей, потерявшихся во время эвакуации. Помимо розыска, милиция активно боролась с безнадзорностью. Совместно с общественными организациями она выявляла беспризорных детей и направляла их в специализированные учреждения. Постепенно расширялась сеть детских комнат милиции, что способствовало защите несовершеннолетних, оставшихся без попечения, и созданию для них безопасных условий. Одной из главных проблем того периода стало обеспечение кадрами. В связи с мобилизацией большого числа мужчин на фронт в милицию активно стали принимать женщин. Они быстро освоили профессиональные обязанности и с высокой ответственностью выполняли свою работу, внося значительный вклад в поддержание порядка. Даже в регионах, где не было объявлено военное положение, деятельность милиции адаптировалась к условиям войны. В столицах союзных республик, а также в краевых и областных центрах было усилено патрулирование улиц, ужесточён контроль за соблюдением паспортного режима и обеспечением безопасности граждан.

Работа милиции в военные годы стала важным фактором защиты гражданского населения и поддержания стабильности в стране. Её деятельность стала ключевым элементом социальной поддержки в условиях войны, способствуя сохранению общественного порядка и укреплению социальной стабильности. Обеспечение безопасности тыла действующей армии было одной из ключевых задач, возложенных на войска НКВД в период Великой Отечественной войны. Уже 24 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР утвердил постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Этот документ послужил основой для развёртывания активной деятельности войск НКВД, направленной на обеспечение безопасности в тыловых районах. Важно отметить, что приказом НКВД СССР от 28.04.1942 № 00852 было образовано Главное управление внутренних войск НКВД СССР, в составе которого находилось и функционировало Управление войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии [7, с. 92].

С началом войны войска НКВД подверглись значительной реорганизации, которая была адаптирована к условиям военного времени. Пополнение личного состава осуществлялось через военкоматы, а также за счёт перевода сотрудников из других округов. Для повышения боеготовности в состав подразделений были включены роты, оснащённые 82-мм миномётами, а в каждом стрелковом взводе создавались отделения миномётчиков. Параллельно велась работа по укреплению кадрового состава: подразделения доукомплектовывались опытными командирами. Например, для оптимизации работы в военных условиях штаб и политотдел 41-й отдельной бригады конвойных войск временно передислоцировались из Ленинграда в Вологду.

Обязанности войск НКВД включали широкий спектр задач, связанных с выявлением и пресечением антисоветской деятельности среди военнопленных и интернированных лиц. Особое внимание уделялось поиску и ликвидации диверсионных групп, террористических ячеек и организаций, занимавшихся пропагандой саботажа, вредительства и экономических преступлений. Важным направлением работы было установление личностей, которые занимались сбором разведывательных данных о политической, экономической и военной обстановке в СССР во время пребывания в плену.

Среди основных задач, возложенных на войска НКВД по охране тыла, было противодействие вражеским шпионам, диверсантам, бандитским группам, дезертирам и мародёрам. Они также занимались уничтожением небольших отрядов противника, прорвавшихся в тыл, и сбором брошенного оружия и военного имущества. Принятые меры позволили создать эффективную систему безопасности. Для поддержания порядка в тылу в условиях войны были организованы специальные службы, включая загра-

дительные и контрольно-пропускные отряды, а также группы, отвечающие за общественный порядок. 28 апреля 1942 года в рамках Главного управления внутренних войск НКВД СССР было сформировано новое управление, основная задача которого заключалась в обеспечении охраны тыла действующих армий. Первым руководителем этой структуры стал генерал-лейтенант А. М. Леонтьев, а позже руководство перешло к генерал-лейтенанту И. М. Горбатюку.

В апреле 1943 года управление претерпело реорганизацию, после чего получило название Главное управление войск по охране тыла, тем самым существенно укрепив систему защиты стратегически важных объектов. На 4 мая 1943 года численность личного состава данной структуры составила 62 818 человек.

После окончания Великой Отечественной войны в соответствии с приказом НКВД № 00805 от 9 июля 1945 года управления войск, отвечавших за охрану тыла на расформированных фронтах, были переведены в резерв Главного управления. Личный состав этих подразделений был перераспределён между пограничными и внутренними войсками НКВД. К октябрю 1945 года войска охраны тыла были практически полностью расформированы, за исключением отдельных подразделений, оставшихся в составе групп войск [8, с. 56].

Солдаты и офицеры НКВД внесли значительный вклад в достижение Победы, участвуя в ожесточённых боях на различных участках фронта. В Карелии против немецко-финских войск сражались 14-й и 15-й Краснознамённые мотострелковые полки НКВД. Особо отличился 15-й полк, который 25 июля 1941 года принял участие в сражении у озера Мярет. Дивизии войск НКВД также активно участвовали в обороне ключевых городов, таких как Киев, Одесса и Севастополь.

Примером героизма служит подвиг санинструктора Анатолия Кокорина, который, находясь в эпицентре ожесточённых боёв, оказывал помощь раненым бойцам. Получив тяжёлые ранения, он попытался спасти старшего политрука Руденко. Оказавшись в окружении врага и не желая сдаваться, Кокорин подорвал себя гранатой, уничтожив пятерых солдат и офицера финской армии. За проявленные мужество и самопожертвование оба были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Ленинград стал одной из ключевых стратегических целей немецкого командования. В июле 1941 года, когда началось наступление врага, Ленинградский фронт был усилен за счёт мобилизации дополнительных сил, включая 1-ю, 20-ю и 21-ю стрелковые дивизии войск НКВД [8, с. 10]. Эти подразделения объединились с частями Красной армии для защиты города. Особую роль в обороне Ленинграда сыграла 21-я стрелковая дивизия НКВД, которая остановила продвижение врага на Лиговском направлении всего в четырёх километрах от города. Генерал армии Г. К. Жуков, командовавший Ленинградским фронтом, высоко оценил вклад дивизии в защиту города.

8 сентября 1941 года, после захвата Шлиссельбурга, противник полностью блокировал сухопутные пути в Ленинград, что ознаменовало начало длительной блокады. Город оказался в полной изоляции, связь с внешним миром поддерживалась только через воздушные маршруты и по льду Ладожского озера. Этот ледяной коридор, известный как «Дорога жизни», стал единственным путём для доставки продовольствия, медикаментов и вооружения. Несмотря на тяжелейшие условия, жители и защитники Ленинграда продолжали стойко сопротивляться.

За свои заслуги 18 подразделений и соединений войск НКВД были удостоены государственных наград и почётных званий. Деятельность внутренних войск регулировалась широкой правовой базой, включавшей указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, решения Совета Народных Комиссаров, а также приказы и распоряжения НКВД и военного командования. Особую роль играли постановления Военных Советов фронтов, которые определяли действия войск в условиях войны.

Великая Отечественная война стала временем массового героизма советских людей, проявленного как на фронте, так и в тылу. Многие сотрудники НКВД были удостоены высших государственных наград, а наиболее отличившиеся получили звание Героя Советского Союза. За проявленную доблесть и героизм в борьбе с фашистскими захватчиками 80,5 тыс. сотрудников ОВД были награждены орденами и медалями СССР, 150 военнослужащим внутренних войск присвоено звание Героя Советского Союза [5, с. 25].

Основная деятельность НКВД СССР в годы войны была направлена на достижение общей цели – победы над врагом. Сотрудники ведомства внесли значительный вклад в общий успех страны в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

На основе проведённого анализа можно предложить ряд рекомендаций. Для углубления исторических исследований необходимо ускорить процесс рассекречивания архивных материалов, связанных с деятельностью НКВД в военный период. Это позволит более детально изучить работу ведомства и извлечь ценные уроки из исторического опыта. Также важно обеспечить доступ исследователей к специализированным архивам, таким как Центральный архив ФСБ РФ и региональные архивные подразделения ФСБ.

Значение подобных исследований особенно возрастает в условиях современных военных операций, таких как Специальная военная операция, а также в контексте деятельности ФСБ, МВД и Росгвардии по поддержанию общественного порядка на освобождённых и прифронтовых территориях, по борьбе с диверсантами и мародёрами.

---

1. Фаулз Джон. Аристос. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008 347 с.
2. Фромм, Эрих. Мати чи бути? : пер. з англ. / Эрих Фромм. К.: Укр. письменник, 2010. 222 с.
3. Краснопольский, А. П. «Мобилизационный процесс в тылу НКВД в годы войны» // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 67–75.
4. Смирнов П. А. «Операции НКВД в тылу Красной армии в годы Великой Отечественной войны» // История СССР. 2013. № 1. С. 52–60.
5. Вольский М. В. Участие отдельных подразделений внутренних войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Воронеж : Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, 2021. 160 с.
6. Коновалова О. В. Органы НКВД-НКГБ СССР в годы Великой Отечественной войны. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД РФ, 2024. 117 с.
7. Бунин С. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в годы Великой Отечественной войны // Акад. вестн. внутрен. войск МВД России. 2015. № 1. С. 9–15
8. Малышев, В. П. Деятельность Главного управления МПВО НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М. : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2024. 224 с.

1. Faulz Dzhon. Aristos. M.: AST: AST MOSKVA, 2008 347 s.
2. Fromm, Ehrikh. Mati chi buti? : per. z angl. / Ehrikh Fromm. K.: Ukr. pis'mennik, 2010. 222 s.
3. Krasnopol'skij, A. P. «Mobilizacionnyj process v tylu NKVD v gody vojny» // Voprosy istorii. 2012. № 6. S. 67–75.
4. Smirnov P. A. «Operacii NKVD v tylu Krasnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny» // Istoriya SSSR. 2013. № 1. S. 52–60.
5. Vol'skij M. V. Uchastie otdel'nykh podrazdelenij vnutrennikh vojsk NKVD SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941-1945 gg.). Voronezh : Voronezhskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij Rossii, 2021. 160 s.
6. Konovalova O. V. Organy NKVD-NKGB SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Krasnoyarsk : Sibirskij yuridicheskij institut MVD RF, 2024. 117 s.

7. Bunin S. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' vojsk NKVD v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Akad. vestn. vnutren. vojsk MVD Rossii. 2015. № 1. S. 9–15
8. Malyshev, V. P. Deyatel'nost' Glavnogo upravleniya MPVO NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945. M. : FGBU VNII GOCHS (FC), 2024. 224 s.

Информация об авторах

Людмила Николаевна Горбатюк. Старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Яна Сергеевна Иванова. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД.
Луганский филиал Воронежского института МВД России
Россия, 291047, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Information about authors

Lyudmila N. Gorbatyuk. Senior lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines.
Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Interiol of Russia.
291047, Russia, Luhansk People's Republic, Lugansk, Krasnodonskaya Str., 6.

Yana S. Ivanova. Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs.
Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Interiol of Russia.
291047, Russia, Luhansk People's Republic, Lugansk, Krasnodonskaya Str., 6.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 16.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 34.09

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕПРАВОСЛАВНЫХ КОНФЕССИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Дурнева Наталья Сергеевна
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

durnev4nat@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время, в период религиозного многообразия, проведения политики свободы вероисповедания в большинстве современных государств необходимо сочетать комплекс правовых мер, применяемых к религиозным объединениям, с господствующим курсом толерантности. Именно поэтому для изучения возможных путей развития правовых мер в отношении конфессий, оказавшихся в так называемом «религиозном меньшинстве», требуется проведение сравнительно-правового анализа полномочий государственных органов по осуществлению религиозной политики в различные исторические периоды развития России. В настоящем исследовании будут рассмотрены такие государственные органы, как Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи, являющийся контролирующим органом в отношении неправославных конфессий до 1917 года, и Комиссия по вопросам религиозных культов, осуществляющая религиозную политику в период становления советского государства.

Ключевые слова: Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Комиссия по вопросам религиозных культов, государственная религия, религиозные объединения, «иностранные исповедания», государственный контроль, религиозная политика.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина доктора философских наук Римского А. В.

Для цитирования: Дурнева Н. С. Осуществление религиозной политики в отношении неправославных конфессий в дореволюционной России и в период становления Советского государства: сравнительно-правовой анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 21–27.

IMPLEMENTATION OF RELIGIOUS POLICY IN RELATION TO NON-ORTHODOX DENOMINATIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND DURING THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET STATE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Natalya S. Durneva
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

durnev4nat@yandex.ru

Annotation. At present, in the period of religious diversity and the implementation of the policy of freedom of religion in most modern states, it is necessary to combine a set

of legal measures applied to religious associations with the prevailing course of tolerance. That is why, in order to study the possible ways of development of legal measures in relation to denominations that found themselves in the so-called «religious minority», a comparative legal analysis of the powers of state bodies to implement religious policy in different historical periods of Russia's development is required. This study will examine such state bodies as the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, which was the supervisory body for non-Orthodox denominations before 1917, and the Commission on Religious Denominations, which implemented religious policy during the establishment of the Soviet state.

Keywords: Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions, Commission on Religious Denominations, state religion, religious associations, «foreign confessions», state control, religious policy.

Gratitude: the work was carried out with the support of the supervisor of the Department of State Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Doctor of Philosophy Rimsky A. V.

For citation: Durneva N. S. Implementation of religious policy in relation to non-Orthodox confessions in pre-revolutionary Russia and during the formation of the Soviet state: a comparative legal analysis // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 21–27.

Для проведения анализа контрольно-надзорных полномочий государственных органов в отношении неправославных конфессий в рассматриваемые периоды необходимо определить, существовал ли закреплённый на законодательном уровне термин для последователей неправославного вероучения. Так, если анализировать законы Российской империи, то можно прийти к выводу о том, что Свод законов Российской империи определял Русскую православную церковь «как первенствующую и господствующую». Тем самым законодатель дал понять, что православное вероучение считается «единой истинной на земле религией». Закрепление подобного статуса православной веры стало для законодателя правовым выражением понятия «свой», которому противопоставлялось понятие «иностранный», то есть «иной», отделённый от «своего» религиозными, этнокультурными и правовыми перегородками. Следовательно, к понятию «иностранные исповедания» относились все «иные» исповедания [1, с. 89].

Рассматривая термин, применяемый по отношению к неправославным конфессиям в период становления и развития советского государства, следует сказать о том, что атеизм являлся частью государственной идеологии [2, с. 110]. 23 января 1918 года СНК Российской Советской Республики был опубликован декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В упомянутом декрете речь шла преимущественно о православной церкви, т. к. она обладала статусом государственной религии, но в то же время в нём было закреплено, что религия является частным делом граждан[1]. Дальнейшее реформирование законодательства по отношению ко всем религиозным вероучениям было связано с принятием Постановления ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 08.04.1929 «О религиозных объединениях», где было отмечено, что под его действие подпадают все церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения. Также было подчёркнуто, что все религиозные объединения регистрируются в виде религиозных обществ или групп верующих[2].

[1] Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви: декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918 г. № 18. Ст. 263.
[2] О религиозных объединениях: Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929 г. № 35. Ст. 353.

Таким образом, мы видим, что в дореволюционной России с государственной религией другие конфессии приобретали статус «иностранных», отделённых от господствующей религии [3, с. 49]. На этапе становления советского государства атеизм провозглашался частью государственной идеологии, что характеризовалось отделением церкви от государства и школы, определением религии частным делом граждан. Также на данном этапе сформировались такие термины, как религиозные объединения, религиозные общества и группы верующих. Если в период империи православие считалось господствующей религией, то на данном этапе православная вера не имела никаких привилегий и приравнивалась к остальным вероучениям. Рассмотрев основные правовые акты, касающиеся религий неправославного исповедания, необходимо перейти к государственным органам, осуществляющих контроль за ними в исследуемый период.

В Российской империи, являющейся клерикальным государством, полномочия по осуществлению государственного контроля за иностранными исповеданиями в XIX – начале XX вв. осуществлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Рассматривая историю возникновения упомянутого органа, необходимо отметить, что его создание было связано с изданием Манифеста об «Общем учреждении Министерств» от 25 июня 1811 года. В главе II Манифеста было отражено, что к Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий принадлежат все предметы, относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий[1]. В 1832 году данный орган преобразовывается в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Именно с этого года вопросы, касающиеся вероисповедной политики иностранных исповеданий, переходят в ведение МВД Российской империи [4, с. 207]. Важной датой в правовом регулировании деятельности иностранных исповеданий является 1857 год, когда издаются Уставы духовных дел иностранных исповеданий, а также определяется область осуществления государственного контроля за ними. К числу иностранных исповеданий, деятельность которых регламентировали вышеупомянутые Уставы, относили в первую очередь римско-католическое и армяно-католическое исповедания; протестантские исповедания, подразделяющиеся на несколько направлений; армяно-грегорианскую церковь и др.[2].

Рассматривая государственные органы по осуществлению контроля за религиозными объединениями в советском государстве, следует сказать о последствиях принятия постановления «О религиозных объединениях». Так, принятие вышеуказанного постановления привело к созданию в 1929 году контролирующего органа, а именно Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. Деятельность Комиссии в рассматриваемый период была связана с изданием конфессиональных инструкций и циркуляров, решением вопросов о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений; закрытием и дальнейшим использованием молитвенных зданий.

Вышеизложенное позволяет сказать о существовании в исследуемые периоды двух государственных органов по осуществлению контрольно-надзорных полномочий за представителями неправославных конфессий. Так, центральным органом, контролирующим «иностранные исповедания» в Российской империи, являлся Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи, предметом ведения которого являлись все вопросы, относящиеся к иностранным религиям. В 1920–1930 гг. в СССР начала функционировать Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. Создание данного органа было связано с отражением курса атеистической политики государства, поэтому данный орган в отношении всех конфессий,

[1] Манифест об «Общем учреждении министерств» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 39. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 29793 – 29815.

[2] Уставы духовных дел иностранных исповеданий [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (дата обращения: 14.06.2025).

расположенных на территории СССР, выполнял такие полномочия, как закрытие и дальнейшее использование молитвенных зданий, регистрация и снятие с регистрации религиозных объединений.

Определив основные органы, предметом ведения которых являлась религиозная политика, необходимо разграничить их основные полномочия. Так, в Российской империи, являющейся клерикальным государством, особое внимание уделялось вопросам заключения и расторжения брака между представителями разных религиозных конфессий. Данный фактор был связан с узаконенной в Российской империи церковной формой брака. К упомянутой сфере следует отнести и вопросы, касающиеся обряда крещения детей от родителей, принадлежащих к двум разным конфессиям. Следующей группой вопросов следует считать управление духовными делами, ведь именно Департаментом духовных дел иностранных исповеданий разрешалось следующее: учреждение духовных властей и мест управления, учреждение духовных заведений; состав епархий; порядок определения и увольнения духовных лиц; управление имуществом (церковным и монастырским) и т. д. [5, с. 56]. Ещё одной сферой, сосредоточенной в ведении Департамента, являлось осуществление совместно с Департаментом полиции контроля над лицами, принадлежащими к неправославным конфессиям, которые участвуют или участвовали в антивоенной, антиправительственной и антимилитаристской пропаганде [6, с. 308].

И. А. Амбарцумов в своём исследовании «Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX века)» высказывает следующее мнение: «Законы, существовавшие в дореволюционный период, не соответствовали потребностям своего времени и нуждались в существенном преобразовании, необходимость которого не в достаточной мере осознавалась правящей бюрократией и духовной властью. Российская политическая элита и церковная власть демонстрировали в данном вопросе негибкий и нетворческий консерватизм, с позиций которого даже вполне конструктивные и умеренные реформы воспринимались как покушение на православие и самодержавие» [7, с. 52].

Самыми спорными среди основного круга полномочий, разрешаемых Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, являлись вопросы, возникающие между последователями «иностранных» конфессий в сфере брачного права, так как вопросы заключения и расторжения брака у них интерпретировались по-разному.

Так, 12 августа 1865 года в Департамент духовных дел иностранных исповеданий было направлено письмо № 1950 от Санкт-Петербургской Евангелическо-Лютеранской Консистории, в котором говорилось, что жена дворянина Киевской губернии Матильда Якобина Шлезингер лютеранского исповедания 30 апреля 1865 года подала в Санкт-Петербургскую Консисторию прошение об окончательном расторжении брака с мужем, дворянином Александром Шлезингером, римско-католического исповедания, так как решением Могилевской Консистории, вследствие бракоразводной жалобы, ей предоставлена сепарация и она решила воспользоваться такими правами, которые ей принадлежат по Уставу для лютеранской церкви, к которой она принадлежит. Из данного решения следует, что просительнице была дана сепарация с мужем, или, как сказано в упомянутом решении, – «временная разлука». Кроме того, к данному решению было предъявлено и удостоверение Канцелярии Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора от 28.04.1865 № 169 о том, что муж просительницы содержится в доме на исправительных работах. Помимо этого, предполагалось не выпускать его на свободу и за «неблаговидные поступки» выслать в Саратовскую губернию под надзор полиции с воспрещением жительства в столице.

Вслед за этим Римско-Католическая Духовная Комиссия на запрос от Санкт-Петербургской Консистории о том, на какой именно срок дана супруге Шлезингер сепарация, уведомила, что по Каноническим законам при даче сепарации сроки

не полагаются, но супружеское сожительство приостанавливается и по обоюдному согласию супругов устанавливается «разлука». Также ею было отмечено, что католическая церковь признаёт брак таинством и считает его нерасторжимым, между тем лютеранская церковь допускает развод, но не признаёт сепарацию, а признаёт временную разлуку, назначенную в виде опыта примирения несогласий супругов. Но Шлезингер была дана сепарация не временная, с обозначение срока, а, напротив, не ограничиваемая никакими сроками, поэтому для лютеран, согласно Уставам для лютеранской церкви, последствия решения Могилевской Консистории должны привести к окончательному расторжению брака. Определением от 15.06.1865 № 1562 брак Матильды Якобины Шлезингер с супругом Александром Шлезингером был расторгнут, а просительнице было позволено вступить в другой брак[1]. Таким образом, наибольшее количество спорных ситуаций при осуществлении контроля за последователями «иностранных» конфессий возникало при расторжении брака. Департамент духовных дел иностранных исповеданий был призван контролировать объективность принятия решения Консисториями и Комиссиями, которым было подведомственно рассмотрение бракоразводных дел. Особое внимание при разрешении данных споров уделялось последователям католицизма и лютеранства. Ведь католическая церковь признавала брак нерасторжимым, а лютеранская допускала разводы. Кроме этого, в брачном праве католиков и лютеран были схожие институты (институт сепарации – у католиков и институт временной разлуки – у лютеран), что нередко приводило к ложному толкованию канонического права.

Рассмотрев основной круг полномочий Департамента духовных дел иностранных исповеданий, следует перейти к другому органу, осуществляющему религиозный контроль уже после революций. Как уже отмечалось ранее, в период становления советского государства данным органом являлась Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. Деятельность комиссии в рассматриваемый период была связана с изданием конфессиональных инструкций и циркуляров, решением вопросов о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений; закрытием и дальнейшим использованием молитвенных зданий. В связи с атеистической политикой советского государства в 1920–1930 гг. особое внимание уделялось именно закрытию и дальнейшему использованию молитвенных зданий, принадлежащих религиозным объединениям.

О. Б. Приказчикова считает: «Основными полномочиями комиссии по вопросам культов являлись: рассмотрение жалоб, связанных с нарушениями местных органов власти в вопросах запрещения колокольного звона и снятия колоколов, налогообложение, расторжение договоров с религиозными обществами, закрытие молитвенных зданий» [8, с. 49]. Так, 23 сентября 1934 года в Комиссию по вопросам культов поступило Постановление президиума Ленинградского облисполкома о закрытии костёла «Святой Станислав» в г. Ленинграде. В данном постановлении было сказано о том, что здание вначале хотели использовать под деточаг, а в настоящее время в связи с ходатайством избирателей – под образцовую библиотеку и читальню.

Здание состоит на учёте государственной охраны 1 категории, верующие приводят его в ветхость, в связи с чем договор с ними был расторгнут в 1933 году. Невыполнение ремонта подтверждается приложенными актами. Ближайшее действующее молитвенное здание находится в 3–4 километрах: костёл на Ушаковской улице вместимостью до 300 человек и костёл на Пр. 25-го Октября вместимостью до 2 000 человек.

Комиссией по вопросам культов было принято решение о ликвидации костёла «Святой Станислав» в городе Ленинграде. Использование здания под библиотеку не

[1] РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821 Оп. 5. Д. 1126. С. 1-3.

потребует переоборудования и обеспечит сохранение памятника. Постановление Президиума Облисполкома по данному делу осталось в силе[1].

Исходя из вышеизложенного, укажем: деятельность Комиссии по вопросам культов была связана с принятием решений о закрытии молитвенных зданий. Помимо этого, Комиссия решала дальнейшую судьбу закрытого учреждения: открытие на его месте библиотек, детских садов, культурно-просветительских учреждений. Проведение подобной религиозной политики было связано с тем, что атеизм в рассматриваемый период являлся частью государственной идеологии.

Таким образом, глобальные перемены в России, вызванные свержением самодержавия, установлением Советской Республики, привели и к кардинальным переменам в религиозной сфере. Если в XIX – начале XX вв. в империи была провозглашена государственная религия, то в период становления советского государства ни одна из религий не получала привилегий, атеизм был частью советской идеологии. Также сравнивая два государственных органа, осуществляющих контроль за религиозными объединениями в рассматриваемые периоды, следует отметить, что в связи с вышеупомянутым фактором изменился и круг полномочий, входящих в их сферу. В период империи, где православие было государственной религией, контроль над другими религиозными учениями был повышен. Так, особое внимание уделялось вопросам заключения и расторжения брака, таинству крещения; административного управления; надзора за лицами, участвующими в антиправительственной и антивоенной деятельности. В период становления Советского государства не было религиозных привилегий, единственной формой брака, имеющей юридическую силу, стал гражданский брак. Политика советского государства в данной области была направлена на регистрацию и снятие с регистрации религиозных объединений, решение вопросов о закрытии и дальнейшем использовании молитвенных зданий, издание конфессиональных инструкций и циркуляров.

1. Тишков В. А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2014. № 2(4). С. 85–97.
2. Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х - начале 1980-х г.г. // Народы и религии Евразии. 2019. № 2(19). С. 100–111.
3. Данилов Н. Ф. Вопросы церковного устройства в творчестве А.Д. Градовского // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 1. С. 47–49.
4. Тюрокова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII- начала XX веков) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.
5. Шингарева Н. В. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 54–56.
6. Орлов М. А. Политика веротерпимости в Российской империи в годы Первой мировой войны // Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии РПЦ. 2024. № 3. С. 300–312.
7. Амбарцумов И. А. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX - начало XX века) // Христианские чтения. 2013. № 1. С. 39–113.
8. Приказчикова О. Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (19229-1938 г.г.) // Христианские чтения. – Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университете. Серия 2. История. История Русской Православной церкви. № 31. 2009. С. 41–76.

[1] ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р5263. Оп. 3. Д. 210. С. 1-5.

1. Tishkov V. A. I russkij, i rossijskij // Vestnik Rossijskoj nacii. 2014. № 2(4). S. 85–97.
2. Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A. Deyatel`nost` komissij po kontrolyu za vy`polneniem zakonodatel`stva o kul`tax v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine 1960-x - nachale 1980-x g.g. // Narody` i religii Evrazii. 2019. № 2(19). S. 100–111.
3. Danilov N. F. Voprosy` cerkovnogo ustrojstva v tvorchestve A.D. Gradovskogo // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. Yuridicheskij zhurnal. 2009. № 1. S. 47–49.
4. Tyurokova E. A. Departament duxovny`x del inostranny`x ispovedanij i e`tno-konfessional`naya politika Rossijskogo gosudarstva (XVIII- nachala XX vekov) // Gos-udarstvo, religiya, cerkov` v Rossii i za rubezhom. 2010. № 4. S. 204–208.
5. Shingareva N. V. Rol` Departamenta duxovny`x del inostranny`x ispovedanij v processe realizacii gosudarstvennoj politiki v veroispovednoj sfere // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 10. S. 54–56.
6. Orlov M. A. Politika veroterpimosti v Rossijskoj imperii v gody` Pervoj mirovoj vojny` // Nauchny`j zhurnal Sankt-Peterburgskoj duxovnoj akademii RPCz. 2024. № 3. S. 300–312.
7. Ambarczumov I. A. Problemy` i kollizii brachnogo prava Rossijskoj imperii (konecz XIX - nachalo XX veka) // Xristianskie chteniya. 2013. № 1. S. 39–113.
8. Prikazchikova O. B. Deyatel`nost` Postoyannoj central`noj komissii po vopro-sam kul`tov (19229-1938 g.g.) // Xristianskie chteniya. – Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universitete. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravo-slavnoj cerkvi. № 31. 2009. S. 41–76.

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Дурнева. Адъюнкт.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Natalya S. Durneva. Adjunct.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 18.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.979

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИЁМНИКОВ-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ В СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ УВД ИРКУТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА)

Кнаус Олег Андреевич
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

knaus.oleg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается организация деятельности специальных учреждений для социальной реабилитации лиц, не имеющих постоянного места жительства и занятости, совершивших административные правонарушения в СССР, на примере Иркутской области. Анализируются формы и методы функционирования исследуемых учреждений, их роль в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, а также розыске лиц различной категории в рассматриваемом регионе. Изучаются нормативные правовые акты СССР, РСФСР, УВД Иркутского облисполкома, направленные на совершенствование деятельности в обозначенной сфере.

Ключевые слова: бродяжничество, тунеядство, попрошайничество, преступность, административное правонарушение, розыск, установление личности, оперативно-разыскная деятельность, специальный приёмник, СССР.

Для цитирования: Кнаус О. А. Деятельность приёмников-распределителей в СССР (по материалам УВД Иркутского облисполкома) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 28–36.

ACTIVITIES OF DISTRIBUTION RECEIVERS IN THE USSR (BASED ON MATERIALS FROM THE IRKUTSK REGIONAL GOVERNMENT)

Oleg An. Knaus
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

knaus.oleg@yandex.ru

Annotation. The article examines the organization of activities of special institutions for the social rehabilitation of persons who do not have a permanent place of residence and employment, who have committed administrative offenses in the USSR, using the example of the Irkutsk region. The article analyzes the forms and methods of functioning of the institutions under consideration, their role in the prevention, detection, and investigation of crimes, as well as in the search for persons of various categories in the region under consideration. The article also examines the regulatory legal acts of the USSR, the RSFSR, and the Department of Internal Affairs of the Irkutsk Regional Executive Committee, which are aimed at improving the activities in this area.

Keywords: vagrancy, parasitism, begging, crime, administrative offense, search, identification, operational and investigative activities, special reception center, USSR.

For citation: Knaus O. A. Activities of distribution centers in the USSR (based on materials from the Irkutsk Regional Executive Committee) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 28–36.

Укрепление законности и борьба с преступностью остаются серьёзной задачей правоохранительных органов и в условиях демократизации всех сфер жизни общества. Правовое регулирование системы мер по борьбе с бродяжничеством – эффективное средство совершенствования всего процесса борьбы с правонарушениями и преступлениями. Достигая само по себе при определённых условиях высокой степени общественной опасности, бродяжничество как паразитизм вообще находится в ряду активных детерминант преступности. Лица без определённых места жительства и работы (далее – БОМЖиР), не приобщаясь к общественно полезному труду и не имея постоянных источников получения средств к существованию, часто совершают опасные преступления.

Указанная проблема не теряет своей актуальности в современности. В СССР удалось разработать целую систему механизмов, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений, опыт реализации которых может быть применим при решении вопросов обеспечения правопорядка и в современной России [1].

С первых дней установления советской власти в нашей стране началась борьба с антиобщественными паразитическими элементами. Практическое применение этих мер выявило необходимость их правового регулирования. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, вошедшей в первую Конституцию РСФСР (1918), было зафиксировано, что для уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность. Это означало, что каждый трудоспособный гражданин был обязан вносить свой вклад в развитие советского общества. Таким образом, первая Советская Конституция, став программным документом для трудящихся страны Советов, начала процесс борьбы с паразитизмом, который был интегрирован в социалистическую правовую систему.

Нельзя было упрочить советскую власть и отстоять её от внутренних и внешних врагов без системы учреждений, которые бы обладали правами и полномочиями на осуществление активных и наступательных мер, направленных на борьбу с тунеядством, бродяжничеством и попрошайничеством. 7 октября 1918 г. на основе Конституции РСФСР Народным комиссариатом социального обеспечения было издано распоряжение № 67, которое создало прообраз приёмников-распределителей (далее – ПР). Предлагалось организовать размещение лиц, нуждающихся в помощи, в специализированных учреждениях в соответствии с их потребностями. Нуждающиеся граждане, направлялись в медицинские учреждения, на биржи труда, в трудовые коммуны для профессионального обучения. Несовершеннолетних помещали в приюты, а матерей с малолетними детьми – в дома матери и ребёнка.

Функции по указанным вопросам возлагались на отделы социального обеспечения, которым предписывалось немедленно открыть распределители.

В Декрете СНК РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 29.01.1920[1] также говорилось о необходимости повсеместного привлечения всего населения к труду. Особая комиссия при НКВД РСФСР была наделена правом применения административной высылки социально опасных лиц на срок до трёх лет с заключением их в лагерь по месту высылки для принудительных работ[2]. Злостные профессионалы – нищие и бродяги – подвергались лишению свободы как «социально опасные элементы». Для них были организованы специальные учреждения принудительного трудового перевоспитания с особым режимом.

Политика СССР с началом коренной перестройки экономической модели развития государства (сворачивание НЭПа и переход на пятилетнее планирование) требовала

[1] О порядке всеобщей трудовой повинности [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/40946 (дата обращения: 25.06.2025).
[2] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР), 1922, № 51, С. 646

привлечения значительного количества рабочих рук. Эти мероприятия реализовывались различными методами, в том числе привлечением к труду нищих и бродяг. Для реализации это задачи в 1929 году государством приняты меры к ликвидации этого явления путём трудового перевоспитания и помещения в дома инвалидов. В соответствии с новыми нормативными документами, лица, помещённые в распределители, получали материальную поддержку для возвращения к постоянному месту жительства, а также помощь в поиске работы. Те же лица, для которых нищенство являлось постоянной профессией, должны были направляться в мастерские или на предприятия с сельскохозяйственным трудом[1].

Вплоть до 1950-х годов ответственность за бродяжничество не предусматривалась, поскольку условия развития страны всё ещё порождали бродяг и нищих (гражданская война, разруха, голод и неурожаи 20-х годов, Великая Отечественная война, 25 млн граждан, оставшихся без крова, трудности восстановления народного хозяйства в послевоенный период).

В 1950-е годы благодаря высоким темпам развития народного хозяйства СССР повысился материальный и культурный уровень советского народа, произошло дальнейшее укрепление советского общественного и государственного строя. Всё это значительно снизило объективные предпосылки для существования такого явления, как бродяжничество и нищенство. Требовались более жёсткие меры в борьбе с ними.

Несмотря на то что в уголовном кодексе РСФСР не предусматривалась ответственность за бродяжничество, 19 июля 1951 г. Совет Министров СССР принял постановление, которым определил порядок выселения бродяг в отдалённые районы Советского Союза с обязательным их трудоустройством [2, с. 7]. Значительная часть лиц этой категории была перемещена из западной и центральной частей СССР в Сибирь и на Дальний Восток, в том числе в спецпоселения Прибайкалья [3, с. 20].

Ответственность за бродяжничество введена 23 июля 1951 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», которым определялся срок высылки (5 лет) и возраст лиц, к которым он применялся (мужчины – от 18 до 55 лет, женщины – от 18 до 50 лет).

При обсуждении проекта этого Указа речь шла о необходимости разработки широких и разнообразных мер, рассчитанных в целом на резкое повышение социальной эффективности всей системы принуждения. К середине 1950-х годов на повестку дня встал вопрос о совершенствовании системы выявления злостного бродяжничества для последующего его пресечения [4, с. 105]. В связи, с чем возникла необходимость передать функции борьбы с ним, а также учреждения для содержания лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество из системы социального обеспечения в органы внутренних дел, что и было реализовано распоряжением Совета Министров СССР от 15.02.1955 № 930-рс.

Определяющим нормативным документом МВД СССР по организации ПР для лиц БОМЖиР стал приказ от 18.12.1950 № 0550, объявивший положение об этих учреждениях. Положение регламентировало порядок создания ПР на основании решения исполкомов и приказов министров внутренних дел союзных республик, определялись основания и порядок доставки и приёма задержанных, условия их содержания и освобождения; обязанности должностных лиц, а также установило срок содержания задержанных (10 дней). Задача дальнейшего укрепления правопорядка поставила перед органами государственного управления, в частности перед органами внутренних дел, проблему повышения эффективности уголовной ответственности и наказания.

---

[1] О мероприятиях по ликвидации нищенства и беспризорности взрослых [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК и Совнарком РСФСР от 26 августа 1929 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Уголовный закон 1960 года определил бродяжничество как преступление, предусматривающее наказание до двух лет лишения свободы или так называемую «химию» – исправительные работы на стройках народного хозяйства[1]. В дальнейшем государством был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на усиление ответственности за тунеядство, результатом которых явилось увеличение количества лиц, привлечённых к уголовной ответственности в виде принудительного труда без лишения свободы. Так, 04.05.1961 вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни», которым за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, уклонение от общественно полезного труда предусматривалось наказание в том числе в виде исправительных работ на срок от шести месяцев до одного года. Принятые меры по усилению ответственности в отношении бродяг и тунеядцев не сказались положительно на состоянии преступности в регионе. Так, если в 1949 году лицами БОМЖиР в Иркутской области было совершено 1 607 преступлений то к 1956 году – 1 881, а в 1972 – 2 246[2].

Учитывая то, что уголовная ответственность наступала только после повторного предупреждения, сделанного административными органами, роль ПР в реализации этих функций была кардинально пересмотрена. Новый порядок организации деятельности этих учреждений был установлен приказом Министерством охраны общественного порядка (далее – МООП) РСФСР от 03.11.1964 № 0647. Одной из основных задач ПР определялась регистрация, централизованный учёт и проверка задержанных лиц. Для реализации этих функций потребовались дополнительные сотрудники, для чего 23.03.1966 приказом МООП РСФСР № 82/08/316 расширена номенклатура должностей вытрезвителей, специальных ПР и детских комнат милиции.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1962 «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»[3] положил начало привлечению лиц за административные правонарушения к ответственности в виде административного ареста до 15 суток [5, с. 232]. Количество таких составов административного законодательства последовательно увеличивалось, что потребовало создания специальных учреждений для содержания лиц, подвергнутых данному виду наказания, права и обязанности которых были регламентированы принятым в 1971 году приказом МВД СССР[4]. Как правило, ПР и специальные приёмники для содержания лиц, подвергнутых административному аресту (далее – спецприёмники), располагались в одном помещении и именовались в документах «специальный приёмник-распределитель» (далее – СПР). В некоторых случаях к вышеуказанным учреждениям присоединяли и медицинский вытрезвитель. Например, в г. Иркутске созданный в 1974 году на базе помещения ИЗ-34/1 УИТУ УВД Иркутской области общей площадью 210 кв. метров восстановительной стоимостью 23 854 руб. по ул. Каховского д. № 33б ПР был реконструирован в том числе и под нужды спецприёмника и вытрезвителя[5].

Совмещение трёх функций в одном учреждении и нахождение управления исправительно-трудовых учреждений (УИТУ) УВД Иркутского облисполкома в непо-

---

[1] Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: ВС РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области Ф. 14. Оп. 1. Д. 252, 250, 57.

[3] Ведомости Верховного Совета СССР: Издание Верховного Совета СССР, 1962. № 8 (21 февраля). 217–224

[4] О специальном приемнике при органах внутренних дел для содержания лиц, подвергнутых административному аресту: приказ МВД СССР от 21 декабря 1971 г. № 356 // ГУ МВД России по Иркутской области

[5] О безвозмездной передаче и приемке помещения спецприемника: приказ УВД Иркутского облисполкома от 31 мая 1974 г. № 183 // ГУ МВД России по Иркутской области.

средственной близости позволяли оперативно перераспределять доставленных лиц по их назначению. Больных – в лечебные заведения, алкоголиков и наркоманов – в ЛТП, разыскиваемых преступников – в СИЗО, самовольно покинувших стройки народного хозяйства – в спецкомендатуры [6, с. 82].

Лица, поступившие в ПР, осматривались фельдшером на предмет выявления педикулёза, чесотки, инфекционных и заразных кожных заболеваний, а также с целью выявления нуждающихся в оказании неотложной медицинской помощи и лиц с неадекватным поведением. Нуждающиеся в неотложной помощи обеспечивались ею в первую очередь, которая оказывалась бригадами скорой медицинской помощи. Проводилась санитарная обработка с камерной дезинфекцией вещей всем лицам при поступлении в ПР. Содержащиеся в ПР обеспечивались питанием по установленным для них нормам, питание осуществлялось от предприятия общественного питания.

Лицам БОМЖ восстанавливали документы. Инспектор по трудоустройству ПР поддерживал связь со всеми производствами города и в обязательном порядке трудоустраивал нуждающихся в этом лиц, содержащихся в ПР. Подбор осуществлялся поисковой группой учреждения или органа внутренних дел. Люди доставлялись из подвалов, колодцев, чердаков, землянок.

Опыт работы ПР показал, что в некоторых случаях необходимо использовать время пребывания задержанных для выявления среди них преступников. Со временем по предложению территориальных подразделений уголовного розыска в среде задержанных для раскрытия преступлений и поиска людей, находящихся в розыске, стали проводить оперативно-разыскные мероприятия.

Необходимость организации оперативной работы в ПР обусловлена, кроме того, тем, что лица БОМЖиР, непрерывно перемещаясь по стране, накапливают исключительно ценную оперативно значимую информацию, получить которую удаётся, лишь используя специальные средства и методы. Таким образом, встал вопрос о решении задачи совмещения двух важнейших функций в деятельности СПР: функции временного содержания лиц БОМЖиР и административно арестованных с функцией установления среди задержанных лиц, совершивших преступления, разыскиваемых лиц, а также получения информации, имеющей значение для борьбы с преступностью.

Для реализации этих задач 27 января 1967 г. МООП СССР издал приказ № 029, утвердивший новую инструкцию «О порядке регистрации, проверки и постановки на оперативно-розыскной учёт лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество». Доставленные проверялись по всем оперативно-справочным, оперативно-разыскным и криминалистическим учётам, включая следы пальцев рук, изъятых с мест преступления, а также по месту выдачи краткосрочных паспортов, если таковые имелись у задержанных.

В Иркутском регионе в рамках реализации положений данного приказа для решения задач по отработке содержащихся в спецучреждениях милиции лиц на причастность к совершению преступлений в составе отдела уголовного розыска УООП Иркутского облисполкома было создано городское отделение, в задачи которого входило проведение данных мероприятий в камере предварительного заключения (далее – КПЗ) УВД, а также в СПР.

Практика показала правильность данного принятого решения. Так, за организацию и грамотное проведение мероприятий в КПЗ по раскрытию преступлений был отмечен оперуполномоченный Владимиров Анатолий Дмитриевич – будущий начальник УУР УВД Иркутского облисполкома. С помощью Владимирова в октябре 1968 года было раскрыто убийство гр. Фролова, имевшее место в Усть-Удинском районе, в ноябре 1968 года было раскрыто 10 квартирных краж в Ленинском районе, совершённых

неоднократно судимым Щепиным, изобличён Шаров, причинивший тяжкие телесные повреждения со смертельным исходом в Свердловском районе[1].

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.02.1970 «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» во изменение п. 11 Положения о советской милиции начальникам органов внутренних дел было предоставлено право с санкции прокурора содержать лиц, задержанных за бродяжничество или попрошайничество, в ПР в течение срока, необходимого для установления личности, решения вопроса об их устройстве, определения в дома-интернаты для престарелых и инвалидов или установления над ними опеки, либо привлечения их к ответственности согласно закону, но не свыше 30 суток. Длительный срок нахождения лиц, представляющих оперативный интерес, в данном учреждении позволял решать широкий круг задач с помощью оперативно-разыскных методов: от установления личности до привлечения к негласному сотрудничеству.

Определённое правовое регулирование оперативно-разыскная работа в ПР получила в положении об этих учреждениях, объявленном приказом МВД СССР от 12.05.1970 № 140. В нём были определены: обязанность выявления и задержания лиц, занимающихся попрошайничеством или подозреваемых в бродяжничестве; порядок документального оформления акта задержания; право на производство личного обыска; порядок оперативной проверки и опроса задержанных; режим их содержания. Все эти элементы деятельности ПР создали необходимые условия для проведения оперативно-разыскной деятельности. Так, приказом от 14.01.1974 № 27 «Об открытии спецприёмника для содержания административно арестованных в городе Иркутске» начальнику ОУР УВД Ио предписывалось организовать оперативно-разыскную работу среди лиц, в нём содержащихся.

Учитывая то, что руководители специальных учреждений в силу своих обязанностей были осведомлены о методах оперативно-разыскной деятельности во вверенных учреждениях, приказом МВД СССР от 05.06.1975 № 0380 им предоставили право контроля и допуск к данной работе. Соответственно, в большинстве своём руководителями назначались лица из числа сотрудников, имеющих опыт оперативной работы.

Значимая роль в реализации государственной задачи по всеобщей паспортизации населения, объявленной постановлением Совмина СССР от 28.08.1974 № 677, отводилась именно ПР, для чего штат оперативных сотрудников в них был значительно увеличен[2], что, соответственно, положительно повлияло на эффективность их работы [7, с. 16]. Так, старший инспектор уголовного розыска капитан милиции Черенев Иван Степанович, осуществляя оперативную работу в ПР УВД ИО среди лиц, помещённых за бродяжничество и задержанных за побег со стройки народного хозяйства, только в 1982 году раскрыл 30 преступлений, выявил 76 лиц, совершивших преступления и скрывшихся от следствия и суда, и предотвратил 4 попытки побега из ПР УВД[3].

Об усилении криминогенности этого контингента свидетельствует тенденция постоянного увеличения количества ранее судимых за различные виды преступлений среди задержанных за бродяжничество. В целом в СССР в 1977 году они составили

---

[1] О поощрении оперуполномоченного ОУР УВД младшего лейтенанта милиции Владимирова А. Д.: приказ УВД Иркутского облисполкома от 4 декабря 1968 г. № 0158 // ГУ МВД России по Иркутской области.

[2] Об организационно-штатных вопросах по УВД: приказ УВД Иркутского облисполкома от 13 августа 1975 г. № 0155 // ГУ МВД России по Иркутской области.

[3] О поощрении старшего инспектора уголовного розыска приемника-распределителя УВД Иркутского облисполкома капитана милиции Черенева Ивана Степановича: приказ УВД Иркутского облисполкома от 30 июля 1982 г. № 681 // ГУ МВД России по Иркутской области.

63,8 %, а в 1978 году – 67 % [2, с. 3–4]. Обращает внимание тот факт, что из числа ранее судимых, содержащихся в ПР, лица, судимые за опасные преступления, составляли 80 %. Среди бродяг много разыскиваемых преступников, в частности преступников-гастролёров. Так, только за один квартал 1982 года инспектором УР ПР УВД Ио старшим лейтенантом милиции Менуховым Юрием Владимировичем было выявлено 40 человек, уклоняющихся от отбывания наказания и скрывшихся от органов следствия и суда[1]. Несмотря на некоторое увеличение количества задержанных бродяг, выявленных нетрудоустроенных и привлечённых к ответственности тунеядцев, к середине 80-х гг. прошлого века коренного улучшения в организации этой работы не наступило. На территории Иркутской области, как отмечалось в приказе УВД Ио: «Бродяжничество и тунеядство в области продолжает нести распространённый характер, не снижается и количество преступлений, совершаемых неработающими и бродягами. Только в 1-м квартале 1983 года ими совершено 22 умышленных убийства, 10 изнасилований, 51 тяжкое телесное повреждение, 75 грабежей, 100 краж государственного и 286 личного имущества, 121 факт хулиганства» [2]. В 1985 году на учёте в УВД Ио состояло 18 719 лиц БОМЖиР, из которых 3 471 так называемый «тунеядец» [3].

С приходом «нового мышления» и пересмотра подхода государства к ответственности за бродяжничество и тунеядство[4] роль специальных учреждений в оказании социальной помощи населению существенно выросла.

Конец 80-х – начало 90-х гг. прошлого века характеризуется резким ростом лиц, оказавшихся без своего жилья и документов. Миграция населения, связанная с межнациональными конфликтами, возникновением новых государственных образований, массовое закрытие организаций и учреждений, приватизация государственной и общественной собственности, рост преступности, наркотизация и алкоголизация населения привели к резкому увеличению количества граждан, нуждающихся в социальной реабилитации [8, с. 209–212]. Учитывая то, что в указанный период новые государственные органы как институты управления и социальной защиты оказались практически парализованы, специальные учреждения органов внутренних дел, руководствуясь ещё не отменёнными советскими нормами законодательства, оказались единственными субъектами, способными реализовывать функции по установлению личности и выдачи документов, их подтверждающих. Доля «идейных» бродяг, помещаемых в ПР, резко снизилась [9, с. 128]. Значительное количество граждан помещалось в ПР по их же обращению с целью восстановления документов и регистрации, оформив которые, получали право на трудоустройство, медицинскую помощь, пенсии и другие социальные гарантии. Тысячи жителей Иркутской области после прохождения необходимых проверок получили регистрацию по адресу: г. Иркутск, ул. Каховского д. 33б – по месту нахождения специального приёмника-распределителя.

Подводя итоги, необходимо отметить, что специальные учреждения органов внутренних дел в СССР для содержания лиц, задержанных за бродяжничество, подверглись значительной трансформации. В зависимости от исторического периода данные учреждения выполняли следующие функции:

1) социальной защиты населения;
2) оказания медицинской помощи;

---

[1] О награждении знаком «Отличник милиции» инспектора УР приемника-распределителя УВД ст. лейтенанта милиции Менухова Юрия Владимировича: приказ УВД Иркутского облисполкома от 18 августа 1982 г. № 454 // ГУ МВД России по Иркутской области.

[2] О мерах по усилению борьбы с бродяжничеством и тунеядством: приказ УВД Иркутского облисполкома от 27 апреля 1983 г. № 402 // ГУ МВД России по Иркутской области.

[3] ГУ МВД России по Иркутской области Ф. 14. Оп. 1. Д. 222.

[4] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: закон РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1982-I. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3) розыска преступников, без вести пропавших, установления личности;

4) раскрытия преступлений;

5) изоляции от общества правонарушителей;

6) временного содержания задержанных за административные правонарушения;

7) временного содержания иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство;

8) решения задач оперативно-разыскной деятельности;

9) использования труда содержащихся в них лиц для нужд народного хозяйства.

Таким образом, деятельность рассматриваемых учреждений вносила значительный вклад в решение задач государства по обеспечению правопорядка и социальной защиты населения, являясь при этом универсальным инструментом.

---

1. Бурдина Д. А. Решение проблем безнадзорности и беспризорности в рамках реализации социальной политики СССР 1936-1953 гг. (на материалах Байкальского региона) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 4. С. 39–48.
2. Лаевский Г. Г. Организация и тактика оперативно-розыскной работы в приемниках-распределителях органов внутренних дел // Киевская высшая школа МВД СССР. Киев: МВД УССР. 1981. 43 с.
3. Кнаус О. А. Деятельность специальных комендатур управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома в 1966-1968 годах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2(93). С. 17–24.
4. Беркутов А. С., Кравченко Е. В. Борьба с бродяжничеством в СССР в 1950-1960-е годы // Философия права. 2016. № 2(75). С. 104–111.
5. Румянцев Н. В., Кузнецов М. Б. О процессе развития и закрепления современной структуры административного ареста как вида административного наказания // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 230–234.
6. Кнаус О. А. Управление мест заключения в системе управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома в 1966-1968 гг // Новые юридические исследования: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2020 года. Пенза: «Наука и Просвещение», 2020. С. 81–87.
7. Кнаус О. А., Наумов Ю. Г. Исторические аспекты раскрытия и расследования умышленных убийств, связанных с безвестным исчезновением в 1960-1980 гг. (по материалам УВД Иркутского облисполкома) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3(106). С. 9–23.
8. Лиходей О. А. Социальные причины и особенности роста бродяжничества и попрошайничества в постсоветской России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 208–219.
9. Шляков А. В. Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 8(401). С. 124–135.

1. Burdina D. A. Reshenie problem beznadzornosti i besprizornosti v ramkax realizacii social`noj politiki SSSR 1936-1953 gg. (na materialax Bajkal`skogo regiona) // Istoricheskij zhurnal: nauchny`e issledovaniya. 2022. № 4. S. 39–48.
2. Laevskij G. G. Organizaciya i taktika operativno-rozy`sknoj raboty` v priemnikax-raspredelitelyax organov vnutrennix del // Kievskaya vy`sshaya shkola MVD SSSR. Kiev: MVD USSR. 1981. 43 s.
3. Knaus O. A. Deyatel`nost` special`ny`x komendatur upravleniya oxrany` obshhestvennogo poryadka Irkutskogo oblispolkoma v 1966-1968 godax // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2(93). S. 17–24.

4. Berkutov A. S., Kravchenko E. V. Bor`ba s brodyazhnichestvom v SSSR v 1950-1960-e gody` // Filosofiya prava. 2016. № 2(75). S. 104–111.
5. Rumyancev N. V., Kuzneczov M. B. O processe razvitiya i zakrepleniya sovremennoj struktury` administrativnogo aresta kak vida administrativnogo nakazaniya // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2020. № 6. S. 230–234.
6. Knaus O. A. Upravlenie mest zaklyucheniya v sisteme upravleniya oxrany` obshhestvennogo poryadka Irkutskogo oblispolkoma v 1966-1968 gg // Novy`e yuridicheskie issledovaniya: sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 15 noyabrya 2020 goda. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2020. S. 81–87.
7. Knaus O. A., Naumov Yu. G. Istoricheskie aspekty` raskry`tiya i rassledovaniya umy`shlenny`x ubijstv, svyazanny`x s bezvestny`m ischeznoveniem v 1960-1980 gg. (po materialam UVD Irkutskogo oblispolkoma) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3(106). S. 9–23.
8. Lixodej O. A. Social`ny`e prichiny` i osobennosti rosta brodyazhnichestva i poproshajnichestva v postsovetskoj Rossii // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2005. T. 5, № 11. S. 208–219.
9. Shlyakov A. V. Brodyazhnichestvo kak social`noe yavlenie // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 8(401). S. 124–135.

Информация об авторе

Олег Андреевич Кнаус. Доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the author

Oleg An. Knaus. Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in Law Enforcement Agencies.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 25.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 351.74

ОПТИМИЗАЦИЯ ОСНОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

pkobets37@rambler.ru

Аннотация. Автором проведён анализ процессов динамичного развития норм уголовного законодательства в военный период 1941–1945 гг. Целью проведённого исследования выступила необходимость последующего расширения научно обоснованных знаний, раскрывающих причинный комплекс, особенности и результаты основных процессов формирования уголовно-правовых законодательных основ в военные годы. Для этого автором было проанализировано эволюционирование норм отечественного уголовного законодательства в рассматриваемый исторический период, изучены его особенности, характеристики и отличительные черты. В процессе данной законотворческой работы произошло не только совершенствование норм анализируемой отрасли права, установленных в довоенный период, но и принятие новых законодательных норм, чрезвычайно необходимых для страны и отвечавших требованиям военного периода 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, меры уголовной ответственности, советское уголовное законодательство, репрессивные мероприятия, санкции.

Для цитирования: Кобец П. Н. Оптимизация основ уголовно-правового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 37–43.

OPTIMIZATION OF THE FUNDAMENTALS OF CRIMINAL LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Peter N. Kobets
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russia

pkobets37@rambler.ru

Annotation. The author analyzes the processes of dynamic development of criminal law norms in the war period 1941-1945. The purpose of the conducted research was the need for further expansion of scientifically based knowledge, revealing the causal complex, features and results of the main processes of formation of criminal law legislative bases during the war years. For this purpose, the author analyzed the evolution of the norms of domestic criminal legislation in the historical period under consideration, studied its features, characteristics and distinctive features. In the process of this legislative work, not only the improvement of the norms of the analyzed branch of law established in the pre-war period took place, but also the adoption of new legislative norms that were extremely necessary for the country and met the requirements of the 1941-1945 war period.

Keywords: Great Patriotic War, measures of criminal responsibility, Soviet criminal legislation, repressive measures, sanctions.

For citation: Kobets P. N. Optimization of the basis of criminal legislation during the Great Patriotic War // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. 3(104). P. 37–43.

Законодательные нормы не могут находиться в неизменном состоянии, поэтому динамично совершенствуются, выступая в качестве активно развивающейся правовой системы, которая чрезвычайно важна для координации, контроля и администрирования разного рода социальных связей и общественной деятельности. Подобные процессы происходили в ходе различных исторических периодов. В частности, одним из важнейших и значимых периодов по формированию и усовершенствованию уголовно-правовых законодательных норм является временной промежуток 1941–1945 гг., когда всей стране пришлось в максимальной степени привлечь имеющиеся возможности, потенциалы, мощности и ресурсы, чтобы выстоять и победить в одной из самых страшных и смертоносных войн человечества.

Важнейшей из особенностей уголовного законодательства военного периода стало возложение на советское население разного рода обязательств, обусловленных необходимостью оказания им самого активного сопротивления немецким захватчикам. Именно по данной причине законодатели разработали, а власти ввели различные меры уголовной ответственности в случае невыполнения установленных законодательных требований. К примеру, «уже 22 июня 1941 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР), в тех местностях, где было объявлено военное положение, вступили в силу правила противовоздушной обороны»[1], а лиц, их не соблюдавших, приравняли к нарушителям важной государственной обязанности. По данному вопросу было дано «разъяснение Пленумом Верховного Суда СССР 26 июня 1941 г. № 25/10/у «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне», которым указывалась, что в случае злостных нарушений обозначенного правила виновные должны быть привлечены к мерам уголовной ответственности по ст. 59 УК РСФСР и УК союзных республик» [1, с. 90]. Также хотелось специально отметить, что в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. все граждане обязаны были в течение пяти суток сдать личные радиоприёмники в органы Наркомата связи. В случае несоблюдения указанного требования виновных следовало привлекать к мерам уголовной ответственности по ст. 59 УК РСФСР по разъяснению Пленума Верховного Суда СССР от 14 июля 1941 г. № 29/13/у «О квалификации случаев уклонения от сдачи радиоприёмников и радиопередающих устройств» [2, с. 90].

Отступление воинских частей и, как следствие, большие потоки беженцев из числа гражданского населения оказывали весьма негативное воздействие на рост слухов и панических настроений. И чтобы противодействовать подробным паническим настроениям, ПВС СССР издаёт Указ 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», вводя санкцию от двух до пяти лет в тех случаях, если указанное выше деяние не приводило к более тяжким мерам уголовного наказания[2]. Ещё одним направлением, изменившим уголовно-правовую политику военного периода, стало

[1] Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий «О военном положении»: указы Президиума Верховного Совета СССР от 22-го июня 1941 г. М.: Юриздат, 1942. 16 с.

[2] Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения: указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. Сборник указов Президиума Верховного совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. 1941.

частое применение мер наказания, которые не были связаны с изоляцией, а также введение отсрочки приговора до окончания войны и досрочное освобождение по Указу ПВС СССР от 12 июля 1941 года «Об освобождении от наказания осуждённых по некоторым категориям преступлений»[1].

Важно отметить, что, как показала практика военных лет, укрепление дисциплины в тылу пришлось проводить на протяжении всего военного периода, и эта работа могла быть в необходимой мере обеспечена только благодаря вводимым законодательным мерам, носившим репрессивный характер. В отношении всех гражданских лиц, работающих на разного рода предприятиях, по Указу ПВС СССР от 26.06.1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, и учреждений» «пришлось вводить меры уголовной ответственности вместо дисциплинарных, действовавших до войны» [3, с. 6]. А по Указу ПВС СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» санкцию назначили до восьми лет лишения свободы. Кроме того, во время военных действий Указом ПВС СССР от 07.07.1943 пришлось ввести трудовую повинность, а все лица, которые уклонись от этого законодательного требования, наказывались штрафом или административным арестом до шести месяцев.

В том числе нельзя не указать и на то, что в самом начале рассматриваемого исторического периода большинство уголовно-правовых норм, как и институтов, принятых до войны, сохранялись и продолжали своё действие. Процессы уголовно-правовой законодательной трансформации, которые стали происходить с началом военного периода 1941–1945 гг., в значительной степени диктовались разного рода потребностями и запросами рассматриваемого временного отрезка и, кроме того, возникающими тенденциями модернизации уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Действовавший в условиях войны Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) 1926 года располагал небольшой численностью уголовно-правовых норм, которые могли быть использованы в условиях военного времени, поэтому пришлось экстренно вводить новые составы преступных посягательств, а также усиливать меры уголовной ответственности действующих правовых норм. В связи с этим Общую часть УК РСФСР регулярно дополняли различными указами, в частности: указом от 27.02.1942 «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта»[2], от 26.02.1943 «О признании не имеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками родины и освобождённых судом от наказания» [4, с. 195] и др. Рассматривая эволюционирование норм отечественного уголовного законодательства во время войны, немаловажно отметить, что режим военного положения стал отягчающим обстоятельном в процессе решения вопроса о наказании. Данные обстоятельства в обязательном порядке учитывались в ст. 31 и 22 УК РСФСР, которыми регулировались меры уголовной ответственности воинских преступлений.

Также следует указать, что в это время получила широкую распространённость реализация уголовного законодательства по аналогии, когда в целях восстановления

[1] Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений [Электронный ресурс]: указ Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта: указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 8.

правовых пробелов приходилось применять законодательные нормы, специально не предусмотренные, но в то же время аналогичные тем, которые непосредственно регулировались действующим законодательным актом. В советский период данный правовой институт закрепился и был оформлен постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», в «ст. 3 которых был чётко установлен исключительный характер аналогии в тех случаях, когда опасные преступные проявления не были предусмотрены уголовным законодательством» [5, с. 136]. В то же время УК РСФСР 1926 года также воспроизводил положения УК РСФСР 1922 года, включив ряд основных положений, нашедших закрепление в Союзном уголовном законодательстве[1]. И поскольку в УК РСФСР 1926 года в определении преступления отсутствовал признак противоправности, в военное время мог действовать институт законодательной аналогии.

При этом к хорошо известному в отечественном уголовном законодательстве институту аналогии старались прибегать и обращаться при тех обстоятельствах, когда меры ответственности за совершаемые противозаконные деяния не были предусмотрены действующими уголовно-правовыми составами. В большинстве случав применение данного института было обусловлено и связывалось с непростыми этапами либо кризисными ситуациями в стране. Академические научные подходы среди отечественных учёных к применению данного института были чётки и ясны и сводились, как правило, к тому, что он не должен существовать в юриспруденции, вместе с тем в качестве промежуточной и временной альтернативы его использование всё же допускали. Институт аналогии в годы Великой Отечественной войны «применяли в тех случаях, года в уголовно-правовой системе действовали законодательные нормы, которыми были предусмотрены меры ответственности за схожие преступные проявления» [6, с. 115].

К примеру, в случае незаконного ухода с предприятий военного значения лица могли быть осуждены за дезертирство, а за совершение хищения имущества из жилища граждан, которые находились в бомбоубежищах, виновные несли ответственность как за совершение бандитизма. В том числе деяния, связанные с реализацией разного рода продукции по завышенным ценам, наказывались, как в случае совершения спекуляции [7, с. 142]. Использование обозначенного института позволило существенно расширить формулировку ряда уголовно-правовых норм, предусматривающих меры уголовной ответственности за совершение спекуляций, хищений и других составов. Анализируемые законодательные процессы были переопределены и неизбежны, потому как в военный период продолжали своё действие нормы довоенного законодательства. По мнению мэтров отечественной уголовно-правовой науки Н. Ф. Кузнецовой, [8, с. 92] и А. А. Пионтковского [9, с. 44], применение института законодательной аналогии принесло существенную и неоценимую пользу в работе отечественных правоохранителей по противодействию преступным проявлениям в рассматриваемый исторический период.

Также нельзя не отметить и того факта, что в военный период законодателям также пришлось внести ряд корректив в цели наказания. К примеру, в довоенный период, как правило, прибегали к употреблению термина «карается», но не упоминали такое слово как «возмездие». Но поскольку немецко-фашистскими захватчиками проводились нечеловеческие акты агрессии в отношении советских граждан, встала необходимость именно возмездия за все их совершённые злодеяния. Именно по этой причине в военный период вводились более жёсткие меры уголовной ответственности, связанные

[1] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1926. Отд. 1, № 80. С. 945–996.

с возмездием в отношении фашистов и их пособников. К примеру, по «Указу ПВС от 19.04.1943, в виде возмездия за совершение преступных посягательств немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками устанавливалась смертная казнь через повешение либо ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет» [10, с. 91].

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Так, действовавшая перед наступлением военного конфликта между СССР и Германией система уголовного наказания требовала не только некоторого изменения, а кардинального преобразования в военное время. Решение данной задачи отечественные законодатели представляли не только в дополнении имеющихся правовых составов преступных посягательств новыми нормами, но также криминализацией разного рода правонарушений и проступков, носивших гражданско-правовой, административный и дисциплинарный характер.

Подобный законотворческий подход был в первую очередь вызван недостатком составов преступных посягательств, которые должны были применяться во время войны, а также сложностями использования в отношении противозаконных действий, которые были совершены в военное время, правовых положений, которые были разработаны для условий мирной жизни.

В военные годы самые существеннее и значительные изменения, трактовавшие субъектный состав преступных проявлений, касались специальных субъектов. В первую очередь данное положение дел в рассматриваемой сфере объяснялось изменениями, которые произошли с правовыми ценности в данный исторический период. Развитие процессов активизации всей жизнедеятельности на борьбу с врагом в существенной мере способствовало развитию процессов криминализации гражданско-правовой области и сблизило правовой режим общих и специальных субъектов уголовно-правовой сферы, распространив механизм применения мер уголовной ответственности на всё трудовое население страны, которые до войны были разными для горожан и сельских жителей.

Кроме того, во время войны законодатели ввели новую категорию субъектов преступной деятельности – фашистские преступники и пособники фашистов. И как отмечали отечественные правоведы, действия вышеупомянутых лиц необходимо было рассматривать по территориальному признаку [11, с. 136]. Примечательным является и то, что в процессе квалификации преступных посягательств в военное время приоритетное значение стало отводиться их большой общественной опасности. Немаловажно и то, что общим субъектом преступного посягательства в соответствии с нормами действующего законодательства рассматриваемого периода были дееспособные физические лица, которые достигли возраста 16 лет. При этом в случаях совершения особо тяжких преступных посягательств возможно было уголовное преследование 12-летних[1].

Процесс активного развития механизмов по уголовно-правовому регулированию в военные годы затронул не одни общие принципы привлечения к мерам уголовной ответственности, но также в целом всю уголовно-правовую систему. Данные преобразования стали следствием не только возросших требований к процессам активизации всей жизнедеятельности страны, направленные на усиление всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, но также дефицитом правовых норм, которые должны были использоваться для регулирования уголовно-правовых отношений в военный период.

Совершенствование законодательных норм в рассматриваемый период в том числе было обусловлено необходимостью усиления мер ответственности за совершение

[1] Об уголовной ответственности несовершеннолетних: указ Президиума ВС СССР от 31 мая 1941 г. // Ведомости ВС СССР. 1941. № 25.

чрезвычайно опасных преступных посягательств в военное время. И если до наступления войны многие из правонарушений имели категорию дисциплинарных проступков, то в условиях военной обстановки невыполнение работниками сельского хозяйства обязательного минимума трудодней либо нарушение норм трудовой дисциплины лицами, мобилизованными для работы на предприятиях военной промышленности, переходило в категорию преступных посягательств, которые предусматривали меры наказания в виде исправительно-трудовых работ либо отправку в действующую армию.

Подводя итоги проведённому анализу мер по совершенствованию законодательства военного времени, отметим, что в большинстве своём всем принятым законодательным нормам военного периода присуща чёткость юридических формулировок, а их содержательная часть в полной мере отвечала всем запросам, ожиданиям и потребностям общества, находящегося в условиях военного положения и оказывающего активное сопротивление врагу. Также необходимо подчеркнуть, что вместе с принятием новых законодательных норм, отвечающих потребностям военного времени, в большинстве своём продолжало действовать довоенное законодательство, часть норм которого смогли дополнить и приспособить к обстановке военного времени.

1. Хабибуллина Л. Р., Петаева М. Н. Особенности уголовного права СССР в годы Великой Отечественной войны // Правовестник. 2019. № 6(17). С. 89–91.
2. Невский С. А. Органы внутренних дел в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4(36). С. 105–111.
3. Рогалева Н. В. Уголовно-правовая политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2(5). С. 4-8.
4. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Уголовная политика в СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы (1935-1960 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 194–200.
5. Никонов Д. А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920 – 1941 гг.): монография / под ред. Б. П. Белозерова. СПб: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2006. С. 126–146.
6. Епифанова Е. В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 113–117.
7. Черепанова Е. В. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. 2010. № 10(166). С. 139–145.
8. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
9. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Часть общая: в шести томах. Т. 2. Преступление; под ред. А.А. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. 515 с.
10. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 105 с.
11. Калинин А. А. Особенности применения военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2017. № 4(44). С. 133–138.

1. Xabibullina L. R., Petaeva M. N. Osobennosti ugolovnogo prava SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Pravovestnik. 2019. № 6(17). S. 89–91.
2. Nevskij S. A. Organy` vnutrennix del v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. № 4(36). S. 105–111.

3. Rogaleva N. V. Ugolovno-pravovaya politika Sovetskogo gosudarstva v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2011. № 2(5). S. 4-8.
4. Lelekov V. A., Borodin A. D. Ugolovnaya politika v SSSR v predvoenny`e, voenny`e i poslevoenny`e gody` (1935-1960 gg.) // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2020. № 2. S. 194–200.
5. Nikonov D. A. Sovetskoe chrezvy`chajnoe voennoe zakonodatel`stvo (1920 – 1941 gg.): monografiya / pod red. B. P. Belozerova. SPb: Sankt-Peterburgskij voenny`j institut vnutrennix vojsk MVD Rossii, 2006. S. 126–146.
6. Epifanova E. V. Analogiya v ugolovnom prave: istoriya i sovremennost` // Aktual`ny`e problemy` e`konomiki i prava. 2008. № 1. S. 113–117.
7. Cherepanova E. V. Ugolovnoe pravo v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: osnovny`e tendencii razvitiya // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 10(166). S. 139–145.
8. Kuzneczova N. F. Prestuplenie i prestupnost`. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 232 s.
9. Piontkovskij A. A. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast` obshhaya: v shesti tomax. T. 2. Prestuplenie; pod red. A.A. Romashkina, V.M. Chxikvadze. M.: Nauka, 1970. 515 s.
10. Trajnin A.N. Ugolovnaya otvetstvennost` gitlerovcev. M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1944. 105 s.
11. Kalinin A. A. Osobennosti primeneniya voenno-ugolovnogo zakonodatel`stva v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Voennoe pravo. 2017. № 4(44). S. 133–138.

Информация об авторе

Петр Николаевич Кобец. Главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности, доктор юридических наук, профессор.
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1

Information about the author

Peter N. Kobets. Chief Researcher of the center for organizational support of scientific activities, Doctor of Law, Professor.
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia.
121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25, b. 1.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 23.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 34

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Поваляев Эдуард Андреевич
Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганская Народная Республика, Луганск, Россия

eapovalyaev@mail.ru

Аннотация. В статье подробно говорится о становлении и развитии института свидетельствования в уголовном процессе Российской Федерации, что позволяет проследить его эволюцию с древнейших времён до современности. В рамках исследования проведён комплексный анализ основных правовых актов, начиная с памятников Древней Руси, таких как «Русская Правда» и судебные уставы, и далее – развитие русского права в эпоху Российской империи, Советского Союза и до сегодняшних дней. Особое внимание уделено ключевым этапам формирования института свидетельствования, а также раскрытию его роли и места в системе уголовного судопроизводства. Предложена комплексная концепция развития института свидетельствования, что способствует более глубокому пониманию его текущего состояния и перспектив дальнейшего совершенствования в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: свидетель, свидетельские показания, лжесвидетельствование, источник права.

Для цитирования: Поваляев Э. А. Становление и развитие института свидетельствования в уголовном процессе Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 44–51.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MEDICAL EXAMINATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Eduard An. Povalyaev
Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Russia

eapovalyaev@mail.ru

Annotation. The article provides a detailed account of the formation and development of the institution of testimony in the criminal proceedings of the Russian Federation, allowing us to trace its evolution from ancient times to the present day. The study includes a comprehensive analysis of the main legal acts, starting with the monuments of Ancient Rus, such as the Russkaya Pravda and judicial statutes, and continuing with the development of Russian law during the Russian Empire, the Soviet Union, and up to the present day. Special attention is given to the key stages of the formation of the institution of testimony, as well as its role and place in the system of criminal proceedings. A comprehensive concept for the development of the institution of testimony has been proposed, which contributes to a deeper understanding of its current state and prospects for further improvement in the Russian criminal process.

Keywords: witness, witness testimony, perjury, source of law.
For citation: Povalyaev E. A. The Formation and Development of the Institute of Testimony in the Criminal Process of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 44–51.

В теории доказательств, которая охватывает все аспекты доказательного права и механизм его применения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации (далее – РФ), пожалуй, одним из центральных элементов научного поиска наряду с понятиями «доказательство» и «доказывание» находится понятия «свидетель» и «свидетельские показания». Данную позицию, на наш взгляд, безапелляционно подтверждает и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ), в котором Раздел II называется «Участники уловного судопроизводства», а ст. 38 УПК РФ раскрывает содержание понятия «Свидетель». Соответственно, содержание понятия «Свидетельские показания» раскрыты в ст. 79 УПК РФ «Показания свидетеля», которая включена в Раздел III «Доказательства и доказывание» изучаемого кодекса. Кроме этого, институт свидетельского иммунитета закреплён в ст. 51 Конституции России, которая предусматривает, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, а также допускающей установление федеральным законом иных случаев освобождения граждан от обязанности давать свидетельские показания. Однако институт свидетельствования не является новеллой в уголовно-процессуальном законодательстве РФ. Вероятно, наряду с институтом вещественных доказательств он возник ещё на самых ранних этапах становления отечественной правовой системы. Институт свидетельствования стал предметом изучения большого количества отечественных и зарубежных учёных-правоведов. В первую очередь это такие «классики юриспруденции», как А. Ф. Кони, А. В. Скопинский, И. Я. Фойницкий и др.

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки различные вопросы института свидетельствования осмыслены в трудах Л. Б. Алексеева, Р. С. Белкина, А. П. Гуляева, А. А. Давлетова и др. Именно на их наработках основано настоящее исследование. При этом мы предпримем попытку дать авторскую периодизацию становления этого института в отечественном праве.

Не вызывает сомнений, что институт свидетельствования существовал в Древней Руси ещё до появления письменных источников, однако дать полноценную его оценку не представляется возможным ввиду отсутствия таковых. Таким образом, первый этап становления института свидетельствования возможно определить, как «начальный этап становления института свидетельствования в Древней Руси, до появления письменных источников права». Этот период продлился до X века. В дальнейшем, а именно с 911 года, начинает формироваться письменная (документальная) база института свидетельствования Древней Руси. Это связано с тем, что в этот период был заключён соответствующий договор Руси и Византии, который, кроме прочего, урегулировал некоторые вопросы, связанные с наказанием за уголовные преступления. Данный договор был составлен на старославянском и греческом языках, на сегодняшний день сохранился в «Повести временных лет» [1, с. 64] – древнейшем источнике русского права.

В качестве примера возможно привести ст. 3 вышеуказанного договора, согласно которой: «А о главах, аже ся ключит проказа, урядимъ ся сице: да елико яве будеть показании явленными да имеють верное о тацех влении; а ему же начнуть не яти веры, да клянется часть та, иже ищеть неятью веры; да егда кленеться по вере своей, и будеть казнь, яко же явиться согрешенье» [2, с. 3]. Данная норма права была

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

исследована М. А. Чельцовым-Бебутовым, который пришёл к выводам, что «к первой группе – «показания явленные» – относятся материальные следы события и показания посторонних лиц. Статья предлагает верить им. Ко второй группе относится присяга сторон, к которой надо прибегать, если доказательствам первой группы нельзя будет верить» [3, с. 132]. Однако такие попытки правотворчества мы все же рассматриваем как единичные случаи, и, по нашему мнению, их стоит воспринимать, скорее, как предпосылки к формированию института свидетельствования в отечественном праве. Таким образом, наиболее значимым источником права того периода возможно считать Русскую Правду [4, с. 422], которая является первым письменным русским сводом законов. Данный документ был написан в XI–XII вв., однако точная дата его написания неизвестна. Различные исследователи полагают, что это может быть 1016 год или 1036 год. Именно с XI–XII вв. мы предлагаем считать второй период становления института свидетельствования, который практически совпадает с Периодом феодальной раздробленности Руси. Так его и назовём. В целом, Период феодальной раздробленности возможно охарактеризовать как раздробление Русского государства на отдельные, не зависимые между собой княжества, но в то же время формально подчинённые Киеву. Каждое из них имело собственную систему управления (правовую систему), при этом все они базировались на единых принципах, имели общую культуру, язык и т. д. Княжества нередко ещё более раздроблялись или объединялись друг с другом. Окончанием Периода феодальной раздробленности принято считать вторую половину XIII века.

Как уже было отмечено ранее, основным письменным источником права в тот период была Русская Правда, к примеру, ст. 2 имеет следующее содержание: «Или боудеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человекоу томоу; аще не боудеть на нём знамениа никоторого же, толи приидеть видок», а ст. 22 гласила: «Аще же приидеть кровав моужь любо синь, то не искати ему послоуха». Таким образом возможно утверждать, что в изучаемом документе были предусмотрены две категории свидетелей – видоки и послухи [4, с. 17].

В современном понимании видоки – это очевидцы преступления, послухи – это лица, которым что-либо известно о случившемся от других людей. При этом свидетель должен обладать «доброй славой», то есть вызывать доверие к себе. Кроме этого, Русская Правда содержала ряд процессуальных норм, связанных с институтом свидетельствования, например: если не последовало добровольного признания ответчика в совершенном деянии, «тогда надобно было прибегнуть к другим лицам, знающим предмет спора, к послухам, т. е. свидетелям» [5, с. 34].

Сделаем предварительный вывод. Второй этап развития института свидетельствования имеет сходные временные рамки с Передом Феодальной раздробленности Руси. В этом периоде основным источником права была Русская Правда. По своей структуре и содержанию Русская Правда имеет определённое сходство с современными нормативами. Соответственно, Русская Правда – это не просто памятник права древнерусского государства, а полноценный нормативно-правовой акт, ставший важнейшим источником права для Древнерусского государства, а также некоторых других, например Великого княжества Литовского.

Особенностью правового статуса свидетеля в Русской Правде по сравнению с современной правовой системой Российской Федерации является то, что он был стороной в споре, а не самостоятельным участником уголовного процесса. На это обращает внимание в своих трудах Н. В. Сидорова [6, с. 84], и мы разделяем её мнение.

Дальнейшее развитие института свидетельствования в системе отечественного права возможно рассмотреть на основе таких источников права, как Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота [7 с. 9]. Данные нормативы были приняты в 1467 году и 1471 году соответственно. Таким образом, эти документы мы относим к третьему периоду формирования института свидетельствования – периоду Русского средневековья.

Изучая Псковскую судную грамоту и Новгородскую судную грамоту, мы можем отметить, что в отношении института свидетельствования они имели много общего. Несмотря на то что в данных документах акцент сделан на судоустройстве, всё же большое внимание уделено уголовно-правовым отношениям, в частности институту свидетельствования. Теперь послух (свидетель) должен был находиться с потерпевшим (истцом), кроме этого к нему выдвигался рад вполне определённых требований, например:

– он должен быть очевидцем деяния;

– он должен был подтвердить свои слова присягой (поединком);

– свидетель мог понести ответственность за дачу ложных показаний;

– существовали определённые ограничения, при которых лица не могли быть свидетелями (например, «одерноватые холопы[1]») и др.

Из изложенного можно сделать вывод о том, что институт свидетельствования в правовой системе Русского средневековья начал последовательно приобретать некоторые современные черты, естественно, с учётом особенностей того времени. Этот период мы относим к XV–XVI векам истории Российского государства. Вместе с тем отечественная правовая система не стояла на месте и продолжала развиваться. Следующими значимыми документальными источниками права можно считать Судебники 1497 года [8, 56 с.] и 1550 года [9, 98 с.], а также Соборное уложение 1649 года [10, 503 с.]. В данных документах институт свидетельствования был проработан более детально. Теперь центральное место в системе доказывания преступных деяний занимали показания свидетелей (видаков и послухов). При этом появились два основных варианта получения таких юридически значимых данных от свидетелей, а именно это:

– послушество, то есть способ получения данных от свидетелей, который был рассмотрен ранее в настоящей работе;

– производство повального обыска (что стало новеллой Судебника 1497 года).

Остановимся на последнем варианте подробнее. Суть повального обыска заключалась в том, что практически все местные жители (соседи) опрашивались о поведении подозреваемого и давали ему краткую характеристику. При этом законодательно был предусмотрен ряд исключений, например: не опрашивались близкие родственники. Существовала определённая процедура осуществления повального обыска, после реализации которой формировалась документальная база, характеризующая подозреваемого, впоследствии она анализировалась судом по своему усмотрению. Следует отметить, что изучаемая процедура хоть и законодательно просуществовала вплоть до судебной реформы Александра II (1864 год), однако применялась весьма ограничено. По нашему мнению, основными причинами отказа от повального обыска были:

– сложность его осуществления;

– противоречивый и крайне субъективный характер полученной информации;

– малоэффективность и др.

Ещё более подробно в Судебниках 1497 года [8, 56 с.] и 1550 года [9, 98 с.] был проработан вопрос отказа от свидетельствования и лжесвидетельствование. В частности, ст. 6 Судебника 1550 года гласила, что «а кто виноватой солжет на боярина, или на окольничего, или на дворецкого, или на казначее, или на дьяка, или на подйячего, а обыщетца то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, биты кнутьем, да вкинути в тюрму» [9, с. 3]. То есть мы видим не только более чёткие определения понятий отказа от свидетельствования и лжествидетельствавание, но и определённую систему наказаний за такие деяния.

Впоследствии, как известно, лжесвидетельствование станет самостоятельным составом преступления, предусмотренным ст. 307 УК РФ[1] действующей редакции.

[1] Постоянно не свободные холопы.

Если рассматривать Соборное уложение 1649 года в контексте дальнейшего развития института свидетельствования, можно обратить внимание на то, что этот правовой институт продолжает совершенствоваться и идёт по пути поиска оптимального механизма работы со свидетелями. Теперь свидетельские показания дифференцировались на четыре основные категории.

Назовём каждую из них, опираясь на труды Н. В. Сидоровой:

1) «ссылка из виноватых», которая заключалась в просьбе стороны о вызове определённого свидетеля (ст. 158–160 гл. X Соборного уложения);

2) «общая ссылка», которая заключалась в свидетельстве лица (или лиц), на которого ссылались обе стороны (ст. 167–171 гл. X Соборного уложения);

3) показания, данные свидетелями в современном понимании этого явления (ст.ст. 158, 159 гл. X Соборного уложения);

4) повальный обыск [6, с. 102].

Мы можем констатировать, что в Соборном уложении 1649 года весьма детально проработан институт свидетельствования, а именно: закреплены определённые категории свидетелей, обозначена ценность их свидетельских показаний, затронуты вопросы отказа от свидетельствования и лжесвидетельствование, большое внимание уделяется личности и социальному положению свидетеля.

Соборное уложение 1694 года с определёнными изменениями и дополнениями имело юридическую силу вплоть до 1832 года, когда был принят Свод законов Российской империи. Не вызывает сомнений, что именно этот документ занимает особое место в истории отечественного права, поскольку представлял собой не только упорядоченное собрание нормативно-правовых актов того времени, но и был доступен практически всем государственным органам и их должностным лицам.

Упомянутый Свод законов Российский империи разделял законодательства на два основных типа: совершенные и несовершенные. Кратко рассмотрим каждый из них:

1) совершенные доказательства полностью исключали невиновность обвиняемого. Например, это могли быть показания двух свидетелей, в отношении которых не поступило отвода со стороны подозреваемого;

2) несовершенные доказательства не обладали достаточным доказательным значением, но заслуживали доверия. Примерами таких доказательств могут быть результаты повального обыска, показания одного свидетеля и некоторые другие.

Существовали определённые требования к свидетелям. Например: «Всякое лицо… когда оно имеет здравые физические чувства и рассудок для познания предмета, о котором требуется его свидетельство», а также «Все свидетели допрашивались под присягой. Бесприсяжные показания никакой силы не имели. Однако этим же законодательным актом был предусмотрен ряд ограничений: «Не подлежали допросу в качестве свидетелей: малолетние, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, «безумные и сумасшедшие», глухонемые» [11, с. 694]. Также некоторые учёные в своих исследованиях утверждают, что свидетельские показания имели разную ценность, например: «При равенстве голосов необходимо было основываться на достоинстве свидетелей: мужчина имел преимущество перед женщиной, духовное лицо – перед светским, представитель знати – перед незнатным, учёный – перед неучёным» [12].

Давая краткую оценку данному документы, следует сказать, что он наиболее полно включил в себя подход отечественного законодателя к пониманию доказательств в уголовном процессе, их допустимости и оценки. Институт свидетельствования, по нашему мнению, к концу XIX века сформировался и был проработан достаточно чётко. При этом сам Свод законов Российской империи 1832 года (в современном понимании) всё ещё оставался недостаточно структурированным нормативно-правовым актом.

---

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, следующий период развития института свидетельствования в Российском праве происходил в промежутке между XVI и XIX веком.

С беспрецедентными изменениями отечественная правовая система столкнулась после революции 1917 года. Естественно, что эти процессы нашли своё отражение в перестройке института свидетельствования. Понятия доказательств, доказывания, свидетеля и свидетельских показаний получили более совершенное определение.

Уже через пять лет существования советской власти был принят УПК 1923 года[1]. Так, теперь свидетелем было принято считать:

– лицо, которое обязано явиться и сообщить всё известное по делу, а также давать ответы на вопросы следователя, органов дознания, суда и сторон.

На свидетеля законодатель накладывал ряд обязанностей, например:

– свидетель обязан был явиться и сообщить всё, что ему известно по делу, а также давать ответы на вопросы следователя, органов дознания, суда и сторон (ст. 58 УПК РСФСР 1923 года);

На личность свидетеля законодательно накладывался ряд ограничений, в частности не могли вызываться и допрашиваться в качестве свидетелей:

– защитник обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности;

– лица, которые ввиду своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания (ст. 60 УПК РСФСР 1923 года)[2].

В УПК РСФСР была более чётко проработана система взысканий в случае неявки свидетеля или отказа от дачи показаний. Близкие родственники обвиняемого не имели права отказаться от дачи показаний, кроме этого, в изучаемом УПК был и ряд других особенностей. Однако полное легальное понятие доказательств всё ещё не было сформулировано.

Обобщая изложенное, отметим, что, по нашему мнению, вступление в силу УПК РСФСР 1923 года стало началом Советского периода развития института свидетельствования. В этот период советская власть прикладывала значительные усилия для совершенствования правовой системы государства. В качестве основных доктринальных принципов выступали идеи марксизма-ленинизма, ясно просматриваются попытки законодателя найти баланс между централизацией власти (государственного управления) и определённой автономностью союзных республик. В целом законодательство СССР приобретало всё более системный характер, широко применялись кодификация и инкорпорация.

Следующей значимой вехой в развитии отечественной уголовно-процессуальной системы стало принятие УПК РСФСР 1960 года. В данном нормативно-правовом документе вопрос показаний свидетеля был закреплён в ст. 74. Эта статья имела следующее содержание:

– свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними;

– фактические данные, сообщаемые свидетелем, не могли служить доказательством, если он не мог указать источник своей осведомлённости.

Впоследствии круг свидетелей, предусмотренный УПК РФ 1960 года, несколько сузился, из него были исключены такие категории, как адвокаты и представители общественных организаций, в том случае если сведения им стали известны в силу выполнения своих функциональных обязанностей.

---

[1] Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Новейший этап развития института свидетельствования в правовой системе Российской Федерации берёт начало с 2001 года, когда был принят действующий УПК. Однако в данной статье мы останавливаться на нём не будем, поскольку он требует более широкого рассмотрения. Учитывая вышеизложенное, можно подытожить, что институт свидетельствования прошёл значительный путь развития, вероятно, сопоставимый с временем существования уголовных и уголовно-процессуальных отношений в отечественном праве. При этом чётко прослеживается определённая его преемственность. Естественно, что этот период возможно дифференцировать по различным принципам, в то же время мы предлагаем это сделать на основе дат принятия основных нормативов, регламентирующих эту сферу. Таким образом, мы предлагаем следующую периодизацию:

1. Начальный период. Период по появления письменных источников права (до X века);
2. Институт свидетельствования в период Древней Руси. Период появления первых письменных источников права (с X по XI век);
3. Институт свидетельствования в Период феодальной раздробленности (с XI по XIII век);
4. Институт свидетельствования в период Русского средневековья (с XIV по XVII век);
5. Институт свидетельствования в Российской империи (с XVIII по XIX век);
6. Советский период развития института свидетельствования (X век);
7. Институт свидетельствования в новейшей истории Российской Федерации (XXI век – по настоящее время).

В качестве общей тенденции мы можем отметить последовательное сокращение сроков развития института свидетельствования с наступлением каждого нового периода.

---

1. Повесть временных лет: пер. Д. С. Лихачева // Древнерусская литература / сост. и коммент. С. Н. Травникова и Л. А. Ольшевской. М., 2002. С. 60–93.
2. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век-1917 год / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; сост.: В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2004. 371 с.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах = Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 839 с.
4. Правда Русская / А. А. Зимин; М-во юстиции РФ, РАН, Федер. арх. служба России. М.: Древлехранилище, 1999. 422 с.
5. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛэксЭст, 2001. 112 с.
6. Сидорова Н.В. Показания свидетеля в российском уголовном процессе: Учебное пособие. Тюмень, 2007. 252 с.
7. Новгородская и Псковская судные грамоты: Тексты с предисл. и крат. объясн. словарем, сост. канд. прав А.Б. Гинцбургом. СПб.: Бермана и Рабиновича, 1888. 41 с.
8. Судебник 1497 года: материалы к изучению истории государства и права России / Федеральное агентство по образованию, Красноярский гос. ун-т, Юридический ин-т. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2005.
9. Судебник 1550 г. / М. В. Федоров; Федеральное гос. авт. образовательное учреждение высш. образования «Российский ун-т дружбы народов». М.: Российский ун-т дружбы народов, 2015. 98 с.
10. Памятники русского права: Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К. А. Софроненко. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 503 с.
11. Свод законов Российской империи: сводный текст за 1832-1917 годы / отв. сост.: А. Р. Соколов, Д. И. Раскин. СПб.: Аврора, 2007.1078 с.

12. Аспект. Научно-издательский центр. Научная статья. И.В. Упоров. Уголовно-процессуальные акты Российской Империи (первая треть XIX века). № 6-2024. [Электронный ресурс] https://na-journal.ru/6-2024-pravo/13764-ugolovno-processualnye-akty-rossiiskoi-imperii-pervaya-tret-xix-veka. (дата обращения: 05.02.2025).

1. Povest` vremenny`x let: per. D. S. Lixacheva // Drevnerusskaya literatura / sost. i komment. S. N. Travnikova i L. A. Ol`shevskoj. M., 2002. S. 60–93.
2. Xrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. X vek-1917 god / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova; sost.: V. A. Tomsinov. M.: Zerczalo-M, 2004. 371 s.
3. Chel`czov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual`nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel`cheskix, feodal`ny`x i burzhuazny`x gosudarstvax = Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel`cheskix, feodal`ny`x i burzhuazny`x gosudarstvax. SPb.: Ravena, Al`fa, 1995. 839 s.
4. Pravda Russkaya / A. A. Zimin; M-vo yusticii RF, RAN, Feder. arx. sluzhba Rossii. M.: Drevlexranilishhe, 1999. 422 s.
5. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovny`x dokazatel`stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom. M.: Le`ksE`st, 2001. 112 s.
6. Sidorova N.V. Pokazaniya svidetelya v rossijskom ugolovnom processe: Uchebnoe posobie. Tyumen`, 2007. 252 s.
7. Novgorodskaya i Pskovskaya sudny`e gramoty`: Teksty` s predisl. i krat. ob``yasn. slovarem, sost. kand. prav A.B. Ginczburgom. SPb.: Bermana i Rabinovicha, 1888. 41 s.
8. Sudebnik 1497 goda: materialy` k izucheniyu istorii gosudarstva i prava Rossii / Federal`noe agentstvo po obrazovaniyu, Krasnoyarskij gos. un-t, Yuridicheskij in-t. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gos. un-t, 2005.
9. Sudebnik 1550 g. / M. V. Fedorov; Federal`noe gos. avt. obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`ssh. obrazovaniya «Rossijskij un-t druzhby` narodov». M.: Rossijskij un-t druzhby` narodov, 2015. 98 s.
10. Pamyatniki russkogo prava: Vy`p. 6. Sobornoe ulozhenie czarya Alekseya Mixajlovicha 1649 g. / pod red. K. A. Sofronenko. M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1957. 503 s.
11. Svod zakonov Rossijskoj imperii: svodny`j tekst za 1832-1917 gody`: [v 16 tomax] / otv. sost.: A. R. Sokolov, D. I. Raskin. SPb.: Avrora, 2007.1078 s.
12. Aspekt. Nauchno-izdatel`skij centr. Nauchnaya stat`ya. I.V. Uporov. Ugolovno-processual`ny`e akty` Rossijskoj Imperii (pervaya tret` XIX veka). № 6-2024. [E`lektronny`j resurs] https://na-journal.ru/6-2024-pravo/13764-ugolovno-processualnye-akty-rossiiskoi-imperii-pervaya-tret-xix-veka. (data obrashheniya: 05.02.2025).

Информация об авторе

Эдуард Андреевич Поваляев. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники.

Луганский филиал Воронежского института МВД России.

291047, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Information about the author

Eduard A. Povalyaev. Senior lecturer at the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment.

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

291047, Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Krasnodonskaya Str., 6.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 15.07.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Амелина Татьяна Александровна
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

Ameli.t12@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос установления ограничений применения смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. 10 ч. 1 ст. 4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее – КоАП РФ), а также дополнения перечня отягчающих обстоятельств при условии совершения правонарушения в отношении несовершеннолетнего. Положения направлены на защиту прав несовершеннолетних, недопущение случаев злоупотребления правом на смягчение административной ответственности, на создание позитивных условий, необходимых для формирования ценностных убеждений ребёнка. В основу суждений автора заложена правоприменительная практика судов общей юрисдикции, рассматривающих административные правонарушения, связанные с причинением побоев. Норма выступает индикатором, позволяющим обоснованно указать на необходимость совершенствования института административной ответственности.

Ключевые слова: смягчающее обстоятельство, ответственность, отягчающее обстоятельство, административное правонарушение.

Для цитирования: Амелина Т. А. Совершенствование института смягчающих и отягчающих обстоятельств в административном праве: законодательные и правоприменительные аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 52–57.

IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE OF MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN ADMINISTRATIVE LAW: LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Tatyana Al. Amelina
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

Ameli.t12@mail.ru

Annotation. The article considers the issue of establishing restrictions on the application of the mitigating circumstance provided for in paragraph 10, part 1, article 4.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, as well as supplementing

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

the list of aggravating circumstances, provided that the offense is committed against a minor. The provisions are aimed at protecting the rights of minors, preventing cases of abuse of the right to mitigate administrative liability, and creating positive conditions necessary for the formation of value convictions of the child. The author's judgments are based on the law enforcement practice of courts of general jurisdiction considering administrative offenses related to beatings. The norm serves as an indicator that allows one to reasonably point out the need to improve the institution of administrative liability.

Keywords: mitigating circumstance, liability, aggravating circumstance, administrative offense.

For citation: Amelina T. A. Improvement of the institute of mitigating and aggravating circumstances in administrative law: legislative and law enforcement aspects // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 52–57.

Административное законодательство предусматривает перечень обстоятельств, наличие которых позволяет принять решение о смягчении или ужесточении административной ответственности для правонарушителя. Перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств является открытым [1, с. 70], и по усмотрению суда он может быть дополнен. В правоприменительной деятельности судебные органы часто сталкиваются с институтами административного права, которые носят оценочный, субъективный характер, как в данном случае, когда необходимо принять решение о признании обстоятельства смягчающим или отягчающим ответственность для виновного лица, исходя из личных представлений и оценки [2, с. 59] характера правонарушения.

Особое внимание к данному институту обусловлено результатами анализа судебной практики применения ст. 6.1.1 КоАП РФ, которые указали на неоднозначность использования смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. 10 ст. 4.2 КоАП РФ – «совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребёнка». В рамках исследования будут определены некоторые положения, требующие внимания с точки зрения совершенствования административной ответственности через установление аргументированных ограничений применения смягчающего обстоятельства.

Административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ, характерно для семейно-бытовой сферы, из-за чего деликт обладает высоким уровнем латентности. Это связано в первую очередь с тем, что существуют родственные связи, зависимое материальное положение одного из партнёров, присутствуют несовершеннолетние дети, и по тем же самым причинам всё это требует своевременного выявления и соответствующей реакции со стороны правоохранительных органов.

О данной проблематике говорят М. Ю. Водяная, А. В. Ляшук, указывая, что высокий уровень латентности характерен для побоев в семейно-бытовой сфере. Семья является самой важной и древнейшей из форм объединений, а также первой ступенью социального взаимодействия. В современных условиях нередко встречаются семьи с девиантным поведением одного либо обоих супругов. В семьях псевдоблагополучных, семьях маргинального типа, между сожителями или бывшими супругами нередко совершаются административные правонарушения на почве семейно-бытовых отношений. Особенную озабоченность вызывает вовлечённость в данный процесс несовершеннолетних, в силу возраста не имеющих возможности полноценно защитить свои права, в том числе право на телесную неприкосновенность [3].

Актуальность вопроса совершенствования института обстоятельств, смягчающих и отягчающих административное наказание, находит своё отражение в части создания условий и повышения эффективности механизмов обеспечения интересов и прав участников административного деликта, а также в целях защиты интере-

сов несовершеннолетних, которые становятся «незримыми жертвами» деструктивных семейных отношений, в которых они вынуждены находиться.

В статье будут проанализированы условия применения смягчающих обстоятельств с целью установления границ их применения для недопущения случаев злоупотребления правом на смягчение административной ответственности, а в основу суждений автора будет заложена судебная практика привлечения к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Согласно статистическим данным, за 2023 год было передано в суд 146 702 дела об административном правонарушении, из которых по 91 964 правонарушитель был подвергнут административному наказанию, в свою очередь, за 2024 год было рассмотрено 128 669 дел об административном правонарушении, из которых только 81 248 человек были подвергнуты наказанию[1]. Подобный уровень рассматриваемого правонарушения свидетельствует о высокой распространённости случаев применения физического насилия, что, в свою очередь, заставляет переместить вектор внимания на разработку дополнительных мер совершенствования механизмов привлечения к административной ответственности виновных лиц, а также установления дополнительных критериев применения обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Данная норма (ст. 6.1.1 КоАП РФ) не имеет разграничения по кругу лиц и не выделяет в отдельную категорию ни родственников, ни близких, однако это не означает, что насилие перестало происходить в кругу семьи или между сожительствующими гражданами, из-за чего нередкими являются случаи, когда подобное жестокое обращение происходит на глазах у детей, которые не могут как избежать участия в подобных сценах, так и повлиять на это.

О негативном влиянии подобного рода поведения многие годы говорят педагоги и психологи, занимающиеся изучением личности несовершеннолетних [4, с. 175; 5, с. 95].

В современной педагогике сложилась устойчивая тенденция рассматривать проблемы развития ребёнка с точки зрения реализации определённых стилей взаимоотношений в семье [6, с. 256]. Такая закономерность обусловлена влиянием микроклимата на формирование понятий о социальных ролях и моральных нормах, т. е. устойчивого мировоззрения ребёнка [7].

М. Е. Гурьев полагает, что многие преступления, которые совершают несовершеннолетние, прямо взаимосвязаны с теми отрицательными явлениями, которые происходят в семьях этих подростков (аморальный образ жизни родителей, семейная жестокость, хроническое пьянство, грубость и сквернословие) [8, с. 82]. Таким образом, можно определить первую проблемную область, связанную с тем, что насилие, причинённое в присутствии несовершеннолетнего, должно быть расценено как минимум с позиции обстоятельства, отягчающего ответственность правонарушителя.

В подтверждение озвученной позиции следует обратиться к судебной практике. Так, согласно судебному решению Федерального судьи Зеленоградского районного суда по делу № 12-514/2020 об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ, определено, что правонарушитель, находясь в квартире, в которой он сожительствует с потерпевшей, в присутствии её несовершеннолетнего сына причинил ей побои. Кроме того, позже подобные противоправные действия были совершены и в отношении ребёнка[2]. По данным фактам было проведено два судебных разбира-

[1] Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 09.04.2025).

[2] Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 09.04.2025).

тельства и одновременно с этим судом не установлены ни смягчающие, ни отягчающие обстоятельства.

В целях защиты нравственного и психического состояния несовершеннолетнего считаем необходимым дополнить пунктом 7 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ следующее отягчающее обстоятельство – «причинение побоев или иных насильственных действий в присутствии несовершеннолетнего». Внедрение подобного дополнения в перечень отягчающих обстоятельств указывает на то, что при выяснении всех обстоятельств по делу об административном правонарушении необходимо, чтобы отдельное внимание было посвящено установлению того факта, присутствовал ли несовершеннолетний в момент применения физического насилия.

Так, например, в соответствии с материалами дела, изложенными в Постановлении мирового суда района Бибирево г. Москвы по делу № 5-271/21 об административном правонарушении по ст. 6.1.1. КоАП РФ от 1 апреля 2021 года отражены события причинения побоев внучкой Г. свой бабушке С. в момент их совместного нахождения по месту жительства, где также, согласно материалам дела, проживает одиннадцатилетняя дочь нападавшей. При этом отсутствуют сведения о том, присутствовал ли ребёнок в данной квартире, являлся ли он очевидцем жестокого поведения, проявляемого по отношению к его прабабушке. Кроме того, несмотря на то что нападавшая признала вину, согласилась с тем, что умышленно в состоянии алкогольного опьянения причинила побои, отягчающих обстоятельств судом установлено не было[1].

По нашему мнению, подобного рода судебная практика свидетельствует о том, что необходимо в большей степени обратить внимание на полноту собранных обстоятельств, имеющих значение для выяснения по делу об административном правонарушении с целью назначения справедливого наказания.

Второй проблемной областью следует отметить ту, что не определяет ограничений на применение смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. 10 ст. 4.2 КоАП РФ – «совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребёнка» – при условии, что правонарушение совершено в отношении несовершеннолетнего (без учёта родства).

Вызывает обоснованное сомнение предоставление возможности на смягчение административной ответственности для беременной женщины или той, которая имеет малолетнего ребёнка, но одновременно совершает правонарушение в отношении несовершеннолетнего. Так, судебное решение, принятое судьёй Светловского городского суда Калининградской области по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ, содержит указание на подобный ужасающий факт. В материалах дела об административном правонарушении содержатся сведения о том, что сотрудник полиции, получивший телефонное сообщение о причинении побоев, прибыв на место происшествия для разбирательства, обнаружил потерпевшую со множественными ссадинами и гематомами, полученными после применённого к ней физического насилия. Со слов потерпевшей стало известно, что на улице к ней подошла женщина с мужчиной и ребёнком, повалила её на землю и стала пинать.

Судом была произведена оценка характера совершённого административного правонарушения, в результате которой лицо было привлечено к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, отягчающих обстоятельств установлено не было, а к смягчающим отнесено то, что у женщины на иждивении был несовершеннолетний ребёнок[2].

---

[1] Портал Единого информационного пространства мировых судей города Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://mos-sud.ru/87/cases/docs/content/f0741645-c5b5-4d77-a841-da4e180c9c21 (дата обращения: 20.04.2025)

[2] Статья 6.1.1 КоАП РФ. Побои. Представитель потерпевшего [Электронный ресурс] URL: https://jus39.ru/290-statya-6-1-1-koap-rf-poboi-predstavitel-poterpevshego/ (дата обращения: 09.04.2025).

Таким образом, анализ отдельных положений административного законодательства, материалов судебной практики, научных трудов и исследований указал на два критерия, ясно свидетельствующих о необходимости совершенствования института административной ответственности.

1. Причинение побоев или иных насильственных действий в присутствии несовершеннолетнего.

2. Совершение правонарушения в отношении несовершеннолетнего лица без учёта родства и вида совершаемого правонарушения.

По нашему мнению, представленная ситуация, как и аналогичные ей, должны быть проанализированы судом с учётом логики применения статей, предусматривающих обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность. Для чего считаем целесообразным внести соответствующие изменения в КоАП РФ в виде:

1. Дополнения пунктом 7 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ в следующей редакции: «причинение побоев или иных насильственных действий в присутствии несовершеннолетнего».

2. Примечания к ст. 4.2 КоАП РФ, направленного на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, и как итог устранения выявленных пробелов в административном законодательстве в виде незаконного смягчения административной ответственности в следующей редакции: «Смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. 10 настоящей статьи, не может быть применено, если правонарушение совершено в отношении несовершеннолетнего».

---

1. Пузанов И. А. Позиция судов в оценке обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность арбитражного управляющего // Евразийская адвокатура. 2024. № 5(70). С. 69–74.
2. Чувакова Л. А. Обстоятельства, смягчающие административную ответственность // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2005. № 5(5). С. 57–62.
3. Водяная М.Ю., Ляшук А.В. Доказывание по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ (Побои) // Административное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 1–9.
4. Кодзоков Б. В. О вопросе формирования личностных характеристик несовершеннолетнего преступника // Право и управление. 2023. № 4. С. 172–175.
5. Потехин М. С. Некоторые вопросы об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности // Научный журнал. 2018. № 4(27). С. 95–96.
6. Нигматуллин М. Р. Детерминанты семейно-бытовой преступности, формирующиеся в семье // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 6. С. 254–260.
7. Баулова А. А. Семья как позитивный и негативный фактор развития личности // Педагогические науки: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 июля 2021 года. Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. С. 24–29.
8. Гурьев М. Е. Социально-психологический анализ несовершеннолетних подростков, имеющих предпосылки к девиантному поведению: причины возникновения и механизмы профилактики // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки / Научный редактор Г.Р. Искандарова. Том Часть II. М.: Издательство «Перо», 2018. С. 78–88.

1. Puzanov I. A. Poziciya sudov v ocenke obstoyatel'stv, smyagchayushchikh i otyagchayushchikh administrativnuyu otvetstvennost' arbitrazhnogo upravlyayushchego // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 5(70). S. 69–74.

2. Chuvakova L. A. Obstoyatel'stva, smyagchayushchie administrativnuyu otvetstvennost' // Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoj sistemy obshchestva. 2005. № 5(5). S. 57–62.
3. Vodyanaya M.YU., Lyashuk A.V. Dokazyvanie po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh, predusmotrennykh st. 6.1.1 KOAP RF (Poboi) // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 1. S. 1–9.
4. Kodzokov B. V. O voprose formirovaniya lichnostnykh kharakteristik nesovershennoletnego prestupnika // Pravo i upravlenie. 2023. № 4. S. 172–175.
5. Potekhin M. S. Nekotorye voprosy ob usloviyakh zhizni i vospitaniya nesovershennoletnego, uroven' psikhicheskogo razvitiya i inye osobennosti ego lichnosti // Nauchnyj zhurnal. 2018. № 4(27). S. 95–96.
6. Nigmatullin M. R. Determinanty semejno-bytovoj prestupnosti, formiruyushchiesya v sem'e // Social'noe upravlenie. 2023. T. 5, № 6. S. 254–260.
7. Baulova A. A. Sem'ya kak pozitivnyj i negativnyj faktor razvitiya lichnosti // Pedagogicheskie nauki: aktual'nye voprosy teorii i praktiki : sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 30 iyulya 2021 goda. Penza: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nauka i ProsveshcheniE», 2021. S. 24–29.
8. Gur'ev M. E. Social'no-psikhologicheskij analiz nesovershennoletnikh podrostkov, imeyushchikh predposylki k deviantnomu povedeniyu: prichiny vozniknoveniya i mekhanizmy profilaktiki // Aktual'nye tendencii i innovacii v razvitii rossijskoj nauki / Nauchnyj redaktor G.R. Iskandarova. Tom Chast' II. M.: Izdatel'stvo «PerO», 2018. S. 78–88.

Информация об авторе

Татьяна Александровна Амелина. Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

308019, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Tatyana Al. Amelina. Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines. Candidate of Law.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308019, Russian Federation, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 26.05.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ РЕГИСТРАЦИОННО-ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Афонин Вадим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

vadim.afonin@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения уровня безопасности дорожного движения за счёт совершенствования контрольных функций Госавтоинспекции, а также внедрения инновационных решений в процессы регистрации транспортных средств и проведения экзаменов на право управления ими. В статье рассматриваются нормативно-правовые, организационные и технологические аспекты деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции; выявляются ключевые факторы, снижающие эффективность их работы; и предлагаются меры по оптимизации контрольных механизмов.

Ключевые слова: регистрационно-экзаменационная деятельность, транспортное средство, полномочия, Госавтоинспекция, контроль, надзор.

Для цитирования: Афонин В. В. Проблемы реализации контрольных полномочий регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 58–65.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING CONTROLLED AUTHORITIES OF REGISTRATION AND EXAMINATION BODIES OF THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Vadim V. Afonin
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

vadim.afonin@mail.ru

Annotation. The relevance of the topic is due to the need to improve the level of road safety by improving the control functions of the State Traffic Inspectorate, as well as by introducing innovative solutions to the processes of vehicle registration and driving tests. The article examines the legal, organizational, and technological aspects of the activities of the registration and examination units of the State Traffic Inspectorate, identifies key factors that reduce the efficiency of their work, and proposes measures to optimize the control mechanisms.

Keywords: child road traffic injuries, prevention, State Traffic Inspectorate, powers, minors, first traffic.

For citation: Afonin V. V. Problems of implementing controlled authorities of registration and examination bodies of the state automobile inspectorate in the field of road safety // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 58–65.

Современная система обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД) в Российской Федерации во многом зависит от эффективной деятельности подразделений Госавтоинспекции. По справедливому мнению А. Д. Гордеевой, в систему безопасности на дороге входят пять основных компонентов: управление в области обеспечения безопасности дорожного движения, безопасный участник дорожного движения, безопасное транспортное средство, безопасная инфраструктура и реагирование после ДТП [1, с. 53]. Кроме того, системный подход к обеспечению безопасности дорожного движения включает в себя разработку целевых показателей, применение системных и обоснованных мер, направленных на предотвращение дорожно-транспортных происшествий и снижение тяжести их последствий, а также повышение качества оказания медицинской помощи после ДТП [2, с. 160].

Особую роль в этой системе играют регистрационно-экзаменационные подразделения, на которые возложены контрольные полномочия в сфере допуска транспортных средств и водителей к участию в дорожном движении. Разрешительная функция регистрационно-экзаменационных подразделений ГИБДД представляет собой деятельность по поводу выдачи физическим и юридическим лицам, организационно им не подчинённым, разрешений на виды деятельности, обладающие потенциальной опасностью для жизни, здоровья граждан, законных интересов общества и государства [3, с. 194]. При этом реализация федерального государственного контроля (надзора) в современных условиях проводимой административной реформы позволит улучшить эффективность и качество контроля за безопасностью дорожного движения [4, с. 70]. Однако в условиях роста автомобилизации, усложнения дорожной инфраструктуры и ужесточения требований к безопасности актуальной становится проблема реализации контрольных функций регистрационно-экзаменационных подразделений в сфере организации дорожного движения.

Несмотря на значительный объём нормативно-правового регулирования, на практике сохраняются системные недостатки, связанные с дублированием полномочий, недостаточной координацией сил и средств между подразделениями Госавтоинспекции, а также ограниченным применением современных технологий контроля. Это приводит к снижению эффективности надзора, увеличению числа административных правонарушений и росту аварийности. Кроме того, отсутствие единых методик оценки деятельности РЭП затрудняет выявление и устранение ключевых проблем в их работе.

В ходе анализа проблемных вопросов, возникающих при реализации полномочий регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции МВД России в сфере контроля и надзора за организацией дорожного движения, можно выделить ключевые трудности и препятствия, с которыми сталкиваются данные подразделения в своей работе. Рассмотрим некоторые проблемы:

– недостаточное обновление нормативной правовой базы, что приводит к сложностям в правоприменении и адаптации к изменяющимся условиям дорожного движения;

– необходимость постоянного повышения квалификации сотрудников в условиях развития новых технологий и методов контроля;

– сложности во внедрении современных технологий и оборудования для повышения эффективности контроля и надзора;

– проблемы взаимодействия с другими ведомствами и структурами в рамках обеспечения безопасности дорожного движения. К их числу можно отнести разные приоритеты и цели, проблемы с распределением ответственности, недостаточную координацию и обмен информацией, отсутствие единых стандартов и процедур.

Для решения выявленных проблем необходимо разработать комплекс мер, который был бы направлен на:

– совершенствование нормативно-правового регулирования;
– повышение профессионального уровня сотрудников;
– внедрение инновационных технологий;
– улучшение межведомственного взаимодействия.

Для более полного и углублённого исследования деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции был проведён опрос сотрудников данных структурных подразделений Госавтоинспекции, проходящих службу в различных регионах нашей страны. Стоит отметить, что все опрошенные сотрудники находятся на службе в подразделениях Госавтоинспекции от двух до семнадцати лет, тем самым имеют достаточно богатый опыт профессиональной деятельности, замещают должности инспекторского и руководящего состава[1].

В ходе опроса было установлено, что в период осуществления своих служебных полномочий в регистрационно-экзаменационных подразделениях они неоднократно сталкивались с рядом проблем, а именно:

1) нехватка квалифицированных сотрудников.

Данная проблема является достаточно актуальной, так как большинство сотрудников не имеют профильного специального образования, поэтому в данном контексте следует обратить внимание на постоянное повышение квалификации и наставничество более квалифицированными старшими коллегами. Ведь благодаря профессиональному наставничеству молодые и неопытные сотрудники будут более качественно выполнять свои обязанности и стремиться к дальнейшему развитию по своему направлению деятельности. Нельзя оставить без внимания мнение А. В. Заостровцева, который утверждает, что приём практического экзамена в условиях реального дорожного движения требует от экзаменатора глубоких знаний в области безопасности дорожного движения, умения быстро реагировать на действия экзаменуемого, правильно и вовремя оценивать изменения дорожной обстановки. Все эти качества приходят с личным опытом вождения автомобиля. Способа, заменяющего практику вождения для накопления водительского опыта, не существует. Внезапно возникшее изменение дорожной обстановки, создающее угрозу безопасности дорожного движения, опасные действия экзаменуемого могут вызвать необходимость вмешательства экзаменатора в процесс управления транспортным средством, а для этого он должен профессионально владеть навыками его управления [5, с. 65];

2) низкий уровень материально-технического обеспечения.

В век информационных технологий это достаточно актуально, в данной ситуации можно отметить такую перспективу развития деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений, как внедрение современных технологий для автоматизации процессов, что позволило бы улучшить качество предоставляемых услуг и сэкономить время на их оказание;

3) барьер в правовой коммуникации.

Большая часть граждан некомпетентна в правовой сфере и может не понимать основные аспекты регистрационно-экзаменационной деятельности, поэтому в данном случае необходимо обратить внимание на разъяснительную и профилактическую работу с гражданами. Например, проведение разъяснительных бесед в сфере правовой основы, регламентирующей регистрацию транспортных средств и постановку их на учёт, публикация пояснительной информации на официальных сайтах Госавтоинспекции и т. д.

[1] Результаты анкетирования сотрудников структурных подразделений Госавтоинспекции.

В то же время сотрудники регистрационно-экзаменационных подразделений отмечают достаточно высокий уровень удовлетворённости граждан предоставляемыми государственными услугами, однако в данном отношении остаётся доля проблематики, поэтому на данный аспект следует обратить особое внимания для того, чтобы повысить удовлетворённость граждан через предоставление качественных государственных услуг рассматриваемыми подразделениями Госавтоинспекции МВД России[1]. Таким образом, решение проблемных вопросов в деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции МВД России является важным шагом на пути к повышению безопасности на дорогах и эффективности контроля за организацией дорожного движения. Кроме того, в рамках данной научной статьи необходимо рассмотреть возможные перспективы развития регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции.

В условиях постоянного развития технологий, изменения законодательства и роста числа участников дорожного движения перед регистрационно-экзаменационными подразделениями встают новые задачи. В связи с этим возникает необходимость анализа текущих процессов и определения перспектив развития этих подразделений для повышения эффективности их работы и обеспечения безопасности дорожного движения.

Совершенствование деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции МВД России является достаточно актуальным направлением, и это обусловлено следующими факторами:

1. Рост числа транспортных средств и водителей.

С увеличением количества участников дорожного движения возрастает нагрузка на регистрационно-экзаменационные подразделения, так как молодые водители приобретают автомобили, регистрация которых необходима. Это требует оптимизации процессов и повышения эффективности работы для обеспечения качественного обслуживания.

2. Развитие технологий.

Внедрение новых технологий в процессы регистрации транспортных средств и проведения экзаменов может значительно повысить их эффективность и прозрачность. Например, использование автоматизированных систем проверки документов, электронных очередей и других решений (в настоящее время данные направления активно используются).

3. Изменения в законодательстве.

Постоянное обновление нормативной правовой базы требует от сотрудников подразделений Госавтоинспекции высокой квалификации и способности быстро адаптироваться к новым условиям.

4. Повышение требований к безопасности дорожного движения.

В условиях появления новых видов транспортных средств (например, электромобилей, беспилотных автомобилей) необходимо совершенствовать механизмы контроля и надзора за организацией дорожного движения. Это, например, улучшение подготовки водителей и проверка соответствия транспортных средств установленным стандартам.

5. Необходимость международного сотрудничества.

Обмен опытом с коллегами из других стран может способствовать внедрению передовых подходов и стандартов в работу подразделений.

6. Улучшение взаимодействия с другими ведомствами.

Например, обмен информацией, совместные мероприятия и разработка общих стратегий, направленных на повышение безопасного дорожного движения.

7. Обратная связь с населением.

[1] Результаты анкетирования сотрудников структурных подразделений Госавтоинспекции.

Несмотря на то обстоятельство, что квалифицированные субъекты общественного контроля априори более объективны и сдержанны в оценке правомерности и эффективности деятельности сотрудников полиции, именно субъекты гражданского общественного контроля, на наш взгляд, оказывают наиболее существенное влияние на организационно-управленческий процесс любого государственно-властного субъекта, в том числе и ГИБДД МВД России [6, с. 247]. Создание ресурсов для получения обратной связи от граждан о работе подразделений позволяет оперативно реагировать на замечания и предложения. Это способствует улучшению качества обслуживания и повышению доверия к Госавтоинспекции МВД России. Так, например, информационная недостаточность проявляется также не только в отсутствии обратной связи с заявителями, но и в неполноте информации о временных рамках выполнения основных операций при регистрации транспортных средств. В базе ФСМ ГИБДД отображается только время подачи заявления о регистрации транспортного средства и время выдачи документов уже после совершения регистрационных действий. При этом указания времени заезда транспортного средства на смотровую площадку и времени выезда с неё владельцами транспортных средств нет [7, с. 46].

Для более полного и глубокого изучения практической составляющей усовершенствования деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции также можем обратиться к результатам проведённого опроса сотрудников структурных подразделений Госавтоинспекции в рамках данного исследования. Все опрошенные сотрудники отметили необходимость усовершенствования материально-технического обеспечения, и большинство сотрудников сделали акцент на усовершенствование нормативной базы, регламентирующей служебную деятельность. Действительно, спектр нормативных актов, используемый сотрудниками регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции, достаточно обширный (в особенности касательно регистрационной деятельности). И одним из пожеланий сотрудников является усовершенствование нормативной базы. Возможно, было бы целесообразно принять единый нормативно-правовой акт, который объединял в себе все аспекты деятельности, которые имеют отношение к сотрудникам регистрационно-экзаменационных подразделений.

Также одним из пожеланий для усовершенствования служебной деятельности регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции МВД России является направление сотрудников на обучение и обмен опытом. Квалифицированные сотрудники имеют особую ценность, поэтому постоянно необходимо повышать их компетентность, отправляя на курсы повышения квалификации. Помимо этого, обмен опытом тоже является не менее важным элементом, благодаря этому сотрудник может быть более заинтересованным в своей деятельности, потому что подход в каждом регионе нашей страны может различаться.

В данной ситуации можно не ограничиваться рамками лишь одной страны, а рассмотреть перспективы участия в каких-либо международных конференциях (форумах, круглых столах, семинарах), направленных на совершенствование деятельности Госавтоинспекции, и в таком случае была бы возможность рассмотреть деятельность регистрационно-экзаменационных подразделений в других странах и, возможно, какие-то моменты применить и в нашей стране для оптимизации деятельности и эффективного предоставления государственных услуг.

Анализируя полученные результаты опроса сотрудников, стоит отметить, что перспективы развития регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции МВД России заключаются в оптимизации процессов, внедрении современных технологий, повышении квалификации сотрудников, развитии обмена опытом (включая международный), налаживании обратной связи с гражданами и модернизации технической базы.

Указанные в статье меры позволили бы реализовать решение многих проблем, а именно:

1) повысить эффективность работы подразделений.

Решение данной проблемы видится путём налаживания автоматизации процессов, оптимизации работы персонала, улучшения сервиса для клиентов, а также анализа и контроля служебной деятельности. Результатами решения данных проблем могут выступать сокращение времени обработки заявок, уменьшение очередей в подразделениях, оказывающих государственные услуги, повышение удовлетворённости граждан и самое главное – повышение прозрачности и доверия к системе;

2) сократить время полного оказания услуг.

В настоящее время сроки оказания услуг (регистрация, сдача экзаменов, выдача документов) остаются высокими из-за ручной обработки данных (бумажный документооборот, дублирование информации, медленная проверка), а также неэффективного распределения нагрузки, в пиковые часы и дни приводящие к очередям и задержкам. Кроме того, имеет место отсутствие сквозной автоматизации, то есть разрозненные системы, требующие ручного переноса данных. Последствиями этих проблем может выступать низкая удовлетворённость граждан и бизнеса, рост административных издержек, а также риски коррупции из-за субъективного ускорения процессов.

Решением данной проблемы, как нам видится, могут стать внедрение конечных цифровых сервисов (то есть от подачи заявки до выдачи результата), внедрение автоматизированной проверки документов с помощью соответствующего программного обеспечения, оптимизация внутренних процессов в подразделении, а также гибкий график работы (удлинённые часы приёма, предварительная запись);

3) улучшить качество обслуживания граждан, которое зависит от удобства, скорости, прозрачности и комфорта при взаимодействии с государственными органами.

Добиться решения данного вопроса можно за счёт повышения удобства инфраструктуры, а именно: введение комфортных зон ожидания (*Wi-Fi*, кулеры, информационные экраны), доступной среды для всех категорий граждан (пандусы, отдельные окна для маломобильных граждан), а также чёткой навигации (указатели, электронные табло, голосовые помощники).

Отдельного внимания заслуживает в наше время развитие дистанционных сервисов, таких как онлайн-консультации (к примеру, чат-боты, горячая линия, видеоразъяснения и т. д.), кроме того важным средством решения данного вопроса могла бы стать разработка мобильного приложения для подачи документов, отслеживания статуса и оплаты, а также различные электронные уведомления (*SMS/e-mail* о готовности документов, изменениях в графике и прочее);

4) обеспечить более высокий уровень безопасности дорожного движения, ведь регистрация транспортных средств осуществляется в целях обеспечения их государственного учёта, надзора за соответствием конструкции, технического состояния и оборудования транспортных средств установленным требованиям безопасности, выявления преступлений и пресечения правонарушений, связанных с использованием транспортных средств, исполнения законодательства Российской Федерации [8, с. 392].

Данная проблема имеет довольно широкий масштаб, который связан с высоким уровнем аварийности по причинам нарушения правил дорожного движения различными категориями граждан, недостатками инфраструктуры (плохое освещение, отсутствие разметки, опасные перекрёстки), а также слабой дисциплиной водителей и пешеходов (игнорирование ремней безопасности, переход в неположенных местах и пр.).

Решение данной проблемы видится в ужесточении контроля со стороны подразделений Госавтоинспекции и наказаний нарушителей, в совершенствовании дорожной инфраструктуры, в повышении культуры участников дорожного движения, а также в технологических решениях (например, внедрение умных светофоров (адаптация под

поток машин) и развитие экстренных систем оповещения (например, ЭРА-ГЛОНАСС)). Реализация данных направлений поможет решить указанную проблему и приведёт к ожидаемому результату.

Таким образом, проведённое исследование проблем реализации контрольных полномочий регистрационно-экзаменационных подразделений Госавтоинспекции в сфере организации дорожного движения позволило выявить ряд системных недостатков, снижающих эффективность их деятельности. Основными проблемами являются: недостаточная нормативно-правовая регламентация полномочий, дефицит материально-технических ресурсов, низкий уровень цифровизации процессов, а также кадровые ограничения, включая нехватку квалифицированных специалистов.

Для повышения эффективности контрольных функций предлагается:

– совершенствование законодательной базы с чётким разграничением компетенций;

– внедрение современных технологий (автоматизированные системы, видеоаналитика, электронные базы данных);

– укрепление материально-технической базы подразделений;

– повышение профессиональной подготовки сотрудников через специализированные программы обучения.

Реализация этих мер позволит усилить контроль за организацией дорожного движения, снизить аварийность и повысить уровень безопасности на дорогах.

---

1. Гордеева А. Д. Управление в области обеспечения безопасности дорожного движения как один из компонентов безопасного системного подхода // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 52–59.
2. Верзилин В. А. Совершенствование механизмов управления в области обеспечения безопасности дорожного движения как одно из направлений повышения экономической безопасности Российской Федерации / В. А. Верзилин, Ю. В. Наролина // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 1(48). С. 159-166.
3. Звездочкин А. В. Контрольно-разрешительная функция регистрационно-экзаменационных подразделений ГИБДД в сфере обеспечения общественной безопасности // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1(2). С. 191–195.
4. Былинин И. А., Шкеля О. В. Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения в условиях современной административно-правовой реформы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 61–70.
5. Заостровцев А.В. Профессиональная переподготовка сотрудников экзаменационных подразделений Госавтоинспекции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 3(35). С. 63–66.
6. Сычев Е. А. Совершенствование нормативной регламентации регистрационно-экзаменационной деятельности государственной инспекции безопасности дорожного движения как условие повышения эффективности общественного контроля за деятельностью полиции // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 245–250.
7. Высоцкий С. А. Некоторые вопросы правового регулирования при осуществлении регистрационных полномочий сотрудниками ГИБДД // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 1(50). С. 43–48.

8. Губина К. Ю. Значение и роль деятельности органов внутренних дел России по государственной регистрации транспортных средств // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 12(69). С. 391–393.

1. Gordeeva A. D. Upravlenie v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya kak odin iz komponentov bezopasnogo sistemnogo podxoda // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 52–59.
2. Verzilin V. A. Sovershenstvovanie mexanizmov upravleniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya kak odno iz napravlenij povy`sheniya e`konomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / V. A. Verzilin, Yu. V. Narolina // Region: sistemy`, e`konomika, upravlenie. 2020. № 1(48). S. 159-166.
3. Zvezdochkin A. V. Kontrol`no-razreshitel`naya funkciya registracionno-e`kzamenacionny`x podrazdelenij GIBDD v sfere obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. 2019. № 1(2). S. 191–195.
4. By`linin I. A., Shkelya O. V. Federal`ny`j gosudarstvenny`j kontrol` (nadzor) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v usloviyax sovremennoj administrativno-pravovoj reformy` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 61–70.
5. Zaostrovcev A.V. Professional`naya perepodgotovka sotrudnikov e`kzamenacionny`x podrazdelenij Gosavtoinspekcii // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. № 3(35). S. 63–66.
6. Sy`chev E. A. Sovershenstvovanie normativnoj reglamentacii registracionno-e`kzamenacionnoj deyatel`nosti gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya kak uslovie povy`sheniya e`ffektivnosti obshhestvennogo kontrolya za deyatel`nost`yu policii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 4. S. 245–250.
7. Vy`soczkij S. A. Nekotory`e voprosy` pravovogo regulirovaniya pri osushhestvlenii registracionny`x polnomochij sotrudnikami GIBDD // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. 2021. № 1(50). S. 43–48.
8. Gubina K. Yu. Znachenie i rol` deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossii po gosudarstvennoj registracii transportny`x sredstv // Vestnik nauki. 2023. T. 4. № 12(69). S. 391–393.

Информация об авторе

Вадим Вячеславович Афонин. Доцент кафедры организации деятельности Госавтоинспекции, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Vadim V. Afonin. Associate Professor of the Department of Organization of Traffic Police Activities. Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 03.07.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 342.72.73

ЗАКОННОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: АКЦЕНТЫ НА СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЁ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Беженцев Александр Анатольевич
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

adovd@mail.ru

Аннотация. Принцип законности обозначает, что сотрудники правоохранительных органов, во-первых, обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, иные законы и нормативно-правовые акты, не противоречащие Конституции; во-вторых, решения, принимаемые руководителями, сотрудниками полиции, при реализации протекционной, правоохранительной и правоприменительной деятельности обязаны отвечать букве закона; в-третьих, государством предусмотрена ответственность за противоправные действия/бездействия должностных лиц. В научной статье определены такие способы реализации законности, как государственный контроль; общественный контроль; судебный контроль; прокурорский надзор; обжалование неправомерных действий/бездействий.

Ключевые слова: законность, принцип законности, правоохранительные органы, полиция, должностное лицо, государственный контроль, общественный контроль, судебный контроль, прокурорский надзор, обжалование неправомерных действий, обжалование неправомерных бездействий.

Для цитирования: Беженцев А. А. Законность в деятельности полиции: современные способы её обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 66–72.

LEGALITY IN POLICE ACTIVITIES: EMPHASIS ON MODERN AREAS OF ENSURING IT

Alexander A. Bezhentsev
Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Saint Petersburg, Russia

adovd@mail.ru

Annotation. *The principle of legality* means that law enforcement officers, *firstly*, are obliged to comply with the Constitution of the Russian Federation, other laws and regulations that do not contradict the Constitution; *secondly*, decisions made by managers and police officers when implementing protective, law enforcement and law enforcement activities must comply with the letter of the law; *thirdly*, the state provides for liability for illegal actions/inactions of officials. The article defines ways to implement the rule of law: *1)* state control; *2)* public control; *3)* judicial control; *4)* prosecutorial supervision; *5)* appealing illegal actions/inactions.

Key words: legality, principle of legality, law enforcement agencies, police, official, state control, public control, judicial control, prosecutorial supervision, appealing against unlawful actions, appealing against unlawful inactions.

For citation: Bezhentsev A. A. Legality in police activities: emphasis on modern areas of ensuring it // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 66–72.

Обеспечение законности в деятельности сотрудников всех правоохранительных органов, в том числе полиции, является одним из важнейших и основополагающих начал [1, с. 14; 2, с. 126–129; 3, с. 219–220; 4, с. 130–132; 5, с. 14–24; 6, с. 68–69]. В соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»[1], реализация данного принципа направлена на исполнение определённых правовыми актами видов правоохранительной деятельности при неукоснительном соблюдении правовых норм, которыми запрещается какое-либо отклонение от допустимых моделей поведения субъектов регулируемых общественных отношений. Субъекты административных правоотношений в случае нарушения их законных прав и интересов сотрудниками полиции вправе обратиться в соответствующее структурное подразделение органов внутренних дел с жалобой на действия/бездействия таких сотрудников. Данная жалоба будет принята к рассмотрению в установленном порядке, а после её разрешения заявителю в установленные законом сроки будет дан ответ.

Помимо этого, граждане наделены правом на внесение предложений по улучшению работы правоохранительных органов. В российском законодательстве существуют различные организационно-правовые меры по обеспечению охраны интересов социума и государства, а также отдельных субъектов правоотношений от противоправных действий сотрудников правоохранительных органов. Контроль за ними в рамках соблюдения принципа законности осуществляют суды и органы прокуратуры. «Вертикальный контроль» реализуется в рамках исполнения должностных обязанностей руководителями структурных подразделений или в тех случаях, когда вышестоящий орган указывает на нарушения нижестоящему. Кроме того, граждане и юридические лица могут обжаловать решения сотрудников полиции, если, по их мнению, было принято «неверное» решение, нарушающее закон.

Административная деятельность сотрудников полиции не может осуществляться без применения специальных методов, которые реализуются в различных формах: между собой они являются взаимообусловленными и взаимосвязанными.

Нормативно законодатель не закрепил способы обеспечения законности, однако в совокупности всей нормативной правовой базы классически следует назвать следующие:

1) государственный контроль;
2) общественный контроль;
3) судебный контроль;
4) прокурорский надзор;
5) обжалование неправомерных действий/бездействия.

Государственный контроль – **первый способ** обеспечения законности за деятельностью сотрудников полиции, который осуществляют Президент Российской Федерации, палаты Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации. Их полномочия и компетенции определяются Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами.

Министр внутренних дел Российской Федерации устанавливает порядок осуществления ведомственного контроля.

Вторым способом обеспечения законности является общественный контроль. Определённые субъекты административных правоотношений обладают правом в соот-

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ветствии с Федеральным законом «О полиции» обращаться с заявлениями, жалобами и предложениями в структурные подразделения органов внутренних дел. Такими субъектами, в частности, являются граждане России, общественные и религиозные объединения. Взаимодействие между сотрудниками полиции и представителями институтов гражданского общества необходимо для поддержания стабильности и обеспечения соблюдения государственных гарантий. Общественная палата Российской Федерации является важным институтом по обеспечению контроля за деятельностью сотрудников полиции согласно Федеральному закону от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»[1].

Помимо всего вышесказанного, в Российской Федерации созданы и успешно функционируют общественные наблюдательные комиссии, призванные обеспечить надзор за реализацией законности сотрудниками правоохранительных органов в процессе исполнения своих должностных полномочий.

Ещё одной формой общественного контроля в нашей стране является существование «общественных советов», созданных при МВД России и при его территориальных органах внутренних дел. Им надлежит осуществлять контроль за деятельностью сотрудников полиции в рамках установленной положениям об этих советах компетенции.

Третий способ обеспечения законности в деятельности полиции – это судебный контроль, который обеспечивает соблюдение сотрудниками полиции принципа законности. Сущность судебного контроля состоит в рассмотрении жалоб и заявлений на решения и действия/бездействия должностных лиц, реализовывающих полномочия подзаконного характера: а) организационные; б) исполнительно-распорядительные; в) правоприменительные. Суд занимается судебными проверками по фактам нарушения законности посредством проверки новых и пересмотром уже разрешённых материалов уголовных дел и дел об административных правонарушениях. Данный вид контрольной деятельности, как и общественный контроль, следует относить к внешней деятельности полиции. Как правило, субъектом, подающим на обжалование действий, выступает лицо, не относящееся к полицейской системе, так как для разрешения внутриведомственных споров и разбирательств по нарушениям законности внутри системы существует специальное внутреннее дисциплинарное производство.

Инициатором контрольных (проверочных) действий в таких случаях является лицо (его представители), в отношении которого органами внутренних дел применялись действия правоприменительного характера. Инициатор подаёт жалобу в суд, таким образом, начинает производство в рамках судебного контроля за законностью в деятельности полиции.

Четвёртый способ – это прокурорский надзор, который является самостоятельным видом контрольной деятельности, осуществляемым Генеральным прокурором Российской Федерации и подчинёнными ему прокурорами согласно их компетенциям.

Специальные права и обязанности прокуроров по осуществлению надзора за соблюдением законности органами, осуществляющими административную, оперативно-разыскную и уголовно-процессуальную деятельность, устанавливаются административным и уголовно-процессуальным законодательством.

Сферой контрольно-надзорной деятельности органов прокуратуры являются: а) охрана и защита прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений; б) протекция существующего порядка разрешения обращений и сообщений о готовящихся или совершённых преступлениях; в) реализация оперативно-разыскных мероприятий; г) проведение расследования; д) соответствие действующему законодательству принятых соответствующими правоохранительными органами решений.

---

[1] Об Общественной палате Рос. Федерации [Электронный ресурс]. Федер. закон Рос. Федерации от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Объединяющим все способы обеспечения законности в деятельности сотрудников полиции является обжалование вышестоящему должностному лицу, в вышестоящий орган, а также в органы прокуратуры либо в суд неправомерных действий/бездействий, посягающих на возможности, предоставленные нормативными правовыми актами субъектам административных и уголовных правоотношений. Этот целостный многослойный инструмент обеспечения законности является основополагающим для нормального функционирования современного российского гражданского общества. Его можно назвать фундаментальным для надлежащего осуществления различных форм правоохранительной деятельности, результативность его осуществления служит индикатором высокого уровня демократизации в механизме государственного управления и влияет на формирование общественного доверия и поддержку обществом государства в целом и правоохранительных органов в частности.

Применение всех вышеназванных способов обеспечения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел позволяет обеспечить правовой прогресс, направленный на дальнейшее укрепление модернизационного демократического государства с уверенно поддерживающим его гражданским обществом.

Каждый способ позволяет всем участникам правоотношений защитить своё право, если оно было нарушено, путём использования возможностей, предоставляемых ему законодательством.

Сотрудник полиции в общеправовом смысле не может быть выше обычного гражданина по своему правовому статусу. Он лишь исполняет свой служебно-профессиональный долг по обеспечению защиты правопорядка и при выявлении в его действиях/бездействиях отклонений от предписанной модели поведения в отношении иного субъекта административных правоотношений, сотрудник полиции подлежит привлечению к юридической ответственности.

Вся совокупность способов обеспечения законности при её детальном рассмотрении является целостной системой, обеспечивающей функционирование механизма взаимодействия между субъектами различных видов правоотношений. Несоблюдение прав и интересов одного субъекта приводит к нарушению прав других субъектов в уже большем количестве.

Соблюдение законности в правоприменительной практике органов публичной власти обеспечивается соблюдением её субъектами норм административного и административно-процессуального законодательства, которые устанавливают перечень критериев законности.

Такими критериями могут выступать установленные правила проведения административной процедуры, определённое содержание процессуальных действий или принятая форма… Исследование административного законодательства и административной доктрины позволяет констатировать, что соблюдение принципа законности обеспечивается благодаря нормативному закреплению требований к качеству административных актов и действиям/бездействиям уполномоченных административных субъектов. Если в правоприменительной деятельности будет установлено нарушение соблюдения принципа законности, то, следовательно, такие акты являются нарушающими действующее законодательство и не обладают юридической силой.

Совокупность полномочий административных правоприменительных субъектов устанавливает тот предел, в рамках которого они могут и/или обязаны производить действия по принятию правоприменительных актов.

Комплекс полномочий, образующих компетенцию административно-публичного субъекта, зависит от круга участников и специфики объектов общественного отношения, в рамках которого уполномоченным административным субъектом исполняется властная деятельность и реализуются предоставленные ему права и обязанности.

Требования законности следует дифференцировать на следующие элементы.

Во-первых, нормами административного и/или административно-процессуального права официально закреплена совокупность полномочий каждого административно-публичного субъекта. Данные полномочия ограничивают административных субъектов рамками, в которых они обязаны принимать административные правоприменительные акты и совершать административные действия. Закон регламентирует исчерпывающий перечень таких действий. Следовательно, нарушение такого предписания будет иметь место исключительно в случае реализации административно-публичным субъектом правоприменительной деятельности, которая не отнесена к его компетенции. Осуществление данного правила необходимо для «подвижности» пределов полномочий административно-публичных субъектов.

Во-вторых, принятие административно-публичными субъектами правоприменительных актов и совершение правоприменительных действий должно осуществляться в той сфере и в тех пределах, которые находятся в их ведении и исключительно по вопросам, предусмотренным законодательством. Несоблюдение установленных пределов при принятии административно-публичными субъектами правоприменительных актов и совершении правоприменительных действий влечёт юридическую ответственность.

В-третьих, уполномоченные субъекты административных правоотношений вправе выпускать правоприменительные акты и производить административные действия исключительно в границах, установленных законом, в отношении определённых объектов по соответствующим предметам ведения и в пределах обозначенных территорий обслуживания.

Требования законности сводятся к соблюдению определённых правил.

Во-первых, уполномоченный административно-публичный субъект вправе совершать те юридические действия, которые ему чётко определены законом, а издание правоприменительных актов возможно только в случаях, если есть необходимость их принятия.

Во-вторых, административно-публичный субъект имеет возможность издания акта или совершения административного действия тех видов и форм, которые определены нормативными правовыми актами.

Административные акты и действия должны приниматься и осуществляться при соблюдении условий, предусмотренных нормативными правовыми актами, к числу которых следует отнести:

1. Правоприменительный акт или действие следует определять как комплекс мер, которые применяются для реализации правовых норм, установленных законодательством. Они включают в себя как возможные, так и обязательные действия, которые должны быть обоснованными и соответствующими законодательству.

В качестве примера можно привести содержащееся в распоряжении вышестоящего административно-публичного субъекта решение о проведении выездной плановой проверки, порядок проведения которой должен соответствовать ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»[1].

2. Принятое решение, которое содержится в правоприменительном акте, должно быть обосновано. Это обоснование является неотъемлемой частью мотивировочной части акта и представляет собой объяснение и фактическую составляющую принятого решения на основе применяемых правовых норм. Так, например, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ решение, которое содержится в постановлении по делу об

[1] О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

административном правонарушении, должно быть мотивированным. Обоснование административного действия необходимо при условии, что факт совершения данного действия заносится в процессуальный документ.

Важно отметить, что административные акты должны быть изданы исключительно в соответствии с установленными законом процессуальными формами:

– административно-процедурная;

– административно-процессуальная, регламентированная правилами, предусмотренными в процессуальном законодательстве.

Две эти формы обеспечивают законность, прозрачность и защиту прав и интересов граждан и других субъектов. Поэтому полиция при принятии административных актов и совершении действий/бездействий должны соблюдать данные формы для того, чтобы в дальнейшем процедура их принятия не могла быть обжалована, что позволит достичь максимальное соблюдение принципа законности при исполнении уполномоченными субъектами административных функций. Кроме того, решение органов внутренних дел должно быть принято на определённой стадии административного процесса. Так, постановление по делу об административном правонарушении согласно статьям 29.9–29.10 КоАП РФ подлежит вынесению исключительно на стадии рассмотрения дела, а, например, административные действия по написанию протокола об административном правонарушении в соответствии со ст. 28.2 КоАП РФ должны быть совершены в рамках стадии возбуждения дела. Вместе с тем это ещё не все правила при вынесении административных решений. Так, уполномоченный субъект административных отношений – полицейский – при вынесении административного акта обязан верно заполнять соответствующие реквизиты (наименование, номер, дата, структура…), которые регламентированы нормами действующего законодательства.

Подводя итоги, отметим, что наличие специальных полномочий у человека порождает проблему злоупотребления (превышения) властью для возможной необоснованной, противоправной выгоды. Реализуя властные полномочия в корыстных целях, человек порождает беззаконие, таким образом «власть порождает беззаконие». Сотрудник полиции как человек, наделённый большой властью, одним из первых сталкивается с данной проблемой, поэтому ему всегда необходимо максимально соблюдать перечень законодательных мер и ведомственных рекомендаций МВД России по обеспечению законности в рядах сотрудников органов внутренних дел, основываясь при этом на строгих нормах морали и нравственности.

---

1. Илюхина В. А. Принцип законности в российском праве: учебное пособие для студентов и курсантов юридических вузов и факультетов, изучающих дисциплины «Теория государства и права» и «Конституционное право России»: 2-е издание. М.: Постер-МГУ, 2022. 14 с.
2. Демченко Н. В., Курило С. Н. Проблемы реализации принципа законности в административной деятельности полиции // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2(177). С. 126–129.
3. Титова Е. А. Проблемы соотношения принципов законности и целесообразности в праве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 219–220.
4. Закопырин В. Н., Иванников С. В. Принцип законности и извещение лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2(177). С. 130–132.
5. Гончаров В. В. Законность как принцип общественного контроля в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 14–24.
6. Кочанжи И. Д. Отдельные вопросы при актуализации принципа законности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2(177). С. 68–69.

1. Ilyuxina V. A. Princip zakonnosti v rossijskom prave: uchebnoe posobie dlya studentov i kursantov yuridicheskix vuzov i fakul`tetov, izuchayushhix discipliny` «Teoriya gosudarstva i prava» i «Konstitucionnoe pravo Rossii»: 2-e izdanie.
M.: Poster-MGU, 2022. 14 s.
2. Demchenko N. V., Kurilo S. N. Problemy` realizacii principa zakonnosti
v administrativnoj deyatel`nosti policii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 2(177). S. 126–129.
3. Titova E. A. Problemy` sootnosheniya principov zakonnosti i celesoobraznosti v prave // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. 2022. № 22-2. S. 219–220.
4. Zakopy`rin V. N., Ivannikov S. V. Princip zakonnosti i izveshhenie licz, uchastvuyushhix v proizvodstve po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 2(177). S. 130–132.
5. Goncharov V. V. Zakonnost` kak princip obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2023. № 5. S. 14–24.
6. Kochanzhi I. D. Otdel`ny`e voprosy` pri aktualizacii principa zakonnosti // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 2(177). S. 68–69.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Беженцев. Доцент кафедры уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского Острова, 57/43.

Information about the author

Alexander A. Bezhentsev. Honorable Retired Police Colonel, Associate Professor of the Department of Criminal Law Faculty of Law. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

199178, Russia, St. Petersburg, Sredniy pr. Vasilievsky Island, 57/43.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 07.02.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 351.81

ОПАСНОЕ ВОЖДЕНИЕ КАК ХУЛИГАНСТВО НА АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГАХ: ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ТРАКТОВАНИЯ, ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Былинин Игорь Александрович[1], Шукаева Ирина Николаевна[2]
[1,2] Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]bylinin.igor@yandex.ru
[2]arinka-vitaminka@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены причины, последствия и существующие меры на законодательном уровне по борьбе с опасным вождением. Также проанализированы статистические данные; выявлены факторы, способствующие агрессивному и неосторожному поведению на дорогах; обозначены проблемы и особенности правового трактования данного вида правонарушений; предложены комплексные пути решения. Правильное трактование понятия «опасное вождение на автомобильных дорогах» будет способствовать применению мер реагирования в случае нарушения правил дорожного движения из хулиганских побуждений. Своевременная профилактика рассматриваемых правонарушений позволит избежать наступления общественно опасных последствий.

Ключевые слова: опасное вождение, хулиганство, автомобильное дороги, дорожно-транспортные происшествия, законодательство.

Для цитирования: Былинин И. А., Шукаева И. Н. Опасное вождение как хулиганство на автомобильных дорогах: проблемы, особенности правового трактования, профилактика правонарушений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 73–82.

DANGEROUS DRIVING AS HULIGANISM ON HIGHWAYS: PROBLEMS, PECULIARITIES OF LEGAL INTERPRETATION, AND PROPHYLAXIS OF OFFENSES

Igor Al. Bylinin[1], Irina N. Shukaeva[2]
[1,2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]bylinin.igor@yandex.ru
[2]arinka-vitaminka@mail.ru

Annotation. The article examines the causes, consequences and existing legislative measures to combat dangerous driving. Statistical data are also analyzed, factors contributing to aggressive and reckless behavior on the roads are identified, problems and features of the legal interpretation of this type of offenses are identified, and comprehensive solutions are proposed. The correct interpretation of the concept of dangerous driving on highways will allow for the application of response measures in case of violation of traffic rules for hooligan motives. Timely prevention of the offenses under consideration will avoid the occurrence of socially dangerous consequences.

Keywords: dangerous driving, hooliganism, highways, traffic accidents, legislation.

For citation: Bylinin I. A., Shukaeva I. N. Dangerous driving as hooliganism on highways: problems, features of Legal Interpretation, prevention of offenses // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 73–82.

Опасное вождение представляет собой одну из наиболее острых проблем современного общества, оказывающую глубокое влияние на безопасность дорожного движения и благополучие миллионов людей по всему миру. Это явление выходит за рамки простого нарушения правил дорожного движения и приобретает черты хулиганства, создавая угрозу не только для самого водителя, но и для всех других участников дорожного движения. Ежегодно дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) уносят огромное количество жизней, приводят к серьёзным травмам и наносят значительный экономический ущерб.

По данным аналитического обзора дорожно-транспортной аварийности, проведённого Научным центром БДД МВД России за 2024 год, в стране произошло 132 037 ДТП, в которых погибли 14 403 человека[1].

Рост количества автомобилей и увеличение интенсивности дорожного движения в городах и на трассах значительно усугубляют проблему совершения ДТП. Чем больше транспортных средств на дорогах, тем выше вероятность возникновения опасных ситуаций и столкновений, особенно при игнорировании правил дорожного движения и неосторожном стиле вождения.

Опасное вождение – это комплекс действий водителя, создающих угрозу для безопасности дорожного движения [1, с. 17]. Оно включает в себя ряд нарушений, которые существенно повышают риск возникновения ДТП. Понимание этих аспектов критически важно для предотвращения аварий по следующим причинам:

- превышение скорости: одно из наиболее распространённых и опасных нарушений. При увеличении скорости значительно возрастает тормозной путь автомобиля, что уменьшает время, доступное водителю для реакции на непредвиденные ситуации. Это приводит к тому, что даже незначительная ошибка может стать причиной серьёзной аварии;
- вождение в нетрезвом состоянии: употребление алкоголя или наркотических веществ существенно нарушает координацию движений, снижает скорость реакции и остроту внимания водителя. Это делает его неспособным адекватно оценивать дорожную обстановку и принимать правильные решения, превращая автомобиль в смертельно опасное оружие;
- использование мобильного телефона за рулём: отвлечение внимания на телефонные разговоры, чтение сообщений или использование навигатора приводит к потере контроля над ситуацией на дороге. Даже несколько секунд отвлечения могут стоить жизни, так как водитель перестаёт следить за движением, знаками и поведением других участников движения;
- агрессивное вождение – этот стиль вождения характеризуется резкими манёврами, игнорированием дистанции, «подрезанием» других автомобилей, частыми перестроениями без применения поворотников и провоцированием конфликтных ситуаций. Агрессивное вождение не только создаёт непосредственную угрозу аварии, но и вызывает стресс у других водителей, что, в свою очередь, может привести к их ошибочным действиям. Психологическое состояние водителя оказывает огромное влияние на его поведение за рулём. Агрессия, вызванная личными проблемами или дорожным

[1] Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 30.06.2025).

конфликтом, может привести к необдуманным и рискованным манёврам. Стресс, связанный с работой или личной жизнью, снижает концентрацию внимания и реакцию;

- усталость – это ещё один серьёзный фактор, который может привести к снижению бдительности, замедлению реакции и даже микросну за рулём, что делает водителя чрезвычайно опасным для себя и окружающих. Психологические корни опасного вождения глубоко уходят в особенности личности водителя. Исследования агрессии и импульсивности показывают, что определённые личностные черты могут значительно повышать склонность к рискованному и конфликтному поведению на дороге;
- Управление автомобилем в утомлённом состоянии: утомление может привести к притуплению внимания, тем самым водитель теряет концентрацию к конкретной обстановке, что повышает риск не реагировать на происходящее, действия становятся необдуманными. Подобную ситуацию следует сравнивать с управлением в состоянии опьянения.

На сегодняшний день в условиях интенсивного движения опасное вождение является следует считать многофакторным явлением, которое скрыто в индивидуальных особенностях водителей и, как правило, рассматривается в социальных и культурных аспектах. Однако возникает необходимость в поиске причин такого поведения на дороге и выработке наиболее эффективных решений по изменению ситуации на дорогах в сторону улучшения безопасности. К условиям, способствующим такому поведению у водителей, относятся:

1. Низкая культура и дисциплина вождения, что, как правило, приводит к невыполнению требований правил дорожного движения. Зачастую водители демонстративно проявляют явное пренебрежение, считая правила формальностью, а в дорожном движении они являются инструментом, регулирующими общественные отношения между участниками дорожного движения. Как правило, это проявляется в нарушении скоростного режима, правил обгона, перестроения, соблюдении дистанции. Недисциплинированное поведение водителя порождает ложное чувство безнаказанности, что в итоге приводит к опасным ситуациям на автомобильной дороге и увеличению тяжести последствий.

2. Социальный фактор: социальный достаток и конкуренция при управлении автомобилями разного ценового сегмента могут являться причиной, провоцирующей опасное вождение. Быстрая езда и желание опередить других участников дорожного движения являются причиной агрессивных манёвров на дороге. Такое явление, связанное с агрессивным вождением, может создавать коллективную безответственность, когда каждый чувствует себя вправе нарушать правила движения, поскольку так поступают и другие, что приводит к эскалации агрессии на автомобильных дорогах и превращению их в арену для конкуренции вместо пространства для безопасного и комфортного движения.

3. Недостаточный уровень подготовки водительского состава: уровень теоретической и практической подготовки в автошколах играет важную роль, на дороги могут выехать водители, не обладающие необходимыми навыками и знаниями для безопасного управления автомобилем, что также может спровоцировать неадекватную реакцию на экстренные ситуации.

4. Влияние рекламы и пропаганды агрессивного стиля вождения на сознание водителей: в отдельных случаях распространение массовой культуры и медиаконтента могут непреднамеренно способствовать формированию у водительского состава неправильного образа «крутого» или «опытного» водителя.

В современных реалиях огромное количество средств массовой информации, видеороликов, фильмов, компьютерных игр, в которых демонстрируется агрессивное, опасное, быстрое вождение, может создавать у молодых водителей ложное впечатление о том, что такое поведение является нормой. Этот нежелательный контент может под-

талкивать водителей к подражанию и опасным действиям на дороге, что, безусловно, повышает уровень возникновения дорожных происшествий. Демонстрация гонок, дрифта и других видов вождения в особых условиях, хоть и происходит в контролируемых условиях на закрытых площадях, может найти неверное истолкование некоторыми водителями как обыденное поведение на дорогах общего пользования, стирающее границы между спортом и реальной обстановкой.

Понятие «опасное вождение» было введено в Правила дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД) п. 2.7 с целью детализации и конкретизации видов агрессивного поведения на дороге, представляющих угрозу для других участников движения. Это определение включает в себя ряд последовательно совершаемых действий, создающих опасность. К таким действиям относятся:

- несоблюдение необходимой дистанции до впереди идущего транспортного средства;
- несоблюдение бокового интервала;
- резкое торможение, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия;
- препятствование обгону;
- многократные и опасные перестроения, когда все полосы движения заняты (так называемое «шашечное» вождение).

Эти действия, совершаемые совокупно и неоднократно, квалифицируются как опасное вождение. Важно отметить, что каждое из этих действий по отдельности может не являться нарушением, но их совокупность создаёт состав административного правонарушения. В России борьба с опасным вождением ведётся на законодательном уровне, однако существуют определённые сложности в определении и наказании за подобные действия. Отсутствие чёткого определения опасного вождения в законодательстве затрудняет квалификацию и, как следствие, снижает эффективность наказания. Кроме того, прямого состава опасного вождения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее – КоАП) нет. Правоохранительные органы вынуждены квалифицировать отдельные проявления опасного вождения как совокупность различных нарушений ПДД. Например, агрессивные манёвры могут быть квалифицированы по ст. 12.15 КоАП, которая предусматривает ответственность за «Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона». Несоблюдение дистанции и необоснованное торможение могут рассматриваться в рамках общих положений ПДД, а действия, которые создают помехи или угрозу для других участников движения, могут быть приравнены к хулиганству, но с трудом доказываются в суде. Также стоит отметить ст. 12.29 КоАП, касающуюся нарушения ПДД пешеходом или иным участником дорожного движения, которая может быть применена в случае создания опасности, но менее релевантна непосредственно для опасного вождения автомобилистов. По своей сути опасное вождение часто граничит с хулиганством, поскольку оно не только ставит под угрозу жизнь и здоровье других участников движения, но и демонстрирует явное пренебрежение к общественным нормам и правилам. Статья 213 Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (далее – УК РФ) «Хулиганство» определяет хулиганство как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Это преступление традиционно ассоциируется с посягательствами на общественный порядок, проявляю-

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щимися в девиантном поведении, зачастую сопровождающемся насилием или угрозой его применения

Квалифицирующие признаки хулиганства включают совершение его:

- с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;
- по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка;
- группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Ключевыми понятиями для понимания состава хулиганства являются «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу». Грубое нарушение общественного порядка – это действия, которые в значительной степени нарушают спокойствие граждан, нормальную жизнедеятельность общества, создают конфликтные ситуации, дезорганизуют работу предприятий, учреждений, организаций, нарушают общепринятые правила поведения. Явное неуважение к обществу – это открытое, демонстративное пренебрежение к общепринятым нормам морали и поведения, желание противопоставить себя обществу, продемонстрировать вседозволенность и безнаказанность. Эти действия часто сопровождаются цинизмом, наглостью, дерзостью, стремлением оскорбить и унизить других лиц.

Вопрос о квалификации опасного вождения как формы хулиганства является предметом активных дискуссий в юридическом сообществе. Ряд авторов, например В. Н. Кудрявцев, исследовали мотивационные аспекты преступного поведения, которые могут быть применимы и к опасному вождению [2, с. 118]. Так можно утверждать, что опасное вождение, особенно его демонстративные формы, является ярким проявлением явного неуважения к обществу. Водитель, совершающий опасные манёвры, сознательно создаёт угрозу для других участников движения, выражая тем самым свое пренебрежение к их правам и безопасности. Эти действия выходят за рамки обычного нарушения ПДД и приобретают характер грубого посягательства на общественный порядок, аналогичного уличному хулиганству, но осуществляемого с использованием транспортного средства. Агрессивное вождение, проявляющееся в намеренном создании аварийных ситуаций, «подрезании» других автомобилей, резком торможении перед ними, «гонках» по городским улицам, напрямую связано с нарушением общественного спокойствия. Мотивация такого поведения часто включает в себя самоутверждение за рулём, желание продемонстрировать свою «крутизну» или превосходство над другими водителями, а также полное игнорирование установленных правил и норм поведения в обществе. Подобные мотивы, по мнению Д. Р. Лунца, могут свидетельствовать о наличии девиантных установок личности, что является характерным для хулиганских проявлений [3, с. 117].

Квалификация опасного вождения как хулиганства имеет ряд веских оснований, которые подчёркивают общественную опасность такого поведения. Прежде всего, опасное вождение, особенно в своих наиболее агрессивных формах, создаёт реальную и непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан. Резкие, непредсказуемые манёвры, игнорирование дистанции и скоростного режима, намеренное создание аварийных ситуаций могут привести к тяжёлым ДТП с фатальными последствиями. Это прямое посягательство на безопасность, которое выходит за рамки административных нарушений и приобретает характер уголовного преступления.

Более того, опасное вождение часто носит демонстративный характер. Водитель, осознанно совершающий такие действия, стремится привлечь внимание, показать свою «удаль» или «безнаказанность», что является проявлением «явного неуважения

к обществу». Такие действия, нарушающие общественное спокойствие и порядок, вызывают возмущение и страх у других участников движения. Как отмечает А. И. Рарог, умысел в уголовном праве может быть направлен не только на конкретный результат, но и на создание обстановки, дестабилизирующей общественные отношения, что вполне применимо к демонстративному опасному вождению [4, с. 72].

Некоторые формы опасного вождения, такие как «шашечки» на дороге, резкие перестроения без видимой причины, необоснованное торможение перед другими автомобилями, могут быть расценены как хулиганские действия, поскольку они явно демонстрируют пренебрежение к безопасности и спокойствию окружающих. В. А. Якушин в своих работах подчёркивает, что оценка субъективной стороны преступления, в том числе мотивации и осознанности действий, играет ключевую роль в квалификации деяния, и в случае опасного вождения, направленного на демонстрацию неуважения, это может стать основанием для применения ст. 213 УК РФ [5, с. 98].

Несмотря на кажущуюся схожесть, квалификация опасного вождения как хулиганства встречает и серьёзные возражения в юридической доктрине и практике. Одним из ключевых аргументов «против» является наличие специальной нормы – ст. 267.1 УК, которая целенаправленно регулирует общественно опасные деяния, связанные с ненадлежащим обращением с транспортными средствами. Принцип «*lex specialis derogat generali*» (специальный закон отменяет общий) предполагает, что при наличии специальной нормы нет необходимости применять общую норму, если деяние полностью охватывается диспозицией первой. Статья 267.1 УК РФ «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств» была введена в УК для борьбы с наиболее опасными проявлениями агрессивного вождения. Она предусматривает ответственность за совершение действий, угрожающих безопасности движения транспортных средств или их эксплуатации, а равно создающих угрозу жизни или здоровью граждан.

Ещё одна проблема заключается в сложности доказывания «явного неуважения к обществу» в каждом конкретном случае опасного вождения. Не каждое агрессивное или опасное действие за рулём свидетельствует о желании лица демонстративно пренебречь общепринятыми нормами. Мотивация водителя может быть различной – от спешки до неопытности, от эмоциональной вспышки до попытки избежать ДТП, спровоцированного другим участником движения. Доказать именно умысел на демонстрацию «явного неуважения» является сложной задачей для правоохранительных органов.

Как отмечает А. И. Чучаев: «Расширительное толкование уголовного закона недопустимо, особенно когда речь идет о квалифицирующих признаках преступлений» [6, с. 217]. Риск необоснованного расширения понятия «хулиганство» может привести к тому, что под эту статью будут подпадать обычные нарушения ПДД, которые, хотя и опасны, но не имеют хулиганского мотива. Это может привести к нарушению принципов справедливости и индивидуализации уголовной ответственности. Кроме того, по мнению В. В. Мальцева, уголовное право должно быть стабильным и предсказуемым, и слишком широкое толкование основных составов преступлений может подорвать эту предсказуемость [7, с. 20].

Судебная практика по квалификации опасного вождения в России пока находится в стадии формирования, особенно в части применения ст. 267.1 УК РФ. Что касается хулиганства, то традиционно оно рассматривается в контексте явного нарушения общественного порядка, часто связанного с непосредственным физическим воздействием или угрозой его применения. Однако существуют отдельные случаи, где действия водителей, создающие реальную угрозу на дороге и демонстрирующие явное неуважение к обществу, были квалифицированы как хулиганство. Например, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за 2022–2023 годы можно найти прецеденты, когда действия водителей, совершивших агрессивные манёвры с целью запугивания других участников движения, создания аварийных ситуаций из хулиганских побужде-

ний (например, в ответ на «неправильный» манёвр другого водителя), были квалифицированы по ст. 213 УК РФ. В таких случаях суды обращали внимание на демонстративный характер действий, отсутствие разумной необходимости в их совершении и явное пренебрежение к безопасности окружающих.

Разграничение между ст.ст. 267.1 и 213 УК РФ остаётся сложным, и решающую роль играет умысел и мотив совершения деяния. Суды тщательно исследуют обстоятельства каждого дела, чтобы определить, было ли намерение нарушить именно общественный порядок или же действия были направлены исключительно на нарушение правил дорожного движения, пусть и с опасными последствиями.

Судебная практика по делам об административных правонарушениях, связанных с опасным вождением, пока не является обширной и достаточно единообразной. В большинстве случаев суды ориентируются на наличие видеозаписей, фиксирующих несколько последовательных манёвров, создающих угрозу. Например, в одном из решений Московского городского суда было отменено постановление о привлечении к ответственности, поскольку представленная видеозапись не позволяла установить наличие совокупности признаков опасного вождения. В то же время в Санкт-Петербурге суды чаще выносят обвинительные приговоры при наличии детализированных показаний инспекторов и подтверждающих видеоматериалов.

Проблема агрессивного и опасного вождения не является уникальной для России. Многие страны мира сталкиваются с аналогичными вызовами и разрабатывают законодательные механизмы для борьбы с ними. В зарубежной практике часто используется термин «дорожное хулиганство» (*road rage*) или «безрассудное вождение» (*reckless driving*), которые имеют свои особенности квалификации.

В Великобритании за агрессивное вождение, сопряжённое с созданием опасности для других участников движения и выражающее явное пренебрежение к их безопасности, предусмотрена строгая ответственность – вплоть до лишения свободы. Законодательство различает «опасное вождение» (*dangerous driving*) и «безрассудное вождение», при этом первое подразумевает более высокий уровень угрозы и может быть квалифицировано как преступление. Отдельного состава, прямо называемого «дорожным хулиганством», нет, однако действия, подпадающие под это определение, могут быть квалифицированы по статьям о нападении, нарушении общественного порядка или об опасном вождении.

В США термин «*reckless driving*» (безрассудное вождение) широко используется и охватывает широкий спектр опасных действий на дороге, включая агрессивное перестроение, превышение скорости, игнорирование сигналов светофора и дорожных знаков, если эти действия создают существенный риск для других. В некоторых штатах агрессивное вождение может быть квалифицировано как «*assault with a deadly weapon*» (нападение с использованием смертоносного оружия), если автомобиль использовался как орудие для создания угрозы или причинения вреда. Комментарии Х. Ю. Шнайдера подтверждают, что в западных правовых системах большое значение придаётся именно уровню опасности и умыслу правонарушителя, а не только формальным признакам нарушения [8, с. 101].

Сравнительный анализ показывает, что подход России к квалификации опасного вождения с использованием ст. 267.1 УК РФ схож с концепцией «опасного» или «безрассудного» вождения в других странах. Однако идея приравнивания опасного вождения к хулиганству, хотя и дискуссионна, находит определённые аналогии в квалификации агрессивного вождения, когда оно выходит за рамки простого нарушения ПДД и приобретает характер демонстративного посягательства на общественный порядок.

Проблема опасного вождения требует комплексного подхода. Несмотря на то что ст. 267.1 УК РФ является важным шагом в борьбе с этим явлением, квалификация опасного вождения как хулиганства (ст. 213 УК РФ) остаётся предметом дискуссии. Ар-

гументы «за» подчёркивают общественную опасность демонстративного агрессивного вождения, его явное неуважение к обществу и потенциальную угрозу жизни. Однако аргументы «против» указывают на наличие специальной нормы, сложность доказывания хулиганского мотива и риск необоснованного расширения понятия «хулиганство».

Для повышения эффективности борьбы с опасным вождением необходимо рассмотреть следующие рекомендации:

- совершенствование законодательства: возможно, стоит внести изменения в диспозицию ст. 267.1 УК РФ, чтобы она более чётко охватывала элементы демонстративного и агрессивного поведения, а не только создание угрозы. Это позволит избежать излишнего обращения к ст. 213 УК РФ, сохраняющей при этом специфику дорожно-транспортных преступлений;
- развитие судебной практики: необходимо обобщение и анализ судебной практики по ст. 267.1 УК РФ, чтобы выработать единые подходы к квалификации опасного вождения, особенно в случаях, когда оно сопровождается явными признаками хулиганства. Как отмечает Я. И. Гилинский, изучение девиантного поведения требует глубокого анализа мотивов и форм проявления [9, с. 312];
- повышение эффективности профилактики среди участников дорожного движения: вместе с карательными мерами возникает необходимость профилактики. Усиление мер контроля за соблюдением ПДД, повсеместное применение систем, работающих в режиме фотовидеофиксации, и проведение постоянных с использованием средств массовой информации профилактических кампаний, которые должны быть направлены на формирование культуры безопасного вождения. А. И. Алексеев в своих трудах подчёркивает значимость системной профилактики в снижении уровня преступности [10, с. 207]. В сложившейся ситуации, когда опасное вождение, в котором присутствует хулиганский мотив, имеет широкое распространение и этому способствует ряд рассмотренных в статье причин, возникает острая необходимость к профилактическим действиям:

1. Использование образовательных программ для водителей и пешеходов: информационные кампании, которые направленны на повышение осознанности и ответственности для всех участников дорожного движения. Таковые программы должны иметь повышенный акцент внимания на тяжесть последствий опасного вождения, формировать культуру уважения среди участников дорожного движения на автомобильных дорогах и обязательное разъяснение, что дорога – это не место для демонстрации агрессии или самоутверждения;

2. Усиление надзора за соблюдением участниками ПДД и повышение меры ответственности. Ужесточение наказания за подобного рода действия на дорогах – вплоть до уголовной ответственности. Необходимо добиться у водительского состава понимания, что каждое опасное действие не останется без внимания и повлечёт за собой предусмотренные законом санкции, что будет иметь значительный сдерживающий эффект.

3. Повсеместное внедрение интеллектуальных систем помощи водителю (*ADAS*), таких как адаптивный круиз-контроль, системы предупреждения о столкновении, системы контроля полосы движения и мониторинга слепых зон, активно помогают поддерживать безопасную дистанцию, избегать опасных манёвров и своевременно реагировать на изменения дорожной обстановки, а также исключает человеческий фактор вмешательства, что значительно снижает риск ДТП, связанных с агрессивным поведением.

Использование телематических систем для мониторинга и анализа дорожного движения способствует профилактике опасного поведения. На основе полученных данных можно сформировать «профиль» водителя, что позволяет принять к этому водителю неотложные профилактические меры. Страховым компаниям предлагать скидки за безопасное вождение, а автопаркам – контролировать соблюдение водителями правил. Более того, агрегированные данные могут быть использованы для выявления «горячих

точек» на дорогах, где чаще всего фиксируется опасное вождение, и для целенаправленного размещения средств контроля или проведения профилактических мероприятий. Это позволяет перейти от реактивного реагирования на ДТП к проактивному предотвращению опасных ситуаций. Правила дорожного движения должны соблюдать все участники дорожного движения [11, с. 73].

Средства массовой информации и образовательные учреждения должны активно участвовать в формировании негативного общественного мнения по отношению к опасному вождению, объясняя его последствия и демонстрируя недопустимость такого поведения. Программы обучения вождению должны уделять больше внимания этике и психологии поведения на дороге. Комплексное применение этих мер позволит не только снизить количество ДТП, но и повысить общий уровень безопасности и комфорта на дорогах, сделав их более безопасными и предсказуемыми для всех участников движения.

1. Жаворонков В. А. Опасное вождение: правовые, технические и психологические аспекты проблемы // Транспортное право и безопасность. 2024. № 4(48). С. 11–31.
2. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учебное пособие. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022. 220 с.
3. Лунц Д. Р. Клиническое обоснование заключений о дееспособности больных шизофренией в состоянии ремиссии // Вопросы судебной психиатрии, М., 1969. 370 с.
4. Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве. М.1980. 90 с.
5. Якушин В.А. Ошибка и её уголовно-правовое значение. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 128 с.
6. Чучаев А. И. Уголовное право. Общая часть. М. : Проспект, 2017. 464 с.
7. Мальцев В. В. Принципы уголовного законодательства и общественно-опасное поведение // Государство и право. 2015. № 2. С. 26–35.
8. Шнайдер Х. Ю. Криминология // Под ред.: Иванов Л.О. (Предисл.); Пер.: Неподаев Ю.А. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.
9. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» // 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 528 с.
10. Алексеев А. И. Криминология. Курс лекций. М.: Щит-М, 2018. 340 с.
11. Копыл Д. В., Былинин И. А. Административная ответственность лица, управляющего велосипедом, в правовых позициях судов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 66-74.

1. Zhavoronkov V. A. Opasnoe vozhdenie: pravovy`e, texnicheskie i psixologicheskie aspekty` problemy` // Transportnoe pravo i bezopasnost`. 2024. № 4(48). S. 11–31.
2. Kudryavcev V. N. Genezis prestupleniya. Opy`t kriminologicheskogo modelirovaniya : uchebnoe posobie. M. : Norma: INFRA-M, 2022. 220 s.
3. Luncz D. R. Klinicheskoe obosnovanie zaklyuchenij o deesposobnosti bol`ny`x shizofreniej v sostoyanii remissii // Voprosy` sudebnoj psixiatrii, M., 1969. 370 s.
4. Rarog A. I. Obshhaya teoriya viny` v ugolovnom prave. M.1980. 90 s.
5. Yakushin V.A. Oshibka i eyo ugolovno-pravovoe znachenie. Kazan`: Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. 128 s.
6. Chuchaev A. I. Ugolovnoe pravo. Obshhaya chast`. M. : Prospekt, 2017. 464 s.
7. Mal`cev V. V. Principy` ugolovnogo zakonodatel`stva i obshhestvenno-opasnoe povedenie // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 2. S.26–35.
8. Shnajder X. Yu. Kriminologiya // Pod red.: Ivanov L.O. (Predisl.); Per.: Nepo-daev Yu.A. M.: Progress-Univers, 1994. 502 c.

9. Gilinskij Ya. I. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugix «otklonenij» //2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Yurid. centr Press, 2007. 528 c.
10. Alekseev A. I. Kriminologiya. Kurs lekcij. M.: Shhit-M, 2018. 340 c.
11. Kopy`l D.V., By`linin I.A. Administrativnaya otvetstvennost` licza, upravlyayushhego velosipedom, v pravovy`x poziciyax sudov // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 3(92). S. 66-74.

Информация об авторах

Былинин Игорь Александрович. Заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Ирина Николаевна Шукаева. Преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Igor Al. Bylinin. Deputy Head of the Research, Editorial and Publishing Department.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Irina N. Shukaeva. Lecturer at the Department of Organization of activities of the State Traffic Inspectorate.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 20.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Зенина Марина Григорьевна
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

Merlin_0807@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности профилактики правонарушений несовершеннолетних, а именно: вопросы причин их совершения, правовая основа системы профилактики, субъектная составляющая. Из перечисленных положений автору удалось прийти к выводу о месте и роли подразделений по делам несовершеннолетних в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, было сформулировано групповое деление административно-предупредительных мер, применяемых в таких случаях, а также обозначены конкретные виды мер, которые надлежит причислять к этим группам.
Ключевые слова: несовершеннолетний, административное правонарушение, профилактика, административно-предупредительные меры, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.
Для цитирования: Зенина М. Г. Административно-предупредительные меры, применяемые подразделениями по делам несовершеннолетних в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 83–90.

ADMINISTRATIVE AND PREVENTIVE MEASURES APPLIED BY JUVENILE AFFAIRS UNITS IN THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY

Marina G. Zenina
Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

Merlin_0807@mail.ru

Annotation. The article considers the peculiarities of juvenile delinquency prevention, which covered the issues of the causes of their commission, the legal basis of the prevention system, the subject component. From the listed provisions, the author managed to come to a conclusion about the place and role of juvenile affairs units in the sphere of prevention of juvenile delinquency. In addition, a group division of administrative – preventive measures applied in such cases was formulated, as well as specific types of measures to be attributed to these groups.
Keywords: juvenile, administrative offense, prevention, administrative and preventive measures, units for juvenile affairs of internal affairs bodies.
For citation: Zenina M. G. Administrative and preventive measures applied by juvenile affairs units in the prevention of juvenile delinquency // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 83–90.

Несовершеннолетние – основа любого общества, которое стремится развиваться. Оправданно при этом отмечать, что от морально-нравственного состояния несовершеннолетних непосредственным образом зависит их правосознание, а в итоге и будущее страны [1, с. 225]. Для того чтобы несовершеннолетние могли максимально эффективно использовать свой потенциал, в том числе и на благо государства, очевидно, что государство должно выработать и реализовывать в отношении них качественную политику, охватывающую и профилактику совершения данной категорией лиц правонарушений.

Участие несовершеннолетних в правонарушениях негативно не только в смысле, собственно, этого события. Это несёт намного более серьёзные угрозы, обладая способностью негативно сказаться на развитии несовершеннолетнего, его психике и т. п. Кроме того, это также порождает угрозы того, что впоследствии несовершеннолетний может стать участником и преступлений, как часто происходит на практике, согласно имеющимся данным [2, с. 300].

Показатели состояния совершения правонарушений несовершеннолетними, как и совершения ими преступлений, часто связаны, а имеющиеся тенденции позволяют констатировать несовершенство профилактики правонарушений несовершеннолетних[1]. Речь идёт о вопросах и теоретического характера, о неполноте и противоречивости законодательства, а главное – о практических недостатках, увязанных с недостаточностью применяемых мер по объёму и системности, что не обеспечивает достижение необходимого результата. Таким образом, представляется возможным констатировать актуальность вопроса и об административно-предупредительных мерах, применяемых в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, что является одним из направлений в такой области.

Причины совершения административных правонарушений несовершеннолетними весьма разнообразны. Так как данный вопрос характеризуется интересом в пределах самостоятельных исследований, видится возможным исходить из имеющей универсальный характер классификации, где выделено всего две группы соответствующих причин:

1) субъективные;

2) объективные [3, с. 96].

Основная роль в комплексе причин совершения административных правонарушений, как представляется, должна быть отдана второй группе причин. Так как итоговый результат оказания ими воздействия на несовершеннолетних соотносим с формированием мировоззрения, связанного, в свою очередь, с морально-нравственными качествами, спецификой подросткового возраста (незрелая воля, недостаточность жизненного опыта, накопленного к текущему моменту, предрасположенность к влиянию со стороны иных лиц, особенно взрослых, склонность к подражанию другим, к риску, неустойчивый характер интересов, характерность романтизма и т. п.) [3, с. 98].

Объективными причинами совершения правонарушений несовершеннолетними нет оснований не считать проблемы социально-экономического и политического характера, защиты прав детей, недостаточные объёмы профилактической работы уполномоченных в этой сфере субъектов, в том числе и правоохранительных органов и т. д. [3, с. 101]. Число родившихся в РФ в 2024 году составило более 1,2 млн. При этом, по различным данным, от этого числа более 400 000 детей появляются в «гражданском браке», не признаваемым в стране официальным[2]. Ситуация осложняется ещё более сильным образом в связи с тем, что около 7 % матерей в этих случаях ещё не достигли

[1] Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru (дата обращения: 30.06.2025).
[2] Естественная убыль пошла в рост [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7533665 (дата обращения: 30.06.2025).

возраста совершеннолетия[1]. Таким образом, складывающаяся ситуация вполне может рассматриваться как способствующая совершению несовершеннолетними административных правонарушений как долгосрочный фактор.

Досуговая деятельность тоже не отличается выходом на качественные показатели. Речь идёт об отсутствии объективной возможности, хотя и желания заниматься спортом, посещая те или иные спортивные секции, отдыхать в оздоровительных объектах, санаториях, путешествовать внутри страны и в другие государства через финансовые проблемы, не охват этих направлений в рамках государственных программ достаточным образом и т. п. [4, с. 53]. Из этого следует наличие большого количества свободного времени, иногда перерастающее в безнадзорность, а затем и совершение правонарушений.

Одним из весьма актуальных направлений в исследуемом ряду видится информационная безопасность. Информационная безопасность несовершеннолетних представляет собой состояние их защищённости, при котором нет риска причинения информационного вреда здоровью, физическому, психическому, духовному, а также нравственному развитию[2]. При подобном понимании категории сегодня доступ к информации практически ничем не ограничен, а средства контроля сети Интернет по возрастному критерию имеют, скорее, формальный характер или же, если и имеют место, то нарушают конституционные положения, а не реально способствуют обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних. В то время как большая доля информации в этой сети может оказывать действительно отрицательное воздействие на неустоявшуюся психику детей.Употребление наркотических средств, пьянство традиционно стоят в ряду того, что подрывает нравственные принципы и устои, неизменно приводя к личностной деформации. Информационная сфера и в части этого тоже требует контроля. Беспризорность и безнадзорность надлежит понимать как отсутствие необходимого контроля со стороны не только семьи, но и образовательных организаций за поведением, знакомствами несовершеннолетнего, в целом за проведением им свободного времени. В результате высока вероятность вовлечения лица в совершение правонарушений как ровесниками, так и взрослыми [5, с. 51]. Следовательно, беспризорность и безнадзорность можно рассматривать, условно говоря, как фоновое явление, нарушающее права ребёнка и неоднократно становящееся причиной совершения правонарушений впоследствии.

Среди причин исследуемой группы могут быть отмечены отсутствие веры в действенность закона, в его справедливость, насилие, негативное воздействие СМИ, недостатки законодательство и т. п. [5, с. 53]. Круг приведённых причин совершения несовершеннолетними административных правонарушений не является исчерпывающим, но в таком его основном виде вполне однозначно свидетельствует об актуализации направления профилактики совершения административных правонарушений. Подтверждается данный тезис и сложившейся в соответствующей сфере системой нормативного правового регулирования. Система правового регулирования профилактики совершения административных правонарушений несовершеннолетними, будучи основанной и на международных документах, на национальном уровне в основе своей имеет такой вид:

1) Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[3];

---

[1] Восемь из десяти браков распались в 2024 году. В чем причина. Россия вышла на третье место в мире по количеству разводов [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7 (дата обращения: 30.06.2025).

[2] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об основах системы профилактики правонарушений в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[1];

3) Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»[2] и др.

В 2017 году была принята Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года (далее – Концепция), заложившая приоритеты профилактической работы с несовершеннолетними, принципы её осуществления, одновременно предусматривающая основные формы и методы работы, иные элементы[3].

Любая государственная концепция должна обеспечить достижение каких-то конкретных целей. Обращаясь к содержанию указанной Концепции, отметим, что ожидается достижение нижеследующего:

1) снижение доли совершения преступлений несовершеннолетними в возрасте 14–17 лет;

2) снижение повторности в совершении преступлений среди несовершеннолетних;

3) полная вовлечённость несовершеннолетних в обучение в общеобразовательных организациях;

4) рост состоящих на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях лиц, которые при этом будут получать социально-психологическую и иную помощь, достигнет 90 % от всех осуждённых несовершеннолетних;

5) в связи с индивидуальной профилактической работой, в том числе и представителями образовательных организаций, в общей численности данной возрастной категории будет уменьшена доля лиц, совершивших преступления, административные правонарушения и иные действия антиобщественного характера и т. д.

Как видно по сказанному, одним из целевых направлений в соответствующей сфере является и снижение количества совершаемых несовершеннолетними административных правонарушений. Но нельзя сказать, что другие направления Концепции не связаны с профилактикой совершения административных правонарушений несовершеннолетними, потому что в той или иной мере все они пересекаются друг с другом.

Представители науки сходятся во мнении о том, что обязательным этапом профилактики совершения административных правонарушений несовершеннолетними должна быть ранняя профилактика [6, с. 65]. Именно в отношении несовершеннолетних лиц этот этап обладает особенным значением. На указанном этапе перед субъектами профилактики стоит такая задача, как оказание помощи лицам, оказавшимся в сложных условиях воспитания и жизни. Воздействие будет эффективным только тогда, когда меры удастся принять до того, как негативные факторы окажут влияние на личность несовершеннолетнего, что приведёт к совершению правонарушений.

Ранняя профилактика в крайней степени ответственный этап с точки зрения возможности обеспечить предотвращение среди несовершеннолетних совершения административных правонарушений. Содержательно этап требует, чтобы были предупреждены и полностью устранены имеющие место нарушения в воспитании детей, негативные изменения жизненных условий. То есть должны быть устранены источники неблагоприятного воздействия на личность, нормализованы негативные условия. Причём про-

---

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

филактика может реализовываться не только индивидуальным образом, но и сразу в отношении их групп. Профилактика совершения несовершеннолетними административных правонарушений может реализовываться в такой последовательности действий:

1) выявление неблагополучных семей;

2) диагностирование семейного неблагополучия;

3) применение профилактических мероприятий;

4) инициирование через соответствующие структуры процедур по применению мер административного и уголовно-правового характера, что касается родителей, которые злостно нарушают обязанности по воспитанию несовершеннолетних [6, с. 66].

Главным при реализации этих направлений является соблюдение двух условий – следует исходить из принципа причинения минимального вреда несовершеннолетнему; следует действовать путём применения исключительно законных методов и средств.

Этапом профилактики, о котором основное количество авторов обычно ведёт речь, является непосредственная профилактика [7, с. 58]. На этом этапе содержательно может ставиться такая задача, как обеспечение недопущения перехода подростка к устойчивому отклоняющемуся поведению, которое в конечном счёте повлечёт за собой не только совершение административного правонарушения, но затем и уголовно наказуемого деяния.

Второй этап профилактики правонарушений с участием несовершеннолетних возникает как необходимость под условием, а именно: этот этап должен реализовываться, если обнаруживается, что несовершеннолетний имеет склонность к правонарушению и эта склонность на этапе ранней профилактики не была ликвидирована [7, с. 59]. Более того, несовершеннолетний начинает совершать отдельные эпизоды правонарушений. Чтобы эффективно воздействовать на несовершеннолетнего, в самом широком смысле требуется нормализовать условия его жизни и воспитания, обеспечить оздоровление среды обитания. Для этого воздействия может быть не только непосредственным образом оказано на несовершеннолетнего, при наличии такой необходимости могут быть использованы и меры правового характера: контроль над поведением, принудительные меры в отношении родителей (законных представителей) и т. п.

На этапе непосредственной профилактики должны реализовываться такие виды деятельности:

1) развитие позитивной ориентации;

2) нравственное воспитание;

3) привлечение к занятиям в кружках, секциях физической подготовки;

4) проведение медицинской профилактики и оздоровления;

5) повышение правовой культуры и т. п. [7, с. 60].

Многоаспектность рассматриваемой системы и широта тех направлений, которые требуют внимания в контексте профилактики совершения административных правонарушений несовершеннолетними, закономерным образом предполагает вовлечение ряда субъектов осуществления предполагающихся видов деятельности, мер и пр. В ст. 4 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» одним из субъектов системы органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обозначаются и органы внутренних дел (далее – ОВД). Кроме того, отдельные ст. 20 и 21 этого же Закона развивают положения об ОВД, но также вводят нормы о подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН) соответственно. ПДН образуются на районном уровне как городских муниципальных образований, закрытых административно-территориальных образований и на транспорте в виде отделов (управлений), осуществляя деятельность сразу по ряду направлений:

1) индивидуальная профилактическая работа в отношении категорий лиц, прямо определённых законом, что касается и законных представителей несовершеннолетних, и самих несовершеннолетних;

2) выявление несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, с их направлением в иные уполномоченные органы;

3) подготовка материалов, которые необходимы для внесения в суд предложений о применении к несовершеннолетним и в законе лицам, отвечающим за их воспитание, обучение, содержание, мер воздействия;

4) информирование уполномоченных субъектов о безнадзорности, правонарушениях, антиобщественных действиях исследуемой группы лиц, причинах и условиях, как способствующих этому и т. д.

Должностные лица ПДН наделены правом:

1) доставлять несовершеннолетних, совершивших правонарушение, антиобщественные действия в подразделения, как и безнадзорных, беспризорных лиц, составляя протокол по данному поводу;

2) вносить предложения о мерах воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушение, антиобщественные действия, как и иных лиц по указанным в законе поводам в уполномоченные органы и учреждения;

3) вносить в уполномоченные органы представления об устранении причин и условий, которые способствовали правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, что обязывает такие уполномоченные органы принять необходимые меры и отчитаться о результатах проведённой работы в течение месяца;

4) вести учёт правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, а также лиц, их совершивших, как и иных лиц, связанных с обеспечением воспитания, обучения, содержания детей, при этом собирая и обобщая информацию для статистической отчётности.

ПДН осуществляет свою деятельность, руководствуясь приказом МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», который конкретизирует организационные аспекты деятельности на разных уровнях, в том числе в зависимости от применяемых мер, субъектов взаимодействия и т. п.[1].

Основываясь на приведённых нормах, что подкрепляется и в научной среде, всю совокупность административно-предупредительных мер как части административного принуждения, можно разделить на две группы: 1) общие; 2) специальные [8, с. 64].

Общие меры, как понятно по самому их названию, обладают универсальным значением, применяясь к всевозможным лицам, безотносительно каких-либо критериев. Основанием применения такого рода мер является или наступление условий, определённых законом, или совершение противоправного деяния; они имеют направленность на выявление и последующее устранение нарушений в сфере безопасности, предупреждение правонарушений, обеспечение безопасности, общественного порядка и пр.; выступают как правоохранительные акты, позволяющие обеспечивать соблюдение предписанных запретов и ограничений, а также юрисдикционные правоприменительные акты, посредством которых реализуются санкции норм права, предусмотренные Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[2], не бу-

[1] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дучи связанными с административным наказанием [9, с. 105]. По подобным характеристикам в ряду общих административно-предупредительных мер надлежит выделять:

1) проверку документов, которые удостоверяют личность граждан;

2) личный досмотр граждан и многие др.

То есть общие меры к несовершеннолетним специального назначения не имеют, но они вполне могут применяться к ним на общих основаниях.

Специальные административно-принудительные меры – это меры, применяемые только к несовершеннолетним. Опять-таки на основе законодательных норм, а также исходя из соотношения общих мер со специальными, круг последних может быть очерчен нижеследующим образом.

Доставление в ПДН несовершеннолетних, которые совершили антиобщественные действия или в связи с их безнадзорностью, беспризорностью. Применение подобной меры может быть ценным сразу в ряду смыслов: выяснение обстоятельств, которые станут основанием для проведения индивидуальной профилактической работы; ведение упоминаемого ранее вида учёта. То есть такая мера имеет ярко выраженный превентивный характер, в силу чего успех в её осуществлении связан с ранними стадиями девиантного поведения, что позволяет прибегнуть к убеждению, способствующему предупреждению перехода в более опасные формы. Права несовершеннолетних в данном случае будут ограничиваться обоснованно, чтобы не допустить большего вреда, возможно, без применения принуждения [9, с. 105].

Помещение несовершеннолетнего с девиантным (общеопасным поведением) в возрасте 11–18 лет в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Хотя существуют некоторые иные воззрения, отнесение такой меры к числу исследуемых видится обоснованным. Она применяется в связи с девиантным поведением, содержащим признаки уголовно наказуемого деяния, но все же предусмотрена административно-правовым нормативным актом (федеральным законом), который посвящён основам профилактики совершения правонарушений несовершеннолетними [9, с. 106]. Отмеченная мера в силу её содержания значима с точки зрения возможности оказать воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, исключить нахождение его в обстановке, которая опасна для здоровья или жизни несовершеннолетнего или не отвечает требованиям к воспитанию лица, его содержанию.

---

1. Боренштейн А. Л. Административные правонарушения несовершеннолетних: причины и способы минимизации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 4. С. 223–230.
2. Гезгиев М. А. Ответственность несовершеннолетних за административные правонарушения // Право и управление. 2023. № 7. С. 298–302.
3. Ильина О. В. Причины совершения несовершеннолетними правонарушений // Наука. Общество. Государство. 2020. С. 96–104.
4. Солдатов А. П., Братановский С. Н. Административная ответственность несовершеннолетних в России: вопросы теории и практики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 52–61.
5. Исмагилова А. Р. Причины и условия совершения правонарушений несовершеннолетними и профилактическая деятельность сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2. С. 50–54.
6. Барышников М. В. К вопросу профилактики административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. С. 65–68.
7. Быков Г. В., Караева Л. Х. Профилактика правонарушений несовершеннолетних // Вестник магистратуры. 2019. № 5-5. С. 58–60

8. Меркулов В. Н. Меры административного предупреждения: теоретические подходы к понятию и классификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 6. С. 63–70.
9. Шаваев А. Б. Административно-предупредительные меры как составная часть административного принуждения в отношении несовершеннолетних в российской федерации // Научные известия. 2017. № 7. С. 103–106.

1. Borenshtejn A. L. Administrativny`e pravonarusheniya nesovershennoletnix: prichiny` i sposoby` minimizacii // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 4. S. 223–230.
2. Gezgiev M. A. Otvetstvennost` nesovershennoletnix za administrativny`e pravonarusheniya // Pravo i upravlenie. 2023. № 7. S. 298–302.
3. Il`ina O. V. Prichiny` soversheniya nesovershennoletnimi pravonarushenij // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2020. S. 96–104.
4. Soldatov A. P., Bratanovskij S. N. Administrativnaya otvetstvennost` nesovershennoletnix v Rossii: voprosy` teorii i praktiki // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 3. S. 52–61.
5. Ismagilova A. R. Prichiny` i usloviya soversheniya pravonarushenij nesovershennoletnimi i profilakticheskaya deyatel`nost` sotrudnikov podrazdelenij po delam nesovershennoletnix // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. 2023. № 2. S. 50–54.
6. Bary`shnikov M. V. K voprosu profilaktiki administrativny`x pravonarushenij, sovershaemy`x nesovershennoletnimi // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2020. S. 65–68.
7. By`kov G. V., Karaeva L. X. Profilaktika pravonarushenij nesovershennoletnix // Vestnik magistratury`. 2019. № 5-5. S. 58–60
8. Merkulov V. N. Mery` administrativnogo preduprezhdeniya: teoreticheskie podxody` k ponyatiyu i klassifikacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021. № 6. S. 63–70.
9. Shavaev A. B. Administrativno-predupreditel`ny`e mery` kak sostavnaya chast` administrativnogo prinuzhdeniya v otnoshenii nesovershennoletnix v rossijskoj federacii // Nauchny`e izvestiya. 2017. № 7. S. 103–106.

Информация об авторе

Марина Григорьевна Зенина. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Marina G. Zenina. Senior Lecturer Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Law, Associate Professor.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 25.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Литвинова Нина Александровна
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия.

litvinovanina2015@yandex.ru

Аннотация. В статье поэтапно рассматривается процедура привлечения к ответственности судей Российской Федерации; анализируется критика данной процедуры, включая оспаривание её в Конституционном Суде Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что существующая система привлечения к административной ответственности судей должна быть пересмотрена. Если административное правонарушение, совершённое судьёй, никак не связано с его профессиональной деятельностью и наказание за него не связано с лишением судьи неприкосновенности (например, административный штраф), то необходимо предусмотреть возможность привлечения судьи к административной ответственности на общих основаниях.

Ключевые слова: административная ответственность, лица с особым правовым статусом, иммунитет судей, неприкосновенность судей, административное наказание, судебная коллегия.

Для цитирования: Литвинова Н. А. Особенности привлечения к административной ответственности судей Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 91–97.

FEATURES OF BRINGING JUDGES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ADMINISTRATIVE LIABILITY

Nina Al. Litvinova
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

litvinovanina2015@yandex.ru

Annotation. In the article the author examines step by step the procedure for bringing judges of the Russian Federation to liability, considers criticism of this procedure, including challenging it in the Constitutional Court of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the existing system of bringing judges to administrative liability should be revised. If an administrative offense committed by a judge is in no way related to his professional activities and the punishment for it is not associated with depriving the judge of immunity (for example an administrative fine), then it is necessary to provide for the possibility of bringing the judge to administrative liability on a general basis.

Keywords: administrative liability, persons with special legal status, judges immunity, judges inviolability, administrative punishment, judicial division.

For citation: Litvinova N. A. Features of bringing judges of the Russian Federation to administrative liability // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 91–97.

Основные положения, устанавливающие правовое положение судебной власти, содержатся в главе 7 Конституции Российской Федерации «Судебная власть и прокуратура», в которой указано, что правосудие в Российской Федерации может осуществляться только судом. В данной главе перечислены суды Российской Федерации и установлены основы правового статуса судей. Согласно ст. 120–123 Конституции Российской Федерации судьи независимы, несменяемы и неприкосновенны. Неприкосновенность судей подразумевает наличие у них иммунитета при привлечении их к уголовной ответственности, о чём прямо говорится в п. 2 ст. 123 Конституции Российской Федерации.

Про иммунитет при привлечении их к административной ответственности в нормах Конституции Российской Федерации ничего не сказано, несмотря на то, что административная ответственность так же, как и уголовная, является видом карательной ответственности и, помимо штрафов, позволяет накладывать на лицо такие административные наказания, как административный арест и обязательные работы, которые связаны с ограничением физической свободы лица на определённое время, то есть посягают на его неприкосновенность.

Я. В. Куренских считает недопустимым наложение на судей административных взысканий, указывая, что привлечение к административной ответственности «является нарушением существенным, несовместимым с их высоким званием. Данное обстоятельство задевает честь и достоинство судьи, умаляет авторитет судебной власти» [1, с. 74]. Считаем, что в данном случае более аргументированным и обоснованным является позиция Э. А. Стенюшкиной, которая указывает, что «каждое правонарушение, совершаемое судьёй, порочит честь и достоинство не только конкретного судьи, но и в целом судебной системы» [2, с. 71]. Действительно, судья является лицом, на которое возложены полномочия по осуществлению правосудия. Данное лицо должно обладать безупречной репутацией и строго придерживаться норм закона не только в своей профессиональной, но и в повседневной жизни.

Если судья совершает правонарушение и уходит от наказания, прикрываясь своим особым правовым статусом, это подрывает доверие населения к государству и к правосудию. В этой связи важно стремиться к обеспечению принципа справедливости, что будет способствовать поддержанию нормального взаимодействия органов государственной власти с населением [3, с. 58].

Основы процедуры привлечения судей к административной ответственности установлены п. 4 ст. 16 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[1]. Согласно указанным нормативным предписаниям решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается судебной коллегией в составе трёх судей уполномоченного суда в 10-дневный срок после поступления представления Генерального прокурора Российской Федерации.

Как видим, нормативные предписания закона достаточно общие и не дают полного представления о процедуре привлечения судей к административной ответственности. Прочтение указанных норм вызывает множество вопросов: во-первых, кто может фиксировать административное правонарушение, совершаемое судьёй? во-вторых, каким образом материалы, фиксирующие правонарушение, попадают к Генеральному прокурору Российской Федерации? в-третьих, обязан ли Генеральный прокурор передать эти материалы в соответствующую судебную коллегию для рассмотрения? в-четвёртых, насколько объективное решение будет вынесено судебной коллегией, учитывая, что судьи в данном случае будут рассматривать административный проступок своего коллеги?

[1] О статусе судей в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливает, что поводами к возбуждению дела об административном правонарушении являются сообщения и заявления физических и юридических лиц, общественных организаций, государственных и муниципальных органов, а также средств массовой информации об обнаруженном ими правонарушении, фиксация правонарушения специализированными техническими средствами либо непосредственное обнаружение правонарушения лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях.

При этом лицо, составляющее протокол об административном правонарушении, может и не знать, что субъектом правонарушения является судья. Так, например, при привлечении к административной ответственности по ст. 10.5 КоАП РФ за непринятие мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, сотрудники органов внутренних дел, составляющие протокол о правонарушении, могут не обладать сведениями, что участком, на котором выросли такие растения, владеет судья.

В этой ситуации, если лицо не указывает на свой специальный статус и соглашается с тем, что в данном случае оно нарушило действующие правила, возможно наложение на него штрафа в общем порядке.

Аналогичная ситуация складывается, если фиксация правонарушения произошла с помощью специализированных технических средств, когда штраф формируется и присылается автоматически, как это, например, происходит при превышении скорости. В таком случае судья является владельцем личного транспортного средства и выступает в правоотношениях как физическое лицо. Налагаемое на него административное наказание никак не связано с занимаемой им должностью и не посягает на его неприкосновенность. Поэтому если судья не заявит о своём специальном статусе, то по умолчанию в данной ситуации он будет рассматриваться как обычное физическое лицо.

Совершенно иная ситуация возникает, если профессия судьи становится известна. В этой ситуации для привлечения судьи к ответственности применяется специальная усложнённая процедура, о которой мы уже писали ранее [4, с. 469]. Согласно указанной процедуре, дело об административном правонарушении возбуждается уполномоченным органом, а затем все материалы по данному делу передаются руководству, которое передаёт собранные материалы в прокуратуру субъекта Российской Федерации. При этом следует отметить, что Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[1] (далее – Закон РФ «О статусе судей в РФ») существенно ограничивает меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренные ст. 27.1 КоАП РФ. Так, согласно п. 5 ст. 16 рассматриваемого закона, если судью подвергли административному задержанию, его необходимо освободить немедленно после установления занимаемой им должности. Также данная норма определяет, что личный досмотр судьи не допускается, за исключением случаев, предусмотренных данным федеральным законом в целях обеспечения безопасности других людей. Однако если досмотр был произведён до установления того, что досматриваемое лицо является судьёй, результаты досмотра можно использовать в качестве доказательств по делу.

После получения материалов дела об административном правонарушении прокурор субъекта Российской Федерации действует в соответствии с Приказом Генпро-

[1] О статусе судей в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

куратуры России от 23.11.2015 № 645[1]. Согласно данному документу, он должен рассмотреть поступившие к нему материалы и при наличии состава административного правонарушения передать материалы Генеральному прокурору Российской Федерации с ходатайством о внесении соответствующего представления. К ходатайству прикладывается мотивированное заключение о наличии в действиях судьи признаков административного правонарушения и об отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении. О принятом по материалам дела решении в трёхдневный срок необходимо информировать лицо, от которого поступили материалы.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации поступившие материалы рассматриваются в Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства. Представление о привлечении судьи к административной ответственности подписывается Генеральным прокурором Российской Федерации и направляется в прокуратуру по месту рассмотрения дела об административном правонарушении. Обязательным условием для внесения Генеральным прокурором Российской Федерации представления о привлечении судьи к административной ответственности является предварительное согласование проекта этого представления с управлением по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе.

Как видно из вышесказанного, до того, как дело об административном правонарушении, совершённом судьёй, попадёт в судебную коллегию, оно проходит три этапа: решение о целесообразности привлечения данного должностного лица к административной ответственности принимают начальник органа, сотрудниками которого был составлен протокол об административном правонарушении, прокурор субъекта Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации. На любом из данных этапов может быть принято решение об отсутствии необходимости привлекать судью к ответственности. При этом, если такое решение будет принято на уровне начальника органа, в котором было зафиксировано правонарушение, или на уровне Генеральной прокуратуры, извещать о принятом решении и о мотивах принятия такого решения никого не нужно. Поэтому следует согласиться с выводами А. С. Никоновой, которая писала, что данный сложный механизм «делает малореальным её применение во всех без исключения случаях и не препятствует возможности необоснованного освобождения судьи-правонарушителя от административной ответственности» [5, с. 35].

Кроме того, следует согласиться с мнением И. Я. Селиванова, который писал, что не оправдана необходимость привлечения Генерального прокурора Российской Федерации при наложении административных взысканий в отношении мировых и районных судей, поскольку «с данной задачей вполне может справиться прокурор субъекта Российской Федерации» [6, с. 86]. Согласно п. 4 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ», «решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается …судебной коллегией в составе трёх судей» в течение 10 дней с момента получения представления Прокурора Российской Федерации. Данные коллегии формируются в судах (кроме городских, районных и мировых) ежегодно. Формирование коллегий осуществляется президиумами судов, которые при формировании данных органов учитывают моральный облик судьи, отсутствие у него взысканий, его способность быть объективным и беспристрастным по отношению к своим коллегам. Составы коллегий далее утверждаются Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации.

Рассматривая правовой статус таких коллегий, И. С. Кузнецова подчёркивает, что указанные органы «формируются не как судебные составы по делам» [7, с. 70]. Как

[1] О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России от 23.11.2015 № 645. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указывал Конституционный Суд Российской Федерации, квалификационные комиссии рассматривают наличие правовых и фактических оснований[1] для привлечения судьи к административной ответственности, не делая выводов о его виновности. То есть фактически указанные органы решают вопрос о снятии с судьи иммунитета и возможности рассмотрения в отношении его дела об административном правонарушении уполномоченным районным судом или мировым судьёй по подсудности.

Решения, которые принимают такие коллегии, могут быть обжалованы (п. 9 и 10 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ»). Порядок обжалования данным нормативным актом не предусмотрен, поэтому обжалование осуществляется на основании норм ГПК РФ или АПК РФ, как и любое другое обжалование решений соответствующего суда, предусмотренное процессуальным законодательством. Следует отметить, что личная неприкосновенность, на основании которой дела об административных правонарушениях рассматриваются в особом порядке, распространяется и на судей в отставке. Рассматривая данное положение, Д. М. Нурбаев делает вывод о том, что данное положение дел вполне оправданно [8, с. 222]. Изучаемая нами процедура привлечения судей к ответственности была предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации по запросу именно судьи в отставке.

Судья в отставке С. Г. Слиска, привлечённый к административной ответственности на основании п. 4 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ», оспаривал конституционность указанной нормы, утверждая, что привлечение к административной ответственности судей несовместимо с их особым статусом. Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев данную жалобу, указал, что наложенное на судью административное наказание никак не связано с его профессиональной деятельностью, порядок привлечения его к административной ответственности был соблюдён. П. 4 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ» соответствует Конституции Российской Федерации, так как, наоборот, данной нормой предоставляются судьям дополнительные гарантии их неприкосновенности при привлечении их к административной ответственности, поскольку она предусматривает дополнительные этапы прохождения административного дела, на каждом их которых уполномоченные органы решают вопрос о том, возможно ли лишить судью неприкосновенности в данном конкретном случае, не связано ли совершённое правонарушение с профессиональной деятельностью судьи, не повлияет ли наложение административного взыскания на осуществление судьёй правосудия[2].

К аналогичному выводу приходит Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении судьи в отставке К. Н. Федорова[3]. Представляет интерес тот факт, что в данном случае судья в отставке К. Н. Федоров оспаривал привлечение его к административной ответственности по ст. 12.26 КоАП РФ за невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на со-

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Емельянова Вячеслава Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктами 7 и 8 статьи 16 Закона Рос. Федерации «О статусе судей в Рос. Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 сентября 2023 г. № 2179-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Слиски Сергея Германовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Рос. Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 28 сентября 2021 г. № 1690-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О даче согласия на привлечение судьи районного суда в отставке к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, за невыполнение водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения [Электронный ресурс]: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 5 июня 2019 г. № 66-АПА19-3. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

стояние опьянения, то есть за деяние, никак не связанное с его профессиональной деятельностью.

Рассмотрение процедуры привлечения к административной ответственности судей Российской Федерации позволило сделать вывод о том, что данный процесс слишком громоздкий и существенно затрудняет возможность привлечения судей к административной ответственности. Как справедливо отмечает И. Н. Астафьев, основной целью административного наказания является предупреждение совершения новых правонарушений [9, с. 44]. Но эта цель не достигается, если лицо, совершившее правонарушение, к ответственности не привлекается.

Административные правонарушения сами по себе представляют угрозу стабильности любого государства [10, с. 141], а допущение их лицами, являющимися представителями власти или занимающими важные государственные или иные должности, подрывает авторитет к органам управления.

Существующая усложнённая процедура не способствует осуществлению правосудия, позволяя судьям уходить от наказания, даже если совершённые ими правонарушения не связаны с осуществлением судьёй Российской Федерации своих полномочий. Представляется, что существующая ситуация должна быть изменена. Предусмотренная п. 4 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ» процедура необходима и уместна при рассмотрении правонарушений, связанных с профессиональной деятельностью судьи, однако в остальных случаях, по нашему мнению, судья должен привлекаться к административной ответственности на общих основаниях. Предлагаем в КоАП РФ отразить те составы, на которые иммунитет судьи не распространяется, при условии, что назначенное наказание никак не связано с нарушением личной неприкосновенности судьи (например, штраф), и сделать соответствующую оговорку в ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ».

1. Куренских Я. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при привлечении к административной ответственности прокуроров и судей // Шаг в науку. 2020. № 1. С. 73–75.
2. Стенюшкина Э. А. Административная ответственность судей как лиц, обладающих привилегиями в праве // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 71–74.
3. Бучакова М. А., Дизер О. А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2(43). С. 58–63.
4. Литвинова Н. А. Отдельные особенности производства по делам об административных правонарушениях в отношении лиц, обладающих иммунитетом: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 463–470.
5. Никонова А. С. Об особых условиях привлечения судей к административной ответственности // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1 (22). С. 35–38.
6. Селиванов И. Я. Административная ответственность судей и прокурорских работников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1(126). С. 81–88.
7. Кузнецова И. С. Трансформация судейского иммунитета в процедуре привлечения к административной ответственности // Труды Института государства и права РАН. 2023. Том 18. № 1. С. 70–96.
8. Нурбаев Д. М. Правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, утративших особый правовой статус // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 217–224.
9. Астафьев И. Н. Повышение эффективности административной ответственности в условиях цифровизации: на примере ч. 1 ст. 19.3 КОАП РФ // Научный вестник

Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 43–52.
10. Дизер О. А., Филиппов О. Ю. Мелкое хулиганство: ошибки толкования и применения нормы, предусматривающей ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2(32). С. 140–146.

1. Kurenskix Ya. V. Soblyudenie balansa chastny`x i publichny`x interesov pri pri-vlechenii k administrativnoj otvetstvennosti prokurorov i sudej // Shag v nauku. 2020. № 1. S. 73–75.
2. Stenyushkina E`. A. Administrativnaya otvetstvennost` sudej kak licz, obladayu-shhix privilegiyami v prave // Administrativnoe pravo i process. 2024. № 5. S. 71–74.
3. Buchakova M. A., Dizer O. A. Vzaimodejstvie policii i obshhestva // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 2(43). S. 58–63.
4. Litvinova N. A. Otdel`ny`e osobennosti proizvodstva po delam ob administra-tivny`x pravonarusheniyax v otnoshenii licz, obladayushhix immunitetom: Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava (Sorokin-skie chteniya). Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2025. S. 463–470.
5. Nikonova A. S. Ob osoby`x usloviyax privlecheniya sudej k administrativnoj ot-vetstvennosti // Vestnik Omskoj yuridicheskoj akademii. 2014. № 1(22). S. 35–38.
6. Selivanov I. Ya. Administrativnaya otvetstvennost` sudej i prokurorskix ra-botnikov // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2019. № 1(126). S. 81–88.
7. Kuzneczova I. S. Transformaciya sudejskogo immuniteta v procedure privleche-niya k administrativnoj otvetstvennosti // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2023. Tom 18. № 1. S. 70–96.
8. Nurbaev D. M. Pravovy`e problemy` privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti licz, utrativshix osoby`j pravovoj status // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 217–224.
9. Astaf`ev I. N. Povy`shenie e`ffektivnosti administrativnoj otvetstvennosti v usloviyax cifrovizacii: na primere ch. 1 st. 19.3 KOAP RF // Nauchny`j vestnik Or-lovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 43–52.
10. Dizer O. A., Filippov O. Yu. Melkoe xuliganstvo: oshibki tolkovaniya i pri-meneniya normy`, predusmatrivayushhej otvetstvennost` // Yuridicheskaya nauka i pravo-oxranitel`naya praktika. 2015. № 2(32). S. 140–146.

Информация об авторе

Нина Александровна Литвинова. Заместитель начальника редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение).
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Nina Al. Litvinova. Deputy Head of the Editorial and Publishing Department – Head of the Department (Editorial Department).
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 15.07.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 342

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННУЮ ПРАКТИКУ И КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ

Лысухо Петр Иванович
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

peterlysuho@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются содержание и особенности правового статуса национальных диаспор, сложившихся в стране; некоторые аспекты правового статуса иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации. Актуальность данной темы обусловлена сложностью и злободневностью рассматриваемых вопросов, возникающих из трудовых и иных правоотношений с участием мигрантов, обусловленных, как правило, низким качеством знания ими русского языка, культуры и истории России, возникающих в этой связи проблем ассимиляции с коренным населением, ростом криминальных проявлений. На основе исследования всех имеющихся материалов автором выявляются причины и условия, способствующие возникновению сложившейся ситуации, и предлагаются конкретные меры организационно-правового и иного характера по исправлению имеющейся негативной тенденции.

Ключевые слова: национальная диаспора, права и свободы, иностранный гражданин, миграционная политика, криминогенная обстановка, трудовая миграция, миграционный учёт, ассимиляция, нарушение миграционного законодательства, выдворение, депортация.

Для цитирования: Лысухо П. И. Социально-правовой статус национальных диаспор в Российской Федерации и их влияние на миграционную практику и криминогенную обстановку // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 98–107.

SOCIAL AND LEGAL STATUS OF NATIONAL DIASPORAS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR IMPACT ON MIGRATION POLICY AND CRIMINOGENIC ENVIRONMENT

Petr I. Lysukho
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Bryansk, Russia

peterlysuho@yandex.ru

Annotation. The article examines the content and features of the legal status of national diasporas that have developed in the country, as well as some aspects of the legal status of foreign citizens residing in the Russian Federation. The relevance of this topic is due to the complexity and urgency of the issues under consideration, which arise from labor and other legal relations involving migrants, as a result of their poor knowledge of the Russian language, culture, and history, as well as the resulting problems of assimilation with the indigenous population and the increase in criminal activities. Based on the study of all

available materials, the author identifies the causes and conditions that contributed to the current situation and proposes specific organizational, legal, and other measures to reverse the negative trend.

Keywords: national diaspora, rights and freedoms, foreign citizen, migration policy, crime situation, labor migration, migration registration, assimilation, violation of migration legislation, expulsion, deportation.

For citation: Lysukho P. I. Social and legal status of national diasporas in the Russian Federation and their impact on migration policy and crime environment // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 98–107.

Исследование правового положения национальных диаспор в Российской Федерации и их влияния на криминогенную ситуацию и государственную миграционную политику в современный период является весьма актуальным, поскольку с каждым годом поток мигрантов, прибывающих в наше государство с целью трудоустройства, учёбы, натурализации и легализации, продолжает оставаться стабильно высоким, что вызывает всё больше проблем в обществе.

Миграция населения является сложным социально-правовым явлением, влекущим за собой как положительные, так и отрицательные последствия. Позитивными факторами миграции являются ускорение социально-экономического развития как принимающих, так и отдающих государств, имеющих избыток рабочей силы. Она даёт импульс развитию экономических, культурных, образовательных, научных, спортивных и иных отношений. Негативными факторами миграции являются: усиление социальной напряжённости, национальной, расовой и межконфессиальной вражды, возрастают риски нанесения ущерба национальным интересам, распространения различных инфекционных заболеваний, роста уровня криминализации общества в результате активизации деятельности этнических преступных группировок и другие.

Негативные последствия и риски, связанные с миграцией, и её влияние на экономику, торговлю, туризм, демографию, другие сферы развития общества определяют необходимость управляющего воздействия на миграционные процессы с целью совершенствования регулирования миграционных отношений, что, несомненно, вызывает интерес у представителей научного сообщества. При этом следует признать, что проблемы правового регулирования миграционных отношений в нашей стране изучены ещё недостаточно. Так же, как и нормативная база, регулирующая эти правоотношения, недостаточно развита и не в полной мере учитывает как реалии сегодняшнего дня, так и перспективы развития социума, государства и мирового сообщества.

Сейчас Россия находится под беспрецедентным санкционным давлением со стороны западных государств, при этом продолжаются боевые действия в зоне проведения специальной военной операции с использованием самых современных, в том числе принципиально новых, высокоточных, разрушительных и смертоносных систем вооружений, вынуждающих людей покидать места своего постоянного проживания и мигрировать в другие страны, включая и Российскую Федерацию. Иногда под видом беженцев к нам прибывают подготовленные как украинскими, так и западными спецслужбами террористы.

В сложившейся ситуации является совершенно недопустимым и требующим своевременного адекватного организационно-правового реагирования со стороны государства на серию терактов, не только организованных и совершённых западными и украинскими спецслужбами с участием мигрантов, но и готовящихся на перспективу, например: теракт в московском ТЦ «Крокус Сити Холл» с многочисленными жертвами со стороны мирных граждан, убийство в Москве генерал-лейтенанта Игоря Кириллова, убийство журналиста и политолога Дарьи Дугиной и многие другие. По предваритель-

ным результатам, расследования этих преступлений позволили установить, что, помимо западных и украинских спецслужб, к подготовке и проведению этих терактов были причастны и национальные диаспоры мигрантов, оказывавшие их исполнителям всю необходимую помощь и поддержку. Недопустимыми со стороны представителей национальных диаспор являются также оскорбительные высказывания в адрес участников специальной военной операции (СВО) и случаи нападения на участников СВО и лиц, поддерживающих их, с причинением им телесных повреждений различной степени тяжести. Подобные факты свидетельствуют о негативной роли национальных диаспор в жизни российского общества, повышении уровня преступности и ухудшении криминогенной обстановки.

Зарубежный опыт мультикультурализма оказался несостоятельным как в государствах Запада, так и в российских условиях. Его несостоятельность объясняется отсутствием гарантии формирования многоуровневой идентичности, в которой бы общегосударственный компонент идентичности превалировал над этническим или конфессиональным [1, с. 165]. В сложившихся условиях исследование социально-правового статуса диаспоры представляется актуальным, так как именно диаспоры чаще всего выступают субъектом межнациональных отношений, инструментом урегулирования межэтнических противоречий и институтом общественной дипломатии.

Правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации закреплён, помимо Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) и других нормативных актов, в Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[1], в котором определены их права, свободы, обязанности и ответственность за допущенные нарушения.

В настоящее время специального закона, закрепляющего правовой статус национальных диаспор, в российской правовой системе нет, что, по-видимому, способствует в условиях возникшего правового вакуума проявлению ряда случаев неадекватного и часто противоправного, антироссийского поведения отдельных руководителей и представителей национальных диаспор. То есть сейчас в российском законодательстве отсутствуют как нормы, запрещающие создание национальных диаспор, так и нормы, определяющие их правовой статус, включая права, обязанности и ответственность.

Прежде чем приступить к исследованию фактического социально-правового статуса национальных диаспор в российской правовой сфере и реальной их роли в жизни российского общества, необходимо уяснить, что представляет собой такая дефиниция, как «диаспора» [нем. *Diaspora*, англ. *diaspora*,< греч. *Diaspora* - рассеяние] – значительная часть народа (этнической общности), пребывающая вне страны его основного поселения [2, с. 252]. Таким образом, слово «диаспора» означает рассеяние, а не какую-то организацию, в которой собираются представители определённой национальности.

Позиция А. В. Бедрик, Д. Н. Стукаловой и А. А. Терещенко по проблеме трактовки понятия диаспоры в содержательном смысле так же, как и мнение об актуальности усиления в сложившихся условиях актуальности гармонизации межэтнических отношений, позитивного восприятия многонациональным населением России гражданских форм идентификации при одновременном сохранении этнокультурной специфики, является достаточно обоснованной и поэтому заслуживающей поддержки [3, с. 61–71].

В широком смысле под диаспорой можно понимать любую этнически однородную совокупность людей, проживающих за пределами своего национального государства, исторической родины или основного этнического ядра [4, с. 94]. Широкое значение чаще всего используется в политических, журналистских и публицистических дис-

[1] О правовом положении иностранных граждан в Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032

курсах в отношении любых типов этнических меньшинств. Однако, с нашей точки зрения, диаспору следует рассматривать как этническое меньшинство, обладающее следующими необходимыми признаками. Во-первых, диаспора является результатом миграции и формируется на третьей стадии миграционного процесса - адаптации мигрантов [5, с. 48]. В дальнейшем уже сама диаспора выступает аккумулятором новых миграционных волн, становясь ядром миграционного притяжения и основой сетевого механизма функционирования миграционных потоков. Во-вторых, диаспорой является далеко не любая демографическая совокупность этнического меньшинства, а лишь та, которая характеризуется высоким уровнем групповой интегрированности, что выражается в анклавной локализации, организационно-правовой институционализации или в групповых практиках на основе общей этнокультурной самоидентификации. В-третьих, базовым фактором формирования групповой интегрированности членов диаспоры является наличие или представление о наличии исторической родины [6, с. 244]. Чаще всего идея исторической родины находит воплощение в лице национального государства или этнического региона внутри другого государства.

По мнению политолога Андрея Перлы, которое следует признать обоснованным, диаспоры в России начали формироваться в начале 1990-х годов, и связано это было с полураспадом Российского государства, которое на тот период было не способно заставить мигрантов соблюдать порядок в нашей стране[1].

Вопрос о судьбе национальных диаспор в России на сегодняшний день является одним из самых актуальных, поскольку нельзя создавать прецедента, при котором вне федерального законодательства существуют ещё какие-то надзаконные органы, причём состоящие частично из лиц, получивших российское гражданство, но плохо владеющих русским языком, не уважающих и не соблюдающих обычаи, отвергающих культуру и нарушающих законодательство принявшей их страны, при этом пытающихся диктовать свою волю на российской земле, вступающих в конфликты с русскоязычным коренным населением.

Организационно-правовая институционализация диаспоры в настоящее время может осуществляться в форме общественной организации или национально-культурной автономии. Оба типа данных организаций подлежат обязательной государственной регистрации в соответствии с требованиями Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ[2] или Федерального закона «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 № 74-ФЗ[3] и в этом случае приобретают права юридического лица и заносятся в реестр юридических лиц. Получив официальный статус юридического лица, национально-культурные объединения или автономии могут участвовать в выработке решений органов государственной власти и местного самоуправления, представлять и защищать права и интересы своих членов, участвовать в программах финансовой поддержки деятельности общественных институтов, в конкурсных процедурах на получение грантов [7, с. 69].

Поскольку национально-культурные автономии часто тесно связаны со странами их происхождения, они зачастую финансируются за счёт не только членских взносов, но и существенной финансовой поддержки от стран происхождения. Однако получение средств из иностранных источников предполагает особые условия. В соответ-

[1] ТОП-20 сайтов для поиска своей родословной [Электронный ресурс]. URL:https: dzen.ru |a| Za7BGdwcgx81fKEs (дата обращения: 31.07.2025).
[2] Об общественных объединениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
[3] О национально-культурной автономии [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

ствии с п. 6 ст. 2 ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ[1] общественное объединение (некоммерческая организация) приобретает статус иностранного агента, если «получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и которая участвует в том числе в интересах иностранных источников в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации» [8, с. 110]. Статус иностранного агента на уровне общественного сознания имеет ярко выраженную негативную ассоциацию, поэтому большинство национально-культурных объединений избегают его приобретения.

Подобные установки особенно усиливаются в случае обострения межгосударственных отношений между национальным государством, с которым идентифицирует себя диаспора, и Россией [9, с. 56]. Одновременно статус иностранного агента является одним из факторов распространения ведомственного национализма [10, с. 143]. Так, в процессе развития российско-украинского противостояния проблема сохранения связи с исторической родиной усугубила положение украинских национально-культурных объединений. Государственный переворот в Киеве, изменение государственной принадлежности Крыма, боевые действия на территории Донбасса стали причинами распространения в российском обществе негативных стереотипов в отношении украинцев и, соответственно, в отношении институтов украинской диаспоры, что привело к её маргинализации и массовому распространению в публичной риторике негативных этнических маркеров в отношении украинцев («бендеровцы», «укропы» и т. д.). Несмотря на это, национально-культурные объединения украинцев, как правило, выступают агентами общественной дипломатии, которые не только выполняют функцию по сохранению позитивного имиджа украинцев в российском обществе, но и обеспечивают связи России с конструктивными силами на самой Украине. Такая их роль усиливает разрыв диаспоры с национальным государством и представляющими его в России дипломатическими службами.

Совсем недавно в России произошёл очередной инцидент с участием представителя национальной диаспоры одной из республик Средней Азии, когда глава узбекского землячества «Ватандош» Усман Баратов оскорбил участников специальной военной операции, разместив в сети издевательский пост. Следственным комитетом России по данному факту было возбуждено уголовное дело по п. «в» ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Баратов, у которого есть паспорт и гражданство России, заявил, что никакой он не русский, он узбек, и ему категорически неприятно даже само слово «русский». В этой связи возникают вопросы: как этот человек получил российское гражданство; какую антироссийскую деструктивную работу он проводил, возглавляя узбекское землячество, и что от него ждать в дальнейшем, если не принять нормативные акты, устанавливающие адекватные меры ответственности для подобных субъектов уголовных правоотношений?

По мнению вице-спикера Госдумы РФ Петра Толстого, которое представляется в сложившихся условиях достаточно обоснованным, возникшая ситуация позволяет сделать вывод, что все эти национальные диаспоры, землячества и общины представляют собой не что иное, как легализованные мафиозные структуры, которые ничем не лучше таких же корсиканских или сицилийских структур. Они также подкупают местную власть, «отмазывают» собственных боевиков, «крышуют» полулегальный бизнес

[1] О некоммерческих организациях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и запугивают всех остальных. Пора заканчивать с межнациональным либерализмом. В России не должно быть места параллельным структурам со своими законами, обычаями и властью. Допускается только чёткое следование нормам российского законодательства и поведения. Во всех остальных случаях предполагается немедленная и жёсткая реакция со стороны государства. С указанной оценкой ситуации и выводами следует согласиться, поскольку они достаточно аргументированны и обоснованны.

По-настоящему опасным в сложившейся ситуации является то, что для приезжих их землячества выступают в качестве параллельных органов власти. Фактически «диаспоры» - это государства внутри законного российского государства, препятствующие работе легитимных институтов власти, прежде всего полиции, скрывающие от неё свой криминальный бизнес и находящихся в розыске земляков-преступников. Ликвидация национальных диаспор как параллельных институтов власти будет способствовать реализация на практике конституционных принципов справедливости и равенства всех перед законом. В России созданы все условия для того, чтобы иностранный гражданин в любой момент мог обратиться за помощью в консульство своей страны. Если же мигрантам этого недостаточно, то, скорее всего, вопрос не в защите их законных прав и интересов, а в том, что они просто хотят действовать в обход закона и покрывать «своих», совершивших преступления, что просто недопустимо, и с этим следует вести бескомпромиссную борьбу. Самой большой проблемой в сложившейся ситуации является вопрос: что делать, с чего начать и какой алгоритм действий следует применить, чтобы решить имеющиеся проблемы и в стране наступил долгожданный правопорядок.

По мнению политического обозревателя «Первого русского» Андрея Перла, высказанного им в эфире программы «Скрытые смыслы», Россия попала в ловушку, в которой оказывается почти каждая богатая страна, окружённая более бедными странами. Поскольку на их фоне она становится желанной целью для переселенцев.

Подобно тому, как переселенцы, например из Италии, в своё время отправлялись в Соединённые Штаты Америки, так и в наше время переселенцы, например из Таджикистана, отправляются в Россию. Почему? Потому что в России гораздо больше возможностей, для того чтобы заработать. Требовать от бедных людей, чтобы они не стремились зарабатывать больше, трудно. Но можно требовать, чтобы их приезжало не больше, чем для них есть рабочих мест, и чтобы каждый из них соблюдал законы страны, на территории которой он находится. Нужно не допускать, чтобы следом за рабочим мигрантом ехала вся его семья, жена, дети, родители, которые потом обращаются в соответствующие государственные и муниципальные органы с требованием назначить им выплату из бюджета социальных пособий и пенсий, выделить жильё, места в детских садах, школах и больницах, хотя они не внесли в этот бюджет никаких взносов. Однако именно это и представляет собой огромную трудность.

Что может помешать государству объективно исполнять свои обязанности? Во-первых, привычка думать, будто диаспоры – «это очень удобный инструмент для работы на выборах и поддержания социально-политической стабильности». Кроме того, есть опасения, что процесс ликвидации диаспор ожидаемо повлечёт за собой рост уличной преступности. К этому нужно быть готовыми и с этим нужно будет бороться жёсткими полицейскими мерами.

А вторая проблема – идеологическая, которая возникла под влиянием так называемой ленинской национальной политики, которая процветала в Советском Союзе. То есть примат интересов целого ряда этносов над интересами этноса государствообразующего. Отсюда и национально-культурные автономии, которые часто становятся ширмами для представителей диаспор и дают им возможность протестовать против государственной политики, направленной на их обуздание. Речь не о том, чтобы лишать кого бы то ни было его законных прав, и не о том, что кто-то должен быть ущемлён в своих правах законом по отношению к представителям коренного населения.

Этого нельзя допускать. Но и обратной ситуации допускать нельзя, когда у кого-то слишком много прав по сравнению с другими. Высказанная точка зрения представляется достаточно логичной и аргументированной, поэтому заслуживает поддержки.

В 2024 году миграционная политика России системно ужесточилась, о чём свидетельствует статистика. Число решений о выдворении мигрантов достигло 174 тыс., что стало рекордом за девять лет (против 129,6 тыс. в 2023 году). В 93,5 % случаев это касается нарушений правил въезда, проживания и нелегальной работы. Растёт также число помещения иностранцев в центры временного содержания, что способствует ускорению процедуры выдворения. Такой поворот имеет сразу несколько причин. Во-первых, это связано с ростом числа тяжких преступлений, совершённых иностранцами, что создаёт социальное напряжение и запрос на защиту со стороны местного населения. Во-вторых, это реакция государства на очевидные пробелы в регулировании миграционных потоков, включая слабый контроль за фиктивными браками, нарушениями режима пребывания и злоупотреблениями в сфере трудовой миграции. Анализ юридической практики показывает снижение доли альтернативных мер воздействия, поскольку суды значительно чаще применяют административное выдворение даже при наличии обстоятельств, которые ранее учитывались как смягчающие в виде семейных или социальных.

Изменения стали возможными благодаря обновлению законодательства и подзаконных нормативных актов в 2024-2025 годах. Что было сделано? Сокращены сроки пребывания иностранцев в стране, создан реестр для их контроля, введено уголовное наказание за незаконное нахождение в стране. Число приговоров к реальному лишению свободы возросло до 8,1 тысячи, а 80 % жалоб на выдворение не удовлетворяются судами[1].

По данным МВД в России, на 11 июня 2025 года находятся больше 638 тысяч несовершеннолетних мигрантов. В том числе, в Москве проживает 80 282 несовершеннолетних иностранца, из них обучаются только 25 тыс. детей. Чтобы устранить подобную ситуацию, Государственной Думой принят в первом чтении законопроект о передаче данных о детях мигрантов между МВД и образовательными ведомствами. С 1 апреля 2025 года начало проводиться тестирование мигрантов на знание русского языка.

Мигранты из Таджикистана обеспокоены заявлением министра внутренних дел России Владимира Колокольцева, который потребовал от иностранцев, не приносящих пользы, покинуть страну. В недавнем выступлении глава МВД затронул вопрос трудовой миграции и подчеркнул, что оставшиеся без работы или отчисленные из учебных заведений иностранцы должны вернуться на родину. То же самое, по мнению министра, относится к мигрантам, не изучающим русский язык, не прошедшим требуемую законом дактилоскопию, а также не приносящим пользы РФ и её обществу.

Жители России поддержали жёсткий подход министра, направленный на упорядочение миграционных правоотношений, однако мигрантам такой подход не понравился. Таджикистан входит в тройку стран, откуда в Россию едет больше всего трудовых мигрантов. Причина возникновения такого потока проста: экономика Республики слаба, а работа в сельском хозяйстве или в лёгкой промышленности не приносит тех доходов, которые мигрант может заработать в России на стройке, в такси или в службах доставки. По этой причине больше всего таджики в РФ боятся ужесточения миграционного законодательства страны, поскольку в этом случае им придётся ехать домой или искать работу в странах с куда менее комфортными условиями[2].

МВД России в настоящее время проводит скрытую операцию против нелегальных мигрантских бизнес-сетей, сообщил *Telegram–канал INSIDER BLACK*. Силовики

[1] https:// dzen.ru/a/aEhCBIhLgCKXU316
[2] https:// dzen.ru/a/aEwOlgWEQNRfUuI

начинают точечные операции против теневого бизнеса мигрантских сообществ, особенно в южных и приграничных регионах: в Краснодарском крае, в Ростовской области, на Ставрополье, в Астрахани. Это необходимо, чтобы лишить их всех денежных средств, добытых незаконным путём. Кроме того, это будут не массовые публичные рейды, речь идёт о «тихой финансовой зачистке». Основная её задача – не допустить разрастания нелегальных бизнес–коррупционных связок, которые за последние два года значительно усилились на фоне притока дешёвой рабочей силы. В регионах действуют закрытые группы мигрантов, которые контролируют целые сферы: торговлю, строительство, перевозки, общепит. Ряд таких бизнесов работает под негласной «крышей» местных чиновников и силовиков низового звена. Алгоритм действий МВД сейчас включает: блокировку счетов через налоговую координацию, точечные проверки компаний на предмет фиктивной регистрации, аннулирование лицензий на ряд коммерческих операций, закрытие нелегальных центров трудоустройства. В МВД называют эту компанию «первой волной зачистки». Она должна решить задачу по недопущению роста мигрантских неформальных структур, национальных диаспор, которые в перспективе могут перерасти в самостоятельные зоны влияния.

Ранее начать тотальный разгром связанных с диаспорами преступных группировок поручил своим высокопоставленным сотрудникам глава ФСБ Александр Бортников. Ставилась задача не только задержать самих участников и лидеров таких группировок, но и организовать борьбу с каналами, через которые они легализуют добытые преступным путём деньги. Чекисты также занялись «крышей» диаспор. Так, в апреле 2025 года против начальника управления по вопросам миграции главка МВД по Пензенской области и его подчинённого возбудили уголовное дело за взятки. Перед этим в Москве ими был ликвидирован центр легализации пребывания нелегальных мигрантов в России.

По информации *Telegram–канала INSIDER-T*, в Кремле уже давно поднимают вопрос о том, что делать с диаспорами. В настоящее время власти решили предпринять конкретные жёсткие шаги, чтобы искоренить существование вне федерального законодательства каких-либо надзаконных органов, которые создают приезжие из стран Средней Азии и Закавказья. Основной проблемой здесь оказалось прикрытие диаспор влиятельными покровителями из силовых структур. В декабре 2024 года этот же канал предупредил о грядущей масштабной «зачистке» лидеров диаспор. К ним возникли вопросы уже не только за нелегальные финансовые криминальные махинации, но и за попытки дестабилизации ситуации в стране. В «списке жертв» оказались активные критики российской политики, поддерживающие оппозиционные движения. Их выдворили за обнаруженные нарушения миграционного и иного законодательства РФ. В руководстве страны растёт обеспокоенность по поводу влияния зарубежных диаспор на внутреннюю политику государства. В этой связи рассматривается вопрос о ликвидации несанкционированных поселений иностранцев в крупных городах России. Масштаб этого явления проявляется наглядно во время больших мусульманских праздников, когда все улицы и транспортные артерии крупных городов оказываются перекрыты, а движение по ним парализовано верующими мигрантами, многие из которых, как выяснилось, не имеют легального статуса[1].

Подводя итог, подчеркнём, что представляется целесообразным на основе анализа сложившейся ситуации и ранее уже высказанных соображений предложить некоторые меры по её оптимизации. Чтобы нормализовать сложившуюся ситуацию, предлагается компетентным государственным органам регулярно проводить мероприятия в рамках уже существующего законодательства по борьбе с нелегальной миграцией. В ходе таких мероприятий должен быть усилен контроль за соблюдением иностранца-

[1] https:// dzen.ru/a/aE1mvxKa1FdiOjPo

ми миграционных норм, а в случае выявления их нарушения необходимо безотлагательно депортировать их обратно. Иностранным гражданам, прибывшим в Россию на законных основаниях, желающим остаться в ней и представляющим ценность, то есть способным эффективно трудиться во благо её, обладающим здоровьем и необходимыми профессиональными компетенциями, должно быть предложено пройти процедуру легализации своего статуса с целью ассимиляции их в российское общество.

Одновременно необходимо продолжать постоянно системную работу по совершенствованию законодательства и в целом правовой базы, регулирующей миграционные правоотношения. Осуществлять постоянный мониторинг и жёсткий контроль за миграционными потоками, выявлять и привлекать к строгой ответственности тех сотрудников правоохранительных органов и чиновников, которые будут замечены в «крышевании» мигрантских структур.

Установить в рамках обновлённого правового поля статус национальных диаспор только как разновидности общественных объединений или национально-культурных образований, а не органов политического давления на органы власти страны проживания с целью получения особых прав, льгот и иммунитета от ответственности для представителей отдельных наций и этносов.

1. Дегтярев К. Г., Черноус В. В. Права человека и «сепаратистские» требования мультикультурализма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 165–172.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2009. 944 с.
3. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный ракурс. Бедрик А. В., Стукалова Д. Н., Терещенко А. А., Южный федеральный университет. Журнал «ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ». Научная статья. Том 20. Номер 4., 2016 г. С. 61-71.
4. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов н/Д.; Пятигорск, 2002. 627 с.
5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. 239 с.
6. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 542 с.
7. Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003. 248 с.
8. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004. 508 с.
9. Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные аспекты. М., 2002. 284 с.
10. Бедрик А. В., Дьяченко А. Н. Ведомственный национализм в современном российском обществе: этнократия или мигрантофобия? // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 142–151.

1. Degtyarev K. G., Chernous V. V. Prava cheloveka i «separatistskie» trebovaniya mul`tikul`turalizma // Gosudarstvennoe i municial`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski SKAGS. 2014. № 4. S. 165–172.
2. Kry`sin L. P. Tolkovy`j slovar` inoyazy`chny`x slov. M.: E`ksmo, 2009. 944 s.
3. Social`no-pravovoj status diaspory` v sovremennom rossijskom obshhestve: regional`ny`j rakurs. Bedrik A. V., Stukalova D. N., Tereshhenko A. A., Yuzhny`j federal`ny`j universitet. Zhurnal «GUMANITARIJ YuGA ROSSII». Nauchnaya stat`ya. Tom 20. Nomer 4., 2016 g. S. 61-71.
4. Astvaczaturova M. A. Diaspory` v Rossijskoj Federacii: formirovanie i upravlenie (Severo-Kavkazskij region). Rostov n/D.; Pyatigorsk, 2002. 627 s.

5. Ry`bakovskij L. L. Migraciya naseleniya (voprosy` teorii). M., 2003. 239 s.
6. Tishkov V. A. Rekviem po e`tnosu: Issledovaniya po social`no-kul`turnoj antropologii. M., 2003. 542 s.
7. Xabrieva T. Ya. Nacional`no-kul`turnaya avtonomiya v Rossijskoj Federacii. M., 2003. 248 s.
8. Osipov A.G. Nacional`no-kul`turnaya avtonomiya. Idei, resheniya, instituty`. SPb., 2004. 508 s.
9. Poloskova T. V. Sovremenny`e diaspory`: vnutripoliticheskie i mezhdunarodny`e aspekty`. M., 2002. 284 s.
10. Bedrik A. V., D`yachenko A. N. Vedomstvenny`j nacionalizm v sovremennom rossijskom obshhestve: e`tnokratiya ili migrantofobiya? // Gumanitarij Yuga Rossii. 2015. № 4. S. 142–151.

Информация об авторе

Петр Иванович Лысухо. Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

24150, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Petr I. Lysukho. Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Candidate of Law.

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky per., 2a.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 20.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 351.811

ПОКАЗАТЕЛИ АВАРИЙНОСТИ С УЧАСТИЕМ ЭЛЕКТРОВЕЛОСИПЕДОВ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сальников Евгений Вячеславович[1], Сальникова Инна Николаевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орёл, Россия

[1]esalnikov2005@yandex.ru
[2]inna-salnikova@yandex.ru

Аннотация. Предметом данной статьи является система учёта дорожно-транспортных происшествий с участием электровелосипедов. Сложившаяся в России практика рассматривает показатели аварийности электровелосипедов в общей массе велосипедов. Вместе с тем техническая и эксплуатационная близость электровелосипедов к средствам индивидуальной мобильности определяет их особые характеристики. На примере сравнительного исследования показателей аварийности электровелосипедов в Китае, где они рассматриваются отдельно от велосипедов, авторы демонстрируют возможности получения новых знаний об особенностях аварийности данной категории транспортных средств.

Ключевые слова: электровелосипеды, велосипеды, аварийность, средства индивидуальной мобильности.

Для цитирования: Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Показатели аварийности с участием электровелосипедов в России и Китае: сравнительный анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 108–114.

ACCIDENT RATES INVOLVING ELECTRIC BICICLES IN RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS

Evgenii W. Salnikov[1], Inna N. Salnikova[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

[1]esalnikov2005@yandex.ru
[2]inna-salnikova@yandex.ru

Annotation. The subject of this article is a system for recording road accidents involving pedal electric cycle. The established practice in Russia considers the accident rates of pedal electric cycle in the total mass of bicycles. At the same time, the technical and operational proximity of pedal electric cycle to individual mobility vehicles determines their special characteristics. Using the example of a comparative study of the accident rates of pedal electric cycle in China, where they are considered separately from bicycles, the authors demonstrate the possibilities of obtaining new knowledge about the accident characteristics of this category of vehicles.

Keywords: pedal electric cycle, bicycles, accident rate, individual mobility vehicles.

For citation: Salnikov E. W., Salnikova I. N. Accident rates involving electric bicicles in Russia and China: comparative analysis // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 108–114.

Наблюдаемый в последние десятилетия бурный рост количества и многообразия средств передвижения, использующих электрическую энергию, приводит к появлению как новых средств индивидуальной мобильности, так и к модернизации ранее известных транспортных средств (далее – ТС). При этом подобная трансформация средств передвижения порождает не только новые возможности, но и создаёт новые вызовы в сфере безопасности дорожного движения, требующие своего научного рассмотрения. Одним из примеров технических новаций ТС является электровелосипед (велогибрид), получающий всё большее распространение. В 2020 году международное аналитическое агентство «*Research&Market*» оценило международный рынок электровелосипедов в 39,3 млрд евро и выдало прогноз о его ежегодном росте на 6 % в период до 2025 года[1]. Только в Германии в 2015 году было продано порядка 250 000 электровелосипедов [1, с. 46]. В 2010 году на дорогах Китая эксплуатировалось порядка 10 миллионов электровелосипедов, в 2022 году их количество превысило 350 млн [2, p. 42].

Распространённость электровелосипедов на отечественных дорогах представляется несколько более скромными цифрами. К началу 2020 года в Российской Федерации объёмы продаж электровелосипедов находились на уровне 10–12 тыс. штук ежемесячно, при этом отмечался стабильный рост востребованности данной категории транспорта. Так, по итогам 2020 году статистические данные продаж электрических велосипедов на платформе маркетплейса «*Wildberries*» демонстрировали 16-кратный рост продаж[2]. При этом, по данным Российской газеты, в 2023 году рост рынка электровелосипедов сохранился, фиксируя цену на наиболее востребованные модели примерно в 50 тыс. – 54 тыс. рублей[3]. Согласно данным маркетингового исследования «Рынок электровелосипедов в России, анализ развития с прогнозом 2029», проведённого маркетинговым агентством Роиф Эксперт в 2024 году, объем импорта электровелосипедов в оценке стоимостных индикаторов увеличился на 80 %. Только китайские компании увеличили в 2023 году поставки электровелосипедов в Россию на 4,7 млн долларов[4].

Действующее законодательство РФ рассматривает электровелосипед не самостоятельной разновидностью ТС, а вариацией велосипеда. Согласно п. 2.1 Правил дорожного движения в Российской Федерации[5] (далее – ПДД), допускается эксплуатация велосипедов, оснащённых электродвигателем, при условии ограничения его номинальной мощности 250 ваттами и автоматическим отключением электропривода на скорости 25 км/ч. Предел номинальной мощности отличает электровелосипед от мопеда. Такая трактовка электровелосипеда аналогична стандартам законодательства Европейского союза, регламентирующего электрический велосипед как разновидность велосипеда типа *Pedelec (Pedal electric cycle)* или *Electrically power assisted cycles*[6]. Рассмотрение электровелосипеда как разновидности велосипедов порождает закономерный вопрос о его соотношении со средствами индивидуальной мобильности, которые действующая редакция Правил дорожного движения определяет как «транспортное средство, имеющее одно или

---

[1] Развитие рынка электровелосипедов в России [Электронный ресурс]. URL: https://knr24.ru/interesno/razvitie_rinka_electrovelosipedov_v_rossii (дата обращения: 17.08.2025)

[2] Двухколесная эпидемия: в России подскочил спрос на электротранспорт [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/business/2020/10/17/13322821.shtml?ysclid=m13vxdtjhy927857892&updated (дата обращения: 17.08.2025).

[3] Продажи электросамокатов и велосипедов рекордно выросли в России [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2023/05/10/prokatitsia-s-veterkom.html?ysclid=m13uywgbkc964851970 (дата обращения: 17.08.2025).

[4] Обзор рынка электровелосипедов в России фиксирует 80% увеличение импорта [Электронный ресурс]. URL: https://www.sostav.ru/blogs/32702/46780?ysclid=m13vu9tzii940887308 (дата обращения: 17.08.2025).

[5] О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Standard EN15194 Cycles – Electrically power assisted cycles – EPAC Bicycles [Электронный ресурс]. URL: https://www.en-standard.eu/ilnasen-15194-cycles-electrically-power-assisted-cyclesepac-bicycles (дата обращения: 17.08.2025).

несколько колёс (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколёса и иные аналогичные средства)». Очевидно, что «по своим эксплуатационным и техническим характеристикам электровелосипед предстаёт разновидностью средств индивидуальной мобильности», на что прямо указывают, например, авторы информационно-аналитического обзора «Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году» [3, с. 93]. Анализируя сущностные характеристики электровелосипеда, можно зафиксировать в качестве его отличительного от средств индивидуальной мобильности признака возможность эксплуатации длительное время и с достаточно высокой скоростью на мускульной тяге. Однако в эксплуатационном отношении такое отличие едва ли задаёт новые сущностно значимые особенности эксплуатации электровелосипеда. В конечном итоге мы можем признать, что электровелосипед с равным правом может рассматриваться как разновидность велосипеда, так и разновидность средств индивидуальной мобильности, являясь, по сути, гибридом, порождённым применением новых технологических решений, – электродвигателя в дополнение к «старым» технологиям цепной передачи мускульной энергии.

В отечественной науке электровелосипеды достаточно редко привлекали к себе исследовательское внимание. Преимущественное рассмотрение получали вопросы изучения концептуальных основ внедрения электровелотранспорта в городскую среду [4, 5]. Вопросы безопасности дорожного движения применительно к электровелотранспорту получили лишь спорадическое внимание в отдельных исследованиях [6, 7], тогда как специфическая природа электровелосипеда как ТС и вытекающее из этого его нетипичное положение в системе безопасности дорожного движения не получила должного раскрытия. При этом нерешённость вопроса сущности электровелосипедов имеет достаточно серьёзные последствия. Так, авторы информационно-аналитического обзора «Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году» [3] относили статистические показатели аварийности с участием электровелосипедов (10 погибших) в раздел «4.7. Аварийность с участием велосипедов». При этом очевидно, что анализ аварийности электровелосипедов в составе велосипедов не позволяет выявить динамику изменения аварийности в этой категории и её специфику.

На факт наличия такой специфики указывают данные ряда зарубежных стран. Так, согласно данным Национального бюро статистики Китая, в период с 2007 до 2022 год общий уровень дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в Китайской Народной Республике (далее – КНР) снизился на 34,5 %, в то время как количество аварий с использованием электровелосипедов увеличилось в 3,5 раза. В 2022 году в Китае общее число жертв ДТП составило 3,2 млн человек, из которых доля несчастных случаев, связанных с электровелосипедами, достигла 13,8 %, что в 5,9 раза больше, чем в 2007 году. Напротив, изменение числа несчастных случаев, связанных с ездой на велосипеде, демонстрирует противоположную тенденцию. С 2004 по 2019 год уровень смертности в Китае, связанный с ездой на велосипеде, снизился с 2,04 до 1,59 на 100 000 населения [8, p. 43]. Аналогичное явление наблюдалось и в США, где в период с 2000 по 2017 год доля жертв ДТП, связанных с велосипедами, снизилась, но число жертв ДТП, связанных с электровелосипедами, резко возросло (7, p. 525].

В этом отношении интересным представляется провести сравнительный анализ статистических показателей, учитывающих электровелосипеды в качестве отдельной категории и рассматривающих их совместно с велосипедами. Такое сравнительное исследование могло бы показать необходимость или избыточность выделения электровелосипедов в отдельную подгруппу по отношению к велосипедам. Предпринимая попытку проведения компаративистского анализа, мы выбрали в качестве эмпирической базы российские и китайские данные. Материалами для анализа послужили, с одной стороны, данные, приводимые в информационно-аналитическом обзоре «Дорожно-транспортная

аварийность в Российской Федерации в 2023 году», подготовленном исследователями Научного центра безопасности дорожного движения МВД России [3]. С другой стороны, мы использовали результаты исследования, проведённого большим коллективом исследователей КНР на базе данных провинции Гуанчжоу, в котором подвергается сравнительному анализу специфика аварийности электровелосипедов и велосипедов [8]. При проведении сравнительного исследования авторы учитывали отмеченную выше различную степень распространённости электровелосипедов в России и Китае, однако исходили из того, что в обеих странах фиксируется рост числа эксплуатируемых электровелосипедов, что задаёт сходные вызовы для обеспечения безопасности дорожного движения.

В проведённом исследовании китайские специалисты показывают, что в период с 2011 по 2021 год уровень несчастных случаев, связанных с использованием электронных велосипедов, увеличился с 1,31 на 100 000 населения до 3,76 на 100 000 населения, в то время как уровень несчастных случаев, связанных с ездой на велосипеде, снизился с 3,39 до 1,85. С 2018 по 2021 год число несчастных случаев, связанных с использованием электронных велосипедов, значительно возросло, составив в среднем 0,703 пострадавших в год на 100 000 населения, в то время как рост аварийности, связанной с использованием велосипедов, демонстрировал гораздо более скромные показатели. Только в провинции Гуанчжоу среднегодовой рост числа несчастных случаев, связанных с использованием электровелосипедов, составил 153,9 %, что примерно в девять раз больше, чем рост числа несчастных случаев, связанных с велосипедами, – 17 %. В абсолютных цифрах на территории данной области в период с 2018 по 2021 год было зафиксировано 2 442 ДТП, связанных с электронными велосипедами, и 1 143 ДТП, связанных с велосипедистами [8].

Подобные разнонаправленные тенденции, как уже говорилось, ускользают от научного анализа при совместном учёте показателей аварийности велосипедов и электровелосипедов. Так, отечественные исследователи в информационно-аналитическом обзоре приводят данные, согласно которым в 2023 году хотя и фиксируется прирост на 11,4 % количества ДТП с участием велосипедистов, однако же соотносительно с показателями 2018 года мы имеем в принципе стабильные показатели в районе 5 350 ДТП, которые характеризовались повышением в 2020 году до 5 713 и снижением в 2021 и 2022 годах до 4 899 и 4 806 соответственно. При этом авторы упоминают о 10 погибших в ДТП с участием электровелосипедов, однако речь идёт исключительно о тяжких последствиях – погибших. Полных данных о ДТП с электровелосипедами, их динамике – росте или падении – мы не имеем. При этом примечательно, что, анализируя аварийность с участием средств индивидуальной мобильности (СИМ), российские исследователи указывают на её галопирующий рост – 229,4 % в соотношении с 2022 годом и общий рост числа ДТП с участием СИМ с 147 в 2019 году до 3 177 в 2023 году. На фоне такой динамики отсутствие показателей по динамике электровелосипедов представляется не вполне обоснованным и препятствует общему пониманию картины обеспечения безопасности дорожного движения в рассматриваемом сегменте ТС.

Примечательна статистика по субъектам, управляющим электровелосипедами, попадавшими в аварию. Так, согласно данным китайских специалистов, с 2018 по 2021 год 1 749 ДТП с участием электровелосипедов произошло в условиях, когда электровелосипедом управлял трудящийся-мигрант, что составило 71,6 % от общего количества ДТП с участием электровелосипедов. В этих авариях пострадал 751 человек (65,7 % от общего числа пострадавших в авариях с участием электровелосипедов). При этом под трудовыми мигрантами авторы статьи имеют в виду сельских жителей, переезжающих на заработки в города, а не мигрантов из других стран. Примечательно, что и отечественные исследователи также указывают на факт наличия некоей специфики субъекта аварийного поведения на электровелосипеде. Так, авторы уже цитировавшегося аналитического обзора «Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023

году» [3, с. 93] обращают внимание на то, что двое из десяти погибших электровелосипедистов были работниками службы доставки. Мы ни в коем случае не говорим о тождестве выявляемых социальных групп (хотя мигранты-рабочие в службах доставки не являются редкостью), но указываем на факт предполагаемой специфики субъекта, для изучения которой в РФ отсутствует достаточная статистическая база.

При этом китайские аналитики, стремясь углубить свои представления о выявленной специфике лиц, управляющих электровелосипедами, также обращают внимание на то, что электровелосипеды являются основным видом транспорта для работников, занимающихся доставкой еды. Кроме того, китайские исследователи обращают внимание на то, что преимущества электровелосипедов, заключающиеся в низкой цене, в отсутствии проблем с парковкой, в управлении без водительских прав, дешевизной эксплуатации и вместе с тем возможностью совершать поездки на сравнительно большие расстояния без значительных физических затрат, как правило, являются значимыми для людей с низким и средним уровнем дохода, особенно трудящихся-мигрантов.

Китайские исследователи указывают также на определённую специфику дорожно-транспортной сети – типа дорог, на которых произошли аварии с участием электровелосипедов. Так, более 3/4 ДТП, связанных как с электровелосипедами (75,1 %), так и с велосипедистами (75,9 %), произошло на полосах движения механических ТС. Аналогичным образом и процент жертв среди велосипедистов, передвигающихся по полосам движения механических ТС, был выше, чем среди водителей, проезжающих по другим типам дорог, достигая 86,7 % – электровелосипеды и 94,2 % – велосипеды. Наибольшее количество ДТП, связанных с электровелосипедами, произошло на дорогах без разделительной полосы движения. 61,7 % аварий, связанных с электровелосипедами, и 69,6% аварий, связанных с велосипедами, представляли собой столкновения с автомобилями. Именно на эту разновидность аварий приходится и наибольшее количество жертв – 95,5% – среди лиц, управлявших электровелосипедами и 99,1 % – велосипедами. Эти показатели значительно выше, чем в случае столкновений с мотоциклами, иными ТС и пешеходами. При этом более чем в половине аварий с участием электровелосипедов и автомобилей виновны водители автомобиля.

Эти данные не обнаруживают особой специфики между электровелосипедом и велосипедом, но позволяют китайским исследователям сформулировать очевидный в сущности вывод о высокой степени уязвимости данной категории лиц в ситуации пересечения путей их передвижения с механическими ТС. В целом они близки к данным, полученным по аварийности в России, где виновность в ДТП приходится почти равными половинами на велосипедистов (51,5 %) и иных лиц, преимущественно водителей ТС (48,5 %). Вместе с тем отечественные исследователи при анализе места совершения ДТП с участием велосипедов предсказуемо не выявляют специфических различий между локализациями аварийности электровелосипедов и обычных велосипедов, указывая лишь на то, что большинство ДТП происходит в населённом пункте, тогда как тяжесть ДТП вне населённого пункта при меньшем количестве случаев оказывается неизмеримо более тяжёлой [3, с. 92]. В этой связи интересно было бы посмотреть на локализацию и тяжесть ДТП с участием электровелосипедов в населённом пункте, которая, как можно предположить будет, с одной стороны, тяготеть к центру города, а, с другой стороны, характеризоваться значительной тяжестью последствий.

Сходным является и характер наиболее типичных нарушений, ставших причиной ДТП, которые допускали велосипедисты в РФ и КНР. Так, отечественные аналитики приводят следующие данные: несоблюдение очерёдности проезда (31 % от общего количества ДТП с участием велосипедистов), пересечение проезжей части по пешеходному переходу не спешившись (23,8 %), нарушение правил расположения на проезжей части (18,4 %). Китайские исследователи в числе четырёх наиболее частых причин приводят нарушение правил расположения на проезжей части (движение по полосам, предназна-

ченным исключительно для механических ТС), нарушение правил перехода дороги, движение на запрещающий сигнал светофора, движение в неправильном направлении.

Интерес представляют также данные об аварийности в зависимости от места совершения ДТП. Как российские, так и китайские аналитики признают, что подавляющее большинство ДТП с электро- и обычными велосипедами происходит в населённом пункте. При этом китайские специалисты обращают внимание на то, что количество несчастных случаев, связанных с использованием электровелосипедов, было выше в центральных районах города, чем в пригородных районах. Невыделенность электровелосипедов в структуре статистического учёта аварийности в России из общей группы велосипедистов не позволяет проанализировать эту специфику, хотя она представляется весьма вероятной.

Подводя основные итоги, мы можем констатировать, что данные сравнительного анализа указывают на неэффективность учёта аварийности с участием электровелосипедов совместно с показателями, касающимися обычных велосипедов. При таком подходе мы не имеем достоверных сведений о динамике изменения аварийности в этом сегменте ТС, тогда как в других странах эта динамика отмечается и носит характер, не сводимый к динамике изменения аварийности с участием обычных велосипедов. Кроме того, неучёт специфики электровелосипедов в рамках статистических сведений о ДТП ведёт к непониманию специфики субъектов, управляющих электровелосипедами, что препятствует выстраиванию эффективной профилактической работы по предупреждению аварийности с участием электровелосипедов.

1. Зарипов Р. Ю., Фисенко А., Габдолла Ж., Серикпаев Т. Велогибриды как элемент транспортной системы городов будущего // Наука и техника Казахстана. 2017. № 3-4. С. 46–54.
2. Zhou N. et al. Analysis of road traffic accidents and casualties associated with electric bikes and bicycles in Guangzhou, China: A retrospective descriptive analysis // Heliyon. 2024. № 10. P. 40–61.
3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024, 154 с.
4. Копейкина Т. В., Галущак В. С. Концептуальные подходы к внедрению электровелотранспорта в малых городах России // Известия Волгоградского государственного технического университета. Наземные транспортные системы. 2011. Т. 4. № 12(85). С. 90–93.
5. Печман Я. Опыт использования электровелосипеда в качестве альтернативного транспортного средства в городской среде // Вестник АГТУ. 2012. № 2. С. 72–74.
6. Шилов Ю. В. Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности через призму использования средств индивидуальной мобильности // Наука, образование, транспорт: актуальные вопросы, приоритеты, векторы взаимодействия. Материалы II Международной научно-методической конференции. В 3-х частях. Оренбург, 2023. С. 302–306.
7. Якимов А. Ю. Размышления о нормативно-правовой основе деятельности, связанной с дорожным движением // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 10–19.
8. DiMaggio C. J., et al., Injuries associated with electric-powered bikes and scooters: analysis of US consumer product data. // Inj. Prev. 26(6) (2020) P. 524–528.

1. Zaripov R. Yu., Fisenko A., Gabdolla Zh., Serikpaev T. Velogibridy` kak e`le-ment transportnoj sistemy` gorodov budushhego // Nauka i texnika Kazaxstana. 2017. № 3-4. S. 46–54.
2. Zhou N. et al. Analysis of road traffic accidents and casualties associated with electric bikes and bicycles in Guangzhou, China: A retrospective descriptive analysis // Heliyon. 2024. № 10. P. 40–61.

3. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii v 2023 godu. In-formacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2024, 154 s.
4. Kopejkina T. V., Galushhak V. S. Konceptual`ny`e podxody` k vnedreniyu e`lektrovelotransporta v maly`x gorodax Rossii // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya: Nazemny`e transportny`e sistemy`. 2011. T. 4. № 12(85). S. 90–93.
5. Pechman Ya. Opy`t ispol`zovaniya e`lektrovelosipeda v kachestve al`ternativnogo transportnogo sredstva v gorodskoj srede // Vestnik AGTU. 2012. № 2. S. 72–74.
6. Shilov Yu. V. Administrativno-pravovoe obespechenie transportnoj bezopasnosti cherez prizmu ispol`zovaniya sredstv individual`noj mobil`nosti // Nauka, obrazovanie, transport: aktual`ny`e voprosy`, prioritety`, vektory` vzaimodejstviya. Materialy` II Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. V 3-x chastyax. Orenburg, 2023. S. 302–306.
7. Yakimov A. Yu. Razmy`shleniya o normativno-pravovoj osnove deyatel`nosti, svyazannoj s dorozhny`m dvizheniem // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 2. S. 10–19.
8. DiMaggio C. J., et al., Injuries associated with electric-powered bikes and scooters: analysis of US consumer product data. // Inj. Prev. 26(6) (2020) P. 524–528.

Информация об авторах

Евгений Вячеславович Сальников. Начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Инна Николаевна Сальникова. Старший преподаватель кафедры сервиса.
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.
302026, Россия, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95.

Information about the authors

Evgenii W. Salnikov. Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Inna N. Salnikova. Senior lecturer at the Department of Service.
Orel State University named after I.S. Turgenev.
302026, Russia, Orel, Komsomolskaya Str., 95.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 08.04.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 342.98

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ЗАПРЕТА ОПАСНОГО ВОЖДЕНИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Смирнов Иван Александрович[1], Андреев Пётр Геннадьевич[2], Литвинов Артём Валерьевич[3]
[1]Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[3]Омская академия МВД России, Омск, Россия

[1]ismirvov115@mvd.ru
[2]petya.and@yandex.ru
[3]artyom_hawk@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены законопроекты об административной ответственности за опасное вождение, выражена авторская позиция и формулирование авторского понятия «опасное вождение». Дано определение основных признаков указанного понятия и его сопоставление с положениями Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, а также обоснование, что данное правонарушение требует административного расследования, исследования и приобщения зарубежного опыта во внедрение в перечень нарушений понятия «опасное вождение».

Ключевые слова: опасное вождение, водитель, безопасность дорожного движения, нарушение правил дорожного движения Российской Федерации, систематичность, пассажиры, пешеходы, фото- и видеофиксация правонарушений, транспортные средства, административное расследование.

Для цитирования: Смирнов И. А., Андреев П. Г., Литвинов А. В. Правовая неопределённость запрета опасного вождения как препятствие для обеспечения принципа неотвратимости административной ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 115–126.

LEGAL INDEFINITENESS OF THE PROHIBITION OF DANGEROUS DRIVING AS AN OBSTACLE TO ENSURING THE PRINCIPLE OF INEVITABLE ADMINISTRATIVE LIABILITY

Ivan A. Smirnov[1], Peter G. Andreev[2], Artyom V. Litvinov[3]
[1]Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[3]Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

[1]ismirvov115@mvd.ru
[2]petya.and@yandex.ru
[3]artyom_hawk@mail.ru

Annotation. The article discusses draft laws on administrative responsibility for dangerous driving, expresses the author's position and the formulation of the author's concept of "dangerous driving". The definition of the main features of this concept and its comparison with the provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are given, as well as the justification that this offense requires an administrative investigation, research and the use of foreign experience in introducing the concept of "dangerous driving" into the list of violations.

Keywords: Dangerous driving, driver, road safety, violation of the traffic rules of the Russian Federation, systematicity, passengers, pedestrians, photo and video recording of offenses, vehicles, administrative investigation.

For citation: Smirnov I. A., Andreev P. G., Litvinov A. V. Legal indefiniteness of the prohibition of dangerous driving as an obstacle to ensuring the principle of inevitable administrative liability // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 115–126.

В настоящее время в Правилах дорожного движения (далее – ПДД), утверждённых Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090[1], установлено понятие «опасное вождение», выражающееся в неоднократном совершении одного или совершении нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству (далее – ТС), пользующемуся преимущественным правом движения, перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия, несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди ТС, несоблюдении бокового интервала, резком торможении [1, с. 276], если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП); препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создают угрозу гибели или ранения людей, повреждения ТС, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба. Для теоретического понимая необходимо более подробно разобрать данное определение [2, с. 5].

Если изучить поверхностно данный термин и дать субъективную оценку, то можно прийти к выводу, что под опасным вождением понимается бессмысленное и многократное перестроение при условии игнорирования требования уступить дорогу ТС, пользующимся преимуществом в движении (особенно если это касается общественного транспорта) [3, с. 85], а также несоблюдение требований о безопасной дистанции и боковом интервале, в общей совокупности совершения деяний следующих друг за другом, за несколько минут[2], с обязательным созданием угрозы здоровью людей и повреждением материальных ценностей. Во-первых, это опасность – достаточно понятный термин как в обиходе, так и на законодательном уровне, но не регламентируемый профильными нормативно-правовыми актами о дорожном движении, а содержащийся в трудовом законодательстве и трактуемый как потенциальный источник нанесения вреда, представляющий угрозу жизни и (или) здоровью[3].

[1] О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 2.7 Правил дорожного движения Рос. Федерации, утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 [Электронный ресурс]: решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 21 сентября 2016 г. № АКПИ16-652. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Трудовой кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-вторых, это вождение. В настоящее время именно в такой интерпретации описание данному понятию не дано, но если перефразировать указанный термин из определения, то Верховный Суд даёт следующую трактовку управлению ТС: это целенаправленное воздействие на него лица, в результате которого ТС перемещается в пространстве (вне зависимости от запуска двигателя)[1].

В-третьих, неоднократность – совершение в течение года более двух однородных правонарушений, предусмотренных конкретной статьёй КоАП РФ, игнорируя временной промежуток, указанный в законодательном акте, действующем ранее [4, с. 7]. Однако в действующем законодательстве отсутствует прямая интерпретация понятия, существует лишь несколько трактовок в связи со спецификой совершённых правонарушений, которые в последующем образуют состав преступления. А. В. Бриллиантов трактует неоднократность как повторное при определённых условиях или при отсутствии условий совершение аналогичного или тождественного непреступного деяния, следствием чего является возрастание степени общественной опасности этого деяния и его трансформация из категории правонарушения в категорию преступлений [5, с. 139].

В-четвёртых, невыполнение установленных пунктов ПДД РФ можно трактовать как нарушение ПДД РФ, но стоит заострить акцент на том факте, что не за каждое нарушение предусмотрена ответственность как административная, так и уголовная [6, с. 50]. В понятии «опасное вождение» установлен ограниченный перечень нарушений, а также закреплён заданный порядок, что опять же не может охватить все комбинации манёвров, которые действительно являются опасным вождением. Данное понятие должно быть максимально универсальным ко всем видам нарушений и преступлений.

В-пятых, согласно Энциклопедическому словарю, «несколько» – (местоим. числ.) некоторое, неопределённое (обычно небольшое) количество[2]. Вопрос об отсутствии числовой конкретики о количестве совершённых нарушений, которое можно трактовать по-разному (допустим, два нарушения – это несколько) [7, с. 128]. Для примера представим ситуацию: водитель при перестроении из крайнего левого ряда в правый не убедился, что не создаёт помехи другому ТС, не уступая дорогу (создавая угрозу повреждения ТС), совершил перестроение без подачи сигнала указателя поворота. Из указанного примера можно сказать, что водитель совершил несколько нарушений (если давать более конкретную трактовку, то два), «рядовое» нарушение можно именовать как опасное вождение [8, с. 27].

В-шестых, чётко установленные запрещённые действия для водителя выражающиеся в: 1) нарушении п. 8.4 ПДД РФ об игнорировании требования не создавать помех; за данное правонарушение предусмотрена ответственность ч. 3. ст. 12.14 КоАП РФ; 2) необоснованном перестроении при резком увеличении скорости передвижения (на сленге это обозначается как «шашки») с созданием угрозы здоровью и материальным ценностям в нарушение п.п. 8.1, 9.10 ПДД РФ; за подобное поведение в настоящий момент отсутствует ответственность; 3) отступлении от предписания п. 9.10 ПДД РФ, тем самым игнорируются требования к безопасной дистанции – нарушение, но в отдельной статье КоАП РФ ответственность за конкретные правонарушения в настоящее время не закреплена, а в зарубежных странах существуют подходы привлечения к ответственности за подобные правонарушения; 4) необоснованном торможении в нарушение п. 10.5 ПДД РФ, административная ответственность за которое не предусмотрена; 5) препятствовании обгону, тем самым создаётся потенциальная угроза здоровью и нанесению материального ущерба – отсутствует ответственность за нарушение требования п. 11.3 ПДД

[1] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Словарь [Электронный ресурс]. URL: https://sanstv.ru/dict/несколько (дата обращения: 04.08.2025).

РФ [9, с. 163]. Потребность во введении административной ответственности как по отдельности за указанные выше нарушения, так и совершённые в комплексе, выраженном в опасном вождении, в современном обществе, безусловно, существует.

Понятие «опасное вождение» ограничено перечнем ситуаций, при которых «движение нарушителя и (или) движение иных участников в том же направлении и с той же скоростью создаёт угрозу» – если трактовать дословно эту фразу, то в иных случаях (когда нарушитель совершает движение по полосам встречного направления, тем самым заставляя ТС, движущиеся в соответствии с ПДД РФ в противоположном направлении, изменять траекторию движения во избежание аварийных ситуаций, которая создаёт угрозу жизни и здоровья других людей) его передвижение не подпадает под опасное вождение, хотя таковым является [10, с. 17]. В этой связи напрашивается неоднозначный вывод о цели создания законодателем нового понятия в ПДД РФ, не обеспечивающей ему юридического фундамента либо более ясной и твёрдой формулировки.

Если разобрать по нарушениям, которые требует данное понятие для возможности его трактовки как невыполнение требований ПДД РФ, получится следующий порядок. Для того чтобы действия водителя при управлении им ТС подпадали под «опасное вождение», ему необходимо несколько манёвров, совершённых подряд, нарушающих требования ПДД РФ в основном из 8 и 9 разделов, при условии, что они создали угрозу здоровью людей либо угрозу повреждения материальных ценностей. Соответственно, если совершать нарушения, сопряжённые с угрозой здоровью людей и (или) причинением материального вреда, проявляющиеся из иных разделов ПДД РФ, то такие действия уже не являются опасным вождением [11, с. 459].

Представим ситуацию, когда водитель в нарушение дорожной разметки 1.3[1] совершил выезд на полосу встречного движения, объезжая поток ТС попутного движения, который встал перед разметкой 1.12 в ожидании разрешающего сигнала светофора в момент, когда на четырёхстороннем перекрёстке[2] для пешеходов во всех направлениях загорелся разрешающий сигнал светофора. После представленных манёвров указанный водитель выехал на перекрёсток на запрещающий сигнал светофора, дважды не уступив дорогу пешеходам и совершил поворот направо. В данной ситуации у нас нарушены п.п. 9.2, 6.13 и дважды 14.3 ПДД РФ. Сравнивая данный пример и определение, укажем, что выявлено следующее совпадение – совершено несколько следующих друг за другом действий, повлёкших в процессе движения создание угрозы здоровью людей и нанесения материального ущерба [12, с. 37]. Можно ли в таком случае отнести данные действия к опасному вождению? В настоящее время требуется концептуальная проработка самого понятия «опасное вождение», а также создание определённого и закреплённого порядка привлечения к ответственности по административному и уголовному законодательству [13, с. 446].

В нашем понимании под опасным вождением подразумевается аварийно-опасное управление ТС, выражающееся в наличии двух и более административных правонарушений среднего или грубого значения, следующих друг за другом, заключающееся в нарушении пунктов ПДД РФ в процессе дорожного движения и создании ситуаций, при которых его движение и (или) движение других участников создаёт угрозу

[1] ГОСТ Р 51256-2018. Национальный стандарт Рос. Федерации. Технические средства организации дорожного движения. Разметка дорожная. Классификация. Технические требования [Электронный ресурс]: приказ Росстандарта от 20 февраля 2018 г. № 81-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Комментарий к Правилам дорожного движения в Рос. Федерации и Основным положениям по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностям должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гибели или ранения людей, повреждения ТС, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба [14, с. 51].

Прежде чем переходить к разновидностям ответственности, стоит прояснить понятие «среднее значение». В ст. 2.9 КоАП РФ закреплено, что за малозначительное деяние лицо возможно освободить от административной ответственности, а под малозначительностью понимается деяние, формально содержащее критерии административного правонарушения, но не представляющее существенного вреда для общества[1]. В ст. 3.8 КоАП РФ можно проследить некоторые критерии грубого нарушения, минимальное описание которого даёт В. В. Похмелкин, охарактеризовав его в форме умысла, грубой неосторожности и создании угроз безопасности дорожного движения [10, с. 73]. И. И. Писаревским проводилось сравнение КоАП РФ с Уголовным кодексом РФ[2] и указывалось на потребность в разграничении по степени тяжести совершённого административного правонарушения [6, с. 33]. В одной из версий проекта КоАП РФ[3] существует очень подробная градация, в которой включено деление на грубые, значительные и менее значительные административные правонарушения. Под определение грубого правонарушения подпадают деяния, которые создают угрозу жизни и здоровью, а также нанесение существенных вредных последствий, установленных Кодексом. Значительным признаётся деяние, наносящее значительный вред общественным отношениям. Под менее значительным понимается деяние, не причиняющее значительного вреда общественным отношениям. Достаточно размытые понятия в порядке применения административного законодательства, но, принимая во внимание виды ответственности, мы видим проявления рамок для разграничений. Исходя из этого следует вывод, что для действующего законодательства требуется понятие «административное правонарушение среднего значения», под которым понимают административное правонарушение, признаваемое действующим Кодексом вне зависимости от наступления вредных последствий, в результате которого назначается наказание в виде административного штрафа, конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения либо исправительные работы [15, с. 24].

Как одной из альтернатив для возможности сотрудникам Госавтоинспекции относить маневрирование водителем ТС к п. 2.7 ПДД РФ и оценки действий, создающих угрозу жизни и здоровью людей, а также повреждение материальных ценностей к опасному вождению требуется введение балльной системы за совершённые действия. Для примера стоит обратиться к законодательству, применяемому ранее. В Кодексе РСФСР об административных правонарушениях была введена ст. 118.1 за систематическое нарушение водителями правил дорожного движения, то есть совершение ими в течение года нескольких нарушений, предусмотренных ст. 114, 115, ч. 1 ст. 118, которые в сумме оцениваются пятнадцатью и более баллами, влекущее лишение права управления автомобилем на срок в шесть месяцев. При наложении на водителя административного взыскания одновременно давалась оценка нарушению в баллах в следующем порядке: за нарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 118, – пять баллов; ч. 4, 5 и 7 ст. 114, ч. 7 ст. 115, – четыре балла; ч. 2 и 3 ст. 114, ч. 4, 5 и 6 ст. 115, – три балла; ч. 1 и 6 ст. 114, ч. 1, 2 и 3 ст. 115, – два балла; ч. 8 ст. 115, – один балл[4]. Но в то время оцени-

[1] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24.03.2005 № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях (Общая часть) [Электронный ресурс]: проект Федер. закона № 703192-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 июля 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вались действия, совершённые в течение года, в связи с маленькой интенсивностью движения, а в современных реалиях требуется оценка действий, совершённых в кратчайший период времени, который возможно подвести в определённые временные рамки, проведя долгое исследование с детализацией параметров.

По нашему мнению, можно создать следующие оценки: за грубые нарушения – пять баллов, за нарушения среднего значения – три балла и за малозначительные деяния – 1 балл. Для выбора меры наказания за административное правонарушение или уголовное преступление исходить из суммы баллов. Таким образом, для отнесения к определённому виду ответственности за опасное вождение, совершённое в установленный законодательством период времени, в уголовном правовом поле потребуется совершить деяний на сумму более 28 баллов, а для отнесения деяния к административной ответственности потребуется от 10 баллов.

Вернёмся к сравнению законодательства советского периода и настоящего времени. Понятие «систематическое нарушение правил дорожного движения» очень схоже с описанием понятия» опасное вождение». Систематичность – совершение в течение года нескольких (более трёх) нарушений в какой-либо одной сфере[1], а опасное вождение заключается в совершении одного или нескольких следующих друг за другом нарушений только в рамках ПДД РФ. Также стоит не упускать из виду ГОСТ Р 58782-2019, описывающий агрессивное вождение – это параметр, определяющий неоправданно резкий разгон ТС с последующим снижением скорости[2], что опять же свидетельствует нам о потребности в переработке понятия опасное вождение.

Статья 267.1 УК РФ, введённая 3 апреля 2017 года[3], гласит, что действия с ТС из хулиганских побуждений, угрожающие безопасной эксплуатации автомобиля, подпадают под уголовную ответственность. Однако недавно началась судебная практика по привлечению граждан за управление автомобилем, создающее угрозу гибели или ранения человека или нанесения иного материального ущерба. Так, наиболее известное решение суда было в Республике Дагестан, где водитель автомобиля «БМВ-М5» был привлечён к уголовной ответственности по ст. 267.1 УК РФ[4]; в настоящее время в Саратовской области в отношении водителя «ВАЗ-2107» возбуждено и ведётся уголовное производство по ст. 267.1 УК РФ. Исходя из того, что статья была введена ещё в 2017 году и по ней возбуждено незначительное количество производств, следует тот факт, что существуют значительные трудности в существующих формулировках как в понятиях ПДД РФ, так и непосредственно в УК РФ. Не все действия подпадают под действующее определение опасного вождения или создают угрозу безопасной эксплуатации ТС и совершены из хулиганских побуждений, в связи с чем они требуют существенных правовых и терминологических доработок [16, с. 36].

Рассмотрим для примера законодательство Франции. В правилах дорожного движения Франции в статье L110-1[5] содержится термин «механическое транспортное средство», означающее любое наземное ТС, оснащённое двигательной установкой,

---

[1] Административное право. Учебник / Под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М., 1999. С. 320-321.

[2] ГОСТ Р 58782-2019. Национальный стандарт Рос. Федерации. Параметры и критерии оценки качества вождения с целью оценки безопасности использования транспортных средств [Электронный ресурс]: приказ Росстандарта от 25 декабря 2019 г. № 1474-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Решение Мирового судьи судебного участка № 97 Ленинского района г. Махачкалы Мусаева Р. Г. от 25 декабря 2024 года, по уголовному делу № 12401820007000045 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Дорожный кодекс Франции Книга 1: Общие положения, раздел 1: Определения. [Электронный ресурс]. URL:https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074228/ (дата обращения: 31.10.2024)

включая троллейбусы и движущиеся по дороге своими собственными средствами, за исключением ТС, движущихся по рельсам.

В статье L236-1[1] схожее по смыслу с нашим опасным вождением существует понятие «поведение, умышленно ставящее под угрозу безопасность или спокойствие участников дорожного движения», то есть принятие на себя с помощью наземного механического автомобиля действий, преднамеренно повторяющих манёвры, которые представляют собой нарушения конкретных обязательств по обеспечению безопасности или осторожности, предусмотренных законодательными и нормативными актами настоящего кодекса, в условиях, которые ставят под угрозу безопасность участников дорожного движения или создают помехи для их безопасности. В первом пункте нарушение безопасного вождения наказывается лишением свободы сроком на один год и штрафом в размере 15 000 евро. Во втором пункте опасное вождение, совершённое в общественном месте при массовом скоплении граждан, наказывается лишением свободы до 2 лет и штрафом в размере 30 000 евро. В третьем пункте более суровое наказание – предусматривается в случаях, когда водитель находился в наркотическом или алкогольном опьянении либо отказался от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а также в случаях отсутствия водительского удостоверения соответствующей категории на право управление автомобилем либо лишённым права управления наказывается лишением свободы до 3 лет и штрафом в размере 45 000 евро. А в случаях если обстоятельства двух и более вышеуказанных пунктов совершались в рамках единого деяния, то они выступают как отягчающие обстоятельства и наказываются до 5 лет лишения свободы, а также штрафом до 75 000 евро.

Французское законодательство можно оценивать как прогрессивное в рамках борьбы со злостными нарушителями установленных правил дорожного движения. В статье L236-2 предусмотрели ответственность за подстрекательство к совершению правонарушения, выраженного в опасном вождении, которое представляет потенциальную угрозу как для граждан, так и для имущества. Предусмотренная ответственность за данные правонарушения выражается в штрафе, в конфискации автомобиля, в лишении права управления ТС, обязательными работами и (самое важное – в роли пропаганды безопасности дорожного движения обязательство пройти за свой счёт курс повышения осведомлённости о безопасности дорожного движения)[2].

Мы можем наблюдать многократные попытки по введению административной ответственности за действия, подпадающие под описание опасного вождения. Ещё в 2016 году были приняты попытки введения административной ответственности за подобные деяния путём введения ст. 12.28.1, но долгая реформация и непроработанная детальность, выраженная в отсутствии концептуальной переработки понятия, узкая подведомственная компетенция, а также отсутствие административной преюдиции привели к отклонению данной нормы. Следом за ним в 2022 году была выдвинута на рассмотрение новая норма правотворчества, выраженная в создании ст. 12.18.1, предусматривающей ответственность за умышленное опасное (агрессивное) вождение, создающее угрозу безопасности дорожного движения[3]. В ней уже

---

[1] Дорожный кодекс Франции Книга 2: Водитель, раздел 3: Поведение водителя, Глава 6: Поведение, намеренно ставящее под угрозу безопасность или спокойствие участников дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074228/ (дата обращения: 31.10.2024).

[2] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за опасное вождение» (подготовлен МВД России) [Электронный ресурс]: проект Федерального закона Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за умышленное опасное (агрессивное) вождение»

предусмотрели более жёсткую санкцию – лишение специального права, добавили в наименование агрессивное вождение, но опять же описание данному понятию в правовом поле дорожного движения отсутствует. Также одним из обязательных требований для привлечения к ответственности является наличие доказательства, зафиксированного на камеру [17, с. 140], но стоит уточнить, что видеоматериалы, полученные в интернете или путём фиксации техническими средствами с истекшим сроком лицензии, не являются установленными специальными средствами согласно КоАП РФ [18, с. 53]. Примечательным является то, что в пояснительной записке даётся более верное, по нашему мнению, понятие опасному (агрессивную) вождению, но без твёрдой конкретики по времени и перечня нарушений пунктов ПДД РФ, которая после рассмотрения также была отклонена. И уже в третий раз в 2024 году поступил на рассмотрение новый законопроект, который уже был принят Государственной Думой ФС РФ в 1 чтении[1]. Новация заключается во внедрении ст. 12.38 в КоАП РФ, предусматривающей только административную ответственность за опасное вождение, выраженной в наложении административного штрафа и лишении права управления ТС от одного до трёх месяцев. Также разграничили компетенцию, в чьи полномочия будет входить назначение наказания, но не установили положения о закреплении полномочий за сотрудниками Госавтоинспекции. Не проработали институт административного расследования, который в достаточной мере позволил детально изучить обстоятельства правонарушения с запросом дополнительных экспертиз, а также не предусмотрена административная преюдиция [19, с. 134].

В настоящее время существует уголовная ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, в ст. 267.1 УК РФ. Стоит обратить внимание на тот факт, что данная статья относится к ТС всех видов, то есть к водным, авиационным, автомобильным и железнодорожным [20, с. 7] ТС. На наш взгляд, это не совсем корректно в связи с различием сфер и возможности разнообразных действий в разных сферах, что не может объединяться общей статьёй УК РФ и быть универсальной. Это создаёт конфликт интересов при проведении расследования. Для облегчения правоприменения на практике требуется выведение действий с автомобильным транспортом в отдельную статью УК РФ, а диспозиция должна состоять именно из нового и переработанного понятия об опасном вождении.

Определение понятия «опасное вождение», закреплённое в ПДД РФ, содержит элементы правовой неопределённости, ограниченный порядок и перечень манёвров управления ТС, которые могут повлечь его расширительное толкование и неопределённости в принятии решения о привлечении либо о прекращении производства по делу об административном правонарушении на практике. Как следствие, рассмотрение вопроса об установлении в КоАП РФ и УК РФ ответственности за опасное вождение будет возможным только после полной переработки самого понятия в ПДД РФ[2].

---

1. Сотникова Е. И. Неотвратимость административного наказания как принцип административной ответственности // Административно-правовое регулирование

[Электронный ресурс]: проект Федер. закона Рос. Федерации № 395967-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]: проект Федер. закона Рос. Федерации № 644297-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за умышленное опасное (агрессивное) вождение [Электронный ресурс]: заключение Комитета ГД ФС Рос. Федерации по государственному строительству и законодательству на проект Федер. закона Рос. Федерации № 395967-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 275–278.
2. Кусюкбаева Д. И., Сафиуллина Р. Р., Трофимова О. А. Опасное вождение // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства. Сборник статей Международной научно-практической конференции, 2017. С. 4-6.
3. Литвинов А. В., Андреев П. Г. К вопросу безопасности перевозки пассажиров общественным транспортом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 85–92.
4. Антонов С. Н., Молчанов П. В. «Опасное вождение как новый институт Правил дорожного движения: теоретические и процедурные вопросы» // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МФЮА). 2016. № 5(21). С. 163–167.
5. Похмелкин В. В. Проблемы применения мировыми судьями законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2019. 200 с.
6. Писаревский И. И. Административная юрисдикция в зеркале уголовного судопроизводства: сравнение на основе функционального подхода // Администратор суда. 2023. № 2. С. 30–34.
7. Поликарпова М. С. Проблема трактовки понятия «опасное вождение» в отечественной и зарубежной психологии // Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения. сборник научных трудов. Под редакцией А.В. Погодиной, Е.Ю. Литвиновой. Москва, 2019. С. 126–129.
8. Жаворонков В. А. Опасное вождение: правовые, технические и психологические аспекты проблемы // Транспортное право и безопасность. 2024. № 4 (52). С. 11–30.
9. Бабенко С. В. Особенности прокурорского надзора за расследованием преступлений на железнодорожном транспорте // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 40–43.
10. Городкин В. А., Майоров В. И. Определение момента возникновения опасности при встречных столкновениях транспортных средств и решение вопроса о допустимости маневра как средства предотвращения лобового столкновения // Современная наука. 2024. № 3. С. 13–25.
11. Васильченко А. С. Актуальные проблемы исследования опасного вождения // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, 2019. С. 457–460.
12. Набока А. А., Чеченева Е. А. Современные подходы к организации безопасного взаимодействия участников дорожного движения // Современная наука. 2025. № 2. С. 35–39.
13. Егорочкин Е. В. Административная ответственность за опасное вождение в Российской Федерации: проблемы правоприменительной практики // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 441–448.
14. Баранчикова М. В. Криминализация повторных нарушений Правил дорожного движения как направление повышения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 49–52.
15. Коваленко Н. Е. Понятие опасного (агрессивного) вождения // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. Ответственный редактор Е. Д. Родионов, 2017. С. 23–25.

16. Косарев М. Н., Воропаев С. А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 213 и 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юрист. 2018. № 8. С. 34–38.
17. Бриллиантов А. В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие. 2024. № 2. С. 137–158.
18. Головко В. В. Новое законодательство о технических средствах, применяемых для привлечения к административной ответственности в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 51–56.
19. Гольчевский В. Ф., Бадзюк И. Л., Бопп Е. О. Опасное вождение и меры его пресечения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1(2). С. 132–135.
20. Якимов А. Ю. Повышенная ответственность за неоднократное совершение административных правонарушений (правовые и организационные вопросы) // Государство и право. 2007. № 8. С. 5-13.

1. Sotnikova E. I. Neotvratimost` administrativnogo nakazaniya kak princip administrativnoj otvetstvennosti // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravooxranitel`noj deyatel`nosti: teoriya i praktika. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar, 2024. S. 275–278.
2. Kusyukbaeva D. I., Safiullina R. R., Trofimova O. A. Opasnoe vozhdenie // Aktual`ny`e problemy` reformirovaniya sovremennogo zakonodatel`stva. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2017. S. 4-6.
3. Litvinov A. V., Andreev P. G. K voprosu bezopasnosti perevozki passazhirov obshhestvenny`m transportom // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3 (100). S. 85–92.
4. Antonov S. N., Molchanov P. V. «Opasnoe vozhdenie kak novy`j institut Pravil dorozhnogo dvizheniya: teoreticheskie i procedurny`e voprosy`» // Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina (MFYuA). 2016. № 5(21). S. 163–167.
5. Poxmelkin V. V. Problemy` primeneniya mirovy`mi sud`yami zakonodatel`stva ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya: nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Yusticinform, 2019. 200 s.
6. Pisarevskij I. I. Administrativnaya yurisdikciya v zerkale ugolovnogo sudoproizvodstva: sravnenie na osnove funkcional`nogo podxoda // Administrator suda. 2023. № 2. S. 30–34.
7. Polikarpova M. S. Problema traktovki ponyatiya «opasnoe vozhdenie» v otechestvennoj i zarubezhnoj psixologii // Aktual`ny`e problemy` organizacionnoj psixologii i psixologii dorozhnogo dvizheniya. sbornik nauchny`x trudov. Pod redakciej A.V. Pogodinoj, E.Yu. Litvinovoj. Moskva, 2019. S. 126–129.
8. Zhavoronkov V. A. Opasnoe vozhdenie: pravovy`e, texnicheskie i psixologicheskie aspekty` problemy` // Transportnoe pravo i bezopasnost`. 2024. № 4 (52). S. 11–30.
9. Babenko S. V. Osobennosti prokurorskogo nadzora za rassledovaniem prestuplenij na zheleznodorozhnom transporte // Rossijskaya yusticiya. 2021. № 1. S. 40–43.
10. Gorodkin V. A., Majorov V. I. Opredelenie momenta vozniknoveniya opasnosti pri vstrechny`x stolknoveniyax transportny`x sredstv i reshenie voprosa o dopustimosti manevra kak sredstva predotvrashheniya lobovogo stolknoveniya // Sovremennaya nauka. 2024. № 3. S. 13–25.
11. Vasil`chenko A. S. Aktual`ny`e problemy` issledovaniya opasnogo vozhdeniya // Social`naya psixologiya: voprosy` teorii i praktiki. Materialy` IV Ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamyati M.Yu. Kondrat`eva, 2019. S. 457–460.

12. Naboka A. A., Checheneva E. A. Sovremenny`e podxody` k organizacii bezopasnogo vzaimodejstviya uchastnikov dorozhnogo dvizheniya // Sovremennaya nauka. 2025. № 2. S. 35–39.
13. Egorochkin E. V. Administrativnaya otvetstvennost` za opasnoe vozhdenie v Rossijskoj Federacii: problemy` pravoprimenitel`noj praktiki // Voprosy` sudebnoj deyatel`nosti i pravoprimeneniya v sovremenny`x usloviyax. Sbornik statej po rezul`tatam II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj prazdnovaniyu 10-letnej godovshhiny` vossoedineniya Kry`ma s Rossijskoj Federaciej. Simferopol`, 2024. S. 441–448.
14. Baranchikova M. V. Kriminalizaciya povtorny`x narushenij Pravil dorozhnogo dvizheniya kak napravlenie povy`sheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 3. S. 49–52.
15. Kovalenko N. E. Ponyatie opasnogo (agressivnogo) vozhdeniya // Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental`ny`e problemy` nauki i obrazovaniya. Sbornik nauchny`x statej mezhdunarodnoj konferencii. Otvetstvenny`j redaktor E. D. Rodionov, 2017. S. 23–25.
16. Kosarev M. N., Voropaev S. A. Nekotory`e problemy` kvalifikacii prestuplenij, predusmotrenny`x stat`yami 213 i 267.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Yurist. 2018. № 8. S. 34–38.
17. Brilliantov A. V. Sushhnost` i znachenie neodnokratnosti v ugolovnom prave Rossii // Pravosudie. 2024. № 2. S. 137–158.
18. Golovko V. V. Novoe zakonodatel`stvo o texnicheskix sredstvax, primenyaemy`x dlya privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 51–56.
19. Gol`chevskij V. F., Badzyuk I. L., Bopp E. O. Opasnoe vozhdenie i mery` ego presecheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. 2019. № 1(2). S. 132–135.
20. Yakimov A. Yu. Povy`shennaya otvetstvennost` za neodnokratnoe sovershenie administrativny`x pravonarushenij (pravovy`e i organizacionny`e voprosy`) // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 8. S. 5-13.

Информация об авторах

Иван Александрович Смирнов. Научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного и аналитического обеспечения Научного центра безопасности дорожного движения МВД России.

Научный центр безопасности дорожного движения МВД России.

121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Петр Геннадьевич Андреев. Старший преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Артём Валерьевич Литвинов. Доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, кандидат технических наук, доцент.

Омская академия МВД России.

644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Information about the authors

Ivan A. Smirnov. Researcher at the Department for the Study of problems of regulatory and analytical support of the Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya Str., 17.

Peter G. Andreev. Senior Lecturer at the Department of Organization of activities of the State Traffic Inspectorate.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Artyom V. Litvinov. Associate Professor of the Department of Internal Affairs in special conditions. Candidate of Technical Sciences, docent.
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
644092, Omsk, Komarova Ave., 7.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 04.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 342.9

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Смоляков Андрей Иванович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

SAI.611@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодействия и конкуренции общих и специальных норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Отмечается наличие спорных вопросов как о квалификации отдельных административных правонарушений, так и о целесообразности введения ряда статей вышеуказанного кодекса. Приводятся примеры наличия общих и специальных норм с абсолютно идентичными санкциями; двух специальных норм, конкурирующих между собой; фактов смены позиций общих и специальных норм. Предлагаются изменения, призванные устранить возникающие между общими и специальными нормами противоречия.

Ключевые слова: общая норма, специальная норма, конкуренция норм, квалификация правонарушений, ответственность за административные правонарушения, административные наказания.

Для цитирования: Смоляков А. И. Общие и специальные нормы в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемные вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 127–135.

GENERAL AND SPECIAL NORMS IN THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMATIC ISSUES

Andrey I. Smolyakov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

SAI.611@yandex.ru

Annotation. The article discusses the interaction and competition of general and special norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It notes the existence of controversial issues regarding the qualification of certain administrative offenses and the expediency of introducing certain articles of the above-mentioned code. The article provides examples of the presence of general and special norms with identical sanctions, two special norms that compete with each other, and changes in the positions of general and special norms. The article proposes changes aimed at resolving the contradictions between general and special norms.

Keywords: general norm, special norm, competition of norms, qualification of offenses, responsibility for administrative offenses, administrative penalties.

For citation: Smolyakov A. I. General and special norms in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: problematic issues // Scientific

Bulletinof the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 127–135.

Как Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), так и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) включают в себя достаточно большое количество статей, предусматривающих наступление уголовной или, соответственно, административной ответственности, по сути, за идентичные по составу противоправные деяния. Как правило, данные статьи соотносятся между собой как общая и специальная нормы. При этом, как отмечает В. Н. Шиханов, «общая норма по охвату регулируемых случаев шире, в то время как специальная норма содержит дополнительные (конкретизирующие) признаки и описывает некоторую часть общественных отношений или случаев, относящихся к компетенции общей нормы» [1, с. 28]. Ещё одной особенностью соотношения общей и специальной норм является то, что специальная норма, как правило, предусматривает ответственность за совершение противоправных действий, представляющих большую общественную опасность, чем предусмотренных общей нормой. Соответственно, следуя формальной логике, отметим, что при конкуренции общей и специальной нормы лицу, осуществляющему квалификацию преступления или административного правонарушения, следует выбирать последнюю. На это, в частности, чётко указывает ч. 3 ст. 17 УК РФ, отмечающая, что, «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме».[1] Безусловный приоритет специальных норм над общими во всех отраслях права неоднократно подчёркивался и исследователями [2; 3; 4]. Так, например, Г. Г. Ячменев отмечает, что, хотя «в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило *lex posterior derogat priori* (последующий закон отменяет предыдущие), … вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений» [5, с. 169].

Однако на практике при квалификации противоправных действий граждан всё не так просто, как кажется на первый взгляд, особенно, когда речь идёт об административных правонарушениях. И при рассмотрении ряда конкурирующих статей КоАП РФ как у исследователей, так и у практиков возникают вопросы:

– какую цель преследовал законодатель, вводя специальную норму, если санкции общей и специальной нормы являются абсолютно идентичными?

– если обе статьи содержат в себе дополнительные признаки, то какая из них является специальной нормой, а какая – общей?

– почему законодатель сначала счёл ту или иную норму специальной по отношению к общей, а затем изменил их соотношение, признав общую норму специальной, а специальную норму – общей?

В этой связи считаем необходимым рассмотреть отдельные проблемные вопросы, возникающие при конкуренции общих и специальных норм в рамках КоАП РФ.

Так, в настоящее время в КоАП РФ встречаются нормы, безусловно, соотносящиеся между собой как общая и специальная, но имеющие абсолютно идентичные санкции. В таких случаях цель выделения законодателем специальных норм остаётся не совсем ясной. В качестве примера здесь можно привести ст. 6.9. «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» и ч. 2 и 3 ст. 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещённых местах либо потребление наркотических

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах» КоАП РФ. В рассматриваемом случае безусловным является то, что ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ являются специальной нормой по отношению к ст. 6.9. КоАП РФ, так как предусматривают дополнительный признак в виде места потребления наркотических средств или психотропных веществ. Более того, в этой связи административное правонарушение, квалифицируемое по ч. 2 или 3 ст. 20.20 КоАП РФ, посягает сразу на два объекта – здоровье и общественную безопасность и общественную нравственность, о чём свидетельствует его перенос законодателем из 6 главы в 20 главу КоАП РФ, а значит, представляет собой большую общественную опасность. Следовательно, в целом появление данной нормы как специальной по отношению к ст. 6.9. КоАП РФ является вполне оправданным. Однако если мы посмотрим на санкции этих двух статей, то увидим, что они абсолютно идентичны. Более того, их структура и содержание позволяют предположить возможность назначения наказания за административное правонарушение, квалифицируемое по ч. 2 или 3 ст. 20.20 КоАП РФ, в меньшем объёме, чем за административное правонарушение, квалифицируемое по статье 6.9. КоАП РФ, что, на наш взгляд, является недопустимым. Соответственно, считаем необходимым ужесточить санкции ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ путём увеличения минимального размера административного штрафа и установления нижнего порога для административного ареста в объёме не менее 10 суток.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и при сравнении ч. 1 и ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ «Управление транспортным средством при наличии неисправностей или условий, при которых эксплуатация транспортных средств запрещена». Здесь также ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ, безусловно, является специальной нормой к части 1 указанной статьи и несёт в себе существенно большую общественную опасность. Но опять же, как и в ранее рассмотренном случае, размер санкции данных частей является идентичным. Более того, если в санкциях ст. 6.9. и ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ административный штраф имеет определённый диапазон (от четырёх до пяти тысяч рублей), что хоть как-то позволяет лицу, назначающему административное наказание, учитывать большую общественную опасность специальной нормы, то в ч. 1 и 2 ст. 12.5 КоАП РФ санкции предусматривают не просто одинаковый размер, а ещё и фиксированный. При этом анализ изменений, вносимых в описываемые нормы, показывает, что изначально ч. 2 ст. 12.5 имела гораздо более жёсткую санкцию по сравнению с частью 1 данной статьи. Разница в размере административного штрафа между рассматриваемыми частями составляла от шести до десяти (!) раз, что вполне отражало разницу в степени общественной опасности данных административных правонарушений. Однако когда размер минимального административного штрафа в соответствии со ст. 3.5 КоАП РФ был повышен до ста рублей[1], санкция ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ автоматически выросла в два раза, в то время как санкция ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ осталась неизменна. Как результат – разница в размере административного штрафа между рассматриваемыми частями сократилась до трёх-пяти раз. А когда минимальный размер административного штрафа (теперь уже исключительно за совершение административного правонарушения в области дорожного движения) в очередной раз вырос до пятисот рублей[2], санкция ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ также выросла в пять раз, сравнявшись по размеру с санкцией за совершение административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ. Как резуль-

[1] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение: Федер. закон Рос. Федерации от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 26. Ст. 3089.

[2] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федер. закона «О безопасности дорожного движения»: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4029.

тат, мы уже более 10 лет имеем парадоксальную ситуацию, когда санкция за нарушение общей нормы является абсолютно идентичной санкции за нарушение специальной нормы, в то время как общественная опасность данных норм отличается друг от друга в разы, что, по мнению А. Н. Жеребцова и А. В. Вербицкого, указывает на «отсутствие каких-либо обоснованных критериев для построения административно-правовых санкций норм об административной ответственности» [6, с. 24]. Данная ситуация, на наш взгляд, также является аномальной. С учётом существенного отличия в степени общественной опасности данных административных правонарушений необходимо вернуть изначально установленное законодателем при введении в действие КоАП РФ соотношение в санкциях между ч. 1 и 2 ст. 12.5 КоАП РФ, для чего увеличить размер санкции за совершение административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ с 500 рублей до 5 000 рублей.

Предыдущий пример показывал нам, как постепенное повышение размера санкции общей нормы привело к выравниванию санкций общей и специальной норм. Но можно привести пример, когда ужесточение санкции общей нормы привело даже к превышению её объёма в сравнении с санкцией специальной нормы. Речь идёт о соотношении санкций ч. 1 ст. 19.3 «Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей» и ч. 2 ст. 20.1 «Мелкое хулиганство, сопряжённое с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка» КоАП РФ. На момент внесения в КоАП РФ в 2003 году[1] санкция за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, была существенно (в части размера административного штрафа) выше санкции ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, что вполне отражало степень соотношения общественной опасности данных действий [7, с. 44]. Но затем она, в отличие от санкции ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, ни разу не изменялась. Как результат, на сегодняшний день уже санкция за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, существенно (опять же в части размера административного штрафа) выше санкции ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ. Данная ситуация также, на наш взгляд, является недопустимой, а пути её решение совпадают с вышеизложенным примером.

Вместе с тем отсутствие разницы в санкциях общей и специальных норм КоАП РФ является не самой большой проблемой для правоприменителя. Гораздо больше вопросов вызывает дополнительное введение отдельных статей, являющихся специальными нормами. Так, например, в 2014 году в КоАП РФ была введена ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ «Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1, 4 или 5 настоящей статьи, если оно совершено организатором или участником собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в связи с проведением указанного мероприятия»[2]. Более того, хотя данное правонарушение уже изначально предусматривало практически максимально возможную для КоАП РФ санкцию в виде административного ареста на срок до 30 суток, в 2021 году рассматри-

[1] О приведении Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федер. законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Рос. Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4847.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях: Федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4259.

ваемая статья дополнительно была изменена путём четырёхкратного увеличения административного штрафа, который мог применяться к правонарушителям в качестве альтернативного административного наказания[1].

Вот только проблема заключается в том, что законодатель сначала ввёл, а затем даже усовершенствовал (!) статью, которая, по сути, не может быть использована правоприменителем, поскольку ещё в 2012 году начала действовать новая редакция ст. 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», которая среди прочего предусматривает ответственность за невыполнение участником публичного мероприятия законного требования сотрудника органов внутренних дел. И на то, что именно ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 19.3. КоАП РФ, неоднократно указывал Верховный Суд Российской Федерации.

Так, например, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своём постановлении прямо отметил, что «невыполнение участником публичного мероприятия законных требований или распоряжений указанных представителей власти, а также воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей, связанных с обеспечением общественного порядка, безопасности граждан и соблюдением законности при проведении публичного мероприятия, подлежит квалификации по ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, которая в данном случае *является специальной по отношению к ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ*»[2]. А Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил обзор судебной практики, в котором на вопрос «Как следует разграничивать составы административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 и ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, при привлечении к административной ответственности участников публичных мероприятий?» также ответил, что «при квалификации тех или иных действий (бездействия) участников публичного мероприятия в качестве подпадающих под признаки составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 либо ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, необходимо оценивать их связь с проводимым публичным мероприятием»[3].

На непродуманность построения ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ обращают внимание и В. Р. Кисин, и Г. Х. Хадисов, отмечающие, что, «не будучи специальным субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3, должностное лицо признаётся таковым в случае его повторного совершения. Вряд ли можно найти убедительное (логически и юридически выдержанное) обоснование подобного нормотворчества» [8, с. 53]. Дополнительно можно добавить и то, что тем же самым Федеральным законом, которым ч. 6 ст. 19.3. была введена в КоАП РФ, в УК РФ была введена и ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», в примечании к которой указано, что к уголовной ответственности за данное преступление привлекается лицо, которое ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ. Часть 6 статьи 19.3 КоАП РФ в примечании не указана, что в дополнение к вышеобозначенным проблемам ещё и резко повышает коррупционные риски. Ведь если в действиях лица, оказавшего неповиновение сотрудникам полиции при проведении публичных мероприя-

[1] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 24 февраля 2021 г. № 24-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 9. Ст. 1471.

[2] О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 июня 2018 г. № 28 // Рос. газ. 2018. 6 июл. № 145.

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда Рос. Федерации № 4 (2018) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 8.

тий, усмотреть не ч. 5 ст. 20.2, а ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ, то это будет означать юридически узаконенное основание для освобождения его от уголовной ответственности.

Таким образом, учитывая позицию Верховного Суда Российской Федерации и вышеобозначенные недочёты, становится непонятным, зачем законодатель не только ввёл ч. 6 ст. 19.3. КоАП РФ в её нынешнем виде как специальную норму, но затем ещё и ужесточил её санкцию. Наиболее вероятным, на наш взгляд, будет являться предположение, что её появление было вызвано тем, на волне борьбы с массовыми грубыми нарушениями порядка проведения публичных мероприятий законодатель стремился существенно ужесточить ответственность в данной сфере без проведения глубокого анализа судебной практики. При этом, на наш взгляд, ч. 6 ст. 19.3 КоАП РФ всё же имеет право на существование, но при условии исключения из её диспозиции упоминания ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Похожая ситуация сложилась и в соотношении общих и специальных норм КоАП РФ в сфере противодействия экстремизму. На волне борьбы с экстремистскими проявлениями в настоящее время идёт попытка существенного ужесточения ответственности за совершение административных правонарушений в данной сфере, результатом которой становится появление новых статей КоАП РФ или изменения уже имеющихся, которое также иногда осуществляется без глубокого предварительного анализа.

Так, в 2015 году законодатель ввёл в КоАП РФ новый состав административного правонарушения, а именно ч. 6 ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации», предусматривающую наказание за производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалы, публично оправдывающие терроризм, или другие материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности»[1]. Интересной особенностью рассматриваемой статьи явилось то, что в качестве субъекта данного правонарушения выступают исключительно юридические лица. Учитывая потенциальную опасность данных действий, законодатель установил очень высокий уровень санкций, предусматривающих не только административный штраф от ста тысяч до одного миллиона рублей, но и обязательную конфискацию данных материалов. Как правило, вновь вводимые статьи являются специальными нормами к ранее введёнными. Однако здесь мы наблюдаем обратную картину. Учитывая оговорку о том, что данное правонарушение квалифицируется по рассматриваемой статье только при отсутствии признаков административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 и 20.29, вновь выведенная статья стала общей по отношению к вышеуказанным. Кроме того, учитывая, что этим же федеральным законом санкция для юридических лиц была увеличена и составила от ста тысяч до одного миллиона рублей с обязательной конфискацией экстремистских материалов, вновь возник вопрос о целесообразности введения специальной нормы с санкцией, абсолютно идентичной санкции общей нормы.

С учётом массового перехода к получению информации от бумажных к электронным носителям, особенно характерный для молодёжной среды, в 2017 году КоАП РФ также был дополнен ст. 13.37 КоАП РФ «Распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления

[1] О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.29 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 18. Ст. 2619.

такой деятельности»[1], предусматривающей увеличение нижнего порога санкции для юридических лиц до шестисот тысяч рублей, а при повторном совершении данного административного правонарушения до одного миллиона рублей. При этом верхний порог санкции за повторное совершение рассматриваемого правонарушения опять же для юридических лиц и вовсе составляет в настоящее время пять миллионов рублей. При этом, как и в случае с ч. 6 ст. 13.15, законодатель сначала оговаривал отсутствие признаков административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 и 20.29, а затем и ст. 20.3.1 и 20.3.2. КоАП РФ.

При этом найти отличия в составах ч. 6 ст. 13.15. или ст. 13.37 и вновь введённой в 2018 году ст. 20.3.1 КоАП РФ невозможно. На наш взгляд, состав ст. 20.3.1 КоАП РФ является частным случаем ч. 6 ст. 13.15 или ст. 13.37 КоАП РФ. Однако в таком случае возникает вопрос, почему верхний предел санкции в специальной норме (каковой является статья 20.3.1), составляющий пятьсот тысяч рублей, ниже верхнего предела санкции общей нормы, составляющего один миллион рублей для первого раза и пять миллионов рублей при его повторном совершении, а также не предусматривает конфискацию материалов, содержащих экстремистские материалы.

Последовавшие в 2023 году изменения и вовсе перевернули всё с ног на голову. После принятия Федерального закона № 231-ФЗ[2] из диспозиций ч. 6 ст. 13.15 и ст. 13.37 статей была исключена оговорка о том, что по ним привлекаются к ответственности лица, в действиях которых отсутствует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 20.29 КоАП РФ. И наоборот, в диспозицию ст. 20.29 КоАП РФ была включена оговорка о том, что по ней привлекаются к ответственности лица, в действиях которых отсутствует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 6 ст. 13.15 и ст. 13.37 КоАП РФ. Таким образом, получается, что если ранее ст. 20.29 КоАП РФ являлась специальной нормой по отношению к ст. 13.15 и 13.37 КоАП РФ, то в настоящее время ст. 13.15 и 13.37 КоАП РФ являются специальной нормой по отношению к ст. 20.29 КоАП РФ, которая стала общей нормой. При этом последние изменения, на наш взгляд, как раз являются логичными, так как было странным, что общая норма предусматривает ответственность только для юридических лиц, а размер её санкции больше размера санкции специальной нормы.

Таким образом, можно отметить, что введение специальных норм в КоАП РФ следует считать нормальной законотворческой практикой, но при условии соблюдения следующих правил:

– специальная норма должна предусматривать ответственность за административное правонарушение, представляющее большую общественную опасность;

– санкции специальной и общей норм должны отличаться, при этом санкция специальной нормы всегда должна быть более строгой, чем санкция общей нормы.

В этой связи, а также учитывая всё вышеизложенное, подчеркнём, что законодателю необходимо рассмотреть вопрос об ужесточении санкции в ч. 2 и 3 ст. 20.20 и в ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ, а также исключить из диспозиции части 6 статьи 19.3 КоАП РФ отсылку к ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. А в дальнейшем при разработке новых изменений в КоАП РФ в части введения специальных норм к уже имеющимся статьям руководствоваться предложенными выше правилами.

---

[1] О внесении изменений в Федеральный закон Рос. Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 1 мая 2017 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 18. Ст. 2664.

[2] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 2023 г. № 231-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 25. Ст. 4420.

1. Шиханов В. Н. Конкуренция общей и специальной уголовно-правовой нормы // Законность. 2022. № 3. С. 26–32.
2. Смоляков П. Н. Приоритет специальных норм в административно-деликтном и уголовном законах // Законность. 2022. № 1. С. 38–41.
3. Аргунов В. В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве (на примере дел особого производства) // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 119–134.
4. Шиткина И. С., Музафаров Э. Э., Наймушина В. А., Севеева К. В. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 3–28.
5. Ячменев Г. Г. Проблемные вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в практике Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 126–173.
6. Жеребцов А. Н., Вербицкий А. В. Построение административно-правовых санкций в Кодексе РФ об административных правонарушениях: от усмотрения к формированию научно обоснованной концепции // Современное право. 2018. № 5. С. 23–30.
7. Мишина Ю. В. Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3-2. С 42–49.
8. Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Специальные субъекты административных правонарушений, подлежащие ответственности как должностные лица // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 50–54.

1. Shixanov V. N. Konkurenciya obshhej i special`noj ugolovno-pravovoj normy` // Zakonnost`. 2022. № 3. S. 26–32.
2. Smolyakov P. N. Prioritet special`ny`x norm v administrativno-deliktnom i ugolovnom zakonax // Zakonnost`. 2022. № 1. S. 38–41.
3. Argunov V. V. Vzaimodejstvie obshhix i special`ny`x norm i institutov v grazhdanskom i arbitrazhnom processual`nom prave (na primere del osobogo proizvodstva) // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 12. S. 119–134.
4. Shitkina I. S., Muzafarov E`. E`., Najmushina V. A., Seveeva K. V. Voprosy` korporativnogo prava v poziciyax Konstitucionnogo Suda RF // Pravo i biznes. 2022. № 3. S. 3–28.
5. Yachmenev G. G. Problemny`e voprosy` primeneniya Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax v praktike Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Arbitrazhny`e spory`. 2024. № 3. S. 126–173.
6. Zherebczov A. N., Verbiczkij A. V. Postroenie administrativno-pravovy`x sankcij v Kodekse RF ob administrativny`x pravonarusheniyax: ot usmotreniya k formirovaniyu nauchno obosnovannoj koncepcii // Sovremennoe pravo. 2018. № 5. S. 23–30.
7. Mishina Yu. V. Problemny`e aspekty` privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za melkoe xuliganstvo // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T.7 (73). № 3-2. S. 42–49.
8. Kisin V. R., Xadisov G. X. Special`ny`e sub``ekty` administrativny`x pravonarushenij, podlezhashhie otvetstvennosti kak dolzhnostny`e licza // Administrativnoe pravo i process. 2023. № 3. S. 50–54.

Информация об авторе

Андрей Иванович Смоляков. Заместитель начальника кафедры специальной подготовки, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey I. Smolyakov. Deputy Head of the Department of Special Education. Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 23.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 342.71

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Юшина Кристина Александровна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

kristina_alexandrona77@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ этапов становления миграционной политики нашего государства. Особое внимание обращается на современное состояние миграционной политики России, поскольку происходят значительные преобразования в этой области. Отдельно прогнозируются последующие изменения в современном нормативно-правовом регулировании миграционных отношений с учётом складывающейся международной обстановки, процессов внутренней и внешней миграции, рождаемости и смертности населения, заинтересованности нашей страны в иностранной рабочей силе, уровня законности пребывания и проживания иностранного контингента в Российской Федерации, необходимости обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, миграционные риски, миграционная политика, нормативно-правовое регулирование.

Для цитирования: Юшина К. А. Миграционная политика России: этапы становления и современное состояние // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 136–143.

RUSSIA'S MIGRATION POLICY: STAGES OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

Kristina Al. Yushina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

kristina_alexandrona77@mail.ru

Annotation. The purpose of the study is to analyze the stages of development of the migration policy of our country. Special attention is paid to the current state of Russia's migration policy, as significant changes are taking place in this area. The article also predicts future changes in the current legal regulation of migration relations, taking into account the current international situation, internal and external migration processes, population birth and death rates, the country's interest in foreign labor, the legality of foreign residents in the Russian Federation, and the need to ensure national security.

Keywords: migration, migration process, migration risks, migration policy, legal regulation.

For citation: Yushina K. A. Russia's migration policy: stages of development and current state // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 136–143.

В юридической литературе миграцию рассматривают с позиции территориальной мобильности населения, которая, в свою очередь, связана с такими процессами, как

пересечение государственной границы, перемещение из одного региона страны в другой, смена места жительства, государственная регистрация по месту жительства (постоянная) или по месту пребывания (временная).

В использовании такого подхода можно выделить два основных признака, свойственных миграции:

1) территориальный (перемещение с одной территории на другую в пределах как одного государства, так перемещение через территории нескольких государств);

2) временной (имеет оценочный характер, исходя из времени перемещения и времени нахождения на определённой территории).

Ключевым элементом миграции является миграционный процесс, «представляющий собой систему фактов юридического содержания, действий и событий, которые связаны с изменением места жительства физического лица, изменением места пребывания, выездом за пределы государства, в своей совокупности приводящих к изменению правового положения конкретного лица» [1, с. 190].

В настоящее время никакое государство не в состоянии полностью регулировать миграционные процессы и осуществлять действенный контроль за миграцией на своей территории [2, с. 44]. Но это не снимает с него ответственности по осуществлению политики, разработке и принятию соответствующих мер реагирования в этой области. «Обращаясь к анализу источников права, можно заключить, что вектор развития миграционной политики России неоднократно изменялся в зависимости от происходящих внутри страны событий, складывающейся геополитической обстановки, уровня социального и экономического развития, отношения к миграционной ситуации в тот или иной исторический период» [3, с. 254].

Условно можно выделить следующие этапы становления миграционной политики в Российской Федерации:

1 этап (1989–1992 гг.) – для миграционной политики была характерна либералистическая направленность, её основная цель заключалась в создании оптимальных условий для возвращения соотечественников и беженцев с постсоветского пространства с учётом роста эмиграции российского населения;

2 этап (1993–2001 гг.) – в миграционной политике начинает преобладать умеренно-жёсткий характер, происходит сдерживание притока беженцев и вынужденных переселенцев на фоне сокращения эмиграции и роста иммиграции;

3 этап (2001–2006 гг.) – «происходит ужесточение миграционной политики, применяется практика селективного отбора партнёров в рамках СНГ на двухсторонней основе» [4, с. 28]. Ключевая цель такой политики – осуществление миграционного контроля и поддержание национальной безопасности;

4 этап (2007–2012 гг.) – возвращение к умеренно-жёсткой миграционной политике, что было обусловлено стремлением решить возникшие демографические и трудовые проблемы. Целью такой политики было обеспечение национальной безопасности, восполнение численности населения, стабилизация состояния экономики;

5 этап (2013–2018 гг.) – ужесточение мер в сфере управления миграцией на фоне вводимых санкций. Миграции стало придаваться значение вспомогательного инструмента в решении демографических, экономических и социальных проблем;

6 этап (2019–2022 гг.) – попытка объединения жёсткого и умеренно-жёсткого подхода в регулировании миграционных отношений посредством использования цифровых технологий [4, с. 27–30];

7 этап (2023 – 2024 гг.) – для этого этапа характерно внедрение в практику новых цифровых платформ для осуществления эффективного управления в сфере миграции;

8 этап (2024 г. – по н/в) – в миграционной политике наблюдаются кардинальные изменения, происходит ужесточение миграционного контроля, об этом свидетельствует

появление нового правового режима (режима высылки[1]), введение новых ограничений в отдельных регионах страны, касающихся осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности[2], и др.

Исходя из направленности данного исследования, укажем, что в большей степени представляет интерес современное состояние миграционной политики и перспективы её дальнейшего совершенствования.

В современных реалиях миграционная политика проводится согласно положениям, изложенным в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (далее – Концепция государственной миграционной политики)[3]. Примечательно, что до 2023 года в данный официальный документ не вносились изменения. Объективно такая потребность возникла с февраля 2022 года, когда произошёл значительный отток населения России за рубеж. После чего законодателем было внесено дополнение в п. 10 (2) Концепции государственной миграционной политики[4].

С содержательной стороны в Концепции государственной миграционной политики определены задачи миграционной политики, направления миграционной политики в зависимости от области регулирования общественных отношений (порядок въезда, пребывания и проживания иностранных граждан на территории РФ; обучение иностранных граждан, привлечение к осуществлению образовательной деятельности иностранных научных и педагогических работников; профилактика, пресечение нарушений миграционного законодательства и т. д.).

На законодательном уровне разработан и действует механизм обеспечения прав, свобод и законных интересов в сфере миграции, базирующийся в первую очередь на применении институтов административной и уголовной ответственности, использовании специальных мер правового воздействия на иностранных граждан, не соблюдающих российское законодательство. Такой механизм сформирован с учётом миграционных рисков, представляющих собой степень возможной опасности от миграционных процессов, оказывающих влияние на стабильность и благополучие криминогенного характера людей, проживающих на определённой территории [5, с. 141].

Степень миграционной опасности определяется исходя из количественных и качественных показателей противоправных проявлений миграционных процессов. Среди таких рисков можно выделить: рост межнациональных конфликтов, терроризм, экстремизм, коррупцию, общую социальную напряжённость, военные конфликты, наркотизацию, криминализацию экономических отношений и др.

Миграция населения как социальное явление порождает риски, в то же время сама обусловлена существующими рисками различного содержания, исходя из которых она становится законной или незаконной со всеми вытекающими последствиями.

Миграционная политика структурно включает в себя нормативные правовые акты в сфере миграции («такие источники права часто носят адаптационный характер по

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4956.

[2] Прим. автора: одним из таких ограничений является запрет иностранным гражданам работать водителем в легковом такси и на арендованных легковых автомобилях с водителем. В настоящее время такой запрет установлен в Белгородской и Воронежской областях, а также в г. Санкт-Петербург. Такое ограничение имеет своей целью повысить качество и безопасность услуг в сфере такси и создать дополнительные возможности для трудоустройства граждан РФ.

[3] О Концепции государственной миграционной политики Рос. Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента Рос. Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.

[4] О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Рос. Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Рос. Федерации от 31 октября 2018 г. № 622: указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2023 г. № 342 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 20. Ст. 3534.

отношению к новым стратегическим потребностям государства» [6, с. 87]), систему органов, обеспечивающих соблюдение нормативных правовых актов в сфере миграции.

Ключевым субъектом в области управления внутренней миграцией, выявления и пресечения правонарушений в миграционной сфере, а также противодействия незаконной миграции и преступности среди мигрантов является ГУВМ МВД России с входящими в него территориальными органами и подразделениями.

Как было обозначено ранее, вектор миграционной политики существенно изменился в 2024 году. Одной из причин тому послужил произошедший 22 марта 2024 года террористический акт в концертном зале «Крокус сити холл» в подмосковном Красногорске, который совершили четверо граждан Республики Таджикистан. Вместе с тем в сфере регулирования миграционных отношений имелись и иные проблемы, объективно требующие устранения.

Все новеллы в миграционном законодательстве, которые произошли в 2024 году, можно условно подразделить на следующие группы:

1) ограничения, действие которых распространяется на всех иностранных граждан:

– сокращение срока временного пребывания для иностранного гражданина, прибывшего в Россию в безвизовом режиме, со 180 до 90 дней в году;

– расширение перечня оснований для принятия решения об отказе во въезде в Российскую Федерацию;

2) регулирование трудовой деятельности:

– увеличение размера пошлины за выдачу разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности;

– сокращение срока для поиска новой работы для высококвалифицированного специалиста с 60 до 30 дней;

3) меры, направленные на усиление контроля в сфере миграции:

– обязательная постановка на воинский учёт для лиц мужского пола, принятых в российское гражданство;

– появление реестра контролируемых лиц;

– возможность применения режима высылки, а также депортации в случае многократного нарушения режима высылки.

В связи с изменением концепции миграционной политики в 2024 году произошли перемены и в деятельности подразделений по вопросам миграции.

Консолидация усилий подразделений по вопросам миграции по усилению контроля за иностранным контингентом имеет положительные результаты. Так, «за 1 квартал 2025 года на территории Российской Федерации произошёл рост таких пресечённых правонарушений, совершённых иностранным гражданином или лицом без гражданства, как нарушение правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (+17,5 %, со 137,1 тыс. до 161,1 тыс.), нарушение иммиграционных правил (+55,6 %, с 3,8 тыс. до 5,9 тыс.), нарушение обязательных правил, связанных с исполнением принятого решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации или о депортации (с 4 до 52), нарушение срока обращения за выдачей патента (+72,1 %, с 9,7 тыс. до 16,7 тыс.)»[1]. Примечательно, что большинство таких нарушений выявляется за счёт увеличения количества проводимых подразделениями по вопросам миграции совместно с иными подразделениями органов внутренних дел проверочно-профилактических мероприятий.

Необходимо дополнить, что в целях усиления контроля и законности в паспортно-регистрационной деятельности, разрешительно-визовой работе, внешней трудовой

[1] Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – март 2025 года [Электронный ресурс]. URL.https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/65404870/ (дата обращения: 17.06.2025).

миграции, в вопросах гражданства, а также в работе с беженцами, соотечественниками и вынужденными переселенцами на базе ГУВМ МВД России была создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан[1]. Такая служба находится на этапе становления, вместе с тем очевидно, что её образование призвано усилить новую миграционную политику, направленную на достижение стратегически важных для государства задач, в первую очередь связанных с обеспечением правопорядка и безопасности в миграционной сфере.

Принципиально новым моментом в контексте проводимой миграционной политики является расширение перечня субъектов, уполномоченных принимать процессуальное решение об избрании в отношении иностранных правонарушителей административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации. С 5 февраля 2025 г. решение о его назначении принимают не только судьи, но и должностные лица органов, обозначенные в п. 1, 2, 10–12 ч. 2 ст. 23.3 и ч. 2 ст. 23.10 КоАП РФ[2]. В число таких субъектов входят и органы внутренних дел. Представляется, что такое нормативное изменение имеет положительный характер, поскольку органы внутренних дел рассматривают дела об административных правонарушениях, протоколы об административных правонарушениях в пятнадцатидневный срок со дня их получения, в то время как судьи рассматривают аналогичные материалы в двухмесячный срок со дня их получения. Следовательно, новая норма позволит сэкономить процессуальные сроки для принятия решения и разгрузить суды, обеспечивая законность и правопорядок, противодействуя незаконной миграции и другим её негативным проявлениям.

Важным направлением миграционной политики является предупреждение и пресечение правонарушений в миграционной сфере, а также противодействие незаконной миграции. Незаконная миграция представляет собой негативное социальное явление, содержащее в себе угрозу для политической, экономической и социальной безопасности и стабильности государства, порождая последствия в виде коррупции, терроризма, экстремизма, наркопреступности и др. Миграция и безопасность связаны между собой в двустороннем порядке: «Незаконные мигранты наравне с тем, что представляют угрозу безопасности, сами по себе очень уязвимы в правовом статусе в части использования трудового потенциала и иных своих возможностей и не могут пользоваться правами, которыми наделены законные мигранты» [7, с. 329].

Незаконная миграция носит многоаспектный характер, ввиду чего для эффективного осуществления контроля над миграционными процессами следует учитывать все её элементы – начиная от причин незаконной миграции и заканчивая мерами реагирования и обеспечением прав мигрантов, оказания им помощи и т. д.

Вновь обращаясь к аналитическим данным о деятельности подразделений по вопросам миграции, можно заключить, что и в этом направлении сохраняется положительная динамика. Так, «за 1 квартал 2025 года органами внутренних дел усилена работа по противодействию преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), в результате которой в 1,6 раза увеличилось число выявленных (с 379 до 607), в 2,6 раза – предварительно расследованных таких преступлений (358 до 919). Число иностранцев, совершивших наркопреступления, за январь-март

[1] О совершенствовании государственного управления в сфере миграции: указ Президента Рос. Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 14. Ст. 1692.
[2] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (чать I). Ст. 4944.

2025 года снизилось на 25,2 % (с 1 210 до 905), а общее число мигрантов-преступников – на 3,3 % (с 8,1 тыс. до 7,8 тыс.)»[1].

С учётом направленности исследования нельзя не обратить внимание на появление нового правового режима – режима высылки, который распространяется на иностранных граждан, включённых в реестр контролируемых лиц[2]. Введение такого режима призвано обеспечить выход иностранных граждан из теневой зоны, нахождение в которой не позволяет проверять законность их нахождения на территории нашей страны и создаёт условия для совершения ими противоправных деяний. Представляется, что введение нового правового режима в отношении иностранных граждан следует оценить непосредственно с положительной стороны, так как это позволит компетентным органом наиболее эффективно реализовывать возложенные на них полномочия в сфере общественных отношений, регулируемых миграционным законодательством. Вместе с тем необходимо накопить практику по использованию этого института, разработать меры, которые бы обеспечивали его эффективную реализацию с учётом современных угроз и вызовов.

В качестве перспективных направлений совершенствования миграционной политики можно обозначить следующие:

1. Дальнейшее регулирование вопросов миграции в области трудовых отношений. Иностранные граждане привлекаются к разным трудовым отношениям, но их право на безопасный труд не всегда обеспечивается должным образом, а иногда и просто игнорируется. В подобных случаях единственным механизмом защиты трудовых прав иностранных граждан выступает оформленный в соответствии с законом трудовой договор, в противном случае защитить их права представляется невозможным. «Для решения подобных проблем необходимо более детально проработать законодательную базу по вопросам выполнения работодателями законодательства об оплате и охране труда иностранных граждан, а также по повышению ответственности за данный вид нарушения. Необходимо также усиление работы контролирующих органов» [8, с. 24].

2. Применение и внедрение современных информационных технологий в сфере миграции для выявления нарушений. Речь идёт в том числе о возможности применения цифровых технологий, позволяющих проверять не только соответствие личности проверяемого иностранного гражданина данным, содержащимся в государственных информационных системах (данное положение нормативно закреплено), но и выявлять нарушения миграционного законодательства в режиме реального времени (такое положение требует нормативной проработки и позволит своевременно обнаруживать, например, нарушение сроков пребывания). Использование цифровых технологий будет способствовать исключению субъективного фактора и отчасти решению проблемы нехватки сотрудников миграционных подразделений.

3. Повышение правопорядка и безопасности за счёт введения для иностранных граждан ограничений, касающихся привлечения их к отдельным видам трудовой деятельности. Например, запрет работать водителем в легковом такси и на арендованных легковых автомобилях с водителем; запрет работать в розничной торговле алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах или запрет работать на сухопутном пассажирском транспорте в городском и пригородном сообщении (такие

---

[1] Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – март 2025 года [Электронный ресурс]. URL.https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/65404870/ (дата обращения: 17.06.2025).

[2] Об организации работы Министерства внутренних дел Рос. Федерации и его территориальных органов при применении в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства режима высылки [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10 декабря 2024 г. № 862 // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 25 декабря 2024 г. № 0001202412250017 (дата обращения: 17.06.2025).

запреты в настоящее время введены в Белгородской области и не распространяются на другие регионы).

В целом представляется, что именно регулированию вопросов миграции в области трудовых отношений должно уделяться пристальное внимание. Как уже было обозначено ранее, несмотря на вводимые ограничения и ужесточение миграционной политики, наблюдается миграционный прирост, и «в основном рекордные цифры обеспечили мигранты из стран СНГ, их доля в приросте составляет 441,1 тысячи человек: 128 тысяч приходится на приезжих из Таджикистана, 106 тысяч – из Узбекистана, 104 тысячи – из Киргизии»[1]. Выходцы из стран СНГ зачастую прибывают в нашу страну с целью нахождения работы. Поэтому важно, учитывая имеющиеся миграционные тенденции, создать оптимальные условия для осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами в целях удовлетворения потребностей российской экономики.

Помимо обозначенных направлений, целесообразно:

– расширять количество консультационных центров по вопросам миграции;

– проводить информационную работу с работодателями и иностранными гражданами;

– привлекать граждан и институты гражданского общества. Предложенные меры позволят повысить эффективность проводимой миграционной политики, выявить недочёты и непроработанные моменты, внести коррективы в проводимые мероприятия и нормативную основу, их регламентирующую.

Обобщая изложенное, заметим, что проведение государственной политики в сфере миграции представляет собой действенный правовой механизм, позволяющий на постоянной основе осуществлять мониторинг миграционных процессов, с целью выявления потенциально опасных проявлений миграции, которые могут приобрести незаконный характер, своевременного пресечения таких проявлений и принятия соответствующих мер реагирования. Вектор миграционной политики российского государства неоднократно подвергался изменениям вследствие воздействия разных факторов в тот или иной исторический период. В настоящее время миграционная политика продолжает своё становление, взяв курс на ужесточение миграционного контроля, что отвечает современным стратегическим потребностям исходя из имеющихся вызовов и угроз.

1. Мальченко В. Е. Отдельные направления миграционно-правового регулирован // Эпомен. 2020. № 35. С. 189–196.
2. Клишас А. А., Киселева Е. В. Глобальный форум по миграции и развитию (Порт-Луи, Маврикий, 19–22 ноября 2012 г.) // Евразийский юридический журнал. 2013. № 4(59). С. 43–46.
3. Юшина К. А. Трансформация нормативно-правового регулирования миграционных отношений // Образы и модели будущего : Материалы Среднерусского международного академического форума. В 2-х томах, Орёл, 26–27 сентября 2024 года. Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. С. 252–258.
4. Попова С. М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023) // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 24–51.
5. Юдина Т. Н., Бормотова Т. М. Миграционная преступность в современном мегаполисе : управление рисками // Управление. 2019. Т. 7. № 4. С. 140–148.

[1] Мигранты вышли из тени: прирост приезжих в России превысил 500 тысяч человек [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/social/migranty-vyshli-iz-teni-prirost-priezzhikh-v-rossii-prevysil-500-tysyach-chelovek.html?ysclid=mdoc4hk3em746052501 (дата обращения: 15.05.2025).

6. Строева О. А. К вопросу о порядке пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 86–95.
7. Уторова Т. Н. Международно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Науч. кн., 2018. С. 328–333.
8. Богатова Е. В. Миграционная политика в Российской Федерации, ее особенности // Деятельность органов внутренних дел по противодействию криминальным проявлениям в миграционной среде: материалы заочного внутриведомственного Круглого стола. СПб., 2020. С. 23–26.

1. Mal`chenko V. E. Otdel`ny`e napravleniya migracionno-pravovogo regulirovan // E`pomen. 2020. № 35. S. 189–196.
2. Klishas A. A., Kiseleva E. V. Global`ny`j forum po migracii i razvitiyu (Port-Lui, Mavrikij, 19–22 noyabrya 2012 g.) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 4(59). S. 43–46.
3. Yushina K. A. Transformaciya normativno-pravovogo regulirovaniya migracion-ny`x otnoshenij // Obrazy` i modeli budushhego : Materialy` Srednerusskogo mezhduna-rodnogo akademicheskogo foruma. V 2-x tomax, Oryol, 26–27 sentyabrya 2024 goda. Oryol: Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente RF, 2024. S. 252–258.
4. Popova S. M. Transformaciya migracionnoj politiki Rossii: e`tapy`, osobennosti, problemy` (1989-2023) // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2023. № 4. S. 24–51.
5. Yudina T. N., Bormotova T. M. Migracionnaya prestupnost` v sovremennom me-gapolise : upravlenie riskami // Upravlenie. 2019. T. 7. № 4. S. 140–148.
6. Stroeva O. A. K voprosu o poryadke preby`vaniya inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva na territorii Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 86–95.
7. Utorova T. N. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodejstviya neza-konnoj migracii // Texnika i bezopasnost` ob``ektov ugolovno-ispolnitel`noj siste-my`: materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Voronezh: Nauch. kn., 2018. S. 328–333.
8. Bogatova E. V. Migracionnaya politika v Rossijskoj Federacii, ee osobenno-sti // Deyatel`nost` organov vnutrennix del po protivodejstviyu kriminal`ny`m pro-yavleniyam v migracionnoj srede: materialy` zaochnogo vnutrivedomstvennogo Kruglogo stola. SPb., 2020. S. 23–26.

Информация об авторе

Кристина Александровна Юшина. Преподаватель кафедры специальной подготовки.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Kristina Al. Yushina. Lecturer of the department of the Department of Special Education.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 04.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 342.92

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА СНИЖЕНИЕ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА

Ясникова Вера Андреевна
ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

viasnikova@mvd.ru

Аннотация. В статье анализируется опыт снижения показателей детского дорожно-транспортного травматизма в некоторых зарубежных странах. Особое внимание уделяется мерам, направленным на профилактику и образование, использование детских удерживающих устройств и шлемов, ограничение скоростного режима. Автором проводится анализ зарубежного опыта мер, направленных на снижение детского дорожного травматизма, рассматривается эффективность комплексных подходов, включающих законодательные инициативы, образовательные программы и внедрение современных технологий безопасности.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, детский дорожно-транспортный травматизм, уязвимые участники дорожного движения, Европейский союз.

Для цитирования: Ясникова В. А. Зарубежный опыт мер, направленных на снижение детского дорожно-транспортного травматизма // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. №. 3(104). С. 144–149.

FOREIGN EXPERIENCE OF MEASURES AIMED AT REDUCING CHILD ROAD TRAFFIC INJURIES

Vera A. Iasnikova
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Moscow, Russia

viasnikova@mvd.ru

Annotation. The article analyzes the experience of reducing the number of child road traffic injuries in some foreign countries. Special attention is paid to measures aimed at prevention and education, the use of child restraints and helmets, and speed limits. The author analyzes the foreign experience of measures aimed at reducing child road traffic injuries and examines the effectiveness of comprehensive approaches that include legislative initiatives, educational programs, and the implementation of modern safety technologies.

Keywords: road traffic crash, child road traffic injuries, vulnerable road users, European Union.

For citation: Iasnikova V. A. Foreign experience of measures aimed at reducing child road traffic injuries // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 144–149.

Несмотря на идеологию безопасного системного подхода, при которой признаётся взаимосвязь всех компонентов системы и необходимость комплексного воздействия на них в целях предотвращения дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП),

а также приоритет развития «прощающей» конструкции транспортных средств и дорожной инфраструктуры, участник дорожного движения продолжает оставаться центральной фигурой [1]. Уровень детского дорожно-транспортного травматизма (далее – ДТТ) за последнее десятилетие снизился на 46 % по сравнению с 36 % для всех остальных возрастных групп. Смертность на дорогах среди детей в возрасте 10–13 лет выше, чем среди детей 5–9 лет. В рамках нормального развития ребёнка дети в возрасте 10–13 лет чаще передвигаются без сопровождения взрослых, в частности ездят в школу и обратно. По достижении 14-летнего возраста детская смертность в результате ДТП возрастает.

Согласно поправкам к Директиве ЕС 2006/126/ЕС о водительских удостоверениях (далее – ВУ), с 2013 года в Европейском союзе запрещено передвигаться на мопеде без водительского удостоверения, а также минимальный возраст для получения данного документа категории АМ (мопед) составлял 16 лет, в то время как в Австрии, Чехии, Дании, Испании, Финляндии, Литве, Швеции и Словении водительское удостоверение категории АМ можно получить в 15 лет, а в Эстонии, Франции, Венгрии, Италии, Латвии и Польше – в 14 лет. Но тем не менее на Кипре водительское удостоверение категории АМ можно получить только в 17 лет, а на Мальте – в 18 лет. Категория АМ представляет собой категорию водительского удостоверения, имеющую значительный диапазон требований к минимальному возрасту. Увеличение минимального возраста для получения ВУ на самостоятельное управление ТС может способствовать снижению числа дорожно-транспортных происшествий, поскольку это ограничение предотвратит возможность управления транспортным средством неопытными и молодыми водителями до достижения ими более зрелого возраста, что, в свою очередь, может привести к снижению их склонности к рискованному поведению на дорогах. Повышение безопасности детей на дорогах может быть достигнуто с помощью комплекса мер, направленных на обеспечение безопасности всех участников дорожного движения: улучшение дорожной инфраструктуры, разработка транспортных средств, которые лучше защищают как пассажиров, так и тех, кто находится вне автомобиля, обеспечение соблюдения правил дорожного движения, пропаганда правильного использования соответствующих детских удерживающих устройств, улучшение образования и повышение осведомлённости о дорожном движении.

Профилактика и образование

Обучение юных участников дорожного движения является ключевым компонентом концепции Безопасной системы. Поскольку одними из наиболее уязвимых участников дорожного движения являются дети, транспортная политика большинства зарубежных стран сосредоточена на проведении образовательных и информационных мероприятий по повышению осведомлённости о правилах поведения на дороге [2].

В Дании обучение дорожной безопасности является обязательным в начальных школах, а его содержание определяется специальными национальными рекомендациями. Ученикам в возрасте 13–16 лет рассказывают о факторах риска и возможных последствиях неправильного поведения на дороге. На национальном уровне каждый год проводится несколько кампаний по безопасности дорожного движения для детей с различной тематикой. Две кампании – «Дети в движении» и «Уважайте школьный патруль» – проводятся в начале учебного года, чтобы напомнить другим участникам дорожного движения о нахождении детей на дорогах и необходимости проявления особого внимания [3].

Достаточно интересным представляется опыт проведения кампаний с использованием виртуальной реальности, когда реализуются специальные мероприятия в целях симуляции реальных ситуаций на дорогах, где пешеходы могут использовать VR-очки для тренировки своих навыков безопасного поведения. Такой подход применяется в Великобритании, Сингапуре, Нидерландах [2]. Информирование учеников о безопасных маршрутах в школу и разработка плана школьной мобильности являются важными составляющими для обеспечения более безопасных поездок в школу и обратно.

В Словении разработка каждой начальной школой плана школьного маршрута является обязательной. В Австрии Совет по безопасности дорожного движения и Австрий-

ский совет по выплате компенсаций работникам тесно сотрудничают с начальными школами для разработки «карт безопасных маршрутов к школе». В Дании для школ и муниципалитетов, желающих разработать планы мобильности и безопасности вокруг школ, имеются руководства и пособия. В Германии Федеральный научно-исследовательский институт автомобильных дорог (BAST) разработал руководство «Безопасные пути к школе», включающее проверку эффективности пособий на данную тему [4].

В Париже (Франция) схема «школьных улиц» является частью комплекса мер, принятых для сокращения количества поездок на автомобиле (включая запрет на въезд ТС в центр города) и реализации концепции «город за 15 минут». Барьеры, обозначающие «школьные улицы», специально брендированы в рамках городской кампании «Париж дышит» [5].

Использование детских удерживающих устройств

С введением Директивы ЕС 2003/20[1] использование детских удерживающих устройств (далее – ДУУ), адаптированных к росту и весу детей, стало обязательным в Европейском союзе. Все детские ДУУ, доступные к продаже в ЕС, должны соответствовать Правилам ООН 44 (R44) или Правилам ООН 129 (R129), известным как «*i-Size*». С 1 сентября 2024 года на рынок ЕС будут допускаться только ДУУ, соответствующие стандарту R129, который представляет собой усовершенствованную версию R44. Национальный план по безопасности дорожного движения до 2030 года Италии определяет детей как уязвимых участников дорожного движения, подверженных высокому риску, и рекомендует ряд конкретных мер по их защите, к которым относятся целевое обучение и образование как для детей, так и для их родителей, чтобы увеличить использование детских удерживающих устройств и защитного снаряжения среди детей [6].

Согласно Директиве ЕС 2014/37/EU[2], в странах ЕС дети ростом до 150 см должны быть пристёгнуты с помощью детских удерживающих устройств в соответствии с их ростом или весом. Дети старше трёх лет, но ростом менее 150 см должны сидеть на заднем ряду пассажирских сидений ТС. Исследования показывают, что ДУУ, расположенные лицом назад, обеспечивают наилучшую защиту.

В Люксембурге дети до трёх лет должны перевозиться в детском удерживающем устройстве, отвечающем европейским стандартам и соответствующем их возрасту и весу. Если в транспортном средстве отсутствует какое-либо средство для крепления такого детского удерживающего устройства, ребёнок младше трёх лет не может перевозиться в нём. Это касается и такси, часть которых предоставляет детские кресла по запросу.

Программа национальной безопасности Эстонии на 2016–2025 годы включает в себя ряд мероприятий, связанных с детской дорожной безопасностью, в рамках которой планировалось увеличить число пристёгнутых ремнями безопасности и использование правильных детских удерживающих устройств до 95 %, добиться того, чтобы 80 % детей младше 16 лет носили велосипедные шлемы, а, по крайней мере, 95 % детей-пешеходов носили световозвращающую одежду.

Греческий институт дорожной безопасности (*RSI*) «Панос Милонас» проводит инициативу «Поделись безопасностью», которая помогает нуждающимся семьям получить подержанное детское кресло. *RSI* собирает ДУУ и оценивает их, те устройства, которые соответствуют техническим требованиям, передаются непосредственно в семьи или в отделы социальных служб. Ещё одна инициатива *RSI* – «Пит-стоп для дорожной безопасности», в рамках которой проводятся консультации и проверки на предмет, подходит ли ДУУ и правильно ли оно установлено.

[1] Directive 2003/20/ec of the european parliament and of the council [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:32003L0020 (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Direttiva di esecuzione 2014/37/UE della Commissione [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir_impl/2014/37/oj/?uri=CELEX:32014L0037 (дата обращения: 10.04.2025).

Исследование, проведённое в Бельгии в 2017 году, показало, что 74 % водителей ТС, перевозивших неправильно пристёгнутых детей, считали, что их ребёнок был пристёгнут правильно [7].

Аналогичное исследование, проведённое в Нидерландах в 2018 году компанией *VeiligheidNL*, показало, что из 470 детей в возрасте от 0 до 8 лет, которые были проверены на дороге, 83 % перевозились в ТС неправильно – они либо не были правильно пристёгнуты, либо не были пристёгнуты вообще [8]. Служба «Проверь, подходит ли» – бесплатная служба в Ирландии для проверки детских удерживающих устройств, которую проводит команда экспертов по ДУУ, имеющих большой опыт и подготовку в установке и проверке большинства типов таких устройств. С января по конец августа 2022 года проверено 2 925 ДУУ более чем на 93 мероприятиях. Фонд безопасности детских автомобилей в Румынии – некоммерческая организация, занимающаяся просвещением родителей по вопросам правильного использования детских удерживающих устройств. Они проводят бесплатные курсы для родителей и будущих родителей по ДУУ, включая их правильную установку. Первый центр был открыт в Бухаресте в 2019 году, второй – в Констанце в 2020 году и третий – в Брашове в 2021 году[1].

Использование шлемов

Велосипедный шлем обеспечивает наилучшую защиту от травм головы при ДТП на скорости ТС примерно до 20 км/ч. Использование велосипедного шлема снижает риск получения тяжёлой травмы головы более чем на 65 % [9]. По данным Голландского института исследований дорожной безопасности (*SWOV*), если бы в Нидерландах все дети в возрасте до 12 лет, передвигающиеся на велосипеде, носили велосипедные шлемы, ежегодно удавалось бы предотвратить пять смертей детей на дорогах и 200 серьёзных детских дорожных травм. Все велосипедные шлемы, продаваемые в ЕС, должны соответствовать стандарту EN1078 (взрослые) и EN1080 (дети). В соответствии со стандартом ЕС, эффективность велосипедного шлема проверяется ударом шлема о плоскую поверхность («плоская наковальня») на скорости около 20 км/ч и о бордюрную поверхность («бордюрная наковальня») на скорости около 17 км/ч [9]. Однако некоторые исследователи считают, что этих методов испытаний недостаточно, и требуют включить в программу испытания на удар под углом, чтобы лучше воспроизвести реальные условия.

Ограничение скоростного режима

Ускоренная автомобилизация нередко сопровождается соответствующим ростом смертности и травматизма в результате ДТП. Согласно данным ВОЗ, ежегодно в результате ДТП погибают около 1,3 млн человек – более 2 человек в минуту. Ещё от 20 до 50 млн человек получают ранения различной степени тяжести [10]. Безопасность детей на дорогах во время их поездок в школу и обратно можно повысить, снизив ограничения скоростного режима вблизи школ и обеспечив эффективное соблюдение этих ограничений. В Бельгии, Греции, Дании, Латвии, Румынии, Финляндии предусмотрено снижение скоростного режима вблизи школ. В Бельгии установлены ограничения скорости в школьной зоне на уровне 30 км/ч, которые могут быть как постоянными, так и временными (действовать только в определённые часы в начале и конце учебного дня). Во всех остальных странах ЕС требования по снижению скорости движения вблизи школ на законодательном уровне отсутствуют.

В новой Стратегии безопасности дорожного движения Финляндии предусмотрено установление требований по ограничению скоростного режима до 30 км/ч в районах с большим количеством велосипедистов и пешеходов, а также вблизи школ и детских садов [11].

В некоторых странах ЕС в начале учебного года проводятся специальные «недели соблюдения скоростного режима», в ходе которых особое внимание уделяется территориям вокруг школ. Так, например, полиция Хельсинки (Финляндия) усиливает контроль

[1] Безопасное вождение [Электронный ресурс]. URL: https://www.siguranta-auto-copii.ro/en/siguranta-auto-copii-2/ (дата обращения: 10.04.2025).

за соблюдением правил проезда пешеходных переходов и скоростного режима вблизи школ в течение недели перед началом занятий. В течение этой недели полиция осуществляет дежурство на школьных маршрутах, предупреждая водителей ТС о том, что скоро на дорогах снова появятся школьники и необходимо сохранять бдительность.

Сочетание мер по урегулированию дорожного движения, таких как круговые перекрёстки, сужение дороги, повороты и дорожные горбы, помогает в зонах 30 км/ч, чтобы водителям ТС было легче соблюдать установленный законом скоростной режим. Так, например, в Нидерландах проведено исследование, в котором оценивался эффект дорожных знаков с иллюстрациями из детских книг, побуждающих водителей ТС снижать скоростной режим. Исследование показало, что на дорогах, где размещены иллюстрации к детским книгам, средняя скорость движения была значительно ниже [12].

В заключение стоит отметить, что анализ зарубежного опыта мер, направленных на снижение детского дорожного травматизма, демонстрирует эффективность комплексных подходов, включающих законодательные инициативы, образовательные программы и внедрение современных технологий безопасности. Страны, активно применяющие инновационные методы, такие как обязательное использование детских удерживающих устройств, программы повышения осведомлённости среди родителей и детей, а также улучшенные инфраструктурные решения, показывают заметное снижение уровня детского дорожно-транспортного травматизма.

Ключевыми аспектами успешной реализации данных мер являются межведомственное сотрудничество, активное участие общественности и постоянный мониторинг результатов. Примеры, приведённые в данной статье, иллюстрируют, что интеграция научных исследований в практику, а также адаптация международных стандартов к местным условиям могут способствовать созданию более безопасной дорожной среды для детей. Выработка наиболее оптимального инструментария для комплексного целенаправленного воздействия на отдельные аспекты состояния БДД может быть решена только при участии научного и экспертного сообщества, также с учётом имеющихся наработок, в т. ч. результатов исследований, проводимых в других государствах [13].

Таким образом, дальнейшее изучение и внедрение успешных практик из зарубежного опыта представляют собой важные шаги в снижении уровня детского дорожного травматизма. Эффективные стратегии должны быть адаптированы с учётом культурных, социальных и экономических особенностей каждой страны, что позволит значительно повысить уровень безопасности детей на дорогах и снизить риск их травматизма.

---

1. Баканов К. С., Гордеева А. Д., Исаев М. М. Обзор международных и зарубежных документов стратегического планирования в области обеспечения безопасности дорожного движения: учебное пособие. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2024 г. 116 с.
2. Баканов К. С., Гордеева А. Д. и др. Зарубежный опыт противодействия основным факторам риска в дорожном движении: учебное пособие. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России». 2024. 180 с.
3. Reducing child deaths on European roads. PIN Flash 34. European Transport Safety Council. 2018.
4. Safe school routes made easy. BAST. 2019.
5. School Streets Putting Children and Planet First: A political economy analysis of the rise of school streets in Europe and around the world. Child Health Initiative FIA. 2022.
6. Piano Nazionale Sicurezza Stradale 2030.
7. A. Schoeters, Q. Lequeux. Are our children safely fastened? Vias institute. 2018.
8. M. Cornelissen, E. Kemler, M. Hermans. Safe transport of children in the car: research with children from 0 to 8 years. 2018.
9. Reducing child deaths on European roads. European Transport Safety Council. 2022.
10. Гусева А. А. О регулировании скоростного режима в некоторых иностранных государствах // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 2 (45). С. 98–102.

11. Transport Safety Strategy aims to improve the safety of all modes of transport. Ministry of Transport and Communications of Finland press release. 2022.
12. W. Vlakveld, Ch. Goldenbeld, J. Groot. Road signs depicting children's book illustrations temporarily reduce speed on urban roads. 2022.
13. Черников М. Ю. О соответствии государственной политики Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения приоритетам, провозглашенным на международном уровне // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 6–10.

1. Bakanov K. S., Gordeeva A. D., Isaev M. M. Obzor mezhdunarodnykh i zarubezhnykh dokumentov strategicheskogo planirovaniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: uchebnoe posobie. M.: FKU «NTs BDD MVD Rossii». 2024 g. 116 s.
2. Bakanov K. S., Gordeeva A. D. i dr. Zarubezhnyy opyt protivodeystviya osnovnym faktoram riska v dorozhnom dvizhenii: uchebnoe posobie. M.: FKU «Nauchnyy tsentr BDD MVD Rossii». 2024. 180 s.
3. Reducing child deaths on European roads. PIN Flash 34. European Transport Safety Council. 2018.
4. Safe school routes made easy. BAST. 2019.
5. School Streets Putting Children and Planet First: A political economy analysis of the rise of school streets in Europe and around the world. Child Health Initiative FIA. 2022.
6. Piano Nazionale Sicurezza Stradale 2030.
7. A. Schoeters, Q. Lequeux. Are our children safely fastened? Vias institute. 2018.
8. M. Cornelissen, E. Kemler, M. Hermans. Safe transport of children in the car: research with children from 0 to 8 years. 2018.
9. Reducing child deaths on European roads. European Transport Safety Council. 2022.
10. Guseva A. A. O regulirovanii skorostnogo rezhima v nekotorykh inostrannykh gosudarstvakh // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2 (45). S. 98–102.
11. Transport Safety Strategy aims to improve the safety of all modes of transport. Ministry of Transport and Communications of Finland press release. 2022.
12. W. Vlakveld, Ch. Goldenbeld, J. Groot. Road signs depicting children's book illustrations temporarily reduce speed on urban roads. 2022.
13. Chernikov M. Yu. O sootvetstvii gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya prioritetam, provozglashennym na mezhdunarodnom urovne // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 2. S. 6–10.

Информация об авторе

Вера Андреевна Ясникова. Научный сотрудник.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Information about the author

Vera A. Iasnikova. Research associate.
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya Str. 17.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 29.04.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Акиев Арби Русланович
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

melhi530@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена криминалистическому обеспечению взаимодействия органов предварительного расследования с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации. Актуальность темы определяется необходимостью повышения эффективности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, что невозможно без координации усилий следователей и инспекторов ПДН. Цель исследования состоит в определении оптимальных форм сотрудничества и предложении направлений его совершенствования. Результаты исследования показывают, что повышение профессиональной подготовки сотрудников ПДН, нормативное уточнение их функций и разработка методических рекомендаций будут способствовать эффективности в расследовании и в профилактике преступлений, укреплении защиты прав семьи и несовершеннолетних, а также росту доверия общества к правоохранительным органам.

Ключевые слова: органы предварительного расследования, подразделения по делам несовершеннолетних, расследование преступлений, преступления против семьи и несовершеннолетних, профилактика преступлений, взаимодействие, следственно-оперативные группы, криминалистическое обеспечение.

Для цитирования: Акиев А. Р. Криминалистическое обеспечение взаимодействия органов предварительного расследования с подразделениями по делам несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. №. 3(104). С. 150–157.

CRIMINALISTIC SUPPORT FOR INTERACTIONOF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES WITH UNIFORMED DIVISIONS FOR MINOR AGENTS

Arbi R. Akiev
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

melhi530@mail.ru

Annotation. The article examines the forensic support of interaction between preliminary investigation bodies and juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The relevance of the study is determined by the need to improve the efficiency of detecting, investigating, and preventing crimes against family and minors, which is impossible without coordinated efforts of investigators and juvenile inspectors. The purpose

of the study is to determine optimal forms of cooperation and propose ways of its improvement. The results demonstrate that enhancing the professional training of juvenile officers, clarifying their functions in regulations, and developing methodological guidelines will increase the effectiveness of investigations and crime prevention, strengthen the protection of family and minors' rights, and improve public trust in law enforcement agencies.

Keywords: preliminary investigation bodies, juvenile affairs units, crime investigation, crimes against family and minors, crime prevention, cooperation, investigative task forces, forensic support

For citation: Akiev A. R. Criminalistic support for interactionof preliminary investigation bodies with uniformed divisions for minor agents // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 150–157.

Взаимодействие органов предварительного расследования (следователей и дознавателей) с иными структурными подразделениями правоохранительной системы, прежде всего с органами внутренних дел, является неотъемлемым элементом криминалистического обеспечения деятельности по выявлению, расследованию и профилактике преступлений против семьи и несовершеннолетних.

По справедливому замечанию В. Д. Зеленского, организация, управление и координация деятельности в процессе расследования должны рассматриваться в научно-криминалистическом аспекте как единый процесс формирования и постоянного совершенствования системы расследования, а также поддержания её в оптимальном функциональном состоянии [1, с. 29]. И. В. Тишутина и И. П. Можаева дополняют этот подход, указывая, что «стратегической задачей организации криминалистической деятельности выступает повышение эффективности такой деятельности, основанное на разумном сочетании затрат времени, сил и средств в целях обеспечения быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений» [2, с. 1621]. Решение указанной задачи связано с выявлением особенностей и практических проблем как внутриведомственного, так и межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, а также с выработкой комплекса мер, направленных на повышение результативности такой деятельности.

Проведённое эмпирическое исследование подтверждает данное утверждение: подавляющее большинство опрошенных (85,8 %)[1] следователей и сотрудников органов дознания отмечают высокую криминалистическую значимость привлечения подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН) при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений против семьи и несовершеннолетних. Более того, обязанность сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) активно взаимодействовать со следователями и дознавателями при выявлении, расследовании и профилактике преступлений в отношении или с участием несовершеннолетних закреплена в статье 21 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[2], а также в ведомственных актах МВД России, в том числе в Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации. К основным направлениям данного взаимодействия относятся:

[1] Здесь и далее, если не отмечено иное, указан % от общего числа респондентов (870), прошедших опрос в рамках исследования.

[2] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– взаимодействие с должностными лицами органов предварительного расследования в целях установления причастности несовершеннолетнего к совершению преступления, недопущения совершения им преступления;

– выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную либо антиобщественную деятельность, склоняющих их к суицидальным действиям или совершающих иные противоправные деяния в отношении несовершеннолетних;

– установление родителей и законных представителей, ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних;

– выявление родителей несовершеннолетних или иных их законных представителей и должностных лиц, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних;

– осуществление мер по выявлению несовершеннолетних, объявленных в розыск;

– содействие следователям, дознавателям в приглашении педагога для участия в следственных действиях, проводимых с участием несовершеннолетних;

– исполнение отдельных поручений органов предварительного расследования о производстве следственных действий;

– предоставление органу предварительного расследования сведений о личности подростка, его семейных и бытовых условиях, учёбе, трудовой деятельности, фактах девиантного поведения, употребления психоактивных веществ, а также о лицах, оказывающих негативное влияние на несовершеннолетнего, включая членов семьи;

– участие в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, и реализация профилактических мер[1].

Анализ практики показал, что сотрудничество следователей, дознавателей и сотрудников ПДН в целом строится по традиционным моделям взаимодействия правоохранительных органов и реализуется в процессуальных и непроцессуальных формах. Вместе с тем существуют некоторые проблемы такого взаимодействия.

В частности, взаимодействие часто сводится к формальному обмену информацией и документами, без глубокого анализа причин и условий, способствующих совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних. Недостаточно внимания уделяется совместному планированию оперативно-разыскных и следственных мероприятий, что снижает их эффективность. Порой наблюдается разобщённость усилий, каждый участник взаимодействия действует в рамках своих полномочий, не координируя свои действия с другими. Это приводит к дублированию работы, потере времени и упущенным возможностям для своевременного пресечения преступной деятельности.

Отдельного внимания заслуживает продолжающаяся практика возложения на инспекторов ПДН обязанностей по проведению доследственных проверок сообщений о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, а также по фактам совершения несовершеннолетними преступных деяний. С криминалистической точки зрения данная практика вызывает обоснованные сомнения.

Сотрудники ПДН в силу возложенных на них функций и имеющихся полномочий не обладают достаточной квалификацией для качественного проведения первоначальных следственных и иных процессуальных действий, необходимых на стадии возбуждения уголовного дела. В их компетенцию не входит оценка сложных следственных ситуаций и принятие процессуальных решений по ключевым вопросам собирания доказательств. Как справедливо отмечается в литературе, инспекторы ПДН не всегда способны «правильно определить следственную ситуацию, а также правильно опреде-

[1] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лить обстоятельства, послужившие основаниями и условиями для производства множества процессуальных действий» [3, с. 167], и нередко допускают ошибки при вынесении решений об отказе в возбуждении уголовного дела [4, с. 227].

Следует особо подчеркнуть, что для замещения должностей в ПДН не предъявляются обязательные требования о наличии высшего юридического образования. Значительная часть инспекторов имеет иное образование – педагогическое или среднее специальное. Как отмечается в юридической литературе, «основу кадрового состава ПДН составляют выпускники гражданских вузов, как правило, – педагогических» [5, с. 197]. Это обстоятельство ощутимо влияет на кадровый дефицит специалистов, обладающих достаточными знаниями и навыками в сфере раскрытия и расследования преступлений.

В результате сотрудники ПДН зачастую не способны самостоятельно правильно выстроить тактику реагирования на сложные тактические ситуации, особенно когда они осложнены факторами неочевидности или активным противодействием расследованию. Это затрудняет организацию и проведение первоначальных следственных действий, правильную уголовно-правовую квалификацию деяния, своевременное возбуждение уголовного дела и организацию разыскных мероприятий. При таких условиях возложение на ПДН обязанностей по рассмотрению сообщений о преступлениях против семьи и несовершеннолетних в большей мере представляет собой риск недостижения целей уголовного судопроизводства, нежели эффективную форму процессуального взаимодействия.

В этой связи нуждаются в уточнении рекомендации о включении сотрудников ПДН в состав следственных и следственно-оперативных групп (далее – СОГ) при расследовании преступлений, совершённых против интересов семьи и несовершеннолетних. Подобные предложения нередко встречаются в современной криминалистической литературе. Так, С. И. Давыдов полагает, что «сотрудник ПДН является обязательным участником следственно-оперативной группы в случае, если есть основания полагать, что преступление совершено несовершеннолетним. На месте происшествия он выполняет устные поручения следователя, направленные на установление лица, совершившего преступление, и сбор доказательственной информации» [6, с. 31–32]. Аналогичную позицию выражает В. В. Ушакова, отмечающая, что в рамках совместного планирования мероприятий по расследованию преступлений должна формироваться «специализированная следственная группа, в состав которой в обязательном порядке входит представитель органов предварительного следствия и инспектор подразделения по делам несовершеннолетних» [7, с. 213].

Вместе с тем пункт 5 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации прямо запрещает использование инспекторов ПДН для выполнения обязанностей, не связанных с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, включая участие в дежурствах в СОГ или группах немедленного реагирования[1]. В связи с этим рядом авторов высказываются предложения о внесении изменений в данный нормативный акт. Например, Н. Ю. Дутов и У. Н. Ахмедов указывают, что «инспектор ПДН может выполнять роль сотрудника оперативно-разыскных подразделений, так как именно он может по приметам установить несовершеннолетних, которые могли совершить преступление, а при наличии конкретного лица определить круг его общения, связи, места сбыта похищенного и иную необходимую информацию» [3, с. 167]. По мнению авторов, действующая Инструкция требует корректировки с целью легализации участия инспектора ПДН в составе СОГ.

[1] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Подобный подход, однако, подвергается обоснованной критике. Так, В. В. Николюк и В. А. Гусев справедливо отмечают, что к работе следственных групп могут привлекаться лишь сотрудники оперативно-разыскных подразделений, а ПДН к таковым не относятся. Кроме того, не все уголовные дела с участием несовершеннолетних отличаются повышенной сложностью или большим объёмом следственных действий, что делает избыточным формирование СОГ по каждому такому делу. Вместе с тем авторы указывают на возможность иных форм взаимодействия: по распоряжению начальника органа внутренних дел или следователя «инспектор ПДН может обеспечивать участие несовершеннолетнего, его законного представителя, педагога или психолога в следственных действиях» [8, с. 96]. В отдельных случаях допускается и включение инспектора ПДН в СОГ, если избрана «стратегия максимально возможного комплексного применения сил и средств в борьбе с преступностью» [8, с. 97].

Анализ высказанных в научной литературе позиций позволяет уточнить ряд принципиальных моментов. Прежде всего, как уже отмечалось ранее, следственные группы и следственно-оперативные группы обладают существенными различиями как в процессуальном плане, так и с точки зрения организационно-криминалистических подходов. Включение в состав СОГ представителей различных подразделений правоохранительных органов вполне допустимо, не являются исключением и инспекторы ПДН. Однако при этом следует учитывать, что ПДН не являются органами, наделёнными функциями оперативно-разыскной деятельности их сотрудники не могут рассматриваться как оперативные работники. Следовательно, инспекторы ПДН не вправе подменять сотрудников оперативных подразделений и выполнять их задачи ни в рамках следственных, ни следственно-оперативных групп.

Сомнительным также представляется утверждение о том, что Инструкция по организации деятельности ПДН содержит запрет на включение их сотрудников в СОГ [3, с. 168]. В действительности, как уже было отмечено ранее, пункт 5 данного документа ограничивает лишь участие инспекторов ПДН в дежурных следственно-оперативных группах и группах немедленного реагирования. Указанное ограничение видится логичным, поскольку подобные дежурства требуют постоянной готовности к выполнению оперативных функций, выходящих за пределы компетенции ПДН. Тем не менее ничто не препятствует привлечению инспекторов ПДН к специализированным СОГ, которые занимаются расследованием преступлений против несовершеннолетних или совершённых ими, где их знания и опыт могут быть полезны в решении криминалистических задач в пределах их полномочий.

Следует подчеркнуть, что именно сотрудники ПДН зачастую первыми фиксируют признаки противоправных деяний в отношении детей или внутри семьи. Чаще всего речь идёт о фактах домашнего насилия, ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию, а также преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Их взаимодействие с органами предварительного расследования начинается ещё на стадии возбуждения уголовного дела: инспекторы помогают уточнить обстоятельства выявленного факта, определить круг потерпевших и лиц, причастных к преступлению. При этом после возбуждения дела инспектор ПДН закономерно выступает в роли свидетеля, поскольку именно он фиксировал первоначальные обстоятельства происшествия.

Так, в одном из уголовных дел о ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию (ст. 156 УК РФ) и истязании (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ) обвиняемой выступала мать малолетних детей. Допрошенная в рамках расследования в качестве свидетеля, инспектор ПДН рассказала, что во время дежурства выезжала на место происшествия по сообщению о пропаже 6-летнего ребёнка. Осмотр места жительства семьи пропавшего ребёнка показал, что в доме полная антисанитария, мать находилась в состоянии алкогольного опьянения, а семья состояла на учёте. После обнаружения ребёнок признался,

что боялся возвращаться домой, опасаясь матери. Инспектор не только зафиксировала обстоятельства происшествия, но и подготовила материалы для органов опеки с ходатайством об ограничении родительских прав и изъятии детей. Этот пример показывает, что участие ПДН имеет не только информационное, но и доказательственное значение[1].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о выполнении сотрудниками ПДН процессуальных поручений следователя или дознавателя. В научной литературе встречается мнение, согласно которому такое «участие в деле для инспектора выливается в правовую коллизию. Исполняя поручения, он обретает статус дознавателя. И обозначив тем самым свою заинтересованность в исходе дела, в судебном заседании вынужденно выступает посему со стороны обвинения» [9, с. 73]. Подобная точка зрения представляется спорной. Очевидно, что исполнение поручений в процессуальной форме не трансформирует статус сотрудника ПДН в статус дознавателя: он остаётся представителем органа дознания, выполняющим конкретные функции, и его участие не нарушает принцип процессуальной беспристрастности.

Другое дело, что при принятии решения о поручении инспектору ПДН производства отдельного следственного действия следователь или дознаватель должен учитывать не только конкретные обстоятельства расследуемого дела, но и уровень подготовки сотрудника, которому планируется доверить выполнение поручения. Как уже отмечалось, в большинстве случаев представители ПДН не обладают достаточным объёмом криминалистических знаний и практических навыков для успешного проведения сложных с процессуальной и тактико-организационной точки зрения действий, особенно в ситуациях противодействия со стороны участников расследования. Поэтому каждое подобное решение должно сопровождаться предварительной оценкой тактических рисков, связанных с возможным недостижением цели или возникновением негативных последствий.

Исходя из этого представляется целесообразным возлагать на сотрудников ПДН только те поручения, которые не требуют высокой степени криминалистической компетентности и отличаются относительной простотой в организационно-тактическом аспекте. Речь может идти, например, о выемке документов в образовательных и социальных учреждениях, сборе информации о причинах и условиях, способствовавших преступлению, характеристике личности потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, а также об уточнении данных о членах их семей и ближайшем окружении.

Следует отдельно подчеркнуть, что исполнение поручений по проведению следственных действий существенно отличается от другой формы взаимодействия с ПДН – обеспечения явки несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых или потерпевших, а также их законных представителей в место производства следственного действия. В таких случаях инспектор ПДН выполняет вспомогательную функцию – обеспечивает порядок и надлежащее поведение участников процесса. Присутствуя на допросе или очной ставке, он не вправе вмешиваться в ход следственного действия, задавать вопросы или корректировать ответы, а лишь реализует свою тактико-криминалистическую роль как гаранта соблюдения прав и интересов несовершеннолетнего.

Таким образом, проведённый анализ позволяет заключить, что взаимодействие органов предварительного расследования с подразделениями по делам несовершеннолетних остаётся значимым элементом криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних. При всей значимости ПДН как источника криминалистически значимой информации и субъекта профилактики, выявлены проблемы: ограниченной процессуальной роль ПДН, кадровым дефицитом и отсутствием юридической подготовки у значительной

[1] Приговор Ханты-Мансийского районного суда от 16 февраля 2025 г. по делу № 1-149/2024 по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ст. 156 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gDCb1pUuB2QQ/ (дата обращения: 20.07.2025).

части сотрудников. Решение этих вопросов возможно через совершенствование нормативной базы, чёткое разграничение функций следственных органов и ПДН, а также разработку методических рекомендаций по организации взаимодействия. Такой подход обеспечит более высокий уровень результативности расследований и усилит гарантии защиты семьи и несовершеннолетних.

---

1. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. 148 с.
2. Тишутина И. В., Можаева И. П. Организация криминалистической деятельности: вопросы теории и практики // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. 2023. Т. 14. № 4. С. 1616–1625.
3. Дутов Н. Ю., Ахмедов У. Н. Алгоритм взаимодействия дознавателя органов внутренних дел с инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 163–170.
4. Александрова Л. А. Полномочия сотрудников органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирское юридическое обозрение. 2020.Т. 17. № 2. С. 223–229.
5. Гамзина А. В. Профессиональная подготовка инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних как фактор повышения эффективности их взаимодействия с оперативными подразделениями полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 195–200.
6. Давыдов С. И. Взаимодействие следователя с подразделениями по делам несовершеннолетних как гарантия соблюдения их прав в процессе раскрытия и расследования преступлений // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2. Красноярск: КГАУ, 2021. С. 30–34.
7. Ушакова В. В. Формы и приемы взаимодействия органов предварительного следствия с подразделениями по делам несовершеннолетних // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2(76). С. 209–215.
8. Николюк В. В., Гусев В. А. Привлечение инспектора по делам несовершеннолетних органов внутренних дел к участию в работе следственно-оперативной группы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4(64). С. 93–100.
9. Комаров А. А. Изменения общих криминологических тенденций преступности в условиях «цифровизации» общественных отношений // Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Моск. акад. СК им. А.Я. Сухарева, 2024.

1. Zelenskij V. D. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij. Kriminalisticheskie aspekty`. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1989. 148 s.
2. Tishutina I. V., Mozhaeva I. P. Organizaciya kriminalisticheskoj deyatel`nosti: voprosy` teorii i praktiki // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. 2023. T. 14. № 4. S. 1616–1625.
3. Dutov N. Yu., Axmedov U. N. Algoritm vzaimodejstviya doznavatelya organov vnutrennix del s inspektorami podrazdelenij po delam nesovershennoletnix pri rassledovanii prestuplenij, sovershenny`x nesovershennoletnimi // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 163–170.

4. Aleksandrova L. A. Polnomochiya sotrudnikov organov doznaniya na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2020.T. 17. № 2. S. 223–229.
5. Gamzina A. V. Professional`naya podgotovka inspektorov podrazdelenij po delam nesovershennoletnix kak faktor povy`sheniya e`ffektivnosti ix vzaimodejstviya s operativny`mi podrazdeleniyami policii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4 (41). S. 195–200.
6. Davy`dov S. I. Vzaimodejstvie sledovatelya s podrazdeleniyami po delam nesovershennoletnix kak garantiya soblyudeniya ix prav v processe raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij // Obespechenie prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva s ogranichenny`mi vozmozhnostyami: kompensatorny`j podxod. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Chast` 2. Krasnoyarsk: KGAU, 2021. S. 30–34.
7. Ushakova V. V. Formy` i priemy` vzaimodejstviya organov predvaritel`nogo sledstviya s podrazdeleniyami po delam nesovershennoletnix // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 2(76). S. 209–215.
8. Nikolyuk V. V., Gusev V. A. Privlechenie inspektora po delam nesovershennoletnix organov vnutrennix del k uchastiyu v rabote sledstvenno-operativnoj gruppy` // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 4(64). S. 93–100.
9. Komarov A. A. Izmeneniya obshhix kriminologicheskix tendencij prestupnosti v usloviyax «cifrovizacii» obshhestvenny`x otnoshenij // Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenij, sovershenny`x nesovershennoletnimi ili v otnoshenii nesovershennoletnix. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Mosk. akad. SK im. A.Ya. Suxareva, 2024.

Информация об авторе

Арби Русланович Акиев. Начальник кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the author

Arbi R. Akiev. Chief of the chair of Forensics Science. Candidate of Law, Associate Professor.
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
198206, Russia, St. Petersburg, Letchika Pilyutova Str., 1.

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 08.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ДОПУСТИМОСТИ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗАЩИТНИКОМ В ХОДЕ ОПРОСА

Беспалов Владислав Николаевич
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

bespalov-vn.2001@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты проблемы обеспечения следователем допустимости сведений, полученных защитником в ходе опроса лиц с их добровольного согласия. При написании статьи была поставлена цель – проанализировать требования закона к результатам опроса защитника, а также к следователю, которому предоставляются результаты опроса. Сделан вывод о том, что следователь должен оценивать предоставленные защитником материалы, содержащие результаты опроса на относимость, но сделать он это может только после вовлечения их в уголовное судопроизводство и составления об этом соответствующего документа (например, протокола представления), который в настоящее время уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрен.

Ключевые слова: собирание доказательств, защитник, обеспечение права на защиту, относимость доказательств, проверка доказательств, ходатайства защитника.

Для цитирования: Беспалов В. Н. Обеспечение следователем допустимости сведений, полученных защитником в ходе опроса // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 158–165.

ENSURING BY THE INVESTIGATOR THE ADMISSIBILITY OF INFORMATION OBTAINED BY THE DEFENSE DURING THE INTERVIEW

Vladislav N. Bespalov
V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

bespalov-vn.2001@mail.ru

Annotation. The article reveals the problems of ensuring the admissibility of information obtained by the defender during the interrogation of persons with their voluntary consent. When writing the article, the goal was to analyze the requirements of the law for the results of the defender's interrogation, as well as for the investigator who receives the results of the interrogation. The result was the conclusion that the investigator should evaluate the materials provided by the defender, which contain the results of the interrogation, for their relevance, but they can only do this after involving them in the criminal proceedings and drafting an appropriate document (such as a submission protocol), which is currently not provided for by the criminal procedure legislation.

Keywords: collection of evidence, defense counsel, ensuring the right to defense, relevance of evidence, verification of evidence, defense counsel's motions.

For citation: Bespalov V. N. Ensuring by the investigator the admissibility of information obtained by the defense during the interview // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 158–165.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ) защитник обладает правом осуществлять опрос лиц с их согласия, аналогичное полномочие адвоката (в уголовном судопроизводстве может иметь не только процессуальный статус защитника) закреплено в п. 2 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[2]. Так, адвокат вправе «опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь». При этом в научном сообществе на протяжении многих лет не стихают дискуссии по поводу того, является ли право защитника производить опрос лица в ходе уголовного судопроизводства способом собирания доказательств, а результаты этого опроса – доказательством. Проблема обусловлена прямым указанием в ч. 3 ст. 86 УПК РФ на право защитника собирать доказательства и способы такого собирания.

Единое мнение по вопросу о статусе сведений, полученных защитником, реализующим права, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УПК РФ, не сформировано. В настоящее время сложились две основные позиции. Первая заключается в том, что защитник не является субъектом собирания доказательств, поскольку доказательства собирает исключительно должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу [1, с. 230–236]. Сторонники второй позиции считают, что подобный подход противоречит ч. 3 ст. 86 УПК РФ и общей тенденции по расширению возможностей обеспечения права на защиту [2, с. 101; 3, с. 126; 4, с. 203; 5, с. 129].

В ч. 1 ст. 86 УПК РФ собирание доказательств отнесено к компетенции исключительно должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Именно они, согласно концепции, разработанной С. А. Шейфером, «формируют» доказательства, придают им свойство допустимости [6, с. 8–9]. Пытаясь подчеркнуть состязательный характер уголовного судопроизводства правом защитника собирать доказательства, законодатель тем не менее фактически остался на позиции С. А. Шейфера, в частности не включил результаты деятельности защитника по получению сведений в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ в перечень доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) в качестве их самостоятельного вида. Соответственно, информация, полученная защитником, может быть использована в процессе доказывания только в форме иных документов, которые согласно ч. 3 ст. 84 УПК РФ приобщаются к материалам уголовного дела. Очевидно, что решение о таком приобщении принимает должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу. Документы, не приобщённые к уголовному делу, статусом доказательств обладать не могут, поскольку отсутствует возможность их оценки компетентным должностным лицом в совокупности с имеющимися в деле доказательствами.

Считать доказательством находящиеся у защитника сведения, которые не «введены» в уголовный процесс, которым не придано свойство допустимости, нет разумных оснований, даже если занять позицию С. Б. Россинского, согласно которой предметы и документы вовлекаются в судопроизводство напрямую, т. е. не формируются (в отличие от сведений, полученных в ходе следственных действий) [7, с. 29; 8, с. 291], без действий следователя должными доказательствами они не станут, оставаясь доступными для оценки только стороной защиты. Именно это следует учитывать и при анализе деятельности защитника по производству опроса лиц и значений его результатов.

Вместе с тем, учитывая, что законодатель придал опросу лиц защитником «квазипроцессуальный характер», уравнять результаты такого опроса с результатами опроса лиц, правовая основа которого ограничена только законодательством об адвокатской

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Об адвокатской деятельности и адвокатуре Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ // Рос. газ. 2002. 5 июн. № 100

деятельности и адвокатуре, нельзя. Отсюда представляется, что следователь не может не ответить корреспондирующими действиями на ходатайство защитника о приобщении к материалам уголовного дела документа, содержащего результаты опроса лица. В случае положительного решения о приобщении такого документа к материалам уголовного дела, он приобретает статус иного документа. В этой связи нельзя считать безупречно точной формулировку в решении Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой сведения, полученные защитником в результате опроса лиц, не могут рассматриваться в качестве показаний свидетеля или потерпевшего, так как они получены «в условиях отсутствия предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий их доброкачественности, и поэтому могут рассматриваться в качестве оснований для вызова и допроса указанных лиц в качестве свидетелей, потерпевшего или для производства других следственных действий по собиранию доказательств, а не как доказательства по делу»[1]. Результаты опроса лица защитником показаниями, конечно, не являются, однако будучи основаниями для производства следственных действий, они не могут не иметь процессуального статуса доказательств, который придаётся им действиями следователя по приобщению документов к материалам уголовного дела.

Более точная позиция сформирована Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), подчеркнувшим, что «полученные защитником в результате опроса сведения могут рассматриваться как основание для допроса указанных лиц в качестве свидетелей или для производства других следственных действий, поскольку они должны быть проверены и оценены, как и любые другие доказательства, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. Таким образом, оспариваемое заявителем законоположение закрепляет лишь право защитника на собирание доказательств…»[2]. Некоторые исследователи полагают, что приведённую позицию Конституционного Суда следует рассматривать как подтверждение возможности признания опроса защитника отдельным видом доказательства, так как производимый на его основании допрос следует рассматривать «не как самостоятельное, безальтернативное доказательство, а как доказательство доказательства, проверка и оценка полученного адвокатом путём проведения опроса доказательства. То есть сведения, содержащиеся в опросе, могут являться доказательством, собранным адвокатом, хотя бы они и были в последующем проверены и оценены следователем (судом)» [9, с. 29].

Приведённая позиция содержит одну принципиальную ошибку. В подобных ситуациях документ, закрепляющий результаты опроса лица защитником, конечно, является доказательством – «иным документом», однако собрано (сформировано) оно не защитником, а следователем. Прав же Н. Н. Егоров в том, что доказательственное значение такого документа никак не ограничивается только основанием для произведения допроса или иных специальных действий. Содержащаяся в нём информация, будучи проверенной и оценённой, является полноценным доказательством по уголовному делу. Сами по себе без действий следователя результаты опроса, проведённого защитником, не могут быть доказательством, а документ, содержащий их, может быть приобщён к материалам уголовного дела на основании соответствующего ходатайства защитника.

В ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ фактически предусмотрена обязанность следователя приобщить к уголовному делу материалы (законодательно используется термин «дока-

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 8 декабря 2004 года № 3-О04-42 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 апреля 2006 г. № 100-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зательство», что неточно), если об этом ходатайствуют невластные представители сторон в случае, когда обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела, и этими материалами подтверждаются. При этом обозначен критерий недопустимости отказа – относимость сведений. Между тем отказ в приобщении результатов опроса к материалам уголовного дела – явление достаточно распространённое. Повод в таких случаях – не аморфная формулировка ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, а неопределённость статуса результатов опроса, проведённого защитником. Можно ли такой документ рассматривать как материалы, которые защитник вправе предоставить в порядке ч. 2.2 ст.159 УПК РФ?

Законодатель п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ предъявляет единственное процессуальное требование к проведению опроса лица защитником – добровольное согласие лица. Процессуальная форма закрепления результатов опроса, как и порядок его проведения, не нашли законодательного закрепления. Эти вопросы пытается разрешить адвокатское сообщество в соответствующих методических рекомендациях. В целом, согласно таким рекомендациям, опрос следует оформлять актом[1], однако несоблюдение этих рекомендаций не имеет процессуального значения. Например, если защитником будет составлен не акт опроса, а протокол опроса либо любой иной документ, отражающий результат такого опроса, процессуальные основания для отказа в его приобщении к материалам уголовного дела отсутствуют при условии, что сведения обладают свойством относимости.

Некоторые исследователи считают, что полномочие защитника на производство опроса лица может быть реализовано только в том случае, если это лицо не было допрошено в установленном законом порядке. Аргументация этой точки зрения заключается в том, что опрос, проведённый защитником после допроса лица, может создать конфликтную ситуацию между стороной обвинения и защиты, чреват возникновением у следователя мнения о том, что защитник препятствует расследованию, а это, в свою очередь, может негативно отразиться на подзащитном [10, с. 266].

Рассматриваемая точка зрения явно небезупречна. Во-первых, результаты опроса допрошенного лица защитником и являются основанием для заявления ходатайства о производстве следственных действий. Во-вторых, в ходе предварительного расследования возможности защитника знакомиться с материалами уголовного дела весьма ограничены. Без опроса допрошенного лица защитник в подавляющем большинстве случаев не может получить информацию о полноте, точности и правдивости показаний допрошенного.

Мнения по поводу того, какие формы фиксации опроса может использовать защитник, различны. Большинство исследователей полагают, что письменная форма всегда необходима, в то же время некоторые считают, что опрос может быть произведён устно, но, не поясняя, какой вариант ими предлагается в целях приобщения результатов произведённого опроса к материалам уголовного дела [11, с. 50]. Можно предположить, что имеется в виду вариант изложения в письменном виде содержания сообщений опрошенного исключительно защитником и за его подписью. Однако такой вариант не отличается от изложения результатов опроса в соответствующем ходатайстве защитника в качестве его обоснования. Очевидно, что обоснованием любого ходатайства (в том числе о произведении следственных действий) должны выступать материалы, объективно подтверждающие обоснованность ходатайства. Документ, составленный защитником и за его подписью, не может быть к ним отнесён.

Практика свидетельствует, что оформление результатов опроса, проведённого защитником, существенно различается. Некоторые составляют протокол опроса, акт опроса, другие получают объяснение по аналогии с проверкой сообщения о преступле-

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/ (дата обращения: 07.08.2025).

нии. При этом существуют примеры отказа следователями в приобщении результатов опроса к материалам уголовного дела. Так, например, по уголовному делу по факту умышленного причинения М. тяжкого вреда здоровью Д. защитник подозреваемого М. произвёл опрос Н., который сообщил, что видел, как М. пытался оказать первую помощь потерпевшему и просил окружающих вызвать скорую помощь. Защитник оформил полученные сведения актом опроса и ходатайствовал о его приобщении к материалам уголовного дела. Следователь в удовлетворении ходатайства отказал, указав, что не соблюдены требования к получению доказательств – не полностью приведены данные лица, опрос которого произведён, не разъяснено право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников, предусмотренное ст. 51 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), отсутствуют подписи на каждой странице. Защитник обжаловал решение следователя прокурору, который признал отказ в удовлетворении ходатайства о приобщении результатов опроса незаконным, поскольку требования к оформлению результатов опроса законодательно не закреплены, а обстоятельства, о которых говорится в акте опроса, имеют значение для уголовного дела[1]. В то же время в другом аналогичном примере и прокурор, и суд оставили жалобу защитника без удовлетворения, указав, что отсутствие разъяснения права, предусмотренного ст. 51 Конституции, нарушает права опрашиваемого лица, поэтому полученные в ходе опроса сведения никак не могут быть учтены в уголовном деле[2].

Следует учитывать, что, кроме согласия лица на опрос, других процессуальных правил его производства закон не содержит. Относительно разъяснений права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, заметим, что разъяснение данного права значимо с точки зрения определения допустимости вербальной информации, сообщаемой должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу или осуществляющему уголовное преследование, в широком (не только уголовно-процессуальном) смысле[3]. Сообщение информации защитнику – действие само по себе непроцессуальное, сродни направлению информации с использованием информационно-коммуникационных технологий по почте и другими способами, при применении которых разъяснение данного права, конечно, не предполагается, в то время как сами сведения при соблюдении процессуальных правил их вовлечения в уголовный процесс могут использоваться в уголовно-процессуальном доказывании по общим правилам.

В литературе неоднократно указывалось на проблему, связанную с необоснованным отказом следователей в удовлетворении ходатайств защитника о приобщении к уголовному делу полученных им сведений [12, с. 123; 13, с. 29]. С целью решения проблемы В. А. Авдонин предлагает вовсе исключить возможность оценки следователем, дознавателем предоставленных защитником доказательственных сведений с точки зрения их значения для уголовного дела [14, с. 18].

Представляется, что следователь не может отказать защитнику в приобщении к уголовному делу результатов опроса, если соблюдены требования, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством: опрос лица проведён с добровольного согласия последнего, а сведения, которые получены в ходе опроса, имеют значение для уголовного дела, то есть являются относимыми. Однако формулировка нормы, предусмотренной ч. 2.2 ст.159 УПК РФ, содержит скрытую возможность злоупотребления следователями. Они склонны отказывать в приобщении к уголовному делу материалов, представленных защитниками, даже не помещая эти материалы в уголовное дело. Как

[1] Уголовное дело № 12401170046000926, возбужденное 15.10.2024 СО ОМВД России «Муромский».
[2] Уголовное дело № 12501170046000194, возбужденное 25.02.2025 СО ОМВД России «Муромский».
[3] Об отказе в принятие к рассмотрению жалобы гр. Корчагина А.Ю. на нарушение его конституционных прав [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

следствие, отсутствует возможность последующего контроля законности действий следователя, отказавшего защитнику в удовлетворении ходатайства. При этом нельзя лишить следователя права оценивать сведения, содержащиеся материалах опроса, на их относимость. Прежде всего, оценка на относимость – обязательное условие решения вопроса о наличии, собственно, доказательства.

Оценка сведений на относительность – деятельность, хотя и мыслительная, но процессуальная. В этой связи она может осуществляться только в отношении тех сведений, которые легализованы в уголовном деле посредством процедуры собирания доказательств. Отказ в приобщении к материалам уголовного дела сведений, физически в уголовном деле не находящихся, не может считаться действием процессуальным, поскольку даже вынесение соответствующего постановления следователем не будет подтверждаться соответствующими основаниями, усматриваемыми из материалов уголовного дела.

Проблема приобщения к материалам уголовного дела документа, содержащего результаты опроса, производна от общей проблемы собирания доказательств, источником которых являются иные документы. В ст. 84 УПК РФ не предусмотрена ни процедура приобщения «иных документов» к материалам уголовного дела, ни фиксирующие её акты. При этом иными документами могут являться не только письменные документы, но и предметы (аудио- и видеозаписи, сохранённые на материальных носителях). В подобных случаях очевидно, что в материалах уголовного дела не может не быть документов, свидетельствующих о способе получения таких «иных документов» и решении следователя о наличии у сведений, в них содержащихся, свойств доказательств (относимость и допустимость) [15, с. 35].

Такой подход может проецироваться как на документы, которые получены в результате следственных действий (например, изъяты в ходе обыска), так и на те, которые представлены участниками уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

Отсюда оценить на относимость представленные защитником материалы, содержащие результаты опроса, следователь вправе только после вовлечения их в уголовное судопроизводство и составления об этом соответствующего документа (например, протокола представления документа). В случае установленного наличия свойств доказательств, включая относимость, следователь выносит постановление о приобщении данных материалов к уголовному делу, в противном случае – об отказе в этом. При этом оценка на допустимость результатов опроса лица защитником производится только в части соблюдения им правила о согласии лица на опрос, а также реквизитов, позволяющих идентифицировать опрошенного и опрашивавшего.

Наличие в материалах уголовного дела документа, представленного защитником, его ходатайства о приобщении этого документа к материалам уголовного дела, протокола представления документа, постановления следователя о приобщении (отказе в приобщении) документа к материалам уголовного дела позволит снизить риски необоснованных отказов в удовлетворении соответствующих ходатайств защитника и обеспечить действенный контроль законности действий следователя по их разрешению.

---

1. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: «Юрлитинформ», 2009. 408 с.
2. Россинский С. Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 91–103
3. Лукьянчикова С. А. Защитник как субъект доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса // Современная юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 ноября 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 126–128.

4. Мезенцев И. В. Защитник как субъект доказывания в уголовном процессе // Право и современная экономика : сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ, СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 203–205.
5. Бозиев Т. О., Токарева Е. В. Защитник как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 1. С. 129–133.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. 206 с.
7. Россинский С. Б. Субъективные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридическое образование и наука. 2023. № 2. С. 29–34.
8. Россинский С. Б. Сущность исследования доказательств в уголовном судопроизводстве // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 2.
9. Егоров Н. Н. К вопросу о собирании доказательств защитником на стадии предварительного расследования // Право и правопорядок: вопросы теории и практики / Под общей редакцией С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2018. С. 29–33.
10. Кочуганова Е. А. Проблема участия защитника в собирании доказательств по уголовным делам // Молодой ученый. 2022. № 14 (410). С. 265–267.
11. Рагулин А. В. Регламентация прав адвоката-защитника на опрос лиц с их согласия и представление предметов и документов // Евразийская адвокатура. 2013. № 1(2). С. 50–52.
12. Малышева О. А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. №5 (150). С. 123–131.
13. Конин В. В. Участие адвоката в доказывании: необходимо изменение модели // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2024. № 1. С. 28–32.
14. Авдонин В. А. Процессуальные проблемы реализации бремени доказывания при осуществлении адвокатом защиты по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 36 с.
15. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Академия управления МВД России. 2019. № 3(51). С. 27–38.

1. Pobedkin A. V. Ugolovno-processual`noe dokazy`vanie. M.: «Yurlitinform», 2009. 408 s.
2. Rossinskij S. B. Sobiranie dokazatel`stv kak «pervy`j» e`tap dokazy`vaniya po ugolovnomu delu // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. T. 6. № 3. S. 91–103
3. Luk`yanchikova S. A. Zashhitnik kak sub``ekt dokazy`vaniya na dosudebny`x stadiyax ugolovnogo processa // Sovremennaya yurisprudenciya: aktual`ny`e voprosy` teorii i praktiki : sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 30 noyabrya 2023 goda. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. S. 126–128.
4. Mezencev I. V. Zashhitnik kak sub``ekt dokazy`vaniya v ugolovnom processe // Pravo i sovremennaya e`konomika : sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii yuridicheskogo fakul`teta SPbGE`U, Sankt-Peterburg, 05 aprelya 2018 goda. SPb: Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j e`konomicheskij universitet, 2018. S. 203–205.
5. Boziev T. O., Tokareva E. V. Zashhitnik kak sub``ekt dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2023. № 1. S. 129–133.
6. Shejfer S. A. Sledstvenny`e dejstviya. Sistema i processual`naya forma. M., 2001. 206 s.
7. Rossinskij S. B. Sub``ektivny`e sredstva dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2023. № 2. S. 29–34.

8. Rossinskij S. B. Sushhnost` issledovaniya dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2025. T. 20. № 2.
9. Egorov N. N. K voprosu o sobiranii dokazatel`stv zashhitnikom na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Pravo i pravoporyadok: voprosy` teorii i praktiki / Pod obshhej redakciej S.E. Turkulecz, E.V. Listopadovoj. Xabarovsk : Dal`nevostochny`j gosudarstvenny`j universitet putej soobshheniya, 2018. S. 29–33.
10. Kochuganova E. A. Problema uchastiya zashhitnika v sobiranii dokazatel`stv po ugolovny`m delam // Molodoj ucheny`j. 2022. № 14 (410). S. 265–267.
11. Ragulin A. V. Reglamentaciya prav advokata-zashhitnika na opros licz s ix sogla-siya i predstavlenie predmetov i dokumentov // Evrazijskaya advokatura. 2013. № 1(2). S. 50–52.
12. Maly`sheva O. A. Processual`naya forma uchastiya zashhitnika v dokazy`vanii v dosudebnom proizvodstve trebuet optimizacii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. №5 (150). S. 123–131.
13. Konin V. V. Uchastie advokata v dokazy`vanii: neobxodimo izmenenie modeli // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. 2024. № 1. S. 28–32.
14. Avdonin V. A. Processual`ny`e problemy` realizacii bremeni dokazy`vaniya pri osushhestvlenii advokatom zashhity` po ugolovnomu delu: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2025. 36 s.
15. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A.V. Modernizaciya ugolovno-processual`noj formy` v usloviyax informacionnogo obshhestva // Akademiya upravleniya MVD Rossii. 2019. № 3(51). S. 27–38.

Информация об авторе

Владислав Николаевич Беспалов. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Vladislav N. Bespalov. Adjunct.
V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 06.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 06.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.137.5

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ, ОБВИНЯЕМЫМ В ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вастьянова Олеся Дмитриевна[1], Михайлова Тамара Николаевна[2]
[1]Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
[2]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

[1]vas11le88@mail.ru
[2]stn-postman@mail.ru

Аннотация. Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ предусматривает комплекс мер ограничительного характера, особое место среди которых принадлежит мерам пресечения. Специфика применения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого данных мер обусловлена психоэмоциональной незрелостью несовершеннолетнего и несформированностью его волевых качеств. Проведенный правовой анализ правоприменительной практики позволил прийти к выводу, что сегодня эффективность применения в отношении несовершеннолетних мер пресечения в большинстве случаев зависит от личностных предпочтений следователя, дознавателя. В правоприменительной деятельности, к сожалению, нередко наблюдается формальный, алгоритмизированный подход к процедуре избрания и применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, который может привести к негативным последствиям и дальнейшей его ресоциализации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ювенальное судопроизводство, меры пресечения, следователь, дознаватель, суд, правоприменительная деятельность.

Для цитирования: Вастьянова О. Д., Михайлова Т. Н. Эффективность применения мер пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в практике расследования преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 166–174.

EFFECTIVENESS OF CIVIL ENFORCEMENT MEASURES APPLIED TO MINOR SUSPECTS, INVESTIGATING CRIMES IN PRACTICE

Olesya D. Vastyanova[1], Tamara N. Mikhailova[2]
[1]Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia
[2]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

[1]vas11le88@mail.ru
[2]stn-postman@mail.ru

Annotation. The current criminal procedural legislation of the Russian Federation provides a set of measures of restrictive nature, a special place among which belongs to preventive measures. The peculiarities of application of these measures in respect of a minor suspect, accused are conditioned by the psycho-emotional immaturity of a teenager and the unformedness of his volitional qualities. The conducted legal analysis of law enforcement practice allowed us to come to the conclusion that today the effectiveness of application of

preventive measures against minors in most cases depends on the personal preferences of the investigator, inquirer. In law enforcement activity, unfortunately, there is often observed a formal, algorithmic approach to the procedure of election and application of preventive measures against juvenile suspects and accused, which can lead to negative consequences and further re-socialization of a teenager.

Keywords: juvenile, juvenile justice, preventive measures, investigator, inquirer, court, law enforcement activity.

For citation: Vastyanova O. D., Mikhailova T. N. Effectiveness of civil enforcement measures applied to minor suspects, investigating crimes in practice // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 166–174.

Современное уголовно-процессуальное законодательство РФ предусматривает комплекс мер ограничительного характера, направленных на обеспечение надлежащего порядка производства по уголовному делу. Особую группу среди данных мер составляют меры пресечения – принудительные механизмы, применяемые специально уполномоченными законом лицами (следователем, дознавателем, судом) к подозреваемым, обвиняемым с целью предотвращения возможного возникновения препятствий в установлении истины по уголовному делу.

Специальным субъектом уголовного процесса выступает несовершеннолетний, к которому в рамках производства по уголовному делу также могут быть применены различные по характеру и содержанию меры пресечения. Как отмечает в своих исследованиях О. Г. Михайлова, одним из ключевых факторов результативного производства по делам в отношении несовершеннолетних выступает обоснованное и сбалансированное применение в отношении них мер пресечения [1, с. 70].

Перечень возможных для избрания мер пресечения закреплён в гл. 13 УПК РФ, среди которых следует отдельно выделить «привилегированную» меру – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым (ст. 105 УПК РФ)[1]. Именно данная мера пресечения может быть применена исключительно к подозреваемому, обвиняемому, который не достиг возраста 18 лет. Сущность присмотра заключается в осуществлении постоянного контроля за несовершеннолетним, обеспечении его надлежащего поведения, в воспитании (перевоспитании) и запрете общения с лицами, которые могут оказать на него отрицательное влияние (воздействие). Отличительной особенностью присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым является привлечение специфического круга субъектов, на которых возлагается осуществление данной меры пресечения. Сегодня законодатель к числу таких субъектов отнёс:

– родителей, опекунов или попечителей (на практике данные субъекты именуются в качестве законных поручителей несовершеннолетнего лица);

– других заслуживающих доверия лиц (на практике данные субъекты именуются в качестве личных поручителей несовершеннолетнего лица);

– должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором находится подозреваемый или обвиняемый (на практике данные субъекты именуются в качестве должностных поручителей несовершеннолетнего лица).

Ретроспективный анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что данная мера пресечения не является новшеством для отечественного уголовного судопроизводства. Возможность её применения была предусмотрена ещё нормами УПК РСФСР, однако она находила очень редкое применение в практической деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование. Сегодня

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Фед. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

также можно говорить о неэффективной её реализации на практике, несмотря на то, что ч. 2 ст. 423 УПК РФ в императивной форме ориентирует правоприменителя на обязательность обсуждения вопроса о возможности отдачи несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под присмотр в каждом случае выбора ему меры пресечения. При этом постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41[1] дополнительно подчёркивает необходимость обязательного обсуждения вопроса об отдаче несовершеннолетнего под присмотр (надзор), что является важнейшим элементом обеспечения правового и воспитательного подхода при применении мер пресечения к данной категории лиц.

Выбор современных органов предварительного расследования направлен в сторону меры пресечения, предусмотренной ст. 102 УПК РФ. Подписывая подписку о невыезде и надлежащем поведении, несовершеннолетний берёт на себя два вида обязательств:

1) обязательство не выезжать без разрешения компетентных лиц;
2) обязательство о надлежащем поведении.

Рассмотрим пример из следственной практики. Так, в рамках расследования уголовного дела, возбуждённого по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 166 УК РФ, следователем ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия в отношении несовершеннолетнего подозреваемого Г.Н.С., 2008 г.р. вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Основанием для принятия указанного решения послужила характеристика личности Г.Н.С., свидетельствующая о наличии у него постоянного места жительства и отсутствии намерения уклоняться от уголовного преследования[2].

По сути, подписка о невыезде и надлежащем поведении полностью основывается на личном обещании несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, в связи с чем может быть применена только к несовершеннолетнему, характеризующемуся добросовестностью и ответственностью за принятые на себя обязательства [2, с. 35]. В основе эффективного и результативного применения данной меры пресечения лежит лишь порядочность лица, в отношении которого она применяется. Однако категория «порядочность» является достаточно оценочной категорией, в особенности если речь идёт о её применении в рамках уголовного судопроизводства в отношении лица, которое нарушило закон и совершило общественно опасное деяние. Особое значение данная категория приобретает в отношении несовершеннолетнего, который в силу своего возраста и жизненного опыта не может представить аргументы в обоснование своей порядочности как участника общественных отношений, в том числе и опосредуемых нормами права. Как верно отмечает в своих исследованиях О. И. Цоколова, с одной стороны, подписка о невыезде и надлежащем поведении в достаточной для уголовного судопроизводства мере ограничивает права и свободы подозреваемого, обвиняемого, с другой стороны, не позволяет контролировать установленные ограничения [3, с. 8].

К сожалению, следователи (дознаватели) при избрании мер пресечения не учитывают в должной степени правовые границы между несовершеннолетними и совершеннолетними нарушителями норм уголовно-процессуального права, не проводят принципиального разграничения между общими уголовно-процессуальными правилами

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Архив следственного отдела по Березовскому району ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия.

и специальными правилами ювенального судопроизводства. Подписка о невыезде и надлежащем поведении механически, по шаблону со стороны следователя (дознавателя) применяется к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, игнорируя исключительно разработанную законодателем для данных участников меру пресечения в виде присмотра. Так, интервьюирование должностных лиц органов предварительного расследования Иркутской области и Красноярского края (всего в интервьюировании приняло участие 42 следователя и 28 дознавателей) показало, что, используя данную психолого-принудительную меру пресечения к несовершеннолетнему лицу, обязательства по её исполнению в большей степени всё-таки необходимо возлагать на законных представителей несовершен-нолетнего лица. Именно на порядочность и добросовестность назначенных законных представителей рассчитывают органы предварительного расследования при выборе несовершеннолетнему в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Статьёй 103 УПК РФ предусмотрено применение к подозреваемым, обвиняемым такой меры пресечения, как личное поручительство. Однако эффективность её реализации на практике, в том числе к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, очень низкая. Институт личного поручительства получил широкое признание и применение в период советской эпохи, когда в обществе коллективное превозносилось над индивидуальным, общественное презрение стояло выше государственного. В современный период развития уголовно-процессуального права умаляется потенциал позитивного влияния института поручительства на формирование правосознания личности, в том числе и несовершеннолетней. Однако участие значимого взрослого в жизни подростка, попавшего в сложную ситуацию, на наш взгляд, могло бы стать важным фактором его исправления и возвращения к нормальной жизни в обществе. Сегодня следователи, опасаясь неблагоприятных ретроспективных последствий, стараются уходить от решения вопроса о доверии к конкретному поручителю, которое, исходя из обстоятельств уголовного дела, должно устанавливаться им лично [4, с. 409].

Недооценка потенциала личного поручительства в отношении несовершеннолетних правонарушителей является серьёзной проблемой, препятствующей реализации принципов гуманизма и индивидуализации уголовного судопроизводства. Пересмотр сложившейся практики, разработка чётких критериев применения данной меры пресечения, индивидуальный подход к каждому конкретному случаю, а также повышение правовой грамотности участников уголовного процесса позволят расширить сферу применения личного поручительства, способствуя ресоциализации несовершеннолетних и снижению рецидивной преступности.

Также следует отметить крайне низкую эффективность применения залога как меры пресечения, предусмотренной ст. 106 УПК РФ. Анализ основных статистических показателей деятельности судов общей юрисдикции за период с 2020 по 2024 год выявляет тревожную тенденцию: в частности, в отношении несовершеннолетних залог как мера пресечения не применялся ни разу, что ставит под сомнение его целесообразность в рамках действующей системы уголовного судопроизводства[1]. Традиционная аргументация следователей, объясняющая редкое применение указанной меры, сводится к сомнениям в эффективности её воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя. Кроме того, ещё одним решающим моментом является отсутствие достаточных финансовых ресурсов. Так, в отношении залога распространённой проблемой является отсутствие у семьи несовершеннолетнего достаточных средств для внесения требуемой суммы, что делает данную меру недоступной для значительной части подростков, совершивших преступления. Судом при удовлетворении ходатайства об

[1] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004–2024 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 11.07.2025).

избрании в качестве меры пресечения залога в должной степени не учитываются возможности индивидуального подхода к определению его размера, который может быть адаптирован к финансовым возможностям семьи. На наш взгляд, размер залога должен определяться с учётом материального положения семьи несовершеннолетнего и тяжести совершённого им преступления. Необходимо предусмотреть возможность поэтапного внесения залога или использования в качестве залога ценного имущества несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Согласно статистическим данным, за 2024 год в отношении несовершеннолетних подозреваемых было принято 90 решений об избрании меры пресечения в виде запрета определённых действий, помимо этого, в 145 случаях были приняты решения о возложении обязанностей на обвиняемого, подозреваемого по соблюдению запретов при избрании залога и домашнего ареста[1]. Запрет определённых действий в отношении несовершеннолетних как мера пресечения теоретически обладает значительным потенциалом для защиты интересов как самого подростка, так и общества. Он предоставляет возможность избежать помещения несовершеннолетнего в следственный изолятор, сохраняя его социальные связи, посещение образовательного учреждения и участие в реабилитационных программах. Однако на практике эффективность данной меры зачастую снижается из-за ряда факторов. Так, одной из ключевых проблем является отсутствие должного контроля за исполнением возложенных запретов. Недостаточное количество сотрудников, ответственных за мониторинг поведения несовершеннолетнего, а также отсутствие эффективных механизмов оперативного реагирования на нарушения приводят к тому, что подросток фактически остаётся без должного надзора. Кроме того, несовершенство законодательства, чётко не определяющего границы дозволенного и недозволенного поведения, усложняет процесс правоприменения и создаёт возможности для злоупотреблений. Несовершеннолетний, находящийся в сложной жизненной ситуации, без поддержки семьи и должного внимания со стороны социальных служб, с большей вероятностью нарушает установленные запреты, что в конечном итоге приводит к необходимости изменения меры пресечения на более строгую [5, с. 69–70].

Приведённые статистические данные демонстрируют тенденцию к увеличению применения меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. В частности, наблюдается рост количества соответствующих судебных решений, вынесенных на основании ходатайств следователей в соответствии со ст. 107 УПК РФ: 198 решений в 2020 году, 208 решений в 2021 году, 204 решения в 2022 году и 271 решение в 2023 году и 277 решений в 2024 году[2]. Данная динамика позволяет констатировать, что домашний арест является относительно распространённой мерой пресечения, применяемой к несовершеннолетним лицам, вовлечённым в уголовное судопроизводство. Увеличение частоты применения данной меры может свидетельствовать о её признании правоприменителями в качестве эффективного правового средства, направленного на предупреждение противоправного поведения со стороны несовершеннолетних и обеспечение их надлежащей явки в органы предварительного расследования и суд. Дальнейший анализ эффективности применения домашнего ареста в сравнении с иными мерами пресечения требует проведения эмпирических исследований, направленных на изучение влияния данной меры, на поведение несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, а также на установление факторов, способствующих достижению целей уголовного судопроизводства.

Международные стандарты в области защиты прав детей указывают на то, что к несовершеннолетнему связанные с ограничением свободы меры принуждения могут

[1] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004–2024 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 20.08.2025).
[2] Там же

применяться лишь в качестве крайних мер в течение наиболее короткого периода времени [6, с. 142]. Тем не менее зачастую в условиях предварительного расследования по уголовному делу возникает необходимость в полной изоляции и ограничении конституционных прав подростка, например, когда несовершеннолетний каким-либо образом мешает проведению предварительного расследования, угрожает свидетелям или потерпевшим, продолжает преступную деятельность или пытается скрыться. В таких случаях следователь обращается с ходатайством в суд о разрешении вопроса заключения несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под стражу. Данная процессуальная мера, несмотря на свою эффективность, подразумевает существенное ограничение прав и свобод личности, в связи с чем при её применении должен быть соблюдён баланс между публичными интересами и важностью права на свободу личности [7, с. 7].

Вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних является важным аспектом уголовного судопроизводства, требующим внимательного анализа. На основании статистических данных количество решений об избрании данной меры в отношении несовершеннолетних подозреваемых демонстрировало колебания в период с 2020 по 2024 год, составив 751 в 2020 году, снизившись до 661 в 2021 году, затем вновь увеличившись до 714 в 2022 году и составив 702 в 2023 году[1]. Наиболее заметный рост наблюдается в 2024 году, когда число решений увеличивается на 25 % (до 879 случаев)[2]. Конституционный Суд РФ обращает внимание на то, что заключение под стражу допустимо лишь тогда, когда есть реальная возможность назначения лицу, подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, реального наказания в виде лишения свободы[3]. Однако ни в коем случае нельзя рассматривать заключение под стражу как досудебную альтернативу назначения уголовного наказания. Сам факт использования данной меры пресечения не определяет ещё того, что суд в ходе судебного разбирательства придёт к выводу о том, что несовершеннолетнее лицо является виновным в совершении преступления. Общее назначение мер пресечения состоит не в том, чтобы привлечь лицо к уголовному наказанию, а в том, чтобы обвиняемые и подозреваемые не создавали препятствий для проведения предварительного расследования и судебного разбирательства, направленного на установление их виновности или невиновности в инкриминируемом деянии.

Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ[4] были внесены изменения, касающиеся применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Отдельно законодатель регламентировал вопрос применения указанной меры к наиболее уязвимым участникам уголовного судопроизводства, в числе которых и несовершеннолетний. Так, согласно ч. 2 ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае подозрения или обвинения его в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях и при наличии установленных законом оснований – при совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 108 УПК РФ. Если же несовершеннолетний стра-

---

[1] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004–2024 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 11.07.2025).

[2] Там же

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2000 г. № 296-О [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21122000-n-296-o-ob/ (дата обращения: 20.07.2025).

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации № 13-ФЗ от 28 февраля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дает тяжелым заболеванием (специальный перечень заболеваний утвержден Правительством Российской Федерации), данная мера пресечения применяться не может. При этом, в обязательном порядке необходимо предоставить должностному лицу органа предварительного расследования и суду подтверждающие медицинские документы.

Как уже было сказано выше, перечень мер пресечения закреплён в гл. 13 УПК РФ и представлен сегодня восемью мерами ограничительного характера. Однако правовой анализ данной главы свидетельствует о том, что не все из них могут быть применены к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому. В частности, речь идёт о такой мере пресечения, как «наблюдение командования воинской части» в силу недостижения призывного возраста, который на сегодняшний день составляет 18 лет [8, с. 220]. В отношении остальных семи мер пресечения нет законодательных ограничений для использования их в рамках ювенального судопроизводства.

Сегодня эффективность применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых зачастую зависит от личностных предпочтений следователя (дознавателя). К сожалению, в деятельности правоохранительных органов остро стоит вопрос комплектования кадров, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, во многих отделах отсутствует треть состава, а в некоторых и половина. Как снежный ком нарастает объём недостатков правоприменительной деятельности. В сложившейся ситуации нет смысла рассчитывать на рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних максимально квалифицированными кадрами, имеющими, помимо юридического образования, педагогическое или психологическое. К сожалению, субъекты правоприменения не обладают необходимыми качествами для надлежащего распоряжения государственно-властными полномочиями в сфере уголовной юстиции [9, с. 70]. Однако, несмотря на указанные сложности, правоприменителю при производстве по уголовным делам необходимо уделять особое внимание лицам, не достигшим на момент совершения преступления возраста 18 лет. При выборе той или иной меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому следователь (дознаватель) должен основываться на тщательной и всесторонней оценке фактических обстоятельств уголовного дела, включая возрастные и психоэмоциональные особенности несовершеннолетнего, а также юридически значимые факты совершённого им уголовно наказуемого деяния.

1. Михайлова О. Г. Избрание присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения: проблемы реализации и пути совершенствования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 3(88). С. 69–74.
2. Согоян В. Л. К вопросу об избрании и применении подписки о невыезде и надлежащем поведении // Академическая публицистика. 2018. № 7. С. 34–38.
3. Цоколова О. И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 6–9.
4. Зиновьева Е. С. О проблеме избрания личного поручительства следователем // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 7-1. С. 408–415.
5. Васьянова О. Д. Применение запретов и ограничений при избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетними // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № 1(1). С. 65–71.
6. Михайлова Т. Н., Грибунов О. П. Уголовно-процессуальные особенности задержания несовершеннолетнего лица // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ. 2021. № 1. С. 141–146.
7. Абдулвалиев А. Ф. О законодательной инициативе Верховного суда РФ касательно меры пресечения в виде заключения под стражу // Новеллы

законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 15 мая 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 6–17.
8. Емельянова А. А. К вопросу о заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 218–224.
9. Россинский С. Б. Реквием по процессуальной самостоятельности следователя // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 70–76.

1. Mixajlova O. G. Izbranie prismotra za nesovershennoletnim podozrevaemy`m ili obvinyaemy`m v kachestve mery` presecheniya: problemy` realizacii i puti sovershenstvovaniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 3(88). S. 69–74.
2. Sogoyan V. L. K voprosu ob izbranii i primenenii podpiski o nevy`ezde i nadlezhashhem povedenii // Akademicheskaya publicistika. 2018. № 7. S. 34–38.
3. Czokolova O. I. Podpiska o nevy`ezde kak ogranichenie prav lichnosti // Proble-my` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2015. № 1. S. 6–9.
4. Zinov`eva E. S. O probleme izbraniya lichnogo poruchitel`stva sledovatelem // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2024. T. 14. № 7-1. S. 408–415.
5. Vast`yanova O. D. Primenenie zapretov i ogranichenij pri izbranii mery` presecheniya v vide prismotra za nesovershennoletnimi // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. 2019. T. 1. № 1(1). S. 65–71.
6. Mixajlova T. N., Gribunov O. P. Ugolovno-processual`ny`e osobennosti zaderzhaniya nesovershennoletnego licza // YuRISTЪ-PRAVOVEDЪ. 2021. № 1. S. 141–146.
7. Abdulvaliev A. F. O zakonodatel`noj iniciative Verxovnogo suda RF kasa-tel`no mery` presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu // Novelly` zakonodatel`stva kriminal`nogo cikla i ix otrazhenie v ugolovno-pravovy`x naukax: materialy` Vseros-sijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Tyumen`, 15 maya 2024 goda. Tyumen`: TyumGU-Press, 2024. S. 6–17.
8. Emel`yanova A. A. K voprosu o zaklyuchenii pod strazhu nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 2. S. 218–224.
9. Rossinskij S. B. Rekviem po processual`noj samostoyatel`nosti sledovatelya // Filosofiya prava. 2022. № 3 (102). S. 70–76.

Информация об авторах

Олеся Дмитриевна Васть**я**нова. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Тамара Николаевна Михайлова**.** Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат педагогических наук, доцент.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the authors

Olesya D. Vastyanova. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Law.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Russia, Krasnoyarsk, Rokossovsky Str., 20.

Tamara N. Mikhailova. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Pedagogical Sciences. Associate Professor.
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontova Str., 110.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 07.04.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Вецкая Светлана Анатольевна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

Lisizai@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным положениям института свидетельского иммунитета, касающимся пределов действия свидетельского иммунитета и перечня лиц, обладающих таким иммунитетом. Материальную базу статьи составили научные труды учёных, юристов-правоведов в интересующей области. Методика исследования основана на применении таких методов, как описание, анализ, синтез, индукция, а также частнонаучного метода познания правовых явлений – метода анализа нормативных правовых текстов. Предложенная научная работа позволила выявить пробелы в законодательном регулировании вопроса наделения лиц свидетельским иммунитетом.

Ключевые слова: уголовный процесс, свидетельский иммунитет, свидетель, право молчания, обязанность свидетеля, сокрытие преступлений.

Для цитирования: Вецкая С. А. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория и практика // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 175–181.

CRIMINAL PROCEDURAL INSTITUTE OF WITNESS IMMUNITY: THEORY AND PRACTICE

Svetlana An. Vetskaya
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Lisizai@mail.ru

Annotation. The article is devoted to certain provisions of the institution of witness immunity, concerning the limits of the scope of witness immunity and the list of persons who have such immunity. The material basis of the article was made up of research of scientists, legal scholars in the field of research of interest. Methods were used (description, analysis, synthesis, induction), private scientific methods of cognition of legal phenomena (the method of analysis of normative legal tests). The proposed research made it possible to identify gaps in the legislative regulation of the issue of granting persons with witness immunity.

Keywords: criminal procedure, witness immunity, right to silence, concealment of crimes.

For citation: Vetskaya S. A. Criminal Procedure Institute of Witness Immunity: Theory and Practice // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 175–181.

Свидетельский иммунитет в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность прав, предоставляющих определённым категориям лиц возможность отказаться от дачи показаний в силу их специального статуса, основанного на ст. 51 Конституции РФ и представленного в глоссарии уголовно-процессуального законодатель-

ства (ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)[1] (далее – УПК РФ) как право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных предусмотренных УПК случаях. Причём справедливо заметить, такой институт уголовно-процессуального права, как свидетельский иммунитет, – лишь право лица, при его наличии лицо не обязательно не допрашивается в качестве свидетеля, а может дать соответствующие показания по своему усмотрению. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, свидетель обязан давать показания, если он предоставляет информацию, которая может быть важной для установления истины по делу. Однако существует необходимость в защите свидетелей от возможных негативных последствий их показаний. Так, ст. 11 УПК РФ играет ключевую роль в регулировании вопросов, касающихся свидетельского иммунитета, когда лицо, обладающее таким иммунитетом, даёт согласие на дачу показаний, органы уголовного преследования – дознаватель, следователь, прокурор, суд – обязаны уведомить свидетеля о возможности использования его показаний в качестве доказательств. Получение согласия лица на дачу показаний является важным этапом в уголовном процессе. Это согласие подтверждает готовность свидетеля раскрыть информацию, которая может быть полезна для расследования уголовного дела. Однако в этом контексте часть ответственности ложится на органы следствия и суда, которые должны обеспечить надлежащую информированность свидетеля о последствиях его решений.

Уведомление свидетеля о том, что его показания могут быть использованы против него или других лиц, является защитным механизмом, которой позволяет избежать нежелательных последствий. Это предупреждение обеспечивает свидетелю возможность осознанного, принятия решения о даче показаний, что особенно важно в ситуациях, когда речь идёт о близких или родственниках.

В условиях современных правовых систем наблюдаются различные трактовки и применения норм, касающихся иммунитета, что вызывает интерес учёных и практиков.

Теоретическую базу исследования составили труды таких известных учёных, как Р. С Белкин, В. П. Божьев, Н. Ю. Волосова, Л. М. Карнеева, Л. Д. Кокорев, П. А. Лупинская, В. В. Молчанов Т. Н. Москалькова, Ю. С. Пилипенко, И. Л. Петрухин, Н. И. Порубов, В. М. Савицкий, И. В. Смалькова, А. А. Чувилев, М. М. Шейфер и др.

М. М. Шейфер отмечает, что свидетельский иммунитет – право свидетеля отказаться от дачи показаний, полагая, что свидетельский иммунитет – это исключение из правил, но ни в коем случае не категорический запрет на дачу показаний [1, с. 114–126]. С таким обоснованием категории свидетельского иммунитета трудно не согласиться, поскольку, используя его в уголовном судопроизводстве, участник процесса при наличии оснований полагать, что в будущем его показания используются против его близкого родственника или его самого, может реализовать своё право, отказавшись от дачи показаний, притом не опасаясь привлечения его впоследствии к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ. Однако в тех случаях, когда лицо, вызванное в качестве свидетеля, отказывается давать показания, не имея на то оснований, его отказ может расцениваться как злостное уклонение от выполнения обязанностей свидетеля.

В криминалистической энциклопедии Р. С. Белкина [2, с. 81] понятие свидетельского иммунитета трактуется как освобождение определённых категорий лиц от обязанности давать показания, которые могут уличить близких. Этот иммунитет распространяется на родственников обвиняемого или подозреваемого, а также на свойственников (мужа и жену) в зависимости от степени родства, установленной законом. Такое представление иммунитета, представленное в криминалистической энциклопедии, подчёркивает важность защиты семейных уз и поддерживает принцип справедли-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вости в процессе, позволяя не только защищать интересы обвиняемых или подозреваемых, но и оберегать их близких от потенциально негативных последствий вмешательства в дела, касающиеся семьи.

Изучив разные трактовки понятия свидетельского иммунитета [3, с. 125], предлагаем авторскую классификацию свидетельского иммунитета: «свидетельский иммунитет представляет собой совокупность прав, предоставляющих определённым категориям лиц возможность использовать «право не свидетельствовать» или отказаться от дачи показаний в силу их специфического статуса».

Термин «иммунитет» происходит от латинского слова, означающего «освобождение от чего-либо» [4, с. 114–126]. Толковый словарь Д. Н. Ушакова раскрывает понятие иммунитета [5, с. 114–126] в юриспруденции как изъятие кого-нибудь из-под действия некоторых законов. Закрепление понятия правового иммунитета на законодательном уровне отсутствует, однако науке известно, что в юридическом смысле иммунитет представляет собой особый правовой статус лица, при котором оно не может быть привлечено к ответственности за нарушение закона в целях содействия определённым общественным целям. Причём стоит отметить, что данный институт не устраняет противоправности таких деяний, а лишь устанавливает особый порядок действия закона в части привлечения к ответственности для ряда установленных граждан, а также не является нарушением принципа равенства прав и свобод граждан, закреплённого в основном законе страны – Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ), а лишь считается своего рода правовым отступлением, в связи с чем вызывает ряд дискуссий в правовой литературе.

Как известно, свидетель в уголовном процессе выполняет роль помощника в разбирательстве определённого уголовного дела, предоставляя известную ему о событиях преступного деяния информацию следователю или иному должностному лицу, проводящему предварительное расследование по конкретному уголовному делу. Статус свидетеля, совокупность его прав, а также ряд изъятий из списка лиц, могущих стать свидетелем по уголовному делу, закрепляется ст. 56 УПК РФ. Последние изменения в ст. 56 УПК РФ касаются уточнения прав и обязанностей свидетелей, а также случаев, когда свидетель не может быть допрошен. В частности, в ней уточнены случаи, когда свидетель имеет право на отказ от дачи показаний, а также случаи, когда свидетель не может быть допрошен.

Из смысла статьи можно определить обязанность свидетеля – давать правдивые показания, однако, как мы уже выяснили, есть ряд граждан, обладающих так называемым свидетельским иммунитетом. При анализе уголовно-процессуального закона условно данных граждан можно разделить на две группы:

1. Имеющие право не давать показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), объясним данное право законодателя как право предоставленное гражданам самим решать – давать или не давать показания.
2. Относящиеся к тем, кто не может быть допрошен в качестве свидетеля (ч. 3 ст. 56 УПК РФ) – или «право на неответственность» [6, с. 8–14], прямо запрещая органам предварительного расследования и суду получать такие показания от определённых лиц. В связи с этим следует различать свидетельский иммунитет и устранение от свидетельства.

К первой группе справедливо относят самого свидетеля и его близких родственников, круг которых также конкретно определён УПК РФ, а именно к ним причислены: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновлённые дети, родные братья и сёстры, дедушка, бабушка, внуки (п. 4 ст. 5 УПК РФ).

Указанный перечень является исчерпывающим. Это значит, что только указанные выше лица могут рассчитывать на иммунитет от свидетельствования.

Однако практика применения закона говорит о том, что имеется ряд случаев, когда свидетель как участник процесса причиняет значительный вред людям, являющимся для него близкими вследствие сложившихся между ними отношений, но не подпадающих под категорию закрытого перечня близких родственников, установленную УПК РФ. Речь идёт о тех случаях, когда гражданин в повседневной жизни считает тех или иных людей для себя близкими, но это не закреплено юридически. К таким лицам можно отнести следующих субъектов: лица, ранее состоящие в браке (развелись); сожители; лица, прошедшие обряд венчания, но не вступившие в брак в органах ЗАГС; лица, имеющие общего ребёнка или детей; неполнородные братья, сёстры и т. д. В связи с этим данные обстоятельства не дают права на основании ст. 51 Конституции РФ отказываться от дачи свидетельских показаний. Практика показывает, что необходимо дополнительно разъяснять и уточнять нормы, касающиеся близких родственников, чтобы избежать неопределённости и правовых пробелов. Здесь также целесообразно привести в пример точку зрения Л. И. Малаховой, которая в своей статье обращает внимание на свидетельский иммунитет законного представителя несовершеннолетнего [7, с. 246–252]. Разумеется, когда в качестве законного представителя выступает родитель или усыновитель, вопроса о применении свидетельского иммунитета не возникает. Однако когда помощь несовершеннолетнему оказывает попечитель или работник органа опеки и попечительства, ситуация изменяется. Данные лица органов опеки и попечительства несут ответственность за отказ от дачи показаний, поскольку их статус не предполагает автоматического освобождения от уголовной ответственности.

Справедливо отметить, что включение категории «близких лиц» в понятие института свидетельского иммунитета, а также внесение дополнения в ч. 3 ст. 56 УПК РФ с помощью положения о законном представителе несовершеннолетнего способствовали бы гуманизации данных уголовно-процессуальных норм и в очередной раз отразили принцип гуманизма, регламентированный в ст. 7 УПК РФ. Рассмотрим важный вопрос о свидетельском иммунитете и даче показаний против самого себя.

Действительно, согласно п. 40 ст. 5 УПК РФ наличие свидетельского иммунитета не исключает возможности допроса такого лица в качестве свидетеля. Однако процесс дачи свидетельских показаний лицом с иммунитетом зависит от его волеизъявления, а именно: лицо может взвешивать последствия своих показаний и принимать решение в зависимости от того, как это может повлиять на его собственные интересы или интересы третьих лиц. Трактовка уголовно-процессуального закона напрямую продиктована положением ст. 51 Конституции РФ. Однако на стадии предварительного расследовании уголовного дела у следователя или дознавателя могут возникать сомнения относительно статуса свидетеля в уголовном судопроизводстве. Речь идёт о тех ситуациях, когда у следствия есть достаточные основания предполагать, что свидетель имеет отношение к преступлению как его соучастник или сам его совершил, подход к допрашиванию меняется, а это значит, что его следует допрашивать в качестве подозреваемого согласно п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Рассматривая следующую из вышеуказанных групп, заметим, что ч. 3 ст. 56 УПК РФ представляет закрытый перечень лиц, которые не допрашиваются в качестве свидетелей. Так, юридический иммунитет с точки зрения действующего законодательства означает наличие у лица определённой выборной должности и, соответственно, его статусного права, включающего сроки и условия освобождения от должности[1].

Однако как быть, например, если у следователя или иного должностного лица, в производстве которого находится дело, возникают сомнения во вменяемости подле-

[1] О статусе сенатора Рос. Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон Рос. Федерации от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жащего допросу свидетеля? Уголовно-процессуальный закон говорит об обязательном назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы для установления ряда требующихся вопросов, в том числе о характере и степени психического расстройства при его наличии, а также о возможности лица, учитывая его психическое расстройство, лично осуществлять свои процессуальные права, то есть речь идёт об «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ). Согласно п. 16 Постановления Пленума ВС № 6 (от 07.04.2011), «показания такого лица могут учитываться судом при оценке его психического состояния, а также опасности лица для самого себя или других лиц либо возможности причинения им иного существенного вреда». Следовательно, ограниченно вменяемое лицо может реализовывать свои права в исключительном случае – когда оценено его психическое состояние, опасность, возможность причинения вреда третьим лицам, а по общему правилу допрашиваться в качестве свидетелей такие лица не могут, поскольку в перечне ч. 3 ст. 56 УПК РФ указания о данной категории нет[1]. Таким образом, целесообразно либо указать такого рода частные случаи либо «открыть» перечень путём внесения п. 9 со следующим содержанием: «Иные лица, предусмотренные законодательством РФ».

Несмотря на некоторые законодательные изменения в статье 56 УПК РФ, а именно: расширение круга лиц, не подлежащих допросу, касающиеся статуса уполномоченного по правам человека, сенатора и депутатов Государственной Думы, уточнение прав свидетелей и их обязанностей, подчеркнём, что своевременное получение сведений, имеющих доказательственное значение по уголовном уделу, имеет огромную важность для раскрытия и расследования преступлений. Так, Александр Бастрыкин, глава Следственного комитета России, неоднократно высказывал своё мнение по вопросам свидетельского иммунитета об ограничении его применения в случаях, когда речь идёт о тяжких и особо тяжких преступлениях: «Свидетельский иммунитет не должен являться препятствием для расследования преступлений и служить сокрытием преступления»[2]. Ещё советские учёные-криминалисты считали, что деятельность, направленная на утаивание информации в такой пассивной форме, как умолчание, недонесение, несообщение запрашиваемых сведений, отказ от дачи показаний, является не чем иным, как сокрытием преступления [8, с. 15–17].

На основании вышесказанного определим свидетельский иммунитет как совокупность трёх основополагающих элементов: привилегия от дачи показаний против самого себя, привилегия от дачи показаний против близких родственников, профессиональная привилегия или привилегия от дачи показаний лицом в связи с исполнением им служебных обязанностей. Следует также отметить, что на сегодняшний день институт свидетельского иммунитета не утратил своего первоначального социально-юридического значения, что подтверждается как положениями уголовно-процессуального законодательства, так и судебной практикой. Однако следует отметить и выявленные проблемы свидетельского иммунитета в области уголовного судопроизводства, касающиеся непосредственно механизма его регулирования в слиянии с ключевыми принципами судопроизводства, закреплёнными как в Конституции РФ, так и в УПК РФ. В качестве перспективной нормы ст. 56 УПК РФ предлагаем дополнить редакции п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ:

– «ограничить право молчания при производстве предварительного следствия о тяжких и особо тяжких преступлениях», допускать «обязанность свидетелей давать по-

[1] О практике применения судами принудительных мер медицинского характера [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина «Российской газете» от 13.12.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1087514/ (дата обращения: 25.08.2025).

яснения» по относящимся к делу вопросам, если это представляет особую значимость при производстве предварительного следствия о тяжких и особо тяжких преступлениях;

– включить п. 3 ст. 5 (близкие люди), относя к указанному кругу о близких родственниках, руководствуясь тем, что перечень близких родственников на сегодня исчерпывающий, однако он может не учитывать лиц, не имеющих законного родства, но обязательных для допроса по конкретному уголовному делу.

Таким образом, предлагаемые пределы действия свидетельского иммунитета как важного инструмента регулирования уголовно-процессуальных отношений должны быть более чётко и расширенно закреплены законодательно для более эффективного использования описываемого института на практике, что поспособствует более действенной защите не только прав отдельных личностей, но и защите общественных интересов, гуманизации уголовно-процессуального законодательства.

1. Шейфер М. М. Право свидетеля на иммунитет: история возникновения и проблемы реализации в уголовном процессе РФ // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: меж-вуз. сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 114–126.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. Доп. 81 с.
3. Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). М.: Спарк, 1996. 125 с.; Молчанов В.В. Свидетельский иммунитет в гражданском процессе // Правоведение. 2006. № 2 С. 109–119.
4. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика: автореф дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015 61 с.
5. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.
6. Толковый словарь Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс]: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21035. Доступ из официального сайта «Толковый словарь Ушакова».
7. Агафонов В. В. Соотношение гарантий неприкосновенности и неответственности в рамках парламентского иммунитета // Академический вестник. 2008, № 2. С. 8–14.
8. Малахова Л. И. Свидетельский иммунитет в уголовном судопроизводстве РФ: проблемы правовой регламентации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 246–252.
9. Овечкин В. А. Общие положения методики расследования преступлений. Скрытых инсценировками. Харьков, 1975г.; Лавров В.П. Лузгин И.М. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980.

1. Shejfer M. M. Pravo svidetelya na immunitet: istoriya vozniknoveniya i problemy` realizacii v ugolovnom processe RF // Aktual`ny`e problemy` sovremennogo ugolovnogo processa Rossii: mezh-vuz. sb. nauch. st. / pod red. V.A. Lazarevoj. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2007. S. 114–126.
2. Belkin R. S. Kriminalisticheskaya e`nciklopediya. M.: Megatron XXI, 2000. 2-e izd. Dop. 81 s.
3. Moskal`kova T. N. E`tika ugolovno-processual`nogo dokazy`vaniya (stadiya predvaritel`nogo rassledovaniya). M.: Spark, 1996. 125 c.; Molchanov V.V. Svidetel`skij immunitet v grazhdanskom processe // Pravovedenie. 2006. № 2 S. 109–119.
4. Volosova N.Yu. Ugolovno-processual`ny`j institut svidetel`skogo immuniteta: teoriya, zakonodatel`noe regulirovanie i praktika: avtoref dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2015 61 s.
5. Sovremenny`j slovar` inostranny`x slov. SPb.: Due`t, 1994. 752 s.

6. Tolkovy`j slovar` Ushakova D.N. [E`lektronny`j resurs]: URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21035. Dostup iz oficial`nogo sajta «Tolkovy`j slovar` Ushakova».
7. Agafonov V. V. Sootnoshenie garantij neprikosnovennosti i neotvetstvennosti v ramkax parlamentskogo immuniteta // Akademicheskij vestnik. 2008, № 2. S. 8–14.
8. Malaxova L. I. Svidetel`skij immunitet v ugolovnom sudoproizvodstve RF: problemy` pravovoj reglamentacii // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2017. № 1. S. 246–252.
9. Ovechkin V. A. Obshhie polozheniya metodiki rassledovaniya prestuplenij. Skry`ty`x inscenirovkami. Xar`kov, 1975g.; Lavrov V.P. Luzgin I.M. Sposob sokry`tiya prestupleniya i ego kriminalisticheskoe znachenie. M., 1980.

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Вецкая. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, Ярославская ул., 128.

Information about the author

Svetlana An. Vetskaya. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Law, Associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 25.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.1

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Виноградова Варсеник Артуровна
Северо-Кавказский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Краснодар, Россия

varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется актуальное состояние законодательной модели системы принципов уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Данная тема обусловлена необходимостью устранения противоречий между формальным закреплением принципов и их фактической реализацией в условиях трансформации правовой среды. Несмотря на значительное внимание, уделяемое отдельным принципам в юридической науке, комплексная характеристика модели как целостной нормативной конструкции остаётся недостаточно разработанной. Обоснована идея многоуровневой структуры системы, в которой принципы взаимодействуют в иерархически организованном пространстве. Практическая значимость заключается в разработке направлений нормативного и институционального совершенствования, включая расширение состава принципов, их операционализацию и адаптацию к условиям цифровой трансформации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, законодательная модель, система принципов, правовая структура, нормативное регулирование, реформирование, цифровая трансформация, правоприменение, методология.

Для цитирования: Виноградова В. А. Актуальное состояние законодательной модели системы принципов уголовного судопроизводства в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 182–187.

CURRENT STATE OF THE LEGISLATIVE MODEL OF PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE IN RUSSIA.

Varsenik A. Vinogradova
The North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Annotation. The article analyzes the current state of the legislative model of the system of principles of criminal proceedings in the Russian Federation. This topic is relevant due to the need to eliminate contradictions between the formal consolidation of principles and their actual implementation in the context of the transformation of the legal environment. Despite the significant attention paid to individual principles in legal science, the comprehensive characterization of the model as a holistic normative structure remains insufficiently developed. The article substantiates the idea of a multi-level structure of the system, where principles interact in a hierarchically organized space. The practical

significance lies in the development of directions for regulatory and institutional improvement, including the expansion of the principles, their operationalization, and adaptation to the conditions of digital transformation.

Keywords: criminal procedure, principles of criminal process, legislative model, system of principles, legal structure, normative regulation, reform, digital transformation, law enforcement practice, methodology.

For citation: Vinogradova V. A. The Current State of the Legislative Model of the System of Principles of Criminal Procedure in Russia // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3(104). P. 182–187.

На современном этапе развития российской правовой системы ключевую значимость приобретает обращение к механизмам обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве. В центре этого механизма находится система принципов, формирующих методологическую, логическую и правовую основу функционирования всей уголовно-процессуальной модели. Законодательная модель этих принципов, закреплённая преимущественно в главе 2 УПК РФ, является отражением комплексного взаимодействия между юридической теорией, практикой и социальными трансформациями.

При рассмотрении природы и функций уголовного судопроизводства неизбежно встаёт вопрос об интеллектуальной целостности той нормативной конструкции, на которой оно основывается. «Система уголовно-процессуальных отношений представляет собой весьма сложный, многоуровневый феномен, охватывающий широкий спектр правовых форм взаимодействия – от стадии возбуждения уголовного дела до исполнения приговора» [1, с. 21]. Именно в силу масштабности и многообразия правоотношений, возникающих в этой сфере, становится очевидным, что «ни одна, даже самая фундаментальная идея-принцип не способна в одиночку выразить сущностные характеристики уголовного судопроизводства» [2, с. 6]. Такая идея, будучи изолированной, может очерчивать лишь фрагментарную модель, применимую к конкретной области правоприменения, но не охватывающую процесс в его онтологической полноте.

Следует отметить, что в условиях ускоряющейся правовой эволюции и непрерывного воздействия трансформационных факторов на систему уголовной юстиции вопрос о целостности и жизнеспособности нормативной конструкции приобретает не только теоретико-методологическое, но и откровенно прагматическое измерение. «Активная реновация уголовного процесса, вызванная как внутренними, так и внешними императивами: цифровизацией, глобализацией правовых стандартов, расширением сферы прав человека, усилившимся взаимодействием между национальным и наднациональным правом – требует системных преобразований, в основе которых должна находиться концептуально выверенная и структурно устойчивая модель» [3, с. 609].

В юридическом дискурсе понятие модели служит не просто инструментом упрощённого воспроизведения правовых явлений, но и способом концептуального постижения закономерностей функционирования сложных систем, к числу которых относится и система принципов уголовного судопроизводства. Модель, рассматриваемая как логико-юридическая конструкция, позволяет выявить устойчивые связи между правовыми нормами, упорядочить их взаимодействие, а также зафиксировать целевые установки системы. «Модель – это упрощённое представление реального объекта, процесса или системы, используемое для анализа, понимания и предсказания поведения сложных явлений» [4, с. 342]. Через призму модели «принципы перестают быть набором абстрактных деклараций – они обретают внутреннюю архитектуру, логическую взаимозависимость и становятся операциональными элементами уголовно-процессуального механизма» [5, с. 250].

В контексте нормативного регулирования модель играет ключевую роль, поскольку она формирует устойчивую логическую рамку, в пределах которой возможно не только структурирование принципов, но и установление приоритетов при их конкуренции. Благодаря такой архитектуре правовое поле приобретает ясность и предсказуемость, что, в свою очередь, позволяет минимизировать произвольность в интерпретации. Через механизм иерархизации обеспечивается разрешение коллизий, особенно в тех случаях, когда необходимо соотнести интересы общества с правами личности. При этом модель функционирует как интеграционная платформа, способная объединять гетерогенные принципы, независимо от их нормативного происхождения и тем самым устранять нормативные пробелы и избыточные дубли.

Не менее важно, что сквозь призму модели возможно не только выявление скрытых противоречий, но и формулирование направлений правовой модернизации.

Прогностическая функция модели проявляется в её способности оценивать нормативные инновации до их имплементации, предвосхищая правовые последствия и структурные трансформации. В логике правовой эволюции модель обретает статус методологического основания, удерживающего взаимосвязи между фундаментальными принципами и конкретными механизмами их реализации. Благодаря этому достигается функциональное равновесие, обеспечивающее внутреннюю согласованность правовой системы. Именно такая конструкция становится условием для устойчивого и согласованного реформирования уголовного судопроизводства в условиях нормативной изменчивости.

Модель выполняет педагогическую и функцию, формируя у студентов целостное понимание логики уголовного процесса и облегчая освоение его ключевых положений. Благодаря ей обучение выходит за пределы формального усвоения норм, переходя к постижению философии и ценностных оснований правовой системы. Такое освоение способствует развитию критического правосознания и способности к аналитическому восприятию юридической реальности. В совокупности модель выступает концептуальной основой, превращающей абстрактные принципы в конкретные гарантии и стандарты, обеспечивающие эффективность и легитимность уголовного судопроизводства.

Принципиальная особенность действующей нормативной конструкции заключается в её двухуровневой природе: с одной стороны, она воспроизводит фундаментальные начала, закреплённые в Конституции РФ, с другой – дополняется отраслевыми нормами, отражающими специфику уголовного судопроизводства. Однако несмотря на внешнюю завершённость, модель нередко оказывается неустойчивой при практическом применении, что порождает необходимость её критического осмысления с учётом существующих проблем. Значительный объём уголовных дел, находящихся ежегодно в производстве, иллюстрирует уровень нагрузки на правоохранительную и судебную систему. Согласно данным МВД России, «ежегодно расследуется свыше 1,5 млн уголовных дел. Только за прошлый год было возбуждено более 1,9 млн дел, из которых 899 тысяч были переданы в суд»[1]. Такая нагрузка объективно осложняет реализацию фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, включая обеспечение разумных сроков, полноту судебного разбирательства и доступ к правосудию. Изложенное подтверждается и официальной судебной статистикой: «По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году около 5 % уголовных дел в судах первой инстанции рассматривались с нарушением процессуальных сроков» [6].

Анализ существующей модели свидетельствует о разрыве между формальной полнотой принципов и их практической реализацией, особенно заметном в аспекте ра-

[1] Актуальные проблемы современного уголовного судопроизводства // Федеральная палата адвокатов Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/news/fpa/aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovnogo-sudoproizvodstva/(дата обращения: 25.05.2025).

зумного срока судопроизводства, где субъективизм оценки подрывает доверие к правосудию. Принцип независимости судей также страдает от институциональных слабостей: давление извне и уязвимость статуса судей препятствуют его полноценному действию. Принцип состязательности, несмотря на нормативное закрепление, нивелируется инквизиционной природой досудебного производства, где защита оказывается в неравных условиях по отношению к обвинению. Отсутствие эффективных механизмов реализации и санкций делает многие положения декларативными, что проявляется, например, в бессилии нормы о неприкосновенности личности при неправомерных задержаниях. Сходным образом страдает и принцип свободной оценки доказательств, который на практике подменяется автоматическим доверием к материалам следствия.

Современная систематизация принципов наталкивается на отсутствие чёткой иерархии в УПК, что порождает правовую неопределённость в случае коллизий. При этом попытки теоретического осмысления структуры принципов не подкреплены нормативной ясностью их взаимодействия. Модель остаётся ориентированной на устаревшие представления о процессуальных отношениях, игнорируя вызовы цифровизации, рост киберпреступности и изменения в характере доказательственной базы. Актуальные трансформации требуют не просто корректировок, а глубокой концептуальной переработки всей конструкции. Без такой адаптации будет усиливаться разрыв между правовой нормой и реальностью, подрывая эффективность уголовного судопроизводства.

Реформирование модели требует включения дополнительных принципов, таких как пропорциональность, процессуальная экономия, защита прав потерпевших и справедливость судебного разбирательства, поскольку они уже присутствуют в международных актах и научной доктрине, но недостаточно представлены в российском законодательстве. Невозможность полноценной реализации даже закреплённых принципов указывает на необходимость не просто косметических изменений, а глубокого концептуального обновления. Существенным остаётся вопрос методологической соразмерности отечественной модели с универсальными ориентирами, выработанными международной практикой и юрисдикциями.

Структурная асимметрия в распределении полномочий между обвинением и защитой приводит к имитации состязательности, нивелируя правовую сущность уголовного процесса. При этом защита зачастую оказывается в заведомо уязвимом положении, что требует введения дополнительных гарантий процессуального равенства и усиленного контроля за действиями на досудебной стадии. Внутренние противоречия между принципами, особенно в случаях, где необходимо сбалансировать публичные и частные интересы, могут порождать правовую дестабилизацию и правоприменительные парадоксы.

Согласованность принципов предполагает не только их логическое соотнесение, но и гибкие юридические механизмы урегулирования конфликтов между ними. Превращение принципов из декларативных формул в реальные регуляторы требует их операционализации через подзаконное регулирование, разъяснительную практику и институциональные стандарты. Без такой трансформации правовая система остаётся внешне стройной, но функционально неспособной к обеспечению подлинного правосудия. Только совокупность концептуального переосмысления и институциональной конкретизации способна вывести уголовный процесс на уровень, соответствующий международным правовым ожиданиям.

Актуальные проблемы, порождённые цифровыми технологиями, также требуют своевременного нормативного ответа. Новые формы доказательств, включая цифровые следы, переписку в мессенджерах, видеонаблюдение и биометрические данные, ставят под вопрос прежние представления о допустимости, надёжности и полноте доказательственной базы. Как справедливо отмечает А. С. Борисов, «цифровая форма способна существенно ускорить процесс собирания, накопления, обработки, систематизации

и использования информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений» [7, с. 451].

Современные вызовы в виде фальсификации и вмешательства в частную жизнь требуют переосмысления принципа свободы оценки доказательств с обязательным введением нормативных критериев допустимости и достоверности, особенно в отношении цифровых данных. Наряду с этим возникает необходимость включения принципа восстановительной направленности, который акцентирует внимание не на репрессии, а на компенсации вреда и социальной реабилитации, отражая гуманистический вектор развития правосудия.

Переход к подлинной реализации ценностей предполагает не декларативную, а структурную трансформацию всей процессуальной модели, что возможно лишь при наличии политической воли, научного сопровождения и институциональной гибкости. Такая трансформация требует пересмотра ролей участников процесса и формирования культуры взаимодействия, основанной на доверии и нейтралитете суда. Таким образом, мы считаем, что принципы уголовного судопроизводства играют роль системообразующих координат, в которых сосредоточены ключевые правовые ценности. Их реализация становится не только юридической задачей, но и критерием зрелости правовой культуры. В условиях ускоренных социальных изменений эффективность и легитимность уголовного процесса зависят от того, насколько точно и последовательно будет развиваться нормативная модель. Именно от этого зависит способность правосудия отвечать на вызовы времени и сохранять общественное доверие.

---

1. Братчикова А. С., Дедюхина И. Ф. Принципы уголовного процесса // Материалы ежегодных региональных научно-практических чтений кафедры государственного и муниципального управления и права: Сборник научных трудов по материалам Региональной научно-практической конференции. Ставрополь: АГРУС, 2021. С. 20–24.
2. Крипиневич С. С. Идея индивидуализации и ее отражение в отечественном уголовно-процессуальном праве // Мировой судья. 2025. № 1. С. 5–10.
3. Ламтева А. В. Реновация идеи современного типа уголовного процесса: сумма оригинальных юридических предложений и их аргументация // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 607–611.
4. Степин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект. 2020. 716 с.
5. Лебедев С. А. Методология научного познания: монография. М.: Проспект, 2022. 256 с.
6. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 25.05.2025).
7. Борисов А. С. Совершенствование уголовно-процессуального режима обращения информации в досудебном производстве в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 3. С. 448–470.

1. Bratchikova A. S., Dedyuxina I. F. Principy` ugolovnogo processa // Materialy` ezhegodny`x regional`ny`x nauchno-prakticheskix chtenij kafedry` gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya i prava: Sbornik nauchny`x trudov po materialam Regional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Stavropol`: AGRUS, 2021. S. 20–24.
2. Kripinevich S. S. Ideya individualizacii i ee otrazhenie v otechestvennom ugolovno-processual`nom prave // Mirovoj sud`ya. 2025. № 1. S. 5–10.

3. Lamteva A. V. Renovaciya idei sovremennogo tipa ugolovnogo processa: summa original`ny`x yuridicheskix predlozhenij i ix argumentaciya // Yuridicheskaya texnika. 2021. № 15. S. 607–611.
4. Stepin V.S. Filosofiya i metodologiya nauki. M.: Akademicheskij proekt. 2020. 716 s.
5. Lebedev S. A. Metodologiya nauchnogo poznaniya: monografiya. M.: Prospekt, 2022. 256 s.
6. Osnovny`e statisticheskie pokazateli deyatel`nosti sudov obshhej yurisdikcii za 2023 god // Sudebny`j departament pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79
7. Borisov A. S. Sovershenstvovanie ugolovno-processual`nogo rezhima obrashheniya informacii v dosudebnom proizvodstve v e`poxu cifrovoj transformacii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2024. № 3. S. 448–470.

Информация об авторе

Варсеник Артуровна Виноградова. Доцент кафедры уголовно-процессуального права. Кандидат юридических наук.

Северо-Кавказский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.

Information about the author

Varsenik A. Vinogradova. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law. Candidate of Law.

The North Caucasus branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, the Russian State University of Justice.

350020, Russia, Krasnodar, Krasnye Partizan Str., 234.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 20.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.12

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ДОЛЖНОСТНЫМ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Гришин Андрей Владимирович[1], Селютина Ольга Геннадьевна[2]
[1,2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]ronsove@bk.ru
[2]selitina-olja@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблематики определения статуса должностного лица, квалификации противоправных действий таких субъектов и вопросам доказывания ввиду того, что в современных условиях борьба с должностными преступлениями является одной из первоочередных задач, стоящих перед правоохранителями в целом и органами внутренних дел в частности. Поскольку в практике судов и следственных органов имеются как факты привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, так и факты прекращения и отказа в возбуждении уголовных дел в их отношении, в статье рассмотрены вопросы, связанные с понятием должностного лица, его признаками и функциями. Приводятся примеры из судебной и следственной практики.

Ключевые слова: преступление, доказывание, должностное лицо, вред, субъект преступления, состав преступления, квалификация.

Для цитирования: Гришин А. В., Селютина О. Г. Юридические аспекты признания лица должностным и некоторые проблемы квалификации отдельных должностных преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 188–201.

LEGAL ASPECTS OF RECOGNITION OF A PERSON AS AN OFFICIAL AND SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CERTAIN OFFICIAL CRIMES

Andrey V. Grishin[1], Olga G. Selytina[2]
[1],[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]ronsove@bk.ru
[2]selitina-olja@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of the issues of determining the status of an official, the qualification of illegal actions of such subjects and issues of proof, due to the fact that in modern conditions the fight against official crimes is one of the primary tasks facing law enforcement officers in general, and internal affairs bodies in particular. Since in the practice of courts and investigative bodies there are both facts of bringing officials to criminal liability, and facts of termination and refusal to initiate criminal cases against them, the article discusses issues related to the concept of an official, his characteristics and functions. Provides examples from judicial and investigative practice.

Keywords: crime, evidence, official, harm, subject of the crime, corpus delicti, qualification.

For citation: Grishin A.V., Selytina O. G. Legal aspects of recognition of a person as an official and some problems of qualification of certain official crimes // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. № 3(104). P. 188–201.

В современных условиях борьба с должностными преступлениями является одной из первоочередных задач, стоящих перед правоохранителями в целом и органами внутренних дел в частности. Должностное лицо является специальным субъектом преступлений, поименованных в главе 30 УК РФ [1, с. 95]. Поэтому хотелось бы более внимательно рассмотреть вопрос об отнесении того или иного субъекта к категории должностных лиц, равно как отграничить преступное деяние от незначительного правонарушения. Особенности осуществления уголовного преследования, разграничения преступного деяния и гражданско-правового нарушения в более общем смысле, безусловно, имеют свои особенности в части разграничения уголовной и гражданско-правовой ответственности, а также возмещения вреда, причинённого преступлением [2, с. 134–135].

Специфика рассмотренного субъекта должностных преступлений имеет определяющее значение при квалификации указанных преступлений правоохранительными органами. В каждом случае при расследовании преступлений, совершённых должностными лицами, необходимо чётко устанавливать нормативные акты, определяющие их компетенцию [3, с. 41]. В тексте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[1] подробно раскрывается содержание функций должностных лиц.

Согласно примечанию 1 к ст. 318 УК РФ, к представителям власти относятся должностные лица правоохранительных или контролирующих органов, а также иные должностные лица, наделённые в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости. К исполняющим функции представителя власти относятся лица, наделённые правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также исходя из содержания Примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделённых в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Помимо представителей власти, к должностным лицам закон относит и лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в указанных в законе органах, учреждениях, корпорациях и т. д. Под организационно-распорядительными функциями следует понимать управление и руководство коллективом, участком работы, отдела, подбор и расстановку кадров, планирование работы, организация труда подчинённых, поддержание трудовой дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий. Выполнение организационно-распорядительных функций, как правило, непосредственно связано с руководством деятельностью других людей. Для административно-хозяйственных функций признак руководства деятельностью других людей не обязателен. На первое место здесь ставятся контроль и распоряжение материальными ценностями, организация их отпуска, получения, ответственного хранения и реализация. К административно-хозяйственным функциям могут быть, в частности, отнесены полномочия по управле-

[1] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нию и распоряжению имуществом и денежными средствами, находящимися на балансе и банковских счетах государственных организаций и учреждений, воинских частей и подразделений, а также совершение иных действий: принятие решений о начислении заработной платы, премий, осуществление контроля за движением материальных ценностей, определение порядка их хранения и т. п. Нередки случаи, когда должностные лица выполняют одновременно организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Указанные функции могут выполняться постоянно, временно или по специальному полномочию. Действия лица, признаваемого должностным, всегда влекут юридические последствия [1, с. 96–97].

Исходя из содержания Постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями» от 16.10.2009 № 19[1], Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.07.2017 № 305-АД17-1484, А40-91243/2016[2], должностным лицом организации является сотрудник, который имеет в служебном подчинении других работников, обладает полномочиями по формированию кадрового состава и определению трудовых функций работников, по применению мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий, обладает полномочиями по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определённые юридические последствия, обладает полномочиями по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организации, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учёта и контроля за их расходованием).

Согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19[3], под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т. п. В данном пункте приводится перечень нескольких признаков должностного лица, но не разъясняется – при наличии одного, двух, трёх или всех перечисленных признаков лицо может быть признано должностным. На наш взгляд, должностное лицо должно обладать всеми перечисленными в Постановлении признаками одновременно. Как следует из п. 4 поименованного Постановления, отдельные работники должны находиться в подчинении непосредственно у руководителей государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения).

Напомним, что вид деятельности государственных органов исполнительной власти и органов системы местного самоуправления (глав муниципальных образований и подразделений их аппарата) носит исполнительно-распорядительный характер. К структурным подразделениям органов системы местного самоуправления на област-

---

[1] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам [Электронный ресурс]: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2017 г. № 305-АД 17-1484, А40-91243/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ном уровне относятся: отраслевые подразделения, функциональные структурные подразделения, аппарат администрации, вспомогательные службы.

Структурные подразделения муниципального учреждения на районном уровне – это цеха, участки, отделы, секторы и другие части, которые входят в структуру организации и выполняют функциональные или производственные задачи. Например, районный отдел народного образования (РОНО), заведующий которого является должностным лицом, поскольку имеет полномочия принимать меры поощрения к работникам отдела образования, руководителям муниципальных образовательных учреждений, налагать на них взыскания. Помимо этого, имеет право назначать и освобождать от должности сотрудников отдела образования, руководителей подведомственных учреждений. Также и ДК (Дом культуры) является структурным подразделением районного муниципального учреждения, а его директор – должностным лицом, поскольку согласно должностной инструкции может принимать на работу сотрудников, распоряжаться имуществом и денежными средствами Дома культуры. Как видим, и заведующий РОНО, и директор ДК наделены распорядительными полномочиями по отношению к своим подчинённым.

С учётом изложенного отметим, что для признания руководителей перечисленных выше структурных подразделений муниципального учреждения должностными лицами необходимо установить: обладают ли эти лица, кроме организационных, распорядительными полномочиями, и если да, то они могут рассматриваться как должностные лица.

Если внимательно прочитать п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, то можно сделать вывод, что законодатель разделил должностных лиц не на три, а на две группы: лиц, выполняющих функции представителя власти, и лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции. В Постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19[1] отсутствует разъяснение: кого именно следует относить к должностным лицам – лиц, одновременно выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, либо эти функции должны быть разделены и носить самостоятельный характер. Правильный ответ на этот вопрос могут дать эксперты, обладающие знаниями в области лингвистики.

В соответствии с ч. 2 п. 4 Постановления от 16.10.2009 № 19[2], к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определённые юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приёму экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии). Сразу отметим, что врач не выдаёт больничный лист, он только выписывает его: вносит в него записи (соответствующие фактическим обстоятельствам либо не соответствующие). Больничный лист выдаёт медучреждение за своей гербовой печатью, и ответственность за выдачу больничного листа несёт руководитель медучреждения, поскольку именно он принимает решение, проставляя гербовую печать медучреждения на больничном листе. Также и работники медико-социальной экспертизы дают всего лишь заключение (возможно, ошибочное либо вообще фиктивное) о наличии у гражданина заболеваний, согласно которым ему может быть назначена инвалидность. Окончательное решение о призна-

[1] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нии человека инвалидом принимает руководитель медико-социальной экспертизы, поскольку справку об инвалидности подписывает именно он и на его подпись проставляется гербовая печать. Соответственно, и ответственность за обоснованность выдачи справки или больничного листа несёт руководитель медучреждения. Также и члены экзаменационной (аттестационной) комиссии только проверяют знания у студентов и выставляют им оценки в ведомости, но не принимают решений о выдаче им дипломов о среднем или высшем образовании.

Следовательно, Пленум[1] не относит медиков, работников учреждения медико-социальной экспертизы, членов государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии к должностным лицам. Почему? Потому что в соответствии с п. 2 ст. 4 поименованного Постановления они не обладают организационно-распорядительными функциями, присущими должностному лицу, поскольку не принимают решений, имеющих юридическое значение и влекущих определённые юридические последствия, а только дают своё частное заключение о состоянии больного, а стало быть, и не являются должностными лицами и, соответственно, не могут нести уголовную ответственность за получение взятки должностным лицом (ст. 290 УК РФ). Действия врачей по выписке больничного листа и внесению в него заведомо ложных сведений должны квалифицироваться по ст. ст. 324–327 УК РФ за изготовление подложных документов, поскольку именно врач выписывает (изготавливает) документ, предоставляющий право не ходить на работу и при этом получить денежную компенсацию из ФСС (Фонда социального страхования) за весь период времени нахождения на больничном. Лица, которые используют такие документы, несут ответственность либо за покушение на преступление, либо за совершение преступления с использованием подложных документов (ст. 327 УК РФ).

Другая ситуация складывается при составлении экзаменационной ведомости и протокола членами аттестационной комиссии и оформлении Заключения сотрудниками медико-социальной экспертизы. Эти документы, хотя и являются официальными, однако по своей природе не предоставляют никаких прав гражданам и не освобождают их от обязанностей. Поэтому их составители не могут нести уголовную ответственность по вышеуказанным статьям УК РФ. Однако их действия, если они связаны с внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, скорее всего, подпадают под ответственность, предусмотренную ст. 292 УК РФ.

В соответствии с п. 8 Постановления ПВС РФ от 17.12.2020 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 324-327.1 УК РФ»[2], подделкой официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, и подделкой паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в ч. 1 и 2 ст. 327 УК РФ соответственно признаются как незаконное изменение отдельных частей такого подлинного официального документа путём подчистки, дописки, замены элементов и др., искажающее его действительное содержание, так и изготовление нового официального документа, содержащего заведомо ложные сведения в том числе с использованием подлинных бланка, печати, штампа. Указанные в ст. 327 УК РФ документы признаются поддельными (в том числе подложными), если установлено наличие в них перечисленных признаков.

---

[1] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 324-327.1 УК РФ [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сотрудники полиции, организуя мероприятия по передаче денежных средств врачам, преподавателям техникумов и вузов через подставных лиц и нарушая п. 3 ст. 6 Закона «О полиции»[1], рискуют быть привлечёнными к ответственности – вплоть до уголовной (ст. 304 УК РФ). При этом подталкивание сотрудниками правоохранительных органов или иными лицами должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, к получению материального вознаграждения или услуг материального характера при отсутствии данных о наличии у последнего стремления в получении указанной выгоды должно расцениваться как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность за получение взятки. Чтобы избежать какой-либо ответственности при изобличении взяточничества сотрудники полиции обязаны проводить оперативно-разыскные мероприятия по задержанию с поличным должностных лиц, имея на то все основания и строго соблюдая требования закона об оперативно-разыскной деятельности и закона «О полиции».

Согласно п. п. 5 и 6 Постановления, как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учёта и контроля за их расходованием).

Издаваемые приказы должностными лицами по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами носят всё тот же организационно-распорядительный характер. По существу полномочия должностных лиц, перечисленных в п. 4 Постановления и обладающих организационно-распорядительными функциями, были дополнены полномочиями должностных лиц, наделённых административно-хозяйственными функциями по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, находящимися на балансе и банковских счетах организаций, учреждений и т. д. Разница между ними заключается в том, что организационно-распорядительные функции предусматривают деятельность должностного лица по управлению персоналом, а административно-хозяйственные функции предусматривают управление и распоряжение имуществом и денежными средствами. Законодательно совершать действия по управлению персоналом, имуществом и денежными средствами разрешено только первым руководителям государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям.

Все остальные сотрудники указанных выше учреждений должностными лицами не являются, поскольку никакими распорядительными полномочиями не обладают до тех пор, пока для исполнения своих обязанностей не получат определённые полномочия от первого руководителя.

Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определённого времени или од-

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нократно, а также могут совмещаться с основной работой. При временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть признано должностным только в период исполнения возложенных на него функций. Для уверенности и более чёткого представления о том, относится ли интересующий нас субъект к должностному лицу или нет, необходимо в обязательном порядке изучить его должностные обязанности и права. Должностная инструкция сама по себе не является достаточным критерием должностного лица, но даёт возможность более подробно разобраться в его обязанностях и правах. Однако сразу замечу, что рассчитывать на помощь должностной инструкции в наше время особенно не приходится. Почти все они составлены формально. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать свою должностную инструкцию.

С учётом вышеизложенного становится очевидным, что все должностные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, должны обладать одним и те же качеством – распорядительными полномочиями.

Для наглядности приведём несколько примеров из практики, обращая внимание на отдельные юридические коллизии, а также наличие или отсутствие в инкриминируемых деяниях признаков состава преступления либо констатацию их отсутствия. П. С. Яни приводит из судебной практики случай, уголовно-правовая оценка которого осложняется именно неясностью категории «выгод имущественного характера» [4, с. 52–56]. Вместе с тем предложение П. С. Яни о квалификации деяния по ст. 290 УК РФ при отсутствии материального вознаграждения ввиду оказания неких «услуг нематериального характера» полностью противоречит нормоположению, что получение должностным лицом различных услуг нематериального характера не может рассматриваться как получение взятки. Вместе с тем что касается суммы взятки, то, по мнению П. С. Яни, существовавшая до принятия ст. 291.2 УК РФ судебная практика не ограничивала минимальный размер предмета взятки какими-либо пределами [5, с. 37–42]. Статья «Мелкое взяточничество» этот критерий определила. Так, с 2005 года был создан юридический прецедент осуждения водителя, пытавшегося давать взятку инспектору ГИБДД. Водитель, достоверно зная, что инспектор является представителем власти, решил передать ему незаконное вознаграждение в одну сотню рублей за несоставление протокола о правонарушении. При передаче денег взяткодатель был задержан. Впоследствии приговором суда взяткодатель обоснованно был признан виновным и приговорён именно за дачу взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Таким образом, знание особенностей квалификации рассмотренных преступлений позволяет разграничивать эти деяния между собой, а также отличать от других посягательств, связанных со служебными полномочиями виновного [6, с. 231]. Особенно важным является уяснение категорий должностных лиц, знание нормативно-правовых актов, регламентирующих правовой статус государственных служащих [7, с. 32–34].

Несомненно, законодательные органы обязаны в связи с этим уделить особое внимание разработке и созданию правовых основ реализации государственной уголовной политики в сфере предупреждения и борьбы с коррупционными проявлениями. Одним из наиболее действенных средств противодействия посягательствам на государственную власть в целом и государственную службу является обеспечение неотвратимости ответственности лиц, виновных в совершении данной группы преступлений. В связи с этим большое значение приобретает знание и умение правильной квалификации составов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. В судебном следствии должны быть исследованы … доказательства, приведённые в обвинительном постановлении, в судебном акте им должна быть дана оценка [8, с. 123].

Защита прав и законных интересов детей, ставших жертвами преступлений, находящихся в социально опасном положении или трудной жизненной ситуации, является одной из приоритетных задач. В практике следственных органов имеются как факты привлечения к уголовной ответственности должностных лиц органов субъектов профилактики, так и факты прекращения и отказа в возбуждении уголовных дел. Это в первую очередь объясняется несовершенством действующего законодательства: отсутствием чёткого разграничения полномочий и ответственности за исполнение конкретных возлагаемых обязанностей органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; отсутствием детально закреплённых обязанностей, механизма их реализации и ответственности конкретных сотрудников органов и учреждений субъектов профилактики.

В частности, за истекшие годы в нашем регионе сложилась неоднозначная практика привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Имелись случаи как осуждения должностных лиц, так и прекращения уголовных дел и принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Так, например, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, и осуждена директор центра социальной помощи семье и детям ХХХ. В ходе расследования было установлено, что сотрудники центра социальной помощи семье и детям Вх-кого района в связи с полученной информацией о пропуске занятий в школе Д. выезжали на дом в многодетную семью Д. с составлением акта обследования жилищно-бытовых условий семьи. При выезде было установлено, что дом отапливается при помощи электрического камина, газовое отопление отключено за неуплату, в доме холодно. О результатах выезда доложено руководителю Центра ХХХ с указанием на необходимость изъятия детей ввиду угрозы их здоровью в связи с тем, что среднесуточная температура воздуха составила ниже -20 С. ХХХ, не имея в соответствии с законодательством полномочий по изъятию детей, обладая такой информацией, не направила её в органы опеки и попечительства для решения вопроса об изъятии детей из семьи и передаче на социальное обеспечение государства. Дальнейшее нахождение 5 малолетних детей в обстановке, представляющей угрозу их жизни и здоровью, в конечном итоге привело к их гибели в результате пожара, произошедшего в доме Д. того же года по причине короткого замыкания электропроводки. Вместе с тем органами предварительного расследования наступление последствий в виде смерти 5 детей в вину ХХХ не вменялось из-за отсутствия причинно-следственной связи между её бездействием и наступившими последствиями. Её действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 293 УК РФ как неисполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, повлёкшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Суд согласился с квалификацией, данной органами следствия, и приговором районного суда Орловской области от хх.хх.хх ХХХ осуждена по ч. 1 ст. 293 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 90 тысяч рублей с лишением права занимать должности в учреждениях социальной защиты и образования сроком на два года.

Следующим примером является уголовное дело, возбуждённое по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ, по факту бездействия членов комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав администрации N-ого района, органа опеки и попечительства при отделе образования администрации района, инспектора по делам несовершеннолетних МО МВД России «ААА», специалистов бюджетного учреждения «Комплексный центр социального обслуживания населения N-ого района», инспектора филиала ФКУ УИИ УФСИН России по Орловской области, повлёкшего совершение преступления ФИО 1 и ФИО 2 в отношении малолетних детей. В ходе предварительного расследования установлено, что в период с 04.06.20хх до 21.01.20хх исполняющий обязанности начальника филиала уголовно-исполнительной инспекции по N-му

району ХХХ должен был осуществлять контроль за соблюдением осуждённой с отсрочкой отбывания наказания ФИО 1 условий отбывания наказания. ФИО 1 была осуждена 29.09.20хх по ч. 1 ст. 157 УК РФ к наказанию в виде обязательных работ сроком на 120 часов с применением отсрочки наказания до достижения 14-летнего возраста её малолетним ребёнком. В соответствии с положениями ст. ст. 177, 178 УИК РФ, ведомственной Инструкцией по организации исполнения наказания и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, ХХХ был обязан не реже одного раза в месяц посещать осуждённую с целью проверки материально-бытовых условий проживания и выявления фактов уклонения от воспитания ребёнка и ухода за ним, информировать органы опеки и попечительства, социальной защиты населения о фактах уклонения осуждённого от воспитания ребёнка. В нарушение указанных требований, достоверно зная, что семья ФИО 1 состоит на учёте в органах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как многодетная и неполная, а ФИО 1 ранее лишена родительских прав и судима за совершение преступлений против интересов несовершеннолетних в отношении других своих детей, не посещал ФИО 1 по месту жительства, не проверял материально-бытовые условия проживания и воспитания детей и ухода за ними, а к личному делу осуждённой приобщал справки, содержащие недостоверные сведения о посещении им ФИО 1. В результате ХХХ не были выявлены факты совершения ФИО 1 в отношении малолетних детей преступления, причинения им физических и психических страданий путём систематического нанесения побоев и иных насильственных действий. Совершение преступления ХХХ не было пресечено, органы опеки и попечительства, социальной защиты населения не проинформированы. Таким образом, ненадлежащее исполнение ХХХ своих обязанностей повлекло совершение ФИО 1 совместно с ФИО 2 преступления в отношении двух малолетних детей, то есть нарушение их прав и законных интересов. Уголовное дело по обвинению ХХХ по ч. 1 ст. 293 УК РФ было направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения, однако возвращено в порядке ст. 221 УПК РФ с указаниями о необходимости квалификации действий ХХХ по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 1 ст. 292 УК РФ, поскольку его действия носили умышленный характер.

Следует отметить, что в качестве основания возвращения уголовного дела для производства дополнительного следствия прокурором также было отмечено, что в обвинении не указаны конкретные обязанности, возложенные на ХХХ в силу закона, нормативно-правового акта, должностной инструкции, ненадлежащее исполнение которых состоит в причинной связи с существенным нарушением прав и законных интересов двух несовершеннолетних детей. При рассмотрении данного уголовного дела суд обоснованно пришёл к выводу о том, что не нашло своего подтверждения обвинение ХХХ в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, поскольку ХХХ ненадлежащее исполнял свои обязанности по контролю за соблюдением осуждённой ФИО 1 условий отсрочки отбывания наказания, что повлекло совершение ею преступления в отношении малолетних детей, и квалифицировал действия ХХХ по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Приговором N-го районного суда Орловской области ХХХ признан виновным по ч. 1 ст. 293, ч. 1 ст. 292 УК РФ и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 10 тысяч рублей с освобождением от наказания в связи с применением акта об амнистии. Вместе с тем озвученные выше пробелы законодательного урегулирования деятельности субъектов профилактики явились причиной прекращения ряда уголовных дел, возбуждённых по ст.293 УК РФ. При этом уголовные дела возбуждались в целях всесторонней проверки и оценки действий (бездействия) сотрудников органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, налицо ряд проблем, возникающих в сфере определения субъекта и иных признаков состава преступления, выражающееся в следующем:

1. Отличительной особенностью таких преступлений является прежде всего то, что они совершаются должностными лицами при осуществлении ими служебной деятельности, в чём и заключается главная проблема их предупреждения и пресечения [9, с. 96].

В соответствии с действующим законодательством РФ не является специальным субъектом преступления лицо, не обладающее функциями должностного лица, перечисленными в приложении к ст. 285 УК РФ. Поэтому в ходе расследования важно устанавливать обязанности должностных лиц, закреплённые как федеральным законодательством, так и ведомственными нормативными актами. При этом необходимо доказать, что лицо знало о своих конкретных обязанностях. В случаях, когда отсутствует нормативно-правовой акт, регулирующий вопрос, отнесённый к исключительному ведению субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления или конкретного ведомства, давать правовую оценку бездействию руководителей органов власти, местного самоуправления или ведомства, а также инициировать издание данных нормативных документов.

Организационно-распорядительные функции должностного лица не могут вытекать лишь на основании имеющихся обязанностей, изложенных в должностной инструкции субъекта, либо со ссылкой на то, что данное лицо осуществляет руководство отдельными сотрудниками подразделения. Оценочным критерием должностного лица не могут выступать и возлагаемые на него обязанности, поскольку полномочия лицу передаются не через обязанности, а путём предоставления определённых прав.

2. Нельзя признавать лицо должностным лицом, наделённым властными полномочиями, лишь на основании того, что он является сотрудником полиции и (или) проходит службу в органах внутренних дел, ссылаясь, например, на ч. 1 и ч. 9 ст. 25 ФЗ РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Вместе с тем в ч. 1 ст. 30 закона «О полиции» указано, что сотрудник полиции может выступать в качестве представителя государственной власти только при условии выполнения обязанностей, предусмотренных ст. 12, реализуя права, предоставленные полиции ст. 13 того же закона. Так, аттестованные сотрудники, например образовательной организации в системе МВД, не являются представителями государственной власти и не обладают властными полномочиями, поскольку участия в охране общественного порядка, выявлении и раскрытии преступлений и в решении других задач, указанных в ст. 12 закона «О полиции», не принимают. Они выполняют совершенно другие обязанности и решают задачи, предусмотренные нормативными документами, регламентирующими деятельность образовательных организаций.

В качестве средства проведения в жизнь законов и подзаконных актов выступает распорядительство, т. е. использование необходимых юридически властных полномочий, заключающихся в предписаниях (включая запреты). Это значит, что одной стороне предоставлен административно-правовыми нормами определённый объём юридически властных полномочий, адресуемых другой стороне. Последняя обязана подчиняться предписаниям (запретам), исходящим от носителя распорядительных прав. Например, вынесение руководителем ОВД (полиции) Постановления о проведении такого гласного оперативно-разыскного мероприятия, как осмотр зданий, сооружений, помещений с одновременным изъятием бухгалтерских документов, либо вынесение Постановления о привлечении к административной ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения; требование сотрудниками полиции от граждан прекращения административного, уголовного правонарушения и т. д. Необходимо помнить, что в соответствии с ч. 3 ст. 30 Закона «О полиции» законные требования сотрудника полиции обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами.

Бытует мнение среди оперативных сотрудников ОВД, что для исполнения возложенных на него обязанностей достаточно предъявления служебного удостоверения. Однако это не так. Задачи, которые стоят перед полицией, возлагаются не на сотрудни-

ков, а на руководителя органа дознания. В соответствии с п. 1 ст. 5 УПК РФ, к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, а также линейные управления (отделы, отделения, пункты) полиции и иные органы исполнительной власти, наделённые в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности. В нашем случае это УМВД по Орловской области и его территориальные подразделения (ОВД). В статье 40 УПК РФ содержится перечень государственных органов и должностных лиц, обладающих статусом органов дознания. Для решения поставленных задач, стоящих перед полицией, законодатель наделяет полномочиями исключительно руководителя органа дознания. Вот почему план ОРМ всегда утверждает руководитель полиции, а руководитель структурного подразделения (УЭБ и ПК, УУР) только его согласовывает.

Для того чтобы действия сотрудников полиции при исполнении ими своих служебных обязанностей с одновременным использованием предоставляемых им прав были легитимными, руководитель органа дознания должен письменно передать сотруднику полиции необходимые для его деятельности полномочия. Передача полномочий происходит путём издания приказа, распоряжения, отдельного постановления, письменного указания, например: проверить поступившее сообщение о преступлении и принять меры в соответствии с нормами УПК РФ. Сотрудники полиции, не получившие таких полномочий либо получившие их в устном порядке от соответствующего руководителя, действуют самостоятельно на свой страх и риск, в нарушение закона и могут быть привлечены к ответственности, например: участие в проведении рейдов без соответствующего письменного указания руководителя полиции. Таким образом, именно руководитель органа дознания, а не руководитель структурного подразделения, передаёт свои полномочия конкретным сотрудникам. Также вынося Постановление о проведении конкретного ОРМ, руководитель обязан указать в нём, кому конкретно он поручает проведение того или иного ОРМ. В противном случае мероприятие может быть проведено неуполномоченным должностным лицом (сотрудником полиции) с вытекающими отсюда для всех негативными последствиями.

В соответствии п. 1 ст. 30 Закона «О полиции» сотрудник полиции, выполняя обязанности (ст. 12 закона), возложенные на полицию, и реализуя права (ст. 13 закона), предоставленные полиции, выступает в качестве представителя государственной власти и находится под защитой государства. То есть сотрудник полиции может быть признан должностным лицом только в том случае, когда исполняет свои обязанности и использует при этом предоставленные ему законом «О полиции» права при условии, что руководитель ОВД передал ему надлежащим образом свои полномочия на проведение тех или иных мероприятий, в том числе и оперативно-разыскных.

3. Также следует иметь в виду, что получение должностным лицом различных услуг нематериального характера не может в соответствии со ст. 290 УК рассматриваться как получение взятки (например, положительный отзыв на работу, рекомендации).

4. По каждому уголовному делу о преступлениях, совершённых в отношении несовершеннолетних, на первоначальном этапе расследования принимать исчерпывающие меры, направленные на проверку деятельности всех субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, круг которых определён Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[1]. Для этого следует изучать законодательство, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие дея-

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельность органов и учреждений, обязанных проводить профилактическую работу с несовершеннолетними, членами их семей и иными лицами. Необходимо всегда добиваться реального устранения выявленных нарушений, остро реагировать на каждый факт непринятия достаточных мер по устранению нарушений закона. В некоторых случаях установлению объективной истины по делу способствует использование как инновационных, так и продемонстрировавших свою эффективность и зарекомендовавших себя с положительной стороны технических средств.

5. Определяющим также является установление наличия прямой и непосредственной причинно-следственной связи между действием (бездействием) должностного лица и наступившими последствиями, которая наличествует лишь в том случае, если надлежащее исполнение должностных обязанностей исключило бы наступление вредных последствий.

Выводы:

1. Общим критерием для должностных лиц является занимаемая конкретная должность и наличие у них управляющих (административных) функций, под которыми понимается деятельность исполнительно-распорядительного характера.

2. Распорядительство является наиболее важным, если не главным критерием (можно сказать «лакмусовой бумажкой»), определяющим само понятие должностного лица.

3. По общему правилу должностными лицами признаются руководители государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений (его структурных подразделений), государственных корпораций, государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также лица, осуществляющие функции представителя власти.

4. Властные функции предполагают совершение должностными лицами юридически значимых действий в отношении лиц и организаций, не находящихся у них в подчинении.

5. Организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции предполагают совершение одним и тем же должностным лицом управленческих и распорядительных действий в отношении своих подчинённых либо в отношении имущества и денежных средств, принадлежащих управляемому им учреждению.

6. Руководители структурных подразделений муниципальных учреждений могут признаваться должностными лицами при наличии у них организационных и распорядительных полномочий одновременно.

7. Не являются должностными лицами преподаватели, заведующие кафедрами (начальники кафедр) высших учебных заведений; врачи, заведующие отделениями поликлиник, больниц; работники учреждения медико-социальной экспертизы, поскольку вышеперечисленные лица не обладают распорядительными полномочиями и не принимают решений, имеющих юридическое значение и влекущих определённые юридические последствия.

8. Перечисленные в п. 4 Постановления[1] лица не могут нести уголовную ответственность за получение взятки или превышение своих должностных полномочий при получении вознаграждения или услуг материального характера, но могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ за подделку документов, либо по ст. 292 УК РФ за внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, либо, в лучшем для них случае, уволены за утрату доверия.

9. Необходимо помнить, что при нарушении сотрудниками полиции п. 3 ст. 6 Закона «О полиции» они могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 304 УК РФ.

---

[1] О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Сотрудники полиции являются должностными лицами (обладают властными полномочиями) только при наличии двух условий: они в своей служебной деятельности одновременно используют и обязанности, и права, предоставляемые им законом «О полиции», и в законном порядке получили полномочия от начальника УМВД, ОВД для проведения конкретных мероприятий.

11. Полномочия на проведение тех или иных мероприятий сотрудникам органов внутренних дел передаёт начальник органа дознания УМВД, ОВД только в письменном виде.

---

1. Уголовное право. Особенная часть: курс лекций / составители Д. К. Амирова [и др.], под редакцией Р.С. Куликова. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2020. 214 с.
2. Вишнякова Н. В., Расщупкина О. Н. Уголовное право России. Особенная часть: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2018. 204 с.
3. Джинджолия Р. С. Российское уголовное право. Особенная часть: учебно-наглядное пособие (схемы). М.: Прометей, 2018. 452 с.
4. Яни П. С. Споры о квалификации взяточничества: позиция Пленума Верховного Суда РФ // Законодательство. 2001. № 6. С. 50–58.
5. Гришин А. В., Гришина М. В. Преступление или гражданско-правовое нарушение? Актуальные вопросы разграничения уголовной и гражданско-правовой ответственности, а также возмещения вреда, причинённого преступлением // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. Орел. 2018. № 1(74). С. 134–137.
6. Яни П. С. Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // Законность. 2018г. № 9. С. 37–42.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 томах. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VII / ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2019. 371 с.
8. Гришин А. В., Гришина М. В. Уголовно-процессуальная политика государства по противодействию преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные проблемы реализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3(76). С. 32–35.
9. Быданцев Н. А., Якубина Ю. П. Дифференцированные формы уголовно-судебных производств как обеспечение реализации принципа справедливости в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 4(97). С. 119–127.

1. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: kurs lekcij / sostaviteli D.K. Amirova [i dr.], pod redakciej R.S. Kulikova. Kazan`: Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2020. 214 c.
2. Vishnyakova N. V., Rasshhupkina O. N. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast`: uchebnoe posobie. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2018. 204 c.
3. Dzhindzholiya R. S. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: uchebno-naglyadnoe posobie (sxemy`). M.: Prometej, 2018. 452 c.
4. Yani P. S. Spory` o kvalifikacii vzyatochnichestva: poziciya Plenuma Verxovnogo Suda RF // Zakonodatel`stvo. 2001. № 6. S. 50–58.
5. Grishin A. V., Grishina M. V. Prestuplenie ili grazhdansko-pravovoe narushenie? Aktual`ny`e voprosy` razgranicheniya ugolovnoj i grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti, a takzhe vozmeshheniya vreda, prichinyonnogo prestupleniem // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 1(74). S. 134–137.

6. Yani P. S. Dostatochnost` dokazatel`stv po delam o vzyatochnichestve // Zakonnost`. 2018g. № 9. S. 37–42.
7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. V 4 tomax. Tom 2. Osobennaya chast`. Razdely` VII-VII / red. V. M. Lebedev. M.: Yurajt, 2019. 371 s.
8. Grishin A. V., Grishina M. V. Ugolovno-processual`naya politika gosudarstva po protivodejstviyu prestupleniyam v sfere predprinimatel`skoj i inoj e`konomicheskoj deyatel`nosti: sovremenny`e problemy` realizacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 3(76). S. 32–35.
9. By`dancev N. A., Yakubina Yu. P. Differencirovanny`e formy` ugolovno-sudebny`x proizvodstv kak obespechenie realizacii principa spravedlivosti v ugolovnom sudoproizvodstve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2023. № 4(97). S. 119–127.

Информация об авторах

Андрей Владимирович Гришин. Профессор кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Ольга Геннадьевна Селютина. Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат экономических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Andrey V. Grishin. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Olga G. Selytina. Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines. Candidate of Economic Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 26.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 30; 343; 343.98

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ И СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК (НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ И СБЫТА ОБЪЕКТОВ ОГРАНИЧЕННОЙ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ)

Земцова Светлана Игоревна
Академия управления МВД России, Москва, Россия

Zemsvetlana@mail.ru

Аннотация. Криминалистические методики можно рассматривать в широком и узком контекстах, а также классифицировать по уровням, количество которых может быть от двух (типичные и особенные) до пяти (частные, видовые, межвидовые, родовые и межродовые). На примере расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности выделяются новые межвидовые и частные методики, в которых нуждается теория и практика. Автором исследуется структура криминалистических методик (в широком смысле) и обосновываются два основных подхода через призму научных школ Р. С. Белкина и В. Е. Корноухова. Отмечается что формирование новой межродовой комплексной методики в рамках рассматриваемого направления возможно при их совмещении путём интеграции отдельных элементов.

Ключевые слова: криминалистическая методика, наркотические средства, огнестрельное оружие, взрывные устройства, специальные технические средства, тактические задачи, информационно-телекоммуникационные технологии, тайники (закладки), незаконный сбыт.

Для цитирования: Земцова С. И. Научные подходы к классификации и структуре криминалистических методик (на примере расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 202–210.

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CLASSIFICATION AND STRUCTURE OF FORENSIC TECHNIQUES (USING THE EXAMPLE OF THE INVESTIGATION OF ILLEGAL ACQUISITION AND THE SALE OF OBJECTS OF LIMITED TURNOVER)

Svetlana Ig. Zemtsova
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Zemsvetlana@mail.ru

Annotation. Forensic techniques can be considered in broad and narrow contexts, as well as classified by levels, the number of which can range from two (typical and special) to five (private, specific, interspecific, generic and intergenerational). Using the example of the investigation of the illegal acquisition and sale of objects of limited turnover, new interspecific and private methods are highlighted, which theory and practice need. The author examines the structure of criminalistic techniques (in a broad sense) and substantiates two main approaches through the "prism" of scientific schools: R. S. Belkin and V. E. Kornoukhov. It is noted that

the formation of a new intergenerational integrated methodology within the framework of the considered area is possible when they are combined, by integrating individual elements.

***Keywords*:** criminalistic techniques, narcotic drugs, firearms, explosive devices, special technical means, tactical tasks, information and telecommunication technologies, hiding places (bookmarks), illegal sale.

For citation: Zemtsova S. I. Scientific approaches to the classification and structure of forensic techniques (on the example of investigating the illegal acquisition and sale of objects of limited turnover) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3(104). P. 202–210.

В теории криминалистики начиная с 60-х годов XX века осуществляется активный процесс разработки новых и систематизации имеющихся методик расследования отдельных видов преступлений. К настоящему времени их насчитывается несколько сотен, а предложений по их классификации и/или дифференциации несколько десятков. Это обусловлено тем, что «свойства и функции элемента взаимоопределены свойствами и функциями системы, т. е. свойства целого не могут быть поняты без знания некоторых свойств элементов, и наоборот» [1, с. 379].

Не претендуя на детальное рассмотрение всех научных подходов, рассмотрим только два основных (внутри которых также имеются соответствующие «разветвления»). Критерием при этом выступает восприятие криминалистической методики в широком или узком смысле.

В первом случае (т. е. широком смысле) все виды методик с учётом современной криминалистической парадигмы можно классифицировать по семи основным критериям: а) уголовно-правовым; б) исключительно криминалистическим; в) уголовно-правовым и отдельным криминалистическим; г) через криминалистическую характеристику; д) посредством следственных ситуаций; е) используя способ совершения преступного деяния; ж) применяя механизм совершения преступления, а также рассматривать как частные по отношению к общей криминалистической методике расследования преступлений как научно обоснованной теоретической модели. Плюсы указанного подхода: универсальность, простота, непротиворечивость. В этом случае методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности (формируемая нами) может и должна быть отнесена к указанному виду (т. е. частным методикам большей степени общности). Аргументы в пользу этого представлены в работе патриарха отечественной криминалистики Р. С. Белкина, который полагал, что «формирование новых частных методик осуществляется по двум направлениям: 1. Совершенствование существующих и разработка новых. …. 2. Создание комплексов частнометодических рекомендаций большей степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступлений…» [2, с. 682].

Во втором случае (т. е. в узком смысле) они могут быть классифицированы по уровням, которых может быть выделено от двух до пяти.

Два уровня. Впервые такой подход был сформулирован И. В. Возгриным (в 1983 году), который полагал что все методики можно разделить на типичные и особенные [3, с. 34]. Эта же идея спустя почти двадцать лет была более детально проработана С. Ю. Косаревым в диссертации на соискание степени доктора юридических наук «Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития» (2005), а также опубликованной в последние годы монографии. Под типичными автор понимал методики, построенные по категориям преступлений, установленных действующим законодательством в соответствии со структурными элементами Особенной части Уголовного кодекса, под особенными – построенные по другим основаниям. При этом в первых (типичных) он выделял шесть парных (симметричных) подразрядов [4, с. 217–218].

Три уровня. Среди его сторонников учёный-криминалист Н. П. Яблоков. Он полагал, что «самый высокий уровень общности методических рекомендаций обычно ориентирован на методику расследования большой группы, хотя и разнородных, преступлений, но объединённых характером и сферой деятельности правонарушителей специфического вида групп…. Более низкий уровень общности методических рекомендаций имеют методики расследования группы однородных преступлений (комплексные методики)… Традиционный уровень общности методических рекомендаций имеют методики расследования преступлений отдельного вида» [5, с. 46].

Разделяет указанную позицию А. Н. Калюжный. Анализируя подход к построению методик через диалектические закономерности общего, особенного и единичного, а также лексико-семантический анализ смысловых значений данных категорий, автор поддерживает высказанные более полувека назад и развитые современными учёными-криминалистами мнения о необходимости классификации методик расследования на общие методики расследования преступлений, видовые и частные [6, с. 32–38].

Четыре уровня. Исследуя данный вопрос через призму методики расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса, С. В. Пахомов полагает, что к первому уровню относится общая методика, в основу построения которой заложены уголовно-правовые признаки преступлений, обусловленные общим криминалистическим признаком, – сферой общественных отношений, основанных на принципах организации и функционирования агропромышленного комплекса. Второй уровень представлен системой комплексных частных криминалистических методик расследования групп и видов преступлений в исследуемой сфере, сформированных по признакам общности: объекта преступного посягательства, условий, места и времени, признаков субъектов преступления и других (например, методика расследования хищений на различных объектах агропромышленного комплекса). Дальнейшее построение системы криминалистических методик характеризуется выделением третьего уровня, предполагающего разработку частных методик расследования преступлений определённого вида. Четвёртый уровень представлен методиками более частного характера, разрабатываемыми с целью конкретизации рекомендаций третьего уровня в части расследования преступлений определённого вида, но конкретизированных за счёт выделения определённого криминалистического признака (например, методика расследования мошенничества, совершённого при реализации химических удобрений) [7, с. 377–382].

Пять уровней. Данная классификация включает: родовые, межродовые, видовые, межвидовые и частные методики и представлена в работах В. Е. Корноухова [8, с. 147], Ю. П. Гармаева и А. Ф. Лубина [9, с. 183–187].

Формируемую нами методику расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности возможно отнести к межродовой. Под ней следует понимать «обусловленные противоречивым отношением исходных ситуаций расследования с промежуточным и основным предметами доказывания две взаимосвязанные системы тактических задач и операций, отражающих закономерности разных поисково-познавательных процессов, направленных на формирование системы доказательств, позволяющих обосновать наличие (отсутствие) основного предмета доказывания» [8, с. 147]. Предметом исследования в рамках данной методики выступают: наркотические средства, психотропные, сильнодействующие и ядовитые, новые потенциально опасные психоактивные вещества; прекурсоры; растения, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их части (содержащие наркотические средства, психотропные вещества либо прекурсоры); огнестрельное оружие, его основные части и боеприпасы; гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие и его основные части, патроны к нему; огнестрельное оружие ограниченного поражения, его основные части и патроны к нему; взрывчатые вещества и взрывные устройства, специальные технические средства, предназначенные для негласного полу-

чения информации, метиловый спирт и метанолсодержащие жидкости, т. е. объекты ограниченной оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ). Незаконное приобретение и сбыт их преимущественно осуществляются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, о чём мы ранее отмечали в одной из публикаций [10, с. 69–75]. При этом следует отметить, что в процессе исследования не были выявлены (за последние три десятилетия) монографические работы, подготовленные в рамках межвидовых методик. Одной из них могла бы выступить: методика расследования незаконного оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Эта потребность подтверждается и стабильно высоким количеством зарегистрированных преступлений. В частности, в 2024 году наблюдался рост числа преступлений, совершённых с применением оружия в Воронежской (+65,9 %, всего 68); Орловской (+147 %, всего 52; Брянской (11,3 %, всего 324), а также Белгородской и Курской областях, что обусловлено близостью к зоне СВО[1]. Увеличилось и количество преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершённых в составе организованной группы или преступного сообщества (26 деяний; к АППГ: +136,4 %)[2].

Об этом же свидетельствуют и многочисленные примеры. В частности, задержания Федеральной службой безопасности Российской Федерации гражданина, осуществлявшего в интересах украинских спецслужб сборку самодельных взрывных устройств и передававшего их через тайники другим агентам для совершения диверсионно-террористических актов в отношении «Дома офицеров» Белгорода; офисов двух энергетических компаний в Брянске в период проведения выборов Президента РФ в марте 2024 года, а также подрыва газораспределительной подстанции в Туле. Указанные факты предотвращены сотрудниками правоохранительных органов. В домовладении изъято готовое к использованию СВУ, массой 4,8 кг на основе аммонала, компоненты для изготовления взрывчатых веществ, большое количество патронов различного калибра, боеприпасы и оружие времён ВОВ, пистолет Макарова[3].

Не менее значимым для правоприменительной практики является и разработка межвидовой методики расследования незаконного производства синтетических наркотических средств (преимущественно мефедрона, N-метилэфедрона, альфа-пиролиддиновалерофенона (альфа-PVP), 4-фторамфетамина, метадона, эфедрона, амфетамина) и их сбыта. Обусловлено это увеличением в 13 раз за последние 15 лет количества фактов наркопроизводства (2010 - 69; 2024 – 944; всего за 15 лет 5022 преступления)[4]. При этом следует отметить, что совершению данных деяний присуще использование организованных форм преступной деятельности.

Так, например, в структуру преступного сообщества «*Hot Opt*»[5], созданного М. Ю. Вербой и функционировавшего в период с сентября 2018 по июль 2022 года, было положено собственное незаконное производство синтетических наркотических средств и их последующий сбыт оптовыми партиями, каждая из которых образовывала

---

[1] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции развития: аналитический обзор: М., ВНИИ МВД России, 2025.

[2] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции развития: аналитический обзор: М., ВНИИ МВД России, 2025.

[3] ФСБ России задержан гражданин России, планировавший теракты в ряде регион РФ [Электронный ресурс]. URL:http://WWW.FSB.RU/FSB/PRESS/MESSAGE/SINGLE.HTM%21ID%3D10440126%40FSBMESSAGE.HTML (дата обращения: 27.04.2025).

[4] Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 01.03.2025).

[5] Обвинительное заключение по уголовному делу №12301170021000092, по обвинению М. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 5 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228.3, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ. Направлено прокурору Владимирской области 6 сентября 2023 года.

особо крупный размер, бесконтактным способом, путём их размещения в тайниках на территории ряда субъектов Российской Федерации, в том числе Владимирской, Московской, Новосибирской и Челябинской областей, а также Республики Молдова. Преступное сообщество (преступная организация) по функциональному принципу поделено на два крупных обособленных структурных подразделения: «Производство» и «Поставщики». Основной преступной целью первого («Производство») являлся незаконный синтез наркотических средств в особо крупном размере. По замыслу М. Ю. Вербы, данное подразделение формировалось из сети самостоятельных структурных звеньев «Лаборатория».

Нуждается правоприменитель и в межвидовых методиках расследования незаконного оборота прекурсоров и их использования для производства наркотических средств; незаконного культивирования наркосодержащих растений и их сбыта; незаконного сбыта наркотических средств и легализации наркодоходов и многих других. Результаты пилотного интервьюирования «фокусной» группы респондентов подтверждают указанное утверждение (95 % респондентов[1] высказались утвердительно о необходимости формирования указанных межвидовых методик). Восполнить этот пробел может и должна формируемая нами методика, являющаяся межродовой. Кроме того, именно она может частично нивелировать отсутствие в научной доктрине видовых методик расследования незаконного приобретения и сбыта: а) метилового спирта (метанола) и метанолсодержащих жидкостей (уголовная ответственность введена Федеральным законом Российской Федерации от 28.04.2023 № 161-ФЗ)[2], б) специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; в) взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Необходимость их разработки также была отмечена в 97 % случаев.

Представленные аргументы убедительно свидетельствуют о том, что классификация методик по пяти уровням (родовые, межродовые, видовые, межвидовые и частные), т. е. по вертикали, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. В частности, «во-первых, раскрывается взаимосвязь между методиками; во-вторых, в вышестоящем ряду (например, родовой методике) отражается то, что присуще роду, а затем в видовой то, что уже присуще виду (особенности), и т. д., следовательно, исключается дублирование, которое стало типичным явлением; в-третьих, обозначаются те методики, которые плохо изучены, что придаёт научным исследованиям целенаправленность; в-четвёртых, обозначается необходимость (или отсутствие таковой) в разработке методики; в-пятых, определяется место той или иной методики в классификационном ряду» [8, с. 170].

Ещё в 1978 году выдающийся учёный-криминалист А. Н. Васильев справедливо отмечал: «Всякая классификация представляет собой упорядочение знаний о каком-либо предмете с тем, чтобы путём распределения его по различным основаниям на виды, подвиды и т. д. определить объём и уровень знаний об этом предмете и найти путь к более глубокому исследованию и познанию, а также более эффективному использованию наших знаний о нём на практике» [11, с. 30].

---

[1] В процессе исследования было осуществлено интервьюирование 75 старших следователей (следователей) следственных подразделений территориальных органов МВД России, проходивших обучение по дополнительной профессиональной образовательной программе повышения квалификации «Противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с применением сети Интернет» на базе Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск) в период с 2021 по 2024 гг., при осуществлении преподавательской деятельности автора данной статьи в должности профессора кафедры криминалистики.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 апреля 2024 г. № 161-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не менее важным представляется и вопрос о структуре криминалистических методик, исследование которого взаимосвязано с ранее рассмотренными подходами к классификации, поскольку в науке существует точка зрения о том, что чем выше уровень методики, тем меньше её прикладное значение (приоритет – исследование теоретических вопросов) Это отражается и на её наполнении. Структура частных криминалистических методик (в широком смысле) может быть представлена в различных вариантах, включающих от пяти-семи элементов до нескольких десятков. Не претендуя на анализ всех научных позиций, выделим два основных подхода (в которых допускаются вариации), а также обоснуем собственный.

Подход в рамках научной школы Р. С. Белкина представлен четырьмя элементами: криминалистической характеристикой; описанием типичных следственных ситуаций и особенностей планирования действий следователя на начальном и последующих этапах расследования; тактикой первоначальных следственных действий и последующих оперативно-разыскных мероприятий; особенностями тактики последующих действий. Он раскрыт в одном из самых известных и востребованных учебников по дисциплине «Криминалистика» [2, с. 687], который подготовил авторский коллектив Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкиным, Ю. Г. Коруховым, Е. Р. Россинской ещё в 1999 году. Именно он (подход) находится в основе построения значительного количества криминалистических методик, в том числе и докторских диссертаций [12; 13; 14], подготовленных в рамках указанной научной школы. Безусловно, такой подход, является устоявшимся, достаточно ясным, основывающимся «на этапности» процесса расследования и максимально востребованным.

В зависимости от механизма совершения преступления, обстановки и иных обстоятельств учёные-криминалисты включают и дополнительные (но не менее важные) элементы в структуру методики, позволяющие более качественно отразить процесс раскрытия и расследования. Например, ими могут быть: особенности возбуждения уголовных дел, а также взаимодействия следователя с сотрудниками оперативно-разыскных органов» [13, с. 14]; информационной основы [15, с. 193]; «использования специальных знаний (познаний) при расследовании преступлений; применения криминалистических учётов; возмещения ущерба; преодоления противодействия процессу расследования» [16, с. 35]; осуществления предупреждения [17, с. 392]; исследования обстоятельств, подлежащих первоначальному и последующему установлению [18, с. 198], и т. д.

Подход в рамках научной школы В. Е Корноухова основывается на гипотезе, что структура методики должна отражать закономерности поисково-познавательных процессов, а поскольку содержание следовых картин по отдельным видам преступлений различается, то в принципе не может быть единой структуры [8, с. 140]. «…Процесс расследования возможно представить как систему задач. Относительная устойчивость этой системы задаётся правовыми и тактическими целями, а динамичность – ситуациями расследования. Все эти свойства затем находят отражение в методиках по расследованию преступлений…» [19, с. 14]. Так, например, в зависимости от вида (методик) такими задачами могут быть: «Предварительная проверка первичных материалов о преступлении при решении вопроса о возбуждении уголовного дела»; «Познание пространственно-временных связей и отношений в процессе расследования преступлений»; «Поиск лица, совершившего преступлении»; «Проверка подозрения», «Нейтрализация противодействия» и другие. Каждый из перечисленных методологических «сценариев» имеет право на существование в современной доктрине криминалистики. Кроме того, полагаем, что в отдельных случаях возможно и необходимо их совмещение, если это обосновано целью и задачами исследования.

В частности, структура межродовой криминалистической методики расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности, формируемая нами, предполагает их комбинацию. То есть включает как традиционные

элементы криминалистической методики, так и отдельные тактические задачи: «Предварительная проверка первичных материалов о преступлении», «Поиск лица, совершившего преступление», «Доказывание виновности (невиновности) обвиняемого»; «Нейтрализация противодействия», «Установление факта совершения нескольких нераскрытых преступлений одним и тем же лицом», отражающие специфику расследования. Плюсы: смещение акцентов с этапов расследования (первоначальный, последующий, заключительный) на рассмотрение процесса формирования доказательственной базы через призму «тактических задач», задающих большую динамичность. Именно они (тактические задачи) выступают промежуточным звеном между совокупностью данных о преступлении (ситуацией расследования) и прогнозируемой целью, определяют «адаптацию типового способа действия к условиям расследования конкретного преступления или разработку эвристического способа познания» [8, с. 97].

Подводя краткий итог, отметим:

– криминалистические методики можно рассматривать в двух контекстах – широком и узком; в последнем случае их классификация возможна по уровням: от двух (типичные и особенные) до пяти (частные, видовые, межвидовые, родовые и межродовые);

– систематизация криминалистических методик, освещающих различные аспекты расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности, позволяет утверждать, что теория и практика остро нуждаются в разработке и применении межвидовых методик (расследования незаконного оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; незаконного производства синтетических наркотических средств и их сбыта; незаконного оборота прекурсоров и их использования для производства наркотических средств; незаконного культивирования наркосодержащих растений и их сбыта; незаконного сбыта наркотических средств и легализации наркодоходов и многих других);

– необходима разработка и новых частных криминалистических методик расследования незаконного приобретения и сбыта: а) метилового спирта (метанола) и метанолсодержащих жидкостей; б) специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; в) взрывчатых веществ и взрывных устройств;

– структура криминалистических методик (в широком смысле) может быть представлена различной совокупностью структурных элементов (в зависимости от научной школы) При этом в необходимых случаях допустимо их совмещение, как в ситуации формирования межродовой комплексной методики расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности.

---

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3т. Т.1 Общая теория криминалистики. М., Юристъ 1997. 408 с.
2. Криминалистика: Учебник для вузов / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. М.: Норма, 1999. 990 с.
3. Возгрин И. А. Криминалистическая методика, Минск, 1983. 215 с.
4. Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений: монография. Юрлитинформ. 2020. 432 с.
5. Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия. 11. Право. 2015. № 5. С. 40–41.
6. Калюжный А. Н. Общая и частная методика расследования преступлений с позиции единичного, особенного и общего в криминалистике // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4(69). С. 32–38.
7. Пахомов С. В. О значении уровневой системы криминалистических методик расследования преступлений (на примере расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса) // Санкт-Петербургский международный

криминалистический форум: материалы междунар. научно-практич. конф. СПб, 2024. С. 377–382.
8. Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы: монография, М., Норма. ИНФРА-М, 2016. 224 с.
9. Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 301 с.
10. Земцова С. И. Методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности как новый инструмент методологического обеспечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. № 1(45). 2025. С. 69–75.
11. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. 71 с.
12. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методологические основы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. 404 с.
13. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. … д-ра юрид. наук: М., 2017. 456 с.
14. Калюжный А.Н. Общая методика расследования преступлений против свободы личности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. 489 с.
15. Волгин Ю. Г. Информационная основа методик расследования отдельных видов преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. № 3(96). 2023. С. 186–193.
16. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81). С. 23–35.
17. Криминалистика: учебник /отв. ред. С. П. Митричева, М. П. Шаламова. М., Юрид. лит. 1963. 544 с.
18. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы: монография. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2022. 288 с.
19. Курс криминалистики. Общая часть /отв. ред. В. Е. Корноухов. М.: Юристъ,2000. 784 с.

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki v 3t. T.1 Obshhaya teoriya kriminalistiki. M., Yurist`` 1997. 408 s.
2. Kriminalistika: Uchebnik dlya vuzov / pod red. zasluzhennogo deyatelya nauki RF, prof. R.S. Belkina. M.: Norma, 1999. 990 s.
3. Vozgrin I. A. Kriminalisticheskaya metodika, Minsk, 1983. 215 s.
4. Kosarev S. Yu. Istoriya i teoriya kriminalisticheskix metodik rassledovaniya prestuplenij: monografiya. Yurlitinform. 2020. 432 s.
5. Yablokov N. P. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij v metodike rassledovaniya i ee vidy` // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 11. Pravo. 2015. № 5. S. 40–41.
6. Kalyuzhny`j A. N. Obshhaya i chastnaya metodika rassledovaniya prestuplenij s pozicii edinichnogo, osobennogo i obshhego v kriminalistike // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2023. № 4(69). S. 32–38.
7. Paxomov S. V. O znachenii urovnevoj sistemy` kriminalisticheskix metodik rassledovaniya prestuplenij (na primere rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x v sfere agropromy`shlennogo kompleksa) // Sankt-Peterburgskij mezhdunarodny`j kriminalisticheskij forum: materialy` mezhdunar. nauchno-praktich. konf. SPb, 2024. S. 377–382.

8. Kornouxov V. E. Metodika rassledovaniya prestuplenij: teoreticheskie osnovy`: monografiya, M., Norma. INFRA-M, 2016. 224 s.
9. Garmaev Yu. P., Lubin A. F. Problemy` sozdaniya kriminalisticheskix metodik rassledovaniya prestuplenij: teoriya i praktika: monografiya. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2006. 301 s.
10. Zemczova S. I. Metodika rassledovaniya nezakonnogo priobreteniya i sby`ta ob``ektov ogranichennoj oborotosposobnosti kak novy`j instrument metodologicheskogo obespecheniya // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. № 1(45). 2025. S. 69–75.
11. Vasil`ev A. N. Problemy` metodiki rassledovaniya otdel`ny`x vidov prestuplenij. M., 1978. 71 s.
12. Gavrilin Yu. V. Rassledovanie prestuplenij, posyagayushhix na informacionnuyu bezopasnost` v sfere e`konomiki: teoreticheskie, organizacionno-takticheskie i metodologicheskie osnovy`: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2009. 404 s.
13. Bessonov A. A. Chastnaya teoriya kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij: dis. … d-ra yurid. nauk: M., 2017. 456 s.
14. Kalyuzhny`j A.N. Obshhaya metodika rassledovaniya prestuplenij protiv svobody` lichnosti: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2022. 489 s.
15. Volgin Yu. G. Informacionnaya osnova metodik rassledovaniya otdel`ny`x vidov prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii named after V.V. Lukyanov. № 3(96). 2023. S. 186–193.
16. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. Sovremennaya doktrina metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya otdel`ny`x vidov prestuplenij // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2(81). S. 23–35.
17. Kriminalistika: uchebnik /otv. red. S. P. Mitricheva, M. P. Shalamova. M., Yurid. lit. 1963. 544 s.
18. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. Kriminalistika: priroda, sistema, metodologicheskie osnovy`: monografiya. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Infra-M, 2022. 288 s.
19. Kurs kriminalistiki. Obshhaya chast` /otv. red. V. E. Kornouxov. M.: Yurist``,2000. 784 s.

Информация об авторе

Светлана Игоревна Земцова. Доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Information about the author

Svetlana Ig. Zemtsova. Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure. Candidate of Law, Associate Professor.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Russia, Krasnoyarsk, Rokossovsky Str., 20.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 20.05.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.01

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ

Исаева Елена Дмитриевна[1], Нечай Сергей Леонидович[2]
[1,2]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

[1]isaevaelena190373@yandex.ru
[2]s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Рост преступлений, совершённых иностранными гражданами и лицами без гражданства, является одной из основных угроз национальной безопасности. Преступления последних лет, в том числе массовые убийства, совершённые мигрантами, служат печальным доказательством актуальности исследуемой темы. В статье рассматривается один из важнейших аспектов работы правоохранительных органов России – особенности расследования преступлений, совершённых иностранцами. Проводится анализ статистических данных – как общих показателей миграции, так и связанных с преступлениями, осуществлёнными иностранными гражданами и лицами без гражданства. Обозначаются особенности некоторых действий при проведении расследования. Исследуется ряд актуальных вопросов, которые необходимо решать при проведении рассматриваемых процессуальных действий.

Ключевые слова: миграция, преступления, совершённые иностранными гражданами, мигранты, расследование, нелегальная миграция, иностранные граждане, преступность, уголовный процесс.

Для цитирования: Исаева Е. Д., Нечай С. Л. Особенности расследования преступлений, совершённых иностранными гражданами // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 211–219.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS

Elena D. Isaeva[1], Sergey L. Nechay[2]
[1,2]Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

[1]isaevaelena190373@yandex.ru
[2]s.l.nechay@gmail.com

Annotation. The increase in crimes committed by foreign citizens and stateless persons appears to be one of the main threats to national security. Crimes of recent years, including mass murders committed by migrants, serve as “sad” evidence of the relevance of the topic under study. The article examines one of the most important aspects of the work of law enforcement agencies in Russia – the specifics of investigating crimes committed by foreigners. An analysis of statistical data is conducted, both on general migration indicators and on crimes committed by foreign citizens and stateless persons. The features of some

actions during the investigation are outlined. A number of topical issues that need to be addressed during the procedural actions under consideration are considered.

Keywords: migration, crimes committed by foreign citizens, migrants, investigation, illegal migration, foreign citizens, crime, criminal proceedings.

For citation: Isaeva E. D., Nechay S. L. Features of investigation of crimes committed by foreign citizens // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 211–219.

В последние годы вопрос миграционной политики в Российской Федерации стоит достаточно остро. Тем не менее на сегодняшний день миграция населения – естественный глобальный процесс, в равной мере характерный для всех государств современного мира, имеющий экономический, политический, социальный и культурный характер. Умеренный и контролируемый миграционный поток влечёт за собой повышение трудоспособности населения, количество воспроизводимых материальных благ при снижении себестоимости на сферу услуг. Так, согласно официальным данным МВД России, по состоянию на 1 января 2025 года в Российской Федерации насчитывалось свыше 6,3 млн граждан иностранных государств (+5,1 %). Доля нелегальной составляющей остаётся невысокой. Так, в «тени» находится порядка 700 тыс. человек (+26,9 %)[1].

Сложившиеся в последние годы миграционные потоки сохраняют свою динамику. В 2024 году в Российскую Федерацию въехало более 9,5 млн иностранных граждан (+4,4 %), выехало за её пределы – 9,3 млн (+13,2 %). Основной фактор, формирующий миграционную ситуацию, – это безвизовый режим со странами СНГ, Грузии и Украины. Их граждане посещают Россию с любой целью практически беспрепятственно. С учётом социально-экономических реалий более половины находящихся в стране иностранных граждан – это граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, прибывшие с целью работы, а также члены их семей.

В 2024 году было поставлено на миграционный учит 15,5 млн чел. Тем не менее сохраняется тренд по снижению численности иностранных граждан, приобрётших гражданство Российской Федерации. В 2024 году снижение составило порядка 45 % (209 тыс. чел.).

Несмотря на все возможные перспективы, при отсутствии контроля за миграционными потоками существенно повышается вероятность образования организованных преступных групп по этническому признаку, нарастают показатели преступности, осложняется криминогенная обстановка [1, с. 103].

Криминальная активность иностранных граждан в 2024 году характеризуется следующими показателями. Количество преступлений, совершённых иностранными гражданами в 2024 году, осталось примерно на уровне 2023 года (38,6 тыс.; -0,9 %). Общее количество преступлений, совершённых иностранными гражданами, составило 38,6 тыс. (-0,9 %), из них тяжких и особо тяжких – 16,5 тыс., или 42,7 % (-2,2 %). Необходимо отметить, что удельный вес преступлений, совершённых незаконными мигрантами (13,7 тыс., +76,2 %), в общем числе расследованных преступлений, совершённых иностранными гражданами, составил 35,5 % (АППГ – 20 %).

Увеличение числа преступлений, совершённых незаконно находящимися иностранными гражданами, может быть обусловлено выполнением ТО МВД России требований решения коллегии МВД России от 24 октября 2023 г., предписывающей ежемесячное проведение проверок достоверности вносимых в документы первичного учёта сведений о подозреваемых и обвиняемых в части установления

[1] Миграционная ситуация [Электронный ресурс]. URL. https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 11.04.2025).

законности (незаконности) пребывания в Российской Федерации иностранных граждан, а также факта и даты приобретения гражданства Российской Федерации.

Нередко преступления коррупционной направленности (дача взятки должностному лицу) совершаются иностранным гражданами с целью уйти от ответственности за совершённое административное правонарушение, которое может негативно повлиять на их дальнейшее пребывание па территории Российской Федерации.

Зачастую по уголовным делам, где преступления совершены мигрантами, имеет место факт незаконного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации на момент совершения преступления (по указанным фактам иностранные граждане нередко уже привлекались к административной ответственности). В 2024 году на 43,1 % увеличилось количество составленных на иностранных граждан административных протоколов (3,4 млн), из которых более 754 тыс. в сфере миграции (+15,7 %). Более 61 % всех административных протоколов на иностранных граждан по миграционным статьям составлено сотрудниками охраны общественного порядка (462 тыс.), сотрудниками подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России – 38,8 % (293 тыс.).

Следовательно, необходимо постоянно осуществлять взаимодействие с правоохранительными и контролирующими органами с целью выявления организаций и должностных лиц, занимающихся деятельностью по организации незаконной миграции.

Следственная практика показывает, что можно выделить и другие типичные следственные ситуации:

– в распоряжении следователя (дознавателя) имеется задокументированный в ходе проверки сообщения о преступлении факт преступления, и лицо, его совершившее, задержано на месте происшествия;

– в распоряжении следователя (дознавателя) имеется задокументированный в ходе проверки сообщения о преступлении факт преступления, известна личность преступника, однако он не задержан;

– в распоряжении следователя (дознавателя) имеется задокументированный в ходе проверки сообщения о преступлении факт преступления, однако личность преступника не установлена.

В отношении указанной категории лиц за совершённые преступления чаще всего избирается мера пресечения в виде заключения под стражу в связи с тем, что они являются гражданами иностранных государств, у них не имеется постоянного источника доходов, постоянного места жительства, регистрации и какого-либо имущества на территории Российской Федерации, их семьи проживают в других государствах. Кроме того, в ряде случаев указанные лица, находясь на территории Российской Федерации, совершили нарушение порядка выезда (въезда) иностранного гражданина в Российскую Федерацию, в связи с чем были привлечены к административной ответственности по ст. 18.8 КоАП РФ «Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации» в виде штрафа и административного выдворения за пределы Российской Федерации[1].

Регулярно проводятся мероприятия по выявлению и расследованию преступлений по различным составам в области миграции [2, с. 110–112]. Следует отметить, что в 2024 году улучшились результаты деятельности по пресечению преступлений, связанных с организацией незаконной миграции и фиктивной постановкой на учёт по месту временного пребывания.

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, в анализируемый период зарегистрировано преступлений, выявленных органами внутренних дел:

– по ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) – 2 490 (АППГ – 1 259, рост в 2 раза), из них по части второй ст. 322.1 УК РФ – 1 309 (АППГ – 506, рост в 2,6 раза);

– по ст. 322.2 УК РФ – 3 733 (АППГ – 3 616, +3,2 %);

– по ст. 322.3 УК РФ – 34 920 (АППГ – 33 842, +3,2 %).

Пресечена деятельность 537 организованных преступных групп (преступных сообществ), специализирующихся на организации незаконной миграции (рост в 5,4 раза).

Планирование расследования должно строиться с учетом минимальных затрат сил и средств, в максимально сжатые сроки при условии своевременного установления лица, совершившего преступление, сбора и исследования необходимых доказательств, принятия соответствующих мер по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и выполнения ряда других мероприятий.

Раскрывая вопрос об особенностях производства следственных действий по делам о преступлениях в области миграции, следует отметить, что не существует определенного набора необходимых следственных действий. Следователь или дознаватель самостоятельно принимают решение об их видах и времени проведения, исходя из обстоятельств и особенностей дела. Однако, изученная следственная практика позволила выделить основные следственные действия, осуществляемые по всем таким делам, и некоторые их особенности:

1. Осмотра места происшествия определяются: местом события преступления, местом, где субъект преступления производил преступные действия либо иные лица производили действия, связанные с таким событием (принятие заявления, его отправка, выдача документов и т. д.); объектами, подлежащими изъятию в ходе осмотра места происшествия; необходимостью подготовки к осмотру в целях максимально оперативных и эффективных действий на месте происшествия, воспрепятствования уничтожению следов преступления и сокрытию лиц, причастных к противоправным деяниям.

2. Осмотра документов являются объекты осмотра, которыми могут являться изъятые у организаторов незаконной миграции паспорта, миграционные кар ты, виды на жительство, визы, разрешения на временное проживание, документы, отражающие сведения о выполняемых мигрантами работах, о выплатах заработной платы, о въездах и выездах транспортных средств, перевозящих продукцию, и т. д.

3. Осмотра предметов определяется целью его проведения и объектами, подлежащими данной процедуре. Осматриваемые предметы могут иметь следы осуществления организации незаконной миграции, а также других преступлений, связанных с незаконной деятельностью.

4. Допрос является важным следственным действием по каждому уголовному делу. Основанием для проведения допроса является получение лицом определенного процессуального статуса (свидетеля, подозреваемого, обвиняемого). В ходе допроса следователь (или дознаватель) изучает личность допрашиваемого, проверяет и оценивает ранее полученные доказательства и, конечно же, получает показания по уголовному делу. Допрашиваемый при проведении допроса имеет возможность объяснить свои действия, сообщить в орган предварительного расследования сведения, в том числе в защиту своих законных интересов, а обвиняемый может дать пояснения по предъявленному ему обвинению. По рассматриваемой категории уголовных дел его

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

особенность заключается в виде допрашиваемых лиц и вопросах, подлежащих выяснению.

5. Такие следственные действия, как обыск и выемка, могут осуществляться по уголовным делам рассматриваемой категории, исходя из конкретной ситуации. Если в ходе проверки сообщения о преступлении были изъяты необходимые документы (паспорта, документы, удостоверяющие личность мигранта, наличие специальности, образования; документы, относящиеся к выдаче паспортов, виз, любые формы регистрации; проездные документы, билеты и т. д.), то проведение обысков и выемок после возбуждения уголовного дела для обнаружения подобных доказательств нецелесообразно. Если же следователь или дознаватель принимают решение о необходимости таких следственных действий, то их особенность состоит в тех объектах, которые содержат сведения, имеющие значение для процесса доказывания и под лежащие изъятию [3, с. 24].

Кроме того, необходимо помнить, что в случае задержания лица, являющегося гражданином или подданным другого государства, необходимо строго соблюдать требования ч. 3 ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ) и п. «b» ст. 36 Венской конвенции «О консульский сношениях» от 24.04.1963[2], в соответствии с которыми необходимо безотлагательно уведомлять об этом консульское учреждение представляемого им государства.

В соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ уведомление должно быть осуществлено в срок не позднее 12 часов с момента задержания. Уведомление о задержании должно быть направлено не позднее указанного срока следователем (иным должностным лицом, проводящим предварительное расследование) в письменном виде в адрес посольства (консульства) государства, гражданином которого является задержанное лицо, в том числе с использованием электронных средств связи (факсимильная связь, электронная почта и т. д.) [4, с. 10]. В уведомлении необходимо указать, когда, кем, по какому уголовному делу, в связи с чем, за какое преступление был задержан иностранный гражданин, а также сведения о личности самого иностранного гражданина. Сведения об адресах (телефонных номерах, официальных сайтах, адресах электронной почты и т. д.) дипломатических и консульских учреждений возможно найти в сети Интернет.

Так как в отношении данной категории лиц ввиду сложности полного и точного установления их личности и иных данных органы предварительного расследования ходатайствуют перед судом об избирании в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу, необходимо строго руководствоваться ст.ст. 97–101 УПК РФ с учётом исключений, указанных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Зачастую указанные лица не имеют официальных документов (либо они отказываются их предоставлять), органы государственной власти также не располагают о них какими-либо сведениями, что осложняет раскрытие совершённых преступлений, снижает результаты оперативно-разыскных мероприятий и является причиной высокой латентности преступлений в данной криминогенной среде [5, с. 119]. Указанные обстоятельства в ряде случаев приводят к направлению прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ уголовного дела для дополнительного расследования, а также возвращению уголовного дела прокурору судом в порядке ст. 237 УПК РФ. В то же время имеют место проблемы, касающиеся сроков исполнения ходатайств о проведении тех или иных следственных и иных процессуальных действий. Следственная практика показывает,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что нередко такие запросы исполняются месяцами, а то и вообще остаются без какого-либо внимания [6, с. 49–52].

Иногда проблемой, препятствующей оперативному получению необходимых следствию доказательств, является длительный срок исполнения компетентными органами иностранных государств данных запросов о правовой помощи (как правило, они исполняются в срок от трёх до шести месяцев). Запрос об оказании правовой помощи – процессуальный документ в системе российского уголовно-процессуального законодательства, статус которого закреплён в главе 53 УПК РФ и международных договорах, где определяется объём, порядок и условия взаимного предоставления правовой помощи между Российской Федерацией и иностранными государствами. При подготовке запроса о правовой помощи следователь должен руководствоваться требованиями международных договоров и ст.ст. 453, 454 УПК РФ.

В ходе расследования уголовных дел с участием иностранных граждан зачастую имеются также проблемы при получении характеризующих материалов в отношении потерпевших иностранных граждан. Данное требование обусловлено позицией надзирающих прокуроров, а также судебных органов о необходимости детального изучения личности не только обвиняемых, но и потерпевших лиц.

Одной из проблем, препятствующей оперативному получению необходимых следствию доказательств, является также длительный срок исполнения компетентными органами иностранных государств запросов о правовой помощи по уголовным делам указанной категория. Как правило, данные запросы исполняются в срок от трёх до шести месяцев.

Проблему получения характеризующего материала в отношении обвиняемых иностранных граждан из компетентных органов иностранных государств необходимо решать путём ориентирования обвиняемого, его родственников, стороны защиты на получение таких характеризующих материалов самостоятельно, с последующим предоставлением данных документов для приобщения к материалам уголовного дела [7]. Также указанные документы возможно получить путём дачи следователем соответствующих поручений органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, которые имеют возможность истребовать их из правоохранительных органов иностранных государств (прежде всего, из стран-участниц СНГ), а также путём взаимодействия с Национальным центральным бюро Интерпола – органом, осуществляющим непосредственное взаимодействие правоохранительных и других государственных органов с полицией зарубежных стран и Генеральным секретариатом Интерпола.

Ещё одной проблемой, возникающей в ходе расследования преступлений с участием иностранных граждан, является то, что в случаях выезда потерпевших (свидетелей) иностранных граждан за пределы Российской Федерации не представляется возможным проведение необходимых процессуальных действий с их участием (допросы, признание потерпевшим, ознакомление с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов, ознакомление с материалами уголовного дела и т. д.).

В таких случаях также возникает необходимость в направлении запроса об оказании правовой помощи в компетентные органы иностранных государств. Однако направление запроса иногда невозможно в случае отсутствия полных анкетных данных о личности указанных лиц, для установления которых требуется проведение следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий [8]. В связи с этим допросы потерпевших (свидетелей), которые являются гражданами иностранного государства, рекомендуется осуществлять незамедлительно и с применением видеозаписи.

Таким образом, вопрос миграционной политики стоит остро не только в государстве в целом, но и у сотрудников правоохранительных органов ввиду сложности расследования уголовных дел в отношении данной категории граждан и проведения следственных действий с их участием.

Однако приведённые актуальные вопросы являются разрешаемыми в зависимости от конкретных сложившихся обстоятельств по делу. Кроме того, необходимо обозначить, что повышению эффективности работы по выявлению и удалению за пределы Российской Федерации иностранных граждан, нарушающих требования российского законодательства, будет способствовать вступление с 5 февраля 2025 года в силу Федеральных законов от 08.08.2024 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»[1] и № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], согласно которым полиция наделена полномочиями по назначению административного выдворения и применению новых форм контроля в сфере миграции, включая ведение реестра контролируемых лиц, а также возможность установления местонахождения незаконно находящихся в России лиц с использованием современных технологических решений (в частности, данных геолокации, средств фото- и видеофиксации). В этой связи нами ожидается существенное снижение преступлений, совершённых иностранными гражданами.

1. Макогон И. В., Токарева Е. В. Особенности криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации // Вестник волгоградской академии МВД России. 2019. № 3(50). С. 102–107.
2. Нечай С. Л. Актуальные вопросы криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконной миграцией // Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 110–112.
3. Особенности предварительного расследования преступлений в области миграции / А. В. Миронова, О. Н. Лаврова. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. 103 с.
4. Гульнара Г. А., Айна И. Г. Характерные особенности расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами или с их участием // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 9–12.
5. Нечай С. Л., Сибилькова А. В. Ведомственные базы данных МВД России как источник информации о преступлениях в сфере миграции // Актуальные вопросы правоохранительной деятельности: проблемы теории, философии права, истории, нормотворчества и правоприменения. Рязань, 2020. С. 119–123.
6. Горач Н. Н., Лаврова О. Н. О некоторых вопросах составляющих правовую основу расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением миграционных правил // Сотрудничество правоохранительных органов государств - участников СНГ в противодействии незаконной миграции: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2022 года. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 49–52.
7. Особенности предварительного расследования преступлений в области миграции / А. В. Миронова, О. Н. Лаврова. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. 74 с.

[1] О внесении изменений в Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Горач Н. Н., Лаврова О. Н. Некоторые проблемы осуществления заочного уголовного преследования подозреваемых (обвиняемых), скрывшихся на территории иностранного государства // Современное состояние правоохранительной деятельности: проблемы организации, функционирования и перспективы развития: Сборник статей по итогам работы межведомственного, межрегионального круглого стола, Руза, 27 ноября 2020 года. Руза, 2021. С. 40–43.

1. Makogon I. V., Tokareva E. V. Osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij, sovershaemy`x inostranny`mi grazhdanami na territorii Rossijskoj Federacii // Vestnik volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 3(50). S. 102–107.
2. Nechaj S. L. Aktual`ny`e voprosy` kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij, svyazanny`x s nezakonnoj migraciej // Kriminalistika: proshloe, nastoyashhee, vzglyad v budushhee: Sbornik nauchny`x trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya, 2020. S. 110–112.
3. Osobennosti predvaritel`nogo rassledovaniya prestuplenij v oblasti migracii / A. V. Mironova, O. N. Lavrova. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2023. 103 s.
4. Gul`nara G. A., Ajna I. G. Xarakterny`e osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershenny`x inostranny`mi grazhdanami ili s ix uchastiem // Kriminologicheskij zhurnal. 2024. № 2. S. 9–12.
5. Nechaj S. L., Sibil`kova A. V. Vedomstvenny`e bazy` danny`x MVD Rossii kak istochnik informacii o prestupleniyax v sfere migracii // Aktual`ny`e voprosy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti: problemy` teorii, filosofii prava, istorii, normotvorchestva i pravoprimeneniya. Ryazan`, 2020. S. 119–123.
6. Gorach N. N., Lavrova O. N. O nekotory`x voprosax sostavlyayushhix pravovuyu osnovu rassledovaniya ugolovny`x del o prestupleniyax, svyazanny`x s narusheniem migracionny`x pravil // Sotrudnichestvo pravooxranitel`ny`x organov gosudarstv - uchastnikov SNG v protivodejstvii nezakonnoj migracii: Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 26 maya 2022 goda. M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2022. S. 49–52.
7. Osobennosti predvaritel`nogo rassledovaniya prestuplenij v oblasti migracii / A. V. Mironova, O. N. Lavrova. M.: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya, 2021. 74 s.
8. Gorach N. N., Lavrova O. N. Nekotory`e problemy` osushhestvleniya zaochnogo ugolovnogo presledovaniya podozrevaemy`x (obvinyaemy`x), skry`vshixsya na territorii inostrannogo gosudarstva // Sovremennoe sostoyanie pravooxranitel`noj deyatel`nosti: problemy` organizacii, funkcionirovaniya i perspektivy` razvitiya: Sbornik statej po itogam raboty` mezhvedomstvennogo, mezhregional`nogo kruglogo stola, Ruza, 27 noyabrya 2020 goda. Ruza, 2021. S. 40–43.

Информация об авторах

Елена Дмитриевна Исаева. Доцент кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Сергей Леонидович Нечай. Профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат исторических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the authors

Elena D. Isaeva. Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminal Law Disciplines. Candidate of Legal Sciences.

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky per., 2a.

Sergey L. Nechay. Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines. Candidate of Historical Sciences.

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky per., 2a.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 28.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 340.985

ПРОГРАММЫ РАЗРЕШЕНИЯ ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИЕЙ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ СТАЦИОНАРЫ

Калюжный Александр Николаевич[1], Чаплыгина Виктория Николаевна[2]
[1]Академия ФСО России, Орёл, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]kaluzniy-a-n@yandex.ru
[2]victory-75@yandex.ru

Аннотация. В статье аргументируется высокая латентность посягательств, связанных с незаконным помещением лиц в психиатрические стационары; актуализируются проблемы субъектов расследования на предварительном этапе расследования указанных посягательств; отмечается значение алгоритмизации расследования; выделяются и характеризуются типичные следственные ситуации предварительного этапа расследования анализируемых преступлений; обосновываются программы их разрешения.

Ключевые слова: свобода личности, психиатрический стационар, незаконная госпитализация, следственные ситуации, программы расследования.

Для цитирования: Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Программы разрешения типичных следственных ситуаций предварительного этапа расследования преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в психиатрические стационары // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 220–227.

PROGRAMS FOR RESOLVING TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AT THE PRELIMINARY STAGE OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL HOSPITALIZATION IN PSYCHIATRIC HOSPITALS

Alexander N. Kalyuzhny[1], Victoria N. Chaplygina[2]
[1]Academy of Federal Security Service of Russia, Orel, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]kaluzniy-a-n@yandex.ru
[2]victory-75@yandex.ru

Annotation. The article argues for the high latency of attacks related to the illegal placement of individuals in psychiatric hospitals; emphasizes the problems of the subjects of investigation at the preliminary stage of the investigation of these attacks; notes the importance of algorithmization of the investigation; identifies and characterizes typical investigative situations of the preliminary stage of the investigation of the analyzed crimes, substantiates programs for their resolution.

Keywords: personal freedom, psychiatric hospital, illegal hospitalization, investigative situations, investigative programs.

For citation: Kalyuzhny A. N., Chaplygina V. N. Programs for resolving typical investigative situations at the preliminary stage of investigation of crimes related to illegal hospitalization in psychiatric hospitals // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 220–227.

Одним из наиболее перспективных направлений в расследовании преступлений выступает ситуационный подход, позволяющий весь процесс расследования условно разделить на отдельные этапы, для каждого из которых характерны свои типичные следственные ситуации. Для следователя, оказавшегося в проблемной ситуации, обусловленной нехваткой исходной информации, важным является знание типичных следственных ситуаций, присущих процессу расследования конкретных преступлений, и умение использовать программы их разрешения. Программы действий следователя по разрешению типичных следственных ситуаций выступают наиболее эффективными средствами, позволяющими с наименьшей степенью неопределённости реализовать алгоритмы следственных, процессуальных, оперативно-разыскных и иных действий, направленных на решение задач конкретного этапа расследования и уголовного судопроизводства в целом.

Высокая латентность преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в психиатрические стационары, как и иных ятрогенных преступлений, корпоративная солидарность медицинских работников [1, с. 3–4], сложность их привлечения к уголовной ответственности за непрофессиональное, преступное выполнение своих должностных обязанностей, а также подверженность потерпевших психиатрическим расстройствам обусловливают необходимость разработки научно обоснованных криминалистических рекомендаций, содержащих программы разрешения типичных следственных ситуаций, присущих исследуемым преступлениям [2, с. 25] .

Не останавливаясь на проблемах сущностного наполнения дефиниции «следственная ситуация», факторах, влияющих на их формирование, а также на подходах к их классификации [3, с. 70; 4, с. 90; 5, с. 39 и др.], отметим, что изучение следственной практики по расследованию преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в психиатрические стационары, позволило утверждать о наличии наибольших затруднений у следственных работников на предварительном этапе расследования указанных преступных деяний. Проблемы субъектов расследования на данном этапе обусловлены решаемыми задачами: оперативностью выявления и неотложностью получения информации, указывающей на наличие или отсутствие признаков посягательств, что детерминирует необходимость реализации чётких алгоритмов процессуальных и иных действий, позволяющих принять законное решение в предусмотренные законом сроки.

Наиболее распространённой является ситуация, при которой *в правоохранительные органы обратились родственники потерпевшего, заявив о незаконной госпитализации лица*. Данная ситуация возможна в случаях утраты постоянной связи родственников с потерпевшим, проживании родных и близких жертвы в других субъектах страны или за рубежом. Как правило, данный факт становится известным родственникам и близким жертвы спустя значительное время с момента совершения преступления. В указанный период времени преступники реализуют свои корыстные замыслы. Несмотря на существенные временные периоды, прошедшие с момента совершения преступления, факты завуалированной преступной деятельности находят отражение в различной документации: медицинской, банковской, нотариальной, хозяйственной и т. п. Именно на работу с данными документами и должна быть ориентирована деятельность следователя [6, с. 38], в ходе которой последний выдвигает версии, подле-

жащие последующей проверке и разрешению, планирует комплекс следующих наиболее оптимальных неотложных следственных и иных действий:

а) характеризующих деятельность родственников и близких жертвы, изобличающих мотивы совершения преступления, устанавливающих круг лиц, причастных к реализации преступной деятельности [7, с. 212]. Изучают свойства личности родственников потерпевшего; лиц, контактирующих наиболее близко в последнее время с ним. Выясняют их имущественное положение, факты приобретения имущества потерпевшего кем-либо из родственников или близких жертвы, факты проживания отдельных лиц совместно с потерпевшим;

б) изобличающих преступные действия виновных. Рассматриваемый комплекс действий имеет целью получение сведений, составляющих данные из двух блоков: направленные на распоряжение имуществом потерпевшего, приобретение иных благ от незаконной госпитализации лица; непосредственно направленные на совершение преступления – помещение жертвы в психиатрический стационар.

Выясняют данные об имуществе потерпевшего (квартира, дом, машина, денежные средства, находившиеся на счетах в банке и др.). Родственники, являясь наследниками на имущество, склонны конфликтовать в распределении имеющегося имущества, порождая споры о праве его наследования [8, с. 186]. В случаях оформления опеки или попечительства над жертвой со стороны отдельного физического лица или общественной организацией заключают договоры, составляют завещания, оформляют иные документы, позволяющие перейти праву пользования и распоряжения указанным имуществом конкретным лицам или организации. Действия субъектов расследования направлены на установление фактов принуждения преступниками потерпевшего подписать документы, свидетельствующие о переходе права собственности на имущество, совершении с ним сделок и др. [9, с. 61]. Устанавливают, какое имущество жертвы преступниками реализовано, переоформлено, а денежные средства обналичены, при её нахождении в психиатрическом стационаре.

Вторая составляющая данного направления деятельности следователя представлена информацией о факте незаконной госпитализации в психиатрический стационар, включающей комплекс мер, направленных на установление: наличия у жертвы психического расстройства, её нахождения на учёте в наркологическом или психоневрологическом диспансерах, ранее назначенных и пройденных курсах лечения имеющихся психических расстройств, ранее имевшихся фактах помещения в психиатрический стационар. Данная деятельность будет неполной без выяснения инициатора проведения осмотра пациента врачом-психиатром, особенностях поведения лица во временной промежуток до госпитализации в психиатрический стационар, круга общения потерпевшего в последний период времени;

в) устанавливающих круг родственников потерпевшего, соседей по месту проживания жертвы, представителей органов опеки и попечительства, иных лиц, ухаживающих за пациентом. В ходе их допросов выявляют субъектов, недружественно относящихся к жертве, желающих её изоляции, определяют мотивы совершенного посягательства, лиц, общавшихся с потерпевшим в последнее время. К исследуемой группе действий будут относиться и мероприятия, направленные на выяснение медицинского персонала (врачей диспансеров, психиатрического стационара), у которых потерпевший наблюдался, к которым обращались за консультациями родственники или иные, заинтересованные в незаконной госпитализации лица.

Вторая ситуация. В правоохранительные органы с сообщением о совершённом преступлении обратился потерпевший. Как правило, данная ситуация становится возможной уже после совершения незаконной госпитализации лица, нахождения его на принудительном лечении в психиатрическом стационаре и его освобождения. Возмож-

ны и ситуации, когда жертва заявляет о своей незаконной госпитализации намного раньше: при рассмотрении судом ходатайства о принудительной госпитализации лица в психиатрический стационар. Однако такие заявления суд не воспринимает всерьёз, поскольку судье предоставлен комплект документов, указывающих на необходимость такой госпитализации. Особенностями данной ситуации может являться то, что потерпевший не просто обращается с заявлением о совершении в отношении его незаконной госпитализации в психиатрический стационар, но и указывает, что в ходе его изоляции был совершён ряд сделок имущественного характера, осуществлены переводы (обналичивания) денежных средств, имевшихся у него на счетах, и др.

Комплекс действий субъектов расследования должен быть направлен на допрос потерпевшего; выемку медицинской документации о наличии или отсутствии у жертвы психического расстройства; выемку и осмотры банковской и иной документации, свидетельствующей о движении денежных средств со счетов потерпевшего, заключении сделок купли-продажи его имущества; допрос лиц, входящих в комиссию врачей-психиатров, участвующих в осмотре пациента; допросы иных медицинских работников, задействованных и причастных к процедуре госпитализации.

Проводят совокупность следующих наиболее оптимальных неотложных следственных и иных действий:

а) указывающих на местонахождение медицинского учреждения, время помещения лица в психиатрический стационар и срок его нахождения в нём. Устанавливают факт нахождения лица на диспансерном учёте в психоневрологическом или наркологическом диспансерах, прохождения им ранее лечения амбулаторного или стационарного и местонахождение таких учреждений [10, с. 129]. Выясняют социальный статус заявителя, наличие у него родственников, близких людей, а также материальное положение жертвы, в том числе и до произошедших с ним преступных событий;

б) характеризующих непосредственного исполнителя преступного деяния. Выясняют анкетные данные врача-психиатра, проводившего осмотр и оформлявшего документацию на госпитализацию. Устанавливают лиц, которые стали свидетелями помещения потерпевшего в психиатрический стационар. Изымают медицинскую документацию [11, с. 81], оформленную на жертву из психиатрического стационара, а также должностные инструкции врача-психиатра, проводившего госпитализацию лица;

в) изобличающих соисполнителей преступного деяния. Поскольку у врача-психиатра вряд ли самостоятельно сформировался корыстный умысел на незаконную госпитализацию лица, не нуждающегося в принудительном стационарном лечении, устанавливают иных (кроме врача-психиатра) лиц: родственников, близких, представителей органов опеки, попечительства, работников организаций, оказывающих социальные услуги. Выясняют преступную связь соисполнителей преступного деяния с врачом-психиатром, получая информацию о соединениях абонентов, ММС- и СМС-сообщениях, направляемых ими друг другу;

г) устанавливающих свидетелей преступных действий. Исходя из того, что анализируемые посягательства обладают высокой степенью латентности, лица, вовлечённые в преступную деятельность, не воспринимают их как преступные [12, с. 159], не догадываются о противоправных намерениях виновных, однако обладают криминалистически значимой информацией, получаемой путём производства допросов. Фиксируют показания работников социальных служб, регистрирующих, оформляющих различные сделки и операции с недвижимостью, денежными средствами, банковских работников, нотариусов и других служащих;

д) фиксирующих преступные результаты незаконной госпитализации лица. Устанавливают сведения о фактах получения преступниками материальной или иной выгоды, связанной с помещением потерпевшего в психиатрический стационар, получением врачом-психиатром взятки за совершение незаконных действий. Доказывают факты распоряжения имуществом, денежные средствами потерпевшего, подписания им

генеральных доверенностей на право продажи движимого и недвижимого имущества, совершения таких сделок в период госпитализации жертвы.

Так, Н., являясь должностным лицом – заведующим отделением клинической психиатрической больницы – вступил в преступный сговор с К.А. в целях незаконного помещения в психиатрическую больницу потерпевшего К. Затем К.А., являясь сыном К., договорился с Н. о недобровольной госпитализации К. на стационарное лечение в больницу сроком на шесть месяцев. За предлагаемые и оказываемые услуги заведующий отделением психиатрической больницы потребовал денежные средства в сумме 60 тыс. рублей[1]. Указанный пример наглядно свидетельствует о том, что дача и получение взятки являются сопутствующими преступлениями, предопределяющими последующее совершение анализируемого нами преступного посягательства – незаконной госпитализации в психиатрический стационар.

Третья ситуация. О совершении незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, стало известно по результатам проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Данная ситуация наиболее часто возможна в том случае, когда преступники обращаются с просьбой о незаконной госпитализации лица к медицинскому персоналу, предлагая за оказанные услуги денежное вознаграждение (взятку) [13, с. 117]. В последующем медицинские работники ставят в известность о данном факте сотрудников правоохранительных органов, которые для документирования преступной деятельности, проводят оперативно-разыскные мероприятия. Исследуемая ситуация для правоохранительных органов является благоприятной, поскольку факт преступления ещё не произошёл, к нему возможно подготовиться, создать искусственные условия преступления и задержать преступников с поличным.

Источниками доказательственной информации будут являться легализованные и переданные следственным подразделениям СК России результаты оперативно-разыскных мероприятий. Изученная нами практика деятельности оперативно-разыскных подразделений свидетельствует о возможности использования их результатов путём трансформации посредством проведения следственных действий: допросов участников проведённых мероприятий, назначения судебных экспертиз, осмотров изъятых вещей, предметов, документов и т. п. [14, с. 41].

Субъекты расследования проводят комплекс оперативно-разыскных мероприятий и наиболее оптимальных неотложных следственных действий:

а) устанавливающих особенности обращения преступников к медицинскому работнику. Допрашивают лицо, к которому преступники обратились с предложением поместить потерпевшего за вознаграждение в психиатрический стационар. Устанавливают подстрекателей к совершению преступных действий, приметы данного лица, его признаки внешности. Выясняют, какие договорённости были достигнуты между врачом и преступниками, в том случае, если врач отказал виновным, планируют мероприятия по моделированию ситуации содействия совершению преступления (оперативный эксперимент);

б) характеризующих преступников исследуемых деяний. Устанавливают личность преступников, выясняют, в каких отношениях преступники находятся с планируемой жертвой, степень их родства, заинтересованность в совершении преступного посягательства. Определяют конечные цели совершения незаконной госпитализации в психиатрический стационар, круг соучастников преступной деятельности. В том случае, если источник информации (медицинский работник, сотрудничающий с сотрудниками оперативного подразделения) не обладает полномочиями по госпитализации лиц, проводят комплекс оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление врача-психиатра, к которому обратились виновные. Выясняют, какие подготови-

[1] Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска // Уголовное дело № 1-251/2014.

тельные мероприятия для совершения преступления были выполнены преступниками (фальсификация истории болезни, диагноза жертвы, фиктивная постановка на учёт потерпевшего, приобретение медицинских препаратов, провоцирующих психическое состояние пациента и т. п. [15, с. 16]);

в) характеризующих личность потерпевшего, его социальный, материальный, физиологический и психологический статус. Устанавливают, состоит ли жертва на диспансерном учёте, страдает ли она психическими расстройствами, находилась ли ранее на амбулаторном или стационарном лечении, злоупотребляет ли спиртными напитками. Выясняют, каким движимым и недвижимым имуществом обладает потерпевший, имеются ли у него суммы денежных средств на счетах в банках, собирается ли он совершать какие-либо операции с денежными средствами или имуществом;

г) изобличающих преступные намерения виновных и отражающих факт задержания преступников с поличным. Разрабатывают оперативно-тактическую комбинацию, основой которой является производство оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент». Объективность и всесторонность обеспечения информации о событии преступления также реализуется посредством проведения ряда оперативно-разыскных мероприятий, среди которых, кроме оперативного эксперимента, наведение справок, наблюдение, обследование помещение, зданий и сооружений, прослушивание телефонных переговоров и другие.

Подводя итоги изложенному, отметим, что приведённые нами следственные ситуации не являются исчерпывающими и могут быть дополнены в зависимости от объективно складывающейся обстановки по конкретному уголовному делу. Исследование следственных ситуаций имеет высокое теоретическое и практическое значение, позволяя правильно организовать расследование, [16, с. 562], выявить круг подозреваемых, определить направления расследования, сформулировать типичные версии и разработать программы разрешения анализируемых ситуаций. В то же время неправильная оценка типичных следственных ситуаций, складывающихся в ходе расследования преступлений, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, может негативно сказаться на качестве и результатах расследования.

1. Тузлукова М. В. Использование специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2017. 182 с.
2. Малышева Ю. Ю. «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений // Судья. 2020. № 2(110). С. 23–27.
3. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. 340 с.
4. Гавло В. К. О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики, методики расследования. М., 1973.
5. Иващенко М. А. Следственные ситуации и их значение для методики расследования преступлений // Российская юстиция. 2020. № 11.
6. Чередниченко О. В. К вопросу о законодательном регулировании выемки у нотариуса // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире: Сборник статей международной научно-практической заочной конференции, Минск, 10–15 декабря 2016 года / Международный университет «МИТСО». Том Выпуск четвертый. Минск: ПДУП «Типография Федерации профсоюзов Беларуси», 2016. С. 38–39.
7. Мисник И. В. Неопределенность процессуального статуса родственников, умерших во время уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 218–213.
8. Филатов А. Ю. Проблемы, развивающие при наследовании по закону // Инновации и инвестиции. 2015. № 7. С. 186–189.

9. Бондаренко Ю. А. Особенности расследования мошенничества, совершенного с использованием электронной подписи // Социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 60–63.
10. Шилова О. В., Френкель Е. В. Клинико-демографическая характеристика пациентов диспансерной группы наблюдения психиатрического профиля // Проблемы здоровья и экологии. 2013. № 4 (38). С. 128–133.
11. Иванова В. Г. Теория и практика расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: монография. М., 2017. 206 с.
12. Гаджиева А. А., Караева З. Ш. Латентность преступлений в сфере оказания медицинских услуг // Вестник алтайской академии экономики и права. 2019. № 4-1. С. 157–162.
13. Трифонова Т. Л. Взяточничество в медицине: причины и условия // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2012. № 14А. С. 116–120.
14. Козловский П. В. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве оснований для производства следственных действий // Российский следователь. 2019. № 10.
15. Погодина Т. Г., Соболева М. В. К вопросу о фальсификации медицинских документов // Актуальные проблемы управления здоровьем населения: сбор. науч. труд. II Всерос. науч.-практ. конф. Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России. 2019. С. 14–19.
16. Шмонин А. В., Земскова Е. Н. Формирование криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (монография). М.: Юстицинформ, 2021. 686 с.

1. Tuzlukova M. V. Ispol`zovanie special`ny`x znanij pri rassledovanii yatrogenny`x prestuplenij: dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan`. 2017. 182 s.
2. Maly`sheva Yu. Yu. Neotlozhny`e aspekty` yatrogenny`x prestuplenij // Sud`ya. 2020. № 2(110). S. 23–27.
3. Belkin R. S. Kurs sovetskoj kriminalistiki. M., 1979. T. 3. 340 s.
4. Gavlo V. K. O sledstvennoj situacii i metodike rassledovaniya xishhenij, sovershaemy`x s uchastiem dolzhnostny`x licz // Voprosy` kriminalisticheskoj metodologii, taktiki, metodiki rassledovaniya. M., 1973.
5. Ivashhenko M. A. Sledstvenny`e situacii i ix znachenie dlya metodiki rassledovaniya prestuplenij // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 11.
6. Cherednichenko O. V. K voprosu o zakonodatel`nom regulirovanii vy`emki u notariusa // Obshhestvo, pravo, lichnost`: voprosy` vzaimodejstviya v sovremennom mire : Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj zaochnoj konferencii, Minsk, 10–15 dekabrya 2016 goda / Mezhdunarodny`j universitet MITSO. Tom Vy`pusk chetverty`j. Minsk: PDUP Tipografiya Federacii profsoyuzov Belarusi, 2016. S. 38–39.
7. Misnik I. V. Neopredelennost` processual`nogo statusa rodstvennikov, umershix vo vremya ugolovnogo sudoproizvodstva // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 3(15). S. 218–213.
8. Filatov A. Yu. Problemy`, razvivayushhie pri nasledovanii po zakonu // Innova-cii i investicii. 2015. № 7. S. 186–189.
9. Bondarenko Yu. A. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva, sovershennogo s ispol`zovaniem e`lektronnoj podpisi // Social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2020. № 3. S. 60–63.
10. Shilova O. V., Frenkel` E. V. Kliniko-demograficheskaya xarakteristika paci-entov dispansernoj gruppy` nablyudeniya psixiatricheskogo profilya // Problemy` zdo-rov`ya i e`kologii. 2013. № 4 (38). S. 128–133.
11. Ivanova V. G. Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij, sovershenny`x medicinskimi rabotnikami v processe professional`noj deyatel`nosti: monografiya. M., 2017. 206 s.

12. Gadzhieva A. A., Karaeva Z. Sh. Latentnost` prestuplenij v sfere okazaniya medicinskix uslug // Vestnik altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2019. № 4-1. S. 157–162.
13. Trifonova T. L. Vzyatochnichestvo v medicine: prichiny` i usloviya // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2012. № 14A. S. 116–120.
14. Kozlovskij P. V. Ispol`zovanie rezul`tatov operativno-razy`sknoj deyatel`no-sti v kachestve osnovanij dlya proizvodstva sledstvenny`x dejstvij // Rossijskij sle-dovatel`. 2019. № 10.
15. Pogodina T. G., Soboleva M. V. K voprosu o fal`sifikacii medicinskix doku-mentov // Aktual`ny`e problemy` upravleniya zdorov`em naseleniya: sbor. nauch. trud. II Vseros. nauch.-prakt. konf. Privolzhskij issledovatel`skij medicinskij universitet Minzdrava Rossii. 2019. S. 14–19.
16. Shmonin A. V., Zemskova E. N. Formirovanie kriminalisticheskix znanij o rassledovanii prestuplenij v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd (monografiya). M.: Yusticinform, 2021. 686 s.

Информация об авторах

Александр Николаевич Калюжный. Сотрудник Академии ФСО России, доктор юридических наук, доцент.
Академия ФСО России.
302015, Россия, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35.

Виктория Николаевна Чаплыгина. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Alexander N. Kalyuzhny. Employee of the Academy of the Federal Security Service of Russia. Doctor of Law, Associate Professor.
Fellow of the Academy of Federal Security Service of Russia.
302015, Russia, Orel, Priborostroitelnaya Str., 35.

Victoriya N. Chaplygima. Head of the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs Bodies. Candidate of Legal sciences, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str, 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 15.07.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.2

ОТ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ К ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Килимбаев Роман Валерьевич
Академия ФСИН России**,** Россия, Рязань

Romankilimbaev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в свете современных потребностей государства и общества. На основе значимости освоения северных и иных удалённых территорий в условиях усиления геополитической конкуренции автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода при решении данных задач, указывая на правовое обеспечение как важную составляющую. Взяв за основу успешность норм об освобождении от ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы, автор обосновывает предложение по созданию указанным институтам гражданской альтернативы. Её содержание заключается в возможности совершившим преступление лицам доказать своё исправление государству и обществу трудом в отдалённых и труднодоступных местностях. Для этих целей автором разработаны предложения по освобождению от ответственности и наказания в связи с участием в работах по освоению и развитию отдалённых и труднодоступных регионов.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от уголовного наказания, отдалённые и труднодоступные местности, уголовная политика, уголовное законодательство, судимость.

Для цитирования: Килимбаев Р. В. От задач современной геополитики к предложениям по совершенствованию уголовного законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 228–235.

FROM CONTEMPORARY GEOPOLITICAL ISSUES TO SUGGESTIONS FOR IMPROVING CRIMINAL LAW

Roman V. Kilimbaev
Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russia

Romankilimbaev@yandex.ru

Annotation. The article examines the improvement of institutions for exemption from criminal liability and punishment in light of contemporary state and societal needs. Taking into account the strategic importance of developing northern and other remote territories amid growing geopolitical competition, the author concludes that a comprehensive approach is necessary to address these challenges, emphasizing legal safeguards as a key component. Building upon the effectiveness of existing provisions for exemption from liability and punishment in connection with military service, the author proposes the creation of a civilian alternative to these institutions. This alternative would allow offenders to demonstrate rehabilitation to the state and society through labor in remote and hard-to-reach areas. To this end, the author develops specific proposals for exemption from criminal liability and

punishment tied to participation in the development and advancement of distant and inaccessible regions.

Keywords: waiver of criminal liability, remission of criminal punishment, remote and inaccessible territories, criminal justice policy, penal legislation, prior conviction.

For citation: Kilimbaev R. V. From contemporary geopolitical issues to suggestions for improving criminal law // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 228–235.

Тенденции современной мировой геополитики формируют новые вызовы и задачи перед различными государствами во всём мире. В этих условиях наблюдается нарастание стратегической конкуренции, проявляющейся, в частности, в ускоренном освоении и развитии удалённых и малонаселённых мест и регионов. Так, например, привлекает всё больше и больше внимания политика современной администрации Соединённых Штатов Америки по вопросам, связанным с островом Гренландия и окружающими регионами[1]. Такая инициатива настраивает на новый уровень задач и приоритетов по развитию российских северных регионов и местностей.

В этом контексте наше государство занимает особое положение на международной политической арене. Являясь крупнейшей северной державой, Российская Федерация имеет в своём составе обширные территории к северу от Полярного круга, освоение и развитие которых представляет крайне важное стратегическое, экономическое, торговое, логистическое и иное значение. Таким образом, современные вызовы и усиление международной конкуренции в Арктике требуют от России активного и комплексного подхода к развитию этих регионов, включая укрепление инфраструктуры, расширение торговых возможностей и обеспечение национальной безопасности.

Президент России Владимир Путин, выступая на пленарном заседании шестого международного форума «Арктика – территория диалога», отметил, что «Россия – это крупнейшая Арктическая держава. Мы выступали и выступаем сегодня за равноправное сотрудничество в регионе, включая научные исследования, вопросы климата, реагирование на чрезвычайные ситуации и, конечно, экономическое, промышленное освоение Арктики». Среди прочего Президент отметил, что роль и значение Арктики для России и всего мира растут, растёт и геополитическая борьба в регионе[2].

Принимая во внимание слова Президента, отметим, что для решения данной глобальной стратегической задачи необходимо сосредоточить весьма широкий спектр ресурсов государства и общества, немалую роль в котором играют вопросы правового обеспечения. В этой связи уголовное законодательство, в котором в последнее время было реализовано немало значимых решений, также не является исключением. Стоит привести в пример нормы ст. 78.1. и ст. 80.2. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) об освобождении от уголовной ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы, введённые Федеральным законом от 23 марта 2024 № 64 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Значимость и успешность данных норм сложно переоценить, поскольку они решают сразу несколько существенных задач, начиная от комплектования Вооружённых Сил Российской Федерации и заканчивая возвращением лица, совершившего преступление и доказавшего своё исправление, в общество. Не останавливаясь на подробном разборе успешности данных новых

[1] Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/05/04/tramp-dopustil-ispolzovanie-armii-dlia-zahvata-grenlandii.html?ysclid=mbhp28bzhe288115027 (дата обращения: 13.05.2025); РИА новости – URL: https://ria.ru/amp/20250513/grenlandiya-2016598600.html (дата обращения: 13.05.2025).

[2] Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76554 (дата обращения: 02.04.2025).

институтов, отметим лишь, что такое решение законодателя стоит развивать и дальше. В этой связи приведём мнение С. С. Кузьмина. Анализируя данные нормы ещё в Федеральном законе от 25.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», автор справедливо отмечал, что концепцию данных норм, необходимо обобщить и поставить вопрос о возможности распространения на другие масштабные задачи [1, с. 69].

Возвращаясь к задачам, поставленным Президентом России по освоению Арктических и северных регионов, отметим, что они в определённой степени могут быть решены и при участии лиц, совершивших преступления и желающих доказать государству и обществу своё исправление трудом. В этой связи мы предлагаем решение, согласно которому лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности (наказания) при успешном выполнении вышеобозначенных задач.

На наш взгляд, это могло бы составить некоторую гражданскую альтернативу основанию освобождения от уголовной ответственности в связи с прохождением воинской службы, к несению которой может быть готов далеко не каждый. Вместе с этим имея, например, инженерные, строительные или иные специальные навыки или даже образование, лицо также может доказать государству и обществу своё исправление посредством выполнения социально значимых задач, связанных с работами в отдалённых и труднодоступных северных и иных регионах.

В контексте освоения и развития последних перед нашей страной могут стоять задачи, для решения которых потребовались бы годы и десятилетия. К ним, в частности, могут относиться строительство и развитие населённых пунктов, установка и поддержка инженерной инфраструктуры, добыча природных ископаемых, обеспечение функционирования портов, верфей и морской логистики, аэропортов и др.[1]. Так, например, Президент России поручил возвести в 2027–2029 годах в бухте Ефремова полуострова Таймыр новый аэропорт[2].Должный уровень развития транспортной сферы выступает важным инструментом конкурентоспособности экономики ведущих мировых стран [2, с. 130]. Мы полагаем, что для достижения указанных целей людские ресурсы, в том числе и не обладающие высокой квалификацией, могут быть весьма полезны.

Значимость предложенных нами решений подтверждается и тем, что отдалённые или труднодоступные местности составляют значительную часть территории Российской Федерации, а значит, задачи их развития останутся масштабными и в долгосрочной перспективе.

Для обеспечения правового механизма реализации данного предложения в уголовное законодательство необходимо внести ряд дополнений. Это затронет, в частности, институты освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также нормы о судимости. Однако разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства требует универсального подхода, не ограниченного конкретными территориальными или временными задачами. В этой связи стоит брать в расчёт не только задачи по освоению Арктических и северных регионов, но и иных отдалённых и труднодоступных местностей, развитие которых может не в меньшей степени представлять экономическую, стратегическую и иную значимость. Таким образом, предлагаемое решение должно быть адаптировано с учётом всех указанных предпосылок.

Ни материальное, ни процессуальное право не содержит соответствующих понятий [3, с. 100; 4, с. 57–58], поэтому в поисках единого знаменателя, универсально объединившего в себе все анализируемые местности и территории, стоит обратиться

---

[1] Коммерсантру [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7606702?ysclid=m8zy1l26we344861504 (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Информационный портал РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20250517/putin-2017584934.html?ysclid=maz3rsugz7783425973 (дата обращения: 17.05.2025).

к нормам и подзаконным актам иных отраслей права. Так, например, в Трудовом кодексе Российской Федерации, Федеральном законе Российской Федерации от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[1], Законе РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»[2], Постановлении Правительства РФ от 15.03.2017 № 296 «Об утверждении Правил выдачи и учёта документов, подтверждающих факт осуществления расчётов в отдалённых или труднодоступных местностях между организацией или индивидуальным предпринимателем и покупателем (клиентом) без применения контрольно-кассовой техники» и ряде других используются понятия «отдалённые районы» и «труднодоступные и отдалённые местности»[3]. Хотя акценты их содержания в зависимости от отрасли права (трудового, избирательного, экологического, налогового) могут несколько смещаться, тем не менее системность их применения говорит об устойчивости данных категорий.

Исходя из вышеуказанного и взяв за основу анализируемые категории, мы предлагаем дополнить институт освобождения от уголовной ответственности нормами статьи в следующей редакции:

Статья 78.2. Освобождение от уголовной ответственности в связи с участием в работах по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей.

1. Лицо, совершившее преступление, кроме особо тяжких преступлений и преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено ч. 1 ст. 78.1. настоящего Кодекса, участвовавшее в выполнении работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей, освобождается от уголовной ответственности:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации;

б) со дня выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации.

2. Контроль за выполнением работ и поведением лиц, указанных в части первой настоящей статьи, осуществляется уполномоченными специализированными государственными органами.

Комментируя предложенное, отметим, что содержание разработанного нами основания заключается в направлении и привлечении совершившего преступление лица к труду в отдалённых и труднодоступных местностях в целях возможности доказать своё исправление. Лицо, совершившее преступление, направляется для выполнения работ и осуществляет определённую деятельность в соответствии с заключаемым с ним договором (контрактом) о выполнении соответствующих работ, в котором определяются их вид, объём, сроки и иные обстоятельства.

Придерживаясь в предложенном решении исключения, приведённого законодателем в ст. 78.1. УК РФ в отношении определённого ряда преступлений, мы также дополнили его категорией особо тяжких. Приведём здесь мнение доцента Е. А. Семенова, отмечавшего в контексте анализа ст. 78.1. УК РФ о недопустимости освобождения

---

[1] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О недрах [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении Правил выдачи и учета документов, подтверждающих факт осуществления расчетов в отдаленных или труднодоступных местностях между организацией или индивидуальным предпринимателем и покупателем (клиентом) без применения контрольно-кассовой техники [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 марта 2017 г. № 296. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от уголовной ответственности лиц, совершивших особо тяжкие преступления [5, с. 260]. Проводя параллель с предложенной нами разработкой, отметим, что содержание общественной опасности деяний данной категории несопоставимо с предлагаемым нами проектом освобождения от уголовной ответственности. Под используемой нами категорией «отдалённые и труднодоступные местности» мы предлагаем понимать районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности других районов, а также иные местности со сложными географическими условиями и ограниченной транспортной доступностью. Перечень этих мест может быть определён как федеральным законодательством, так и на региональном уровне, где субъект Российской Федерации самостоятельно определит данные районы исходя из своих территориальных особенностей.

Отличительной особенностью предложенного решения при сопоставлении с освобождением от уголовной ответственности согласно ст. 78.1. УК РФ выступает то, что оно может распространяться на более широкий круг лиц. Так, ограничения по достижению предельного возраста или состоянию здоровья, которые обусловлены требованиями службы в Вооружённых Силах РФ [5, с. 261], не создадут препятствия для применения в рамках предложенного нами решения.

К государственным наградам, указанным в п. «а» ч. 1 предлагаемой нами статьи, могут относиться, например, медаль «За развитие Сибири и Дальнего Востока», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» и другие общегражданские награды. В свою очередь, днём выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей может выступать либо день принятия и признания выполненными установленных работ, уполномоченными на то специализированными государственными органами, либо дата истечения срока действия трудового или иного договора, связанного с этими работами при условии признания их выполнения.

Предложенное нами основание освобождения от уголовной ответственности, как и иные основания, изложенные в гл. 11 УК РФ, является нереабилитирующим. Поэтому оно также не может применяться в отношении лица, не признавшего вину в содеянном преступлении.

Наконец, нельзя оставить без внимания вопросы, связанные с потерпевшим от преступления. Так, в первую очередь стоит упомянуть о возмещении вреда в результате совершённого преступления. Мы полагаем, что в данном случае так же, как и при реализации ст. 78.1. УК РФ, указанный вопрос надлежит решать в порядке гражданского судопроизводства. Однако, по справедливому замечанию доцента Е. А. Семенова, сроки возмещения вреда в таких случаях могут исчисляться годами [5, с. 261]. В этой связи мы предлагаем в договоре (контракте) о выполнении соответствующих работ, который будет заключаться при реализации предложенного нами основания, обозначить сроки возмещения вреда и определить это положение как одно из условий освобождения.

Ещё одним аспектом, о котором стоит здесь упомянуть, выступает право потерпевшего получить информацию о реализации в отношении лица, совершившего преступление, предлагаемого нами основания освобождения от уголовной ответственности. Данное дополнение в этой связи следует внести в п. 21.1 ч. 2 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Продолжая последовательность законодателя, выраженную в ФЗ от 23.03.2024 № 64, считаем также допустимым предусмотреть альтернативное основание освобождения от уголовного наказания в отношении уже осуждённых лиц, выражающих намерение участия в выполнении задач по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей. В этой связи мы предлагаем дополнить институт освобождения от наказания нормами в статье следующего содержания:

Статья 80.3. Освобождение от наказания в связи с участием в работах по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей.

1. Лицо, отбывающее наказание за совершение преступления, кроме особо тяжких преступлений и преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено частью первой ст. 78.1. настоящего Кодекса, заключившее договор (контракт) о выполнении работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации, освобождается от наказания условно. Контроль за выполнением работ и поведением такого лица осуществляется уполномоченными специализированными государственными органами.

2. Лицо, освобождённое от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, освобождается от наказания:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации;

б) со дня выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации.

3. Если в период выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации лицо, освобождённое от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, совершило новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 настоящего Кодекса. Соглашаясь со справедливым мнением ряда учёных о поощрительном характере норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания в связи с прохождением военной службы [6, с. 59], продолжим развивать данную концепцию. В качестве ещё одного поощрительного следствия успешного выполнения вышеуказанных нами задач выступает предложение по дополнению института судимости. Так, ст. 86 УК РФ следует дополнить ч. 3.2. в следующей редакции:

«3.2. В отношении лица, имеющего судимость, кроме судимости за совершение особо тяжких преступлений и преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено ч. 1 ст. 78.1 настоящего Кодекса, участвовавшего в выполнении работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации, судимость погашается:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации;

б) со дня выполнения работ по освоению и развитию отдалённых или труднодоступных местностей Российской Федерации».

Таким образом, нами был разработан ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства в контексте институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания, обеспечивающих выполнение задач по освоению и развитию северных и иных удалённых и труднодоступных районов. Однако целью предложенных нами решений выступает, конечно же, не экономическая или иная прикладная целесообразность, а стимулирование позитивного постпреступного поведения лица и экономия уголовной репрессии.

Содержание предложенных нами норм призвано обеспечить гражданскую альтернативу военной службе лицам, желающим доказать своё исправление иными видами работ, также представляющими важность для государства. Указанная вариативность вполне сочетается и отвечает тенденциям либерализации и гуманизации уголовной ответственности, которыми характеризуется современная уголовная политика [7, с. 69; 8, с. 43]. Предложенные нами разработки, на наш взгляд, в полной мере соответствуют охранительной и предупредительной задачам уголовного законодательства и в целом отвечают современным потребностям российского общества.

1. Кузьмин С. С. Освобождение от уголовной ответственности и от наказания по Федеральному закону РФ от 24 июня 2023 года № 270 // Проблемы уголовной ответственности и наказания. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова. Рязань, 2024. С. 67–69.
2. Проказин Д. Л. Применение системного подхода при решении проблемы дорожно-транспортного травматизма в рамках государственной политики по обеспечению безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Орёл, 2024. С. 129–135.
3. Абдулвалиев А. Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1(43). С. 97–104.
4. Фомичев И. А. Понятие и критерии труднодоступных и малонаселенных местностей // Юридическая наука. 2020. № 12. С. 57–60.
5. Семенов Е. А., Батуева А. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 258–264.
6. Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 55–60.
7. Лапшин В. Ф. Назначение принудительных работ в зависимости от социально-правовых особенностей личности осужденного // Проблемы уголовной ответственности и наказания. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н. А. Огурцова. Рязань, 2021. С. 69–76.
8. Алексеева Л. А. Тенденции уголовной политики через призму анализа института освобождения от уголовной ответственности // Проблемы современной уголовной политики. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 39–44.

1. Kuz`min S. S. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti i ot nakazaniya po Federal`nomu zakonu RF ot 24 iyunya 2023 goda № 270 // Problemy` ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj pamyati professorov V.A. Eleonskogo i N.A. Ogurczova. Ryazan`, 2024. S. 67–69.
2. Prokazin D. L. Primenenie sistemnogo podxoda pri reshenii problemy` dorozhno-transportnogo travmatizma v ramkax gosudarstvennoj politiki po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x chastyax. Oryol, 2024. S. 129–135.
3. Abdulvaliev A. F. Trudnodostupnaya mestnost` kak osoboe geograficheskoe uslovie, vliyayushhee na rassledovanie i rassmotrenie ugolovny`x del // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2018. № 1(43). S. 97–104.
4. Fomichev I. A. Ponyatie i kriterii trudnodostupny`x i malonaselenny`x mestnostej // Yuridicheskaya nauka. 2020. № 12. S. 57–60.
5. Semenov E. A., Batueva A. B. Prekrashhenie ugolovnogo presledovaniya v svyazi s prizy`vom na voennuyu sluzhbu v sisteme al`ternativny`x nakazaniyu mer // Nauchny`j

vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 258–264.
6. Zhukova T. G., Dolgopolov K. A., Zhukov A. P. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s proxozhdeniem voennoj sluzhby` // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 2(41). S. 55–60.
7. Lapshin V. F. Naznachenie prinuditel`ny`x rabot v zavisimosti ot social`no-pravovy`x osobennostej lichnosti osuzhdennogo // Problemy` ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj pamyati professorov V.A. Eleonskogo i N. A. Ogurczova. Ryazan`, 2021. S. 69–76.
8. Alekseeva L. A. Tendencii ugolovnoj politiki cherez prizmu analiza instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Problemy` sovremennoj ugolovnoj politiki. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Irkutsk, 2024. S. 39–44.

Информация об авторе

Килимбаев Роман Валерьевич. Старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.

Information about the author

Roman V. Kilimbaev.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Faculty of Law. Candidate of Legal Sciences.

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya Str., 1.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 16.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.4

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА

Клевцова Светлана Юрьевна[1], Москвичев Алексей Александрович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия

[1]denisovaorel@mail.ru
[2]moskvichevaa88@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы функционирования механизмов противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми и использованием рабского труда. Анализируется современное состояние законодательства Российской Федерации на предмет возможности предупреждения и противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми и использованием рабского труда. Авторами статьи сделан вывод о возможноти более эффективного противодействия данному виду преступлений уже на ранних этапах их выявления.

Ключевые слова: рабство, торговля людьми, рабский труд, финансовые потоки, международное право, политическое решение

Для цитирования: Клевцова С. Ю., Москвичев А. А. Отдельные проблемы построения универсальной системы противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми и использованием рабского труда // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 236–242.

SELECTED PROBLEMS OF BUILDING A UNIVERSAL SYSTEM TO COUNTER CRIMES RELATED TO TRAFFICKING IN HUMAN BEINGS AND THE USE OF SLAVERY

Svetlana Y. Klevtsova[1], Alexey Al. Moskvichev[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia

[1]denisovaorel@mail.ru
[2]moskvichevaa88@gmail.com

Annotation. The article examines the current problems of functioning of mechanisms of counteraction to crimes related to human trafficking and the use of slave labor. The current state of legislation of the Russian Federation is analyzed for the possibility of prevention and counteraction to crimes related to human trafficking and the use of slave labor. The authors of the article concluded about the possibility of more effective counteraction to this type of crime already at the early stages of their detection.

Keywords: slavery, human trafficking, slave labor, financial flows, international law, and political solutions.

For citation: Klevtsova S. Y., Moskvichev A. A. Separate Problems of Building a Universal System for Countering Crimes Related to Human Trafficking and the Use of Slave Labor // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 236–242.

В современном мире преступления, связанные с торговлей людьми и использованием рабского труда, являются серьёзной угрозой для прав и свобод человека и гражданина. Данные формы пренебрежения правами человека нарушают основополагающие принципы и нормы международного права, включая право на свободу и недопустимость рабства. Однако, несмотря на попытки государства предупреждать данного вида преступления, они все равно находят своё отражение в современных реалиях.

Для наиболее полного и эффективного противодействия данным феноменам требуется комплексный подход, который состоит как из законодательных мер, так и из деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Данный вид преступлений порождает не только нравственные и социальные проблемы, но и наносит непоправимый урон экономике и репутации государства.

Феномен рабства появился достаточно давно, но и в нынешних реалиях находит своё отражение и продолжает оставаться одним из самых тёмных эпизодов человеческой истории. Понятие современного рабства обобщает многообразие форм эксплуатации, когда индивидуум лишается своей свободы ввиду факторов, таких как принуждение, угрозы, насилие, обман или злоупотребление властью [1, с. 113].

Этот термин охватывает широкий спектр сфер жизни, включая сферу труда и личные отношения, и является нарушением основополагающих принципов прав человека и человеческого достоинства.

В данном контексте современное рабство представляет собой сложную и актуальную проблему, требующую комплексного подхода и международного сотрудничества для её преодоления.

Торговля людьми ведёт свой отсчёт ещё с древних времён, когда данное деяние было даже законодательно закреплено. Однако мир меняется, появляются новые законы и правила. Так, в середине XX века была принята Всеобщая декларация прав человека[1], которая закрепила основные права и свободы личности. Всё, что посягало на эти права, было законодательно закреплено, и за это была предусмотрена ответственность.

Не осталась без внимания и торговля людьми как одна из форм «чёрного» заработка. Торговля людьми и рабство – понятия достаточно близкие по-своему смыслу, тем более что общим для них является серьёзное нарушение прав и свободы личности.

В условиях глобализации невозможно было не обратить внимания на такое жестокое явление. Человек, его права и свободы – это высшая ценность в правовом государстве. Следует отметить, что торговля людьми не имеет физических границ и барьеров. Данное явление можно заметить почти в любой стране, в любой социальной прослойке как в бедности, так и в роскоши. В условиях активного развития интернета и цифровых технологий появляются новые способы поиска людей, партнёров.

В настоящее время как аналог торговли людьми можно выделить и «половое рабство». Этот вид преступной деятельности тесно связан с секс-бизнесом и крупными финансовыми потоками, что затрагивает интимные сферы жизни человека и оказывает влияние на общественное развитие, превращая женщину в буквальном смысле в рабыню. Основным международно-правовым актом по борьбе с рабством является «Конвенция

[1] Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами»[1]. Государства, присоединившиеся к Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 года, обязались принять все возможные меры по адаптации и реинтеграции жертв торговли людьми в общество путём принятия внутригосударственных нормативно-правовых актов для защиты наиболее уязвимых групп населения от преступных посягательств.

Важно отметить, что в некоторых странах, таких как Великобритания, Испания, Бельгия, Греция и другие, проституция законна, в то время как принуждение к ней и сутенёрство караются по закону.

Данный факт может быть одной из причин распространения данного явления и в другие страны и регионы, способствует дестабилизации правового пространства и стимулирует потенциальных преступников заняться данным видом «чёрного» заработка. Развивающиеся страны могут смотреть на данные государства и брать за основу принципы построения общества, перенять данную практику, что негативно сказывается на правах человека. Нельзя допустить того, чтобы преступники могли избежать наказания и продолжить свою деятельность. Также имеет место и коррупционная составляющая, которая позволяет преступникам найти снисхождение по отношению к себе.

В каждом государстве необходимо проводить политику, направленную на искоренение торговли людьми и рабского труда, что требует скоординированных усилий правоохранительных органов, общественных организаций и международных структур для эффективной борьбы с этим общественным злом и защиты прав всех граждан, особенно наиболее уязвимых слоёв общества [2, с. 207].

Например, в России на текущий момент наблюдается нарастание коммерческой сексуальной эксплуатации детей, что является тревожной тенденцией как на национальном уровне, так и в глобальном контексте. В свете своего членства в Организации Объединённых Наций Российская Федерация несёт ответственность за защиту прав детей от данного типа эксплуатации, который серьёзно угрожает их физическому и психическому здоровью.

Такие формы эксплуатации не только нарушают человеческое достоинство, но и право на защиту от рабского труда, оказывают негативное воздействие на все институты гражданского общества, в том числе и экономику государства. Необходимо принимать все возможные меры по борьбе с данными явлениями, проводить оперативно-разыскную деятельность, чтобы пресечь попытки совершения данных преступлений.

Усиление международного сотрудничества имеет решающее значение для раскрытия, расследования и предупреждения данных преступлений, что позволит повысить координацию между правоохранительными органами, государственными учреждениями, частными коммерческими организациями. Также необходимо провести разработку национальных стратегий и программ, направленных на предотвращение эксплуатации детей и рабского труда [3, с. 73].

Факторы, способствующие развитию и увеличению уровня указанного преступления, разнообразны и включают следующие аспекты:

1. Высокая степень различий в экономическом развитии между странами мира играет существенную роль. Эта диспропорция проявляется в различиях в уровнях доходов, что приводит к желанию граждан покинуть свою страну в поисках лучших перспектив. Особенно активно в этом участвуют молодые специалисты, стремящиеся эмигрировать в страны с более высоким уровнем благосостояния, такие как Турция, Италия, Германия, Греция, Россия, ОАЭ, Израиль и др.

---

[1] Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплу -атацией проституции третьими лицами [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (дата обращения: 29.08.2025).

2. Безработица, которая напрямую связана с данными деяниями. Организация, целью которых является использование рабского труда в промышленных целях, в сельском хозяйстве и т. д., привлекают заинтересованных лиц, которые не могут устроиться на официальную работу по различным причинам в свою организацию, предлагая достаточно высокую заработную плату по сравнению с их регионами. Такое предложение достаточно привлекательно для выходцев из развивающихся стран, которые эмигрируют с целью заработка, чтобы прокормить себя и свою семью.

3. Убеждённость, что за границей можно больше заработать. Так, люди идут в слепой уверенности за быстрым заработком в ужасных трудовых условиях, работают днями напролёт, без необходимого материального обеспечения деятельности, без должного отдыха между рабочими днями. А их работодатели настойчиво заявляют о том, что все по закону [4, с. 159].

Необходимо также отметить существование транстерриториальных формирований, специализирующихся на торговле людьми. Данные организации обладают значительной материальной базой, ресурсами, возможностями и связями для того, чтобы уйти безнаказанными из любой ситуации [5, с. 20]. Данную обстановку необходимо взять на жёсткий контроль, предупреждая совершение такого рода преступлений международными организациями.

Социальная защита является немаловажным фактором в борьбе с торговлей людьми и использованием рабского труда. Она направлена на реализацию большого комплекса мер для устранения социального неравенства в обществе и между странами, поддержку граждан, находящихся за чертой бедности, преодоление барьера социальной изоляции и стабилизацию социальной ситуации в целом.

В нашей стране разработаны и активно используются различного рода меры по улучшению социальных условий для граждан, примером которых могут служить центры занятости населения, федеральные программы помощи населению, различные социальные выплаты, например: материнский капитал, бесплатное обучение в образовательных организациях, бесплатное высшее образование на основе конкурса, равный доступ к обучению, центры социальной поддержки населения, центры помощи беременным женщинам, центры помощи жертвам насилия.

Полагаем, что одним из важных аспектов в борьбе с торговлей людьми и преступностью в целом является совершенствование правовой базы и укрепление механизмов правоприменения, что может быть реализовано и как ужесточение уже имеющихся наказаний за торговлю людьми, так и добавление новых составов в УК РФ в соответствии с их общественной опасностью.

Для того чтобы социальные программы работали в полном объёме, необходимо улучшить координацию между государственными и частными организациями. В данном вопросе важно достичь баланса для решения общей проблемы путём предоставления друг другу материальных и иных ресурсов [6, с. 54]. Оперативная деятельность должна быть направлена на выявление и пресечение источников данных преступлений, а также на предупреждение возможности совершения новых [7, с. 152].

Специальные меры играют немаловажную роль в предотвращении преступлений, связанных с торговлей людьми. Необходимо отметить, что существуют материальные стимулы, такие как денежное вознаграждение граждан за сотрудничество с правоохранительными органами. В соответствии с п. 34 ч. 1 ст. 13 № 3-ФЗ от 07.02.2011 «О полиции»[1], органы внутренних дел имеют право объявлять о вознаграждении за помощь в раскрытии личности и задержании преступников, что является стимулом для сотрудничества граждан с правоохранительными органами и борьбой с преступностью.

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, необходимо использовать технологии и аналитические инструменты для эффективного сбора, анализа и обмена информацией о преступной деятельности, что позволит оперативно и эффективно реагировать на угрозы и преступления, в том числе связанные с торговлей людьми [8, с. 136].

Следует также активизировать международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью, включая торговлю людьми, через обмен информацией, совместные операции и разработку международных норм и стандартов [9, с. 8252]. Также хочется отметить, что исследования в данной области играют ключевую роль в борьбе с этими формами преступлений.

Кроме того, следует учитывать роль международного сообщества в разработке нормативных правовых актов, регулирующих аспекты торговли людьми, рабства и использования рабского труда. Повышенное внимание к этим проблемам со стороны мировых держав свидетельствует о возможности более эффективного противодействия данному виду преступлений уже на ранних этапах их выявления, что открывает перспективы для сотрудничества в борьбе с этими правонарушениями как на международном, так и на национальном уровне.

---

1. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Расследование посягательств на свободу личности: теоретические основы и практические особенности. Монография / Сер. Библиотека криминалиста. М., 2014. 113 с.
2. Скворцова О. В. Торговля людьми и использование рабского труда: аналитический обзор генезиса, некоторых уголовно-правовых и криминологических аспектов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 2. С. 203–216.
3. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Посягательства на свободу личности: структура и типологические особенности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3(38). С. 73–81
4. Морозова Н. В., Чаплыгина А. Д. Международно-правовые аспекты противодействия торговле людьми с целью рабского труда // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 159–167
5. Рязанцев С. Россия в глобальной торговле людьми трудовая эксплуатация в «мигрантозависимой» экономике. Институт социально-политических исследований РАН, Москва, России // Международные процессы. 2015. Том 13. № 1. С. 20–27
6. Прудникова И. В. Основные направления противодействия преступлениям, связанным с торговлей людьми // Научный портал МВД России. 2016. № 2(34). С. 41–45.
7. Калюжный А. Н. Направления сотрудничества с международными организациями в ходе раскрытия и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда // Вопросы сотрудничества правоохранительных органов государств - участников СНГ в противодействии торговле людьми. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 149–158.
8. Спектор Л. А., Агафонова Т. С. Основания освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12. С. 134–137
9. Бекмагамбетов А. Б. Противодействие торговле людьми как предмет общеправового и уголовно-правового регулирования // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 1(6). С. 78–89.

1. Kalyuzhny`j A. N., Chaply`gina V. N. Rassledovanie posyagatel`stv na svobodu lichnosti: teoreticheskie osnovy` i prakticheskie osobennosti. Monografiya / Ser. Biblioteka kriminalista. M., 2014. 113 s.
2. Skvorczova O. V. Torgovlya lyud`mi i ispol`zovanie rabskogo truda: analiticheskij obzor genezisa, nekotory`x ugolovno-pravovy`x i kriminologicheskix aspektov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5, № 2. S. 203–216.
3. Kalyuzhny`j A. N., Chaply`gina V. N. Posyagatel`stva na svobodu lichnosti: struktura i tipologicheskie osobennosti // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 3(38). S. 73–81
4. Morozova N. V., Chaply`gina A. D. Mezhdunarodno-pravovy`e aspekty` protivodejstviya torgovle lyud`mi s cel`yu rabskogo truda // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 159–167
5. Ryazancev S. Rossiya v global`noj torgovle lyud`mi trudovaya e`kspluataciya v «migrantozavisimoj» e`konomike. Institut social`no-politicheskix issledovanij RAN, Moskva, Rossii // Mezhdunarodny`e processy`. 2015. Tom 13. № 1. S. 20–27
6. Prudnikova I. V. Osnovny`e napravleniya protivodejstviya prestupleniyam, svyazanny`m s torgovlej lyud`mi // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2016. № 2(34). S. 41–45.
7. Kalyuzhny`j A. N. Napravleniya sotrudnichestva s mezhdunarodny`mi organizaciyami v xode raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s torgovlej lyud`mi i ispol`zovaniem rabskogo truda // Voprosy` sotrudnichestva pravooxranitel`ny`x organov gosudarstv - uchastnikov SNG v protivodejstvii torgovle lyud`mi. Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2023. S. 149–158.
8. Spektor L. A., Agafonova T. S. Osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti za torgovlyu lyud`mi // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2024. № 12. S. 134–137
9. Bekmagambetov A. B. Protivodejstvie torgovle lyud`mi kak predmet obshhepravovogo i ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2018. № 1(6). S. 78–89.

Информация об авторах

Светлана Юрьевна Клевцова. Редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Алексей Александрович Москвичев. Старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений, преподаватель методолог.

Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева.

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, 12.

Information about the authors

Svetlana Y. Klevtsova. Editor of the Research and Editorial Department.

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Aleksey Al. Moskvichev. Senior Lecturer at the Department of Information Technology and Cybercrime Investigation, Lecturer Methodologist.
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev,
125080, Russia, Moscow, Vrubelya Str., 12

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 16.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 16.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК. 343.9

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Колмыков Илья Александрович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

Ilyakolmykov01@mail.ru

Аннотация. Современное общество невозможно представить без информационных процессов, прочно вошедших во все сферы жизнедеятельности. Процессы общения, взаимодействия, трудовой деятельности на данном этапе развития общества трансформировались в вид компьютерной информации. Данная новелла является положительной стороной модернизации процессов облегчения взаимодействия и развития общества, однако следует констатировать, что с развитием технологий увеличиваются факты негативного и противоправного внешнего вмешательства в эти сферы жизнедеятельности со стороны преступных субъектов. Преступность трансформируется под социальные преобразования общества с целью расширения сфер своей противоправной деятельности, создаётся специальное программное обеспечение и видоизменяются существующие методы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Ключевые слова: криптография, стеганография, критическая информационная инфраструктура, способы, безопасность, информационные технологии, компьютерная информация.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова доктора юридических наук, доцента Калюжного А. Н.

Для цитирования: Колмыков И. А. Современные способы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 243–250.

MODERN WAYS OF UNLAWFUL INFLUENCE ON THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ilya A. Kolmykov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

Ilyakolmykov01@mail.ru

Annotation. Modern society cannot be imagined without information processes that have become an integral part of their life. The processes of communication, interaction, and labor activity at this stage of society's development have transformed into a type of computer information. This novelty is a positive side of the modernization of the processes of facilitating interaction and development of society, however, it should be noted that with the

development of technology, the facts of negative and illegal external interference in these spheres of life by criminal entities are increasing. Crime is being transformed to meet changes in society in order to expand the scope of its illegal activities, special software is being created and existing methods of unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation are being modified.

Keywords: cryptography, steganography, critical information infrastructure, methods, security, information technology, computer information.

Cratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – professor of the Department of Forensic Science and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Directorate of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Doctor of Law, Associate Professor Kalyuzhny A.N.

For citation: Kolmykov I. A. Modern methods of unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 243–250.

Обращаясь к современным способам неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, мы должны отметить, что противоправные субъекты активно прорабатывают сложно структурированные модели кибератак с использованием систем искусственного интеллекта, в связи с чем большинство исследователей и специалистов главным образом на теоретическом и практическом уровнях прорабатывают превентивные меры защиты, при этом на должном уровне не анализируют существующие способы [1, с. 429, 2, с. 279, 3, с. 17]. Так А. Н. Метелько справедливо отмечает, что с каждым годом многошаговые скоординированные распределённые кибератаки со сложной организацией, реализацией и множеством целей изменяются, проводятся всё чаще и изощрённее [4, с. 53].

Новым изощрённым способом является использование стеганографических и криптографических методов сокрытия элементов вирусного программного обеспечения в изображениях, аудио- или видеофайлах. Данные способы главным образом связаны с особенностью работы отечественного антивирусного программного обеспечения. Она заключается в том, что исследуется код картинки, аудио- или видеофайла, при этом не выявляется нарушение последовательности битов и их дополнительное встраивание, что открывает новые возможности для лиц, организаций и стран, осуществляющих неправомерные кибератаки на системы критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Примерами такой деятельности являются события, связанные с неправомерным воздействием на промышленные компании Европы и Японии в 2020 году при помощи графических файлов с использованием *Mimikatz*. Для загрузки заражённых изображений атакующие субъекты использовали специальный скрипт на *PowerShell*. Алгоритм атаки заключался в следующем: специальный *PowerShell*-скрипт, используемый атакующими, загружает изображение с хостинга *Imgur* или *imgbox*. Этот медиафайл содержит данные, извлекая которые, вредоносная программа создаёт ещё один скрипт *PowerShell* – обфусцированную версию *Mimikatz*, после чего происходит несанкционированное копирование учётной записи и возможность полного доступа к ней. Считаем, что данный метод мог быть применён в том числе и на территории Российской Федерации.

Обозначив специфику и важность исследования способов неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру, перейдём к их анализу.

Первым анализируемым способом неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации будет стеганография. Начала современной стеганографии, как принято считать, заложил *GJ. Simmons* [5, с. 49].

Стеганография возникла в зарубежной практике благодаря анализу переписки двух заключённых, которые обменивались через открытые источники зашифрованной информацией под присмотром контролирующих лиц.

Современная информационная стеганография представляет собой вид компьютерной модернизации скрытого сообщения или размещение скрытого вируса на определённом формате (изображение, аудио- или видеофайл), который именуется «носитель информации». В настоящее время приобретает популярность такой формат носителя информации, как растровые и векторные изображения, аудио- и видеофайлы в меньшей степени адаптированы под задачи несанкционированного доступа к защищённой информации в связи со сложностью добавления (кодирования) дополнительных битов информации из-за существенного увеличения размера файла по сравнению с оригинальным. Стоит отметить, что раннее в качестве носителя информации использовались жёсткие диски и отдельные его пространственные файлы, однако с учётом усложнения инженерных способов защиты объектов критической информационной инфраструктуры и засекреченности данных о её информационных системах эта разновидность не используется.

Зарубежные исследователи считают, что субъект при передаче конфиденциальной информации, вирусов, содержащихся в изображениях, аудио- и видеофайлах, вставляет нужный ему элемент в наименее значимые её фрагменты файла, чтобы обычный обыватель не смог заметить скрытый смысл передаваемого сообщения и оно могло дойти до адресата, будучи нерасшифрованным [6; 7].

При этом рубежом защиты для зашифрованной передачи информации является сложность её распаковки и выявление конкретной передаваемой информации или вируса. Самый простой и быстрый способ уничтожить передаваемую (конфиденциальную) информацию – произвести её преобразование в иной формат или вернуть к исходному коду таким образом, чтобы зашифрованный участок изображения не имел ничего общего с изначальной передаваемой версией. Если даже один бит в информации передаваемого векторного изображения изменится, то смысловая передача зашифрованной информации исчезнет, то есть информация будет считаться уничтоженной. Так, если передаваемая информация была зашифрована в формат *JPEG* и затем преобразована в формат *TIFF*, а затем обратно в формат *JPEG*, даже если изображение выглядит точно так же для человеческого глаза, фактический состав битовой информации изображения отличается. В процессе возможного изменения файла лицом, которому стало известно о факте передачи информации или вируса при помощи стеганографии, но не обладающим информацией его конкретного расположения в передаваемом файле важно уяснить, какой именно способ стеганографии был применён.

Отметим противоправный пример использования и применения данной технологии. В 2019 году зарубежными и отечественными специалистами были выявлены уязвимости программы *Able2Extract Professional*, позволяющие выполнять код в системе через графические файлы в формате JPEG или BPM. Если пользователь откроет полученные картинки в ПО *Able2Extract Professional*, то скрытые в них команды будут записаны за пределами выделенной приложению области памяти (ОЗУ) и смогут выполнить любую команду внутри атакуемой системы. Данная зависимость возникла из-за протоколов проверки информации (детектирования) получаемой в виде расшифровки двоичных кодов всех получаемых файлов, кроме изображений в формате *JPEG*.

Вирус, содержащийся в передаваемом графическом файле, обладает большой глубиной передачи информации. Каждый пиксель – это набор параметров и, следовательно, набор битов. Человеческое восприятие не такое глубокое и чёткое, поэтому некритичное изменение бита не будет замечено при воспроизведении. Следовательно, часть бита может быть использована для доставки кода или текста. Полезная нагрузка может быть раскрыта загрузчиком, обрабатывающим полученный медиаконтент (как в примере с *Able2Extract Professional*), или использована для уязвимости в ПО.

Необходимо установить, что современные технологии сокрытия информации связаны с процессом стеганографии, поэтому проанализируем основные методы, применяемые в процессе сокрытия информации, а также выделим ключевые особенности их классификации и отграничения от иных технологий сокрытия информации.

Иными способы защиты передаваемой информации являются криптография и стеганография. Необходимо выделить ключевые особенности каждой технологии и отметить их качественные отличия.

Криптография представляет собой технологию защиты информации посредством шифрования данных с помощью математических и логических методов, поддающихся расшифровыванию с помощью открытого или закрытого ключа. Ключ – это набор данных, позволяющих правильно уяснить смысл передаваемой информации.

Как отмечают П. А. Волынкин и И. И. Смоляков, преимущество стеганографии над чистой криптографией состоит в том, что сообщения не привлекают к себе внимания. Сообщения, факт шифрования которых не скрыт, вызывают подозрение и могут быть сами по себе уличающими в тех странах, в которых запрещена криптография [8, с. 61]. Таким образом, криптография защищает содержание сообщения, а стеганография защищает сам факт наличия каких-либо скрытых посланий. Стенография представляет собой совокупность методов быстрой записи информации посредством системы знаков. Сочетание применения специальных систем знаков и сокращений передаваемой информации является процессом закрытого шифрования, то есть передачи сведений для конкретного лица, обладающего знаниями в этой области. Стеганография отличается от данного метода тем, что она не подразумевает шифрование информации.

Рассмотрим подробным образом существующие методы стеганографии для сокрытия информации в изображениях, а именно: метод наименее значимого бита (*LSB*), *PVD*-стеганография, дискретное косинусное преобразование (*DCT*), дискретно вейвлет-преобразование (*DWT*).

Метод наименее значимого бита считается самым простым и в то же время уникальным способом скрытой передачи информации. Принцип работы основан на использовании одних битов информации на другие. Из школьного курса предмета информатики мы знаем, что классическая адаптивная цветовая модель (*RGB*) состоит из битов, которые создают пиксели, используемые для сочетания цветов и образующие цветовую палитру, предназначенную для создания изображения. Основываясь на анализе биологических и физиологических возможностей человеческого зрения, мы приходим к выводу о том, что человеческий глаз, воспринимающий внешний облик предмета или окружающую среду, передаёт эту информацию в мозг, который формирует уже целую картинку. Однако существуют ограничения восприятия цветовой палитры человеком (человеческий глаз способен воспринимать лишь небольшой диапазон электромагнитного спектра – от 380 до 760 нанометров), за счёт увеличения или уменьшения спектра возможно передавать информацию открытым способом так, чтобы человек не смог её уловить. Для этих целей можно использовать растровое и векторное изображения.

Принцип работы данного метода основан на замене одного цвета на наиболее приближенный к нему.

Данная технология применяется для защиты авторского права на изображение либо передачи информации для группы лиц анонимным пользователем. Отмечаем преимущество и недостатки данного метода. Преимуществом является быстрый способ создания изображения с передаваемой информации большого объёма посредством использования таких программ, как *Steghide, OpenStego, SSuite Picsel, SilentEye SteganoGAN* и другие. Недостатком метода является низкий уровень защищённости, возможность удаления передаваемой информации при форматировании формата изображения. Вторым недостатком является узкий формат применяемых изображений: *BMP, PNG* (без сжатия), *GIF* (сжатием).

PVD-метод стеганографии является более сложным и защищённым способом сокрытия. Он основан на принципе вычисления разницы между определённой областью (значением) соседних пикселей с последующей их модификацией с целью встраивания битов скрытой информации. Для его работы необходимо использование младших битов в пикселях, у которых яркость сильнее отличается от соседних. Алгоритм передачи скрытой информации задействует визуальную разность искажения изображения и увеличения вместимости изображений-контейнера.

Недостатком метода считается сложность реализации передачи скрываемой информации с возможностью его обнаружения современными методиками стеганоанализа.

Дискретное косинусное преобразование является третьим методом стеганографии. Дискретное косинусное преобразование оперирует блоками изображения или блоками вычетов X размера N × N и подаёт на выход блоки коэффициентов Y такого же размера. Данный метод устойчив к сжатию изображения и не зависит от качества исходного изображения. Его преимуществом является возможность применения ко всем областям изображения, а не только к отдельным областям.

Дискретное вейвлет-преобразование (*DWT*) – это ещё одна частотная область, в которой может быть реализована стеганография. *DCT* рассчитывается на блоках независимых пикселей, ошибка кодирования вызывает разрыв между блоками, что приводит к раздражающему артефакту блокировки. Этот недостаток *DCT* устраняется с помощью DWT. DWT применяется ко всему изображению. *DWT* обеспечивает лучшее уплотнение энергии, чем DCT, без каких-либо артефактов блокировки. *DWT* разделяет компонент на многочисленные частотные полосы, называемые подполосами, известными как:

a) LL – горизонтально и вертикально низкие частоты,

b) LH – горизонтально низкие частоты и вертикально высокие частоты,

c) HL – горизонтально высокие частоты и вертикально низкие частоты,

d) HH – горизонтально и вертикально высокие частоты,

e) поскольку человеческие глаза гораздо более чувствительны к низкочастотной части (подполоса LL), мы можем скрыть секретное сообщение в трёх других частях, не внося никаких изменений в подполосу LL. Поскольку другие три подполосы являются высокими частотами, они содержат незначительные данные. Скрытие секретных данных в этих поддиапазонах не так уж сильно ухудшает качество изображения. *DWT,* используемый в этой работе, – это *Haar-DWT*, простейший *DWT* [9].

Рассмотрев основные методы стеганографии, необходимо уяснить алгоритм передачи информации в векторных изображениях.

1. Изменение атрибутов элементов представляет собой способ кодирования данных через небольшие модификации характеристик графических элементов. Например, корректировка координат точек или толщины линий может использоваться для передачи информации. Важно соблюдать баланс изменений, чтобы не нарушить визуальное восприятие изображения.

2. Добавление невидимых объектов позволяет использовать прозрачные фигуры или линии для хранения данных. Присутствие или отсутствие определённых элементов может кодировать биты информации (0 или 1), которые будут оставаться при этом незаметным для наблюдателя.

3. Работа с атрибутами цвета даёт возможность кодировать информацию через незначительные изменения параметров цвета и прозрачности векторных объектов, что отличается от методов растровой стеганографии.

4. Структурное кодирование использует текстовые свойства и комментарии XML в форматах типа SVG. Невидимые для пользователя элементы, такие как метки и комментарии, могут содержать скрытые сообщения.

5. Управление контейнерами и слоями позволяет встраивать информацию в дополнительные слои или группы, которые не отображаются при обычном просмотре изображения.

Такой подход обеспечивает надёжное встраивание информации при сохранении визуального качества исходного изображения. Случайный порядок встраивания и использование криптографического хэширования повышают устойчивость метода к несанкционированному извлечению данных.

С целью выявления зашифрованный информации и вирусов возможно применение следующих методов стеганоанализа, представленных на рисунке 1 [10, с. 130].

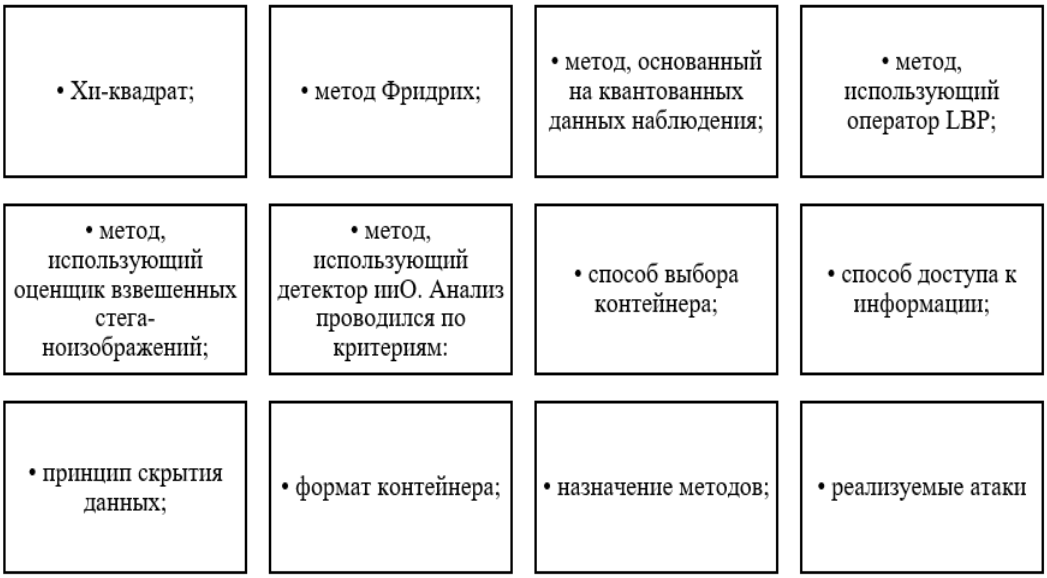

Рис.1. Основные методы выявления стеганографии

Таким образом, в рамках анализа современных способов неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации нами были затронуты в основном стеганографические и криптографические методы встраивания сокрытой информации и вирусов в изображениях, картинках. Освещение упомянутых ранее способов главным образом связано с выявлением со стороны лиц, организаций, стран, осуществляющих противоправную деятельность против интересов и национальной безопасности Российской Федерации, уязвимостей работы антивирусного программного обеспечения. Кроме этого, конечной целью использования стеганографических и криптографических методов мы видим дестабилизацию работы критической информационной инфраструктуры и выявление новых уязвимостей, необходимых для несанкционированной обработки и пересылки массива данных о её работе. С учётом обозначенного считаем, что необходимо детальным образом проработать новые методики стеганоанализа.

1. Прокопьева Т. В., Больнова Н. С., Давлетова А. И., Липявко Е. С. Влияние искусственного интеллекта на экономическую безопасность в условиях цифровизации // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности : Материалы V Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 24–27 апреля 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 425–431.
2. Метельков А. Н. Киберучения: зарубежный опыт защиты критической инфраструктуры // Правовая информатика. 2022. № 1. С. 51–60.

3. Стародубцева Е. А. Влияние искусственного интеллекта на информационную безопасность // Цифровая экономика и финансы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 марта 2025 года. СПб: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2025. С. 278–281.
4. Лощилин А. В. Роль и значение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности информационных систем: перспективы и вызовы // НБИ технологии. 2024. Т. 18, № 4. С. 16–20.
5. Голубев Е. А. Стеганографические технологии - новое направление защиты информации // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2012. Т. 6, № 6. С. 49–53.
6. Balaji, R., & Naveen, G. (2011). Secure data transmission using video Steganography. In 2011 IEEE International Conference on Electro/Information Technology, IEEE, pp. 1–5.
7. Vijayakumar, P., Azees, M., Kannan, A., & Deborah, L. J. (2015). Dual authentication and key management techniques for secure data transmission in vehicular ad hoc networks. IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems, 17(4), 1015–1028.
8. Волынкин П. А. Эффективность хранения контента в графических контейнерах при стеганографии // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей VII Международной научно-практической конференции : в 4 ч., Пенза, 05 июня 2019 года. Том Часть 2. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 60–64.
9. DWT Technique for Steganography // Academia. edu URL: https://www.academia.edu/12745731/DWT_Technique_for_Steganography (дата обращения: 17.03.2025).
10. Николаенко В. Г. Алгоритм стеганоанализа для оценки качества алгоритма встраивания информации // Евразийский союз ученых. 2015. № 5-3(14). С. 129–130.

1. Prokop`eva T. V., Bol`nova N. S., Davletova A. I., Lipyavko E. S. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na e`konomicheskuyu bezopasnost` v usloviyax cifrovizacii // E`konomicheskaya bezopasnost` strany`, regionov, organizacij razlichny`x vidov deyatel`nosti : Materialy` V Vserossijskogo foruma v Tyumeni po e`konomicheskoj bezopasnosti, Tyumen`, 24–27 aprelya 2024 goda. Tyumen`: TyumGU-Press, 2024. S. 425–431.
2. Metel`kov A. N. Kiberucheniya: zarubezhny`j opy`t zashhity` kriticheskoj infrastruktury` // Pravovaya informatika. 2022. № 1. S. 51–60.
3. Starodubceva E. A. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na informacionnuyu bezopasnost` // Cifrovaya e`konomika i finansy`: Materialy` VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 20–21 marta 2025 goda. SPb: Centr nauchno-informacionny`x texnologij Asterion, 2025. S. 278–281.
4. Loshhilin A. V. Rol` i znachenie iskusstvennogo intellekta v obespechenii bezopasnosti informacionny`x sistem: perspektivy` i vy`zovy` // NBI texnologii. 2024. T. 18, № 4. S. 16–20.
5. Golubev E. A. Steganograficheskie texnologii - novoe napravlenie zashhity` informacii // T-Comm: Telekommunikacii i transport. 2012. T. 6, № 6. S. 49–53.
6. Balaji, R., & Naveen, G. (2011). Secure data transmission using video Steganography. In 2011 IEEE International Conference on Electro/Information Technology, IEEE, pp. 1–5.
7. Vijayakumar, P., Azees, M., Kannan, A., & Deborah, L. J. (2015). Dual authentication and key management techniques for secure data transmission in vehicular ad hoc networks. IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems, 17(4), 1015–1028.
8. Voly`nkin P. A. E`ffektivnost` xraneniya kontenta v graficheskix kontejnerax pri steganografii // Covremennaya nauka: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii : sbornik

statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 4 ch., Penza, 05 iyunya 2019 goda. Tom Chast` 2. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. S. 60–64.
9. DWT Technique for Steganography // Academia.edu URL: https://www.academia.edu/12745731/DWT_Technique_for_Steganography (data obrashheniya: 17.03.2025).
10. Nikolaenko V. G. Algoritm steganoanaliza dlya ocenki kachestva algoritma vstraivaniya informacii // Evrazijskij soyuz ucheny`x. 2015. № 5-3(14). S. 129–130.

Информация об авторе

Илья Александрович Колмыков. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Ilya A. Kolmykov. Adjunct.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 23.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Колычева Алла Николаевна[1], Тихомирова Ольга Геннадьевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

[1]allakolycheva87@gmail.com
[2]olgapimakova@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся обстоятельства, существенно влияющие на деятельность органов предварительного расследования по расследованию преступлений против собственности. Автором рассматриваются проблемы назначения и производства судебных экспертиз по преступлениям против собственности. Отражены обстоятельства, которые требуют особого внимания как со стороны следователей, так и эксперта. Обозначены аспекты, способствующие нивелированию рассматриваемых проблем назначения и производства судебных экспертиз по преступлениям против собственности. Определён перечень проблемных направлений в данной сфере.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следователь, проблемы, преступление, вещи, уголовное дело.

Для цитирования: Колычева А. Н., Тихомирова О.Г. Проблемные аспекты производства судебных экспертиз и их последующего использования в качестве доказательств при расследовании преступлений против собственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 251–256.

PROBLEMATIC ASPECTS OF CONDUCTING FORENSIC EXAMINATIONS AND THEIR SUBSEQUENT USE AS EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST PROPERTY

Alla N. Kolycheva[1], Olga G. Tikhomirova[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

[1]allakolycheva87@gmail.com
[2]olgapimakova@yandex.ru

Annotation. The article presents circumstances that significantly affect the activities of the preliminary investigation bodies investigating crimes against property. The author examines the problems of appointment and production of forensic examinations on crimes against property. The circumstances that require special attention from both the investigators and the expert are reflected. The aspects contributing to the leveling of the considered problems of appointment and production of forensic examinations on crimes against property are outlined. A list of problematic areas in this area has been identified.

Keywords: forensic examination, investigator, problems, crime, things, criminal case.
For citation: Kolycheva A. N., Tikhomirova O. G. Problematic Aspects of Forensic Examinations and Their Subsequent Use as Evidence in the Investigation of Crimes Against Property // Scientific Bulletin of the Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3(104). P. 251–256.

Судебная экспертиза занимает ключевое место в системе доказательств, формируемой в ходе расследования преступлений против собственности, поскольку результатом проведения судебной экспертизы служат доказательства, обладающие высокой степенью объективности ввиду особенностей источника их получения. Однако при назначении и производстве судебной экспертизы по преступлениям против собственности возникает широкий спектр проблемных аспектов, многие из которых решаемы, но ряд проблем требует некоторого приспособления от участников уголовного процесса. Сложности расследования преступлений против собственности создают различные проблемные аспекты, возникающие как в процессе назначения судебных экспертиз, так и в процессе их проведения.

Большинство ошибок, допускаемых следователем в ходе расследования преступлений против собственности, складываются не из прямого нарушения УПК РФ, а из всевозможных субъективных факторов, негативно влияющих на ход расследования. Одной из распространённых проблем является шаблонность подхода к назначению судебной экспертизы. Данная ситуация особенно характерна для начинающих следователей, которые при назначении экспертизы пользуются справочниками, вмещающими в себя типовой набор вопросов.

Следователи переписывают большой круг вопросов, не уделяя должного внимания индивидуальным обстоятельствам дела, что приводит к увеличению сроков производства самой экспертизы, так как эксперты, получив круг неверно сформулированных вопросов, должны на них отвечать, даже если они не имеют никакой ценности для расследования преступлений против собственности, или же в заключении эксперты укажут на невозможность дачи ответа на некоторые вопросы. По причине незнания особенностей работы эксперта следователи в постановлении о назначении экспертизы отражают вопросы, не входящие в компетенцию эксперта. В итоге следователю необходимо заново выносить постановление о назначении судебной экспертизы, в котором будут отражены новые вопросы с учётом замечаний эксперта, что приводит к продлению сроков расследования и уменьшению времени на полноценный сбор и анализ доказательств.

В основном такие ошибки допускают начинающие следователи, что объясняется недостаточностью практического опыта работы, но бывает, что и у опытных следователей встречаются такие ошибки ввиду халатного исполнения своих обязанностей. Решением рассматриваемой проблемы служит сотрудничество между следователями и экспертами, в ходе которого следователи заранее выясняют у эксперта круг вопросов, которые можно обозначить в конкретном расследуемом преступлении против собственности с учётом его индивидуальных особенностей. По преступлениям против собственности часто назначается и проводится товароведческая экспертиза. Например, преступным лицом была совершена кража зимней куртки, и для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела необходимо выяснить сумму причинённого ущерба. В этой связи на стадии проверки заявления (сообщения) о преступлении следователь назначает товароведческую экспертизу в целях установления стоимости похищенной куртки, которая в ходе проверки была обнаружена и изъята.

Для установления стоимости похищенного эксперту необходимо установить следующие данные:

– наличие дефектов и их влияние на качество,

– соответствие (несоответствие) свойств объекта базовым требованиям,

– степень снижения качества с учётом имеющихся дефектов,

– уровень качества,

– пригодность изделия для использования по назначению.

Кроме исследования самого объекта, эксперту необходимо исследовать также соответствующую законодательную базу, конъюнктуру рынка (соотношение спроса и предложения), существующий на момент экспертного исследования уровень цен, такие факторы, как сезонность, ввиду востребованности конкретной вещи только в определённый сезон времени [1, с. 102–107] и другие всевозможные факторы [2, с. 289–293].

Многогранность работы эксперта-товароведа очевидна, по окончании проведения необходимых действий эксперт выносит заключение, отражающее стоимость похищенной вещи. Сложности возникают при ознакомлении потерпевшего с результатом экспертного исследования, в ходе которого он заявляет, что его вещь стоит гораздо выше приведённой экспертом стоимости в заключении и ходатайствует о проведении новой экспертизы, заявляет об особой ценности данной вещи, в отдельных случаях подаёт жалобы, что осложняет производство расследования преступления против собственности.

В ходе расследования преступлений против собственности происходят отдельные ситуации, в которых целесообразно прибегать к назначению судебно-портретной экспертизы. Сложности возникают при предоставлении экспертам видеоматериала. Так, следователь зачастую предоставляет неполную запись видеоматериала, то есть не промежуток времени интересующего его события, а некоторые его фрагменты, что в ряде случаев приводит к отказу в решении поставленных вопросов ввиду отсутствия комплекса признаков, необходимых для отождествления личности [3, с. 64–66].

Наличие полного видеоматериала с интересующим следователя событием позволяет эксперту всесторонне его рассмотреть и самостоятельно выбрать те кадры, на которых наиболее полно отображены признаки внешнего облика преступного лица. Бывают и иные ситуации, в которых экспертам, наоборот, необходимо получить лишь фрагменты, а не полный видеоматериал, чтобы провести соответствующее исследование. В данном случае предоставление фрагментов, избранных ранее следователем, упрощает проведение судебной экспертизы и сокращает сроки её проведения. В этой связи следователю необходимо заранее проконсультироваться с экспертом [4, с. 230–232], а именно разъяснить подробности сложившейся следственной ситуации, чтобы эксперт подсказал, в какой форме предоставить образцы видеоматериала, что поспособствует упрощению проведения судебной экспертизы и сократит сроки её проведения, также обсудить перспективы фоноскопической экспертизы и требования, которым образцы должны соответствовать [5, с. 250–253].

Случается, что в ходе расследования серии преступлений против собственности при проведении большого количества экспертиз эксперт, превышая сроки производства судебной экспертизы, не выносит заключение, а после напоминания следователем о необходимости дачи заключения выносит заключение, в котором указано на невозможность идентификации объекта, что является проблемным аспектом ввиду затраты большого промежутка времени и недостижения при этом положительного результата. Кроме того, как отмечает ряд авторов [6, с. 19], экспертные подразделения не всегда имеют в своём распоряжении равномерное технико-криминалистическое оснащение, что тоже оказывает влияние на ход и результаты исследования.

В деятельности органов предварительного расследования нередки ошибки, имеющие процессуальный характер. Возникать они могут по различным причинам [7, с. 21] и зачастую находятся в зависимости от вида экспертного исследования.

В практике периодически возникают проблемы в ходе ознакомления участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы. В большинстве случаев следователи производят ознакомление участников уголовного процесса с постановлением о назначении судебной экспертизы одновременно с уже

проделанным экспертным заключением, что является неправильным [8, с. 96–100], такое обстоятельство отводит «потерпевшей стороне роль пассивного наблюдателя» [9, с. 154–155].

Согласно Определению Конституционного суда РФ[1], ознакомление участников с постановлением о назначении судебной экспертизы должно производиться строго до её проведения. Однако Постановление Пленума Верховного суда № 28[2] разъясняет, что в случаях, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим позже назначения судебной экспертизы, оно может быть ознакомлено с постановлением о назначении экспертизы одновременно с признанием его таковым, о чём составляется протокол. На таком основании следователи намеренно заранее не знакомят участников с постановлением о назначении судебной экспертизы, что создаёт помехи во всесторонней реализации ими своих прав, в том числе права постановки вопроса, имеющего важное значение. Также возникают случаи, когда следователи необоснованно отклоняют ходатайство стороны защиты о проведении повторных и дополнительных экспертиз, прикрываясь тем, что подобные следственные мероприятия приведут к увеличению сроков расследования [10, с. 311–314].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при назначении и проведении судебной экспертизы по преступлениям против собственности возникает широкий спектр проблемных аспектов. Перечень существующих экспертиз достаточно широк, и решение на производство необходимой в каждом конкретном случае экспертизы принимает следователь, основываясь на расследуемом им виде преступного посягательства, а также его сложившихся обстоятельствах. При этом от качества работы следователя по составлению грамотных вопросов, получению необходимых материалов будет зависеть эффективность проведения экспертизы. Судебная экспертиза имеет большое значение в процессе расследования преступлений против собственности, так как доказательная информация, полученная таким образом, обладает высокой степенью объективности. Следует отметить, что перечень рассмотренных проблемных аспектов не является исчерпывающим. Некоторых проблемных аспектов можно было бы избежать в рамках предварительных консультаций следователя с экспертами, ряд проблемных аспектов можно было бы нивелировать путём корректировки действующего уголовно-процессуального законодательства, другие же проблемные аспекты требуют определённого лавирования участниками уголовного процесса.

1. Яфесова А. А., Буранбаева Л. З. Товароведческая экспертиза: теория и практика // Цифровая наука. 2020. № 5(5). С. 102–107.
2. Савицкий А. А. Актуальные проблемы назначения и производства судебных оценочных экспертиз // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 5-2. С. 288–294.
3. Зинин А. М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 64–66.
4. Юркова М. А., Чаплыгина В. Н. Категории и порядок назначения судебных экспертиз по золотым изделиям и бижутерии для определения размера вреда, причиненного преступлением // Закон и право. 2022. № 7. С. 230–232.

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артемьева Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63, статьями 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Рос. Федерации от 13 октября 2009 г. № 1161-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации, № 2, 2010.

5. Морозова Н. В. К вопросу о некоторых значимых аспектах при исследовании голоса в ходе проведения судебной фоноскопической экспертизы // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023. С. 250–253.
6. Сезонова Т. В., Андреева Е. Д. Современные проблемы правового и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности // Современная наука. 2021. № 2. С. 18–21.
7. Майлис Н. П. Экспертные ошибки, допускаемые при исследовании традиционных и цифровых следов // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 1. С. 20–24.
8. Моисеева Т. Ф. Проблемы правового обеспечения судебно-экспертной деятельности // Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 19 ноября 2020 года / Отв. редактор Ф.Г. Аминев. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 96–100.
9. Булыжкин А. В., Морозова Н. В. Обеспечение прав и законных интересов личности в досудебном производстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 152–160.
10. Федотова М. М. Проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Молодежь и XXI век - 2018 : материалы VIII Международной молодежной научной конференции, Курск, 21–22 февраля 2018 года / Юго-Западный государственный университет. Том 3. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2018. С. 311–314.

1. Yafesova A. A., Buranbaeva L. Z. Tovarovedcheskaya e`kspertiza: teoriya i praktika // Cifrovaya nauka. 2020. № 5(5). S. 102–107.
2. Saviczkij A. A. Aktual`ny`e problemy` naznacheniya i proizvodstva sudebny`x ocenochny`x e`kspertiz // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2021. № 5-2. S. 288–294.
3. Zinin A. M. Aktual`ny`e problemy` sudebnoj portretnoj e`kspertizy` // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2018. № 1. S. 64–66.
4. Yurkova M. A., Chaply`gina V. N. Kategorii i poryadok naznacheniya sudebny`x e`kspertiz po zoloty`m izdeliyam i bizhuterii dlya opredeleniya razmera vreda, prichinennogo prestupleniem // Zakon i pravo. 2022. № 7. S. 230–232.
5. Morozova N. V. K voprosu o nekotory`x znachimy`x aspektax pri issledovanii golosa v xode provedeniya sudebnoj fonoskopicheskoj e`kspertizy` // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2023. S. 250–253.
6. Sezonova T. V., Andreeva E. D. Sovremenny`e problemy` pravovogo i organizacionnogo obespecheniya sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti // Sovremennaya nauka. 2021. № 2. S. 18–21.
7. Majlis N. P. E`kspertny`e oshibki, dopuskaemy`e pri issledovanii tradicionny`x i cifrovy`x sledov // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2024. T. 19, № 1. S. 20–24.
8. Moiseeva T. F. Problemy` pravovogo obespecheniya sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti // Teoriya i praktika sovershenstvovaniya pravovy`x, nauchno-metodicheskix i informacionny`x osnov ispol`zovaniya special`ny`x znanij v sudoproizvodstve : Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Ufa, 19

noyabrya 2020 goda / Otv. redaktor F.G. Aminev. Ufa: Bashkirskij gosudarstvenny`j universitet, 2020. S. 96–100.
9. Buly`zhkin A. V., Morozova N. V. Obespechenie prav i zakonny`x interesov lichnosti v dosudebnom proizvodstve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 152–160.
10. Fedotova M. M. Problemy` naznacheniya i proizvodstva sudebnoj e`kspertizy` // Molodezh` i XXI vek - 2018 : materialy` VIII Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii, Kursk, 21–22 fevralya 2018 goda / Yugo-Zapadny`j gosudarstvenny`j universitet. Tom 3. Kursk: Zakry`toe akcionernoe obshhestvo Universitetskaya kniga, 2018. S. 311–314.

Информация об авторах

Алла Николаевна Колычева. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Ольга Геннадьевна Тихомирова. Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

Information about the authors

Alla N. Kolycheva. Lecturer in the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Olga G. Tikhomirova. Associate Professor of the Department of Criminology. Candidate of Law.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot Str., 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 25.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.12

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Конин Александр Владимирович
Академия управления МВД России, Москва, Россия

vkonin.kld@yandex.ru

Аннотация. В соответствии с требованиями ст. 6 УПК РФ одной из главных задач уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Важной составной частью этого требования является возмещение вреда, причинённого преступлением. Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве является достаточно сложным и многогранным. В статье анализируется сложившаяся судебная практика, согласно которой прекращённое в суде уголовное дело имеет преюдициональное значение для дальнейшего взыскания причинённого преступлением вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: преступление, гражданский иск, возмещение вреда, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство.

Для цитирования: Конин А. В. Некоторые вопросы института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 257–262.

SOME ISSUES OF THE INSTITUTION OF CIVIL ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexander V. Konin
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

vkonin.kld@yandex.ru

Annotation. In accordance with the requirements of Article 6 of the Code of Criminal Procedure, one of the main tasks of criminal proceedings is to protect the rights and legitimate interests of individuals and organizations affected by crimes. One of the components of this requirement is compensation for the harm caused by the crime. The institution of a civil claim in criminal proceedings is quite complex and multifaceted. The article analyzes the established judicial practice, according to which a criminal case terminated in court has a prejudicial value for further recovery of damage caused by a crime in civil proceedings.

Keywords: crime, civil action, compensation for harm, criminal proceedings, civil proceedings.

For citation: Konin A.V. Some issues of the Institution of Civil Action in Criminal Proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 257–262.

Любое преступление влечёт за собой причинение вреда, который может быть физическим, материальным и моральным. Принцип справедливости предполагает не только привлечение виновного в совершении преступления к ответственности и назначении ему справедливого наказания, но и в том числе восстановление прав

и законных интересов потерпевших посредством возмещения вреда, причинённого преступлением, вне зависимости от вида вреда. Вопросы возмещения вреда, причинённого преступлением, неоднократно были предметом исследования на доктринальном уровне учёных, что подчёркивает значимость темы [1; 2; 3; 4; 5 и др.]. Поскольку, как показывает анализ следственной и судебной практики, добровольное возмещение вреда, причинённого преступлением, явление достаточно не частое, хотя и встречается в практике, законодатель с целью защиты прав потерпевшего в части возмещения вреда предусмотрел введение в уголовное судопроизводство института гражданского иска.

Как справедливо было отмечено Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума от 13.10.2020 года: «Конституционные гарантии прав потерпевшего от преступления на доступ к правосудию и на возмещение причинённого ему ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации) реализуются, в частности, посредством применения предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка рассмотрения судом гражданского иска по уголовному делу, установленного в качестве правового механизма эффективной судебной защиты прав потерпевшего»[1]. Представляется, что главным основанием возникновения права на возмещение вреда является наличие вины лица, в отношении которого выдвинут обвинительный тезис на стадии предварительного расследования, либо постановлен обвинительный приговор. Также вина в совершении преступления считается установленной, если уголовное дело в отношении лица прекращается по нереабилитирующим основаниям.

В науке уголовного права вина традиционно характеризуется в наличии у лица негативного отношения, выраженного в определённом психическом осуждении к своему деянию и его последствиям. Она может проявляться только в форме умысла (прямого или косвенного), предусмотренного ст. 25 УК РФ, или неосторожности (легкомыслия или небрежности), закреплённой в ст. 26 УК РФ. Статья 14 УК РФ определяет преступление как «виновно совершённое деяние», тем самым исключая возможность объективного вменения, то есть привлечения лица к уголовной ответственности без установления вины (ч. 2 ст. 5 УК РФ). Анализируя п. 1 ст. 15 и ст. 1064 ГК Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что обязательства по возмещению вреда обусловлены в первую очередь причинной связью между противоправным деянием и наступившими последствиями в виде причинённого вреда.

В своём Постановлении от 02.07.2020 № 32-П Конституционный суд отметил, что необходимым условием (*coditio sie qua o*) возложения на лицо обязанности возместить вред, причинённый потерпевшему, включая публично-правовые образования, является причинная связь, которая и определяет сторону причинителя вреда в деликтном правоотношении. Иное означало бы безосновательное и, следовательно, несправедливое привлечение к ответственности в нарушение конституционных прав человека и гражданина, прежде всего права частной собственности[2]. При этом наступление вреда непосредственно вслед за определёнными действиями, совершёнными лицом либо группой лиц, не означает непременно обусловленность вреда предшествующими деяниями. Отсутствие причинной связи между ними может быть обусловлено, в частности, тем, что наступление вреда было связано с иными обстоятельствами, которые были его причиной. Что касается причинения такого вреда (ущерба), то его

[1] О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 13 октября 2020 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Рос. Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Рос. Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Рос. Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 июля 2020 г. № 32-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

признаки оговорены нормами права или из них вытекают применительно к отдельным категориям правоотношений.

Согласно правовым позициям Верховного Суда РФ, озвученным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», суды, решая вопрос об ответственности, должны руководствоваться общими принципами возмещения вреда[1]. Так, например, вред, причинённый одному лицу по вине другого лица, возмещается виновным; при наличии вины обоих лиц размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого; при отсутствии вины во взаимном причинении вреда (независимо от его размера) ни один из них не имеет права на возмещение вреда друг от друга. Как справедливо было отмечено Е. В. Михайловой, гражданско-правовые средства защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов реализуются в рамках цивилистического процесса. Поскольку публично-правовые образования относятся наряду с гражданами и юридическими лицами к числу субъектов гражданского права (ст. 124 ГК РФ) [6, с. 41–45].

Гражданский иск в уголовном деле вправе предъявить потерпевший, который признаётся гражданским истцом, к лицам, которые в соответствии с нормами УПК РФ приобрели статус обвиняемого в совершении преступления, либо, если исковые требования выдвигаются в процессе судебного разбирательства, – статус подсудимого, за исключением, когда обвиняемый либо подсудимый является несовершеннолетним, о чём совершенно справедливо отметила Е. В. Марковичева, когда ответственность за причинённый вред возлагается на законного представителя [7, с. 70–75].

Производство по гражданскому иску в уголовном судопроизводстве ведётся по правилам, установленным УПК РФ, которые создают для потерпевшего повышенный уровень гарантий защиты его прав. Это выражается в том, что в данном случае на потерпевшем не лежит обязанность по доказыванию факта причинения вреда, поскольку в данной ситуации не действует принцип презумпции виновности, когда каждая из сторон доказывает обстоятельства, на которые ссылается, поскольку характер и размер вреда, причинённого преступлением потерпевшему, включены законодателем в предмет доказывания, установленный ст. 73 УПК РФ. Одновременно с этим потерпевший освобождается от уплаты государственной пошлины. В случае если в исковом заявлении имеются неточности, не позволяющие суду рассмотреть иск по существу в уголовном судопроизводстве, суд обязан предложить потерпевшему, являющемуся одновременно и гражданским истцом, устранить недостатки иска, указав, в чём они заключаются, без возвращения искового заявления[2]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт гражданского иска о возмещении вреда, причинённого преступлением, представляет собой симбиоз двух видов процессуального законодательства – уголовно-процессуального и гражданско-процессуального, а также норм материального права – гражданского и уголовного. Эту позицию подтверждает высказывание Е. В. Михайловой о том, что «ярчайшим примером возникновения отношений, регулируемых нормами другой правовой отрасли, является феномен гражданского иска в уголовном процессе» [8, с. 7–11].

Удовлетворение судом требований потерпевшего от преступления, заявленных в гражданском иске при постановлении и провозглашении приговора (в полном объёме

[1] О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 января 2010 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 13 октября 2020 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

либо частично), означает признание права потерпевшего, также выступающего в процессуальном статусе гражданского истца, на возмещение ему вреда, причинённого преступлением. Это необходимо расценивать как установление судом общих условий наступления гражданской деликтной ответственности, куда входит наличие вреда (физического, материального, морального), противоправность действий осуждённого (причинителя), наличие прямой причинно-следственной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями в виде причинённого вреда, вины осуждённого (причинителя), установленной приговором суда. В этой связи согласимся с мнением М. А. Сойникова о том, что «рассмотрение и разрешение гражданского иска в уголовном судопроизводстве являются одной из наиболее сложных теоретических и практических проблем современного уголовно-процессуального права…» и «…его быстрое рассмотрение и своевременное исполнение решения суда по гражданскому иску, равно как и добровольное возмещение ущерба, причинённого в результате преступления, способствуют скорейшему восстановлению нарушенного права пострадавшего» [9, с. 43–46].

В процессе исследования и оценки доказательств, имеющих отношение к причинённому преступлением вреду, суды в обязательном порядке обращают внимание на следующие обстоятельства:

– характер вреда, причинённого преступлением (если вред материальный, то оценивается размер в соответствии с примечанием к ст. 158 УК РФ; если вред физический, то оценивается степень тяжести вреда, причинённого здоровью; если вред моральный, то оценивается характер нравственных и физических страданий потерпевшего);

– материальное положение причинителя вреда, его возможность по возмещению (частично либо в полном объёме);

– личные качества причинителя вреда и его отношение к совершённому преступлению и обязанности по возмещению причинённого вреда.

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (истечение срока давности, примирение сторон, амнистия и т. п.) не лишает права потерпевшего предъявить гражданский иск о возмещении причинённого преступлением вреда. Но в этом случае необходимо иметь в виду, что суд при рассмотрении такого иска не связан выводами следователя о виновности лица, привлечённого к уголовной ответственности за совершённое преступление. Все собранные доказательства, включая материалы уголовного дела, подлежат всестороннему и полному исследованию и оценке судом в рамках гражданского судопроизводства. Поскольку в данном случае отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор, соответственно, в данном случае отсутствует и преюдиция, что несколько усложняет порядок разрешения дела по существу. Но в тоже время, согласно правовым позициям, выработанным Третьим Кассационным судом общей юрисдикции, если уголовное дело было прекращено в связи с истечением сроков давности в суде, а подсудимый не возражал против прекращения, то установленные в процессе предварительного расследования факты, в том числе и о виновности лица, привлечённого к уголовной ответственности в части причинения вреда потерпевшему, всё же имеют преюдициальное значение о гражданско-правовых последствиях действий ответчика по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицо[1]. Данная позиция представляется достаточно спорной, поскольку доказательства виновности подсудимого, в том числе и по вопросам причинения вреда, в ходе судебного разбирательства не исследовались, суд не давал им оценку на соответствие требованиям относимости, допустимости и достаточности.

[1] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 сентября 2023 г. № 88-19016/2023 по делу № 2-2250/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляется, что, когда уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования либо в суде без исследования собранных доказательств, суд, рассматривая гражданский иск о возмещении вреда, причинённого преступлением, в обязательном порядке должен истребовать и исследовать материалы уголовного дела. Эти материалы будут являться письменными доказательствами, в соответствии со ст. 71 ГПК РФ и должны быть оценены наряду с другими доказательствами по внутреннему убеждению суда, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств спора. Такую же позицию занимает и М. А. Куликова [10, с. 81–90]. При этом суд не должен безоговорочно доверять выводам органов предварительного следствия о виновности лица, в отношении которого был выдвинут обвинительный тезис о доказанной причастности к совершённому преступлению, которым был причинён потерпевшему тот или иной вред, а должен самостоятельно исследовать и оценить все доказательства на предмет их соответствия всем предъявляемым требованиям для установления достаточных оснований для возмещения вреда с тем, чтобы вынесенное решение было законным, обоснованным и справедливым и соответствовало стандарту доказывания «достоверность за пределами разумных сомнений», о чём справедливо отмечали авторы [11, с. 243; 12, с. 103–106; 13; 14 и др.].

1. Сенин Н. Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004. 221 с.
2. Герасименко А. С. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как институт уголовно-процессуального права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 202 с.
3. Туров С. Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция (теоретико-методологический анализ): дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2013. 214 с.
4. Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 201 с.
5. Смирнова Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. 22 с.
6. Михайлова Е. В. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве как средство защиты имущественных прав государства // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 41–45.
7. Марковичева Е. В. Несовершеннолетний как гражданский ответчик в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 12(228). С. 70–75.
8. Михайлова Е. В. Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики // Российский судья. 2021. № 12. С. 7–11.
9. Сойников М. А. Применение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу в деятельности адвоката // Адвокатская практика. 2022. № 2. С. 43–46.
10. Куликова М. А. Формальные и неформальные основания освобождения от доказывания в гражданском процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 3. С. 81–90.
11. Конин В. В., Кудрявцева А. В., Петров А. В. Использование стандартов доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 234–243.
12. Флоря Д. Ф., Николаенко Д. Н. Возмещение НДС при экспорте как вид налоговой преступности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1(78). С. 103–106.
13. Мезинов Д. А. Стандарт «вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 40–47.

14. Елисеев Н. Г. Доказывание в судебном производстве и в арбитражном разбирательстве // Вестник международного коммерческого арбитража. 2010. № 2. С. 30–60

1. Senin N. N. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo prestupleniem, v ugolovnom processe: dis. … kand. yurid. nauk. Tomsk, 2004. 221 s.
2. Gerasimenko A. S. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo prestupleniem, kak institut ugolovno-processual`nogo prava : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2008. 202 s.
3. Turov S. Yu. Vozmeshhenie prichinennogo prestupleniem vreda kak ugolovno-processual`naya funkciya (teoretiko-metodologicheskij analiz): dis. … kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2013. 214 s.
4. Podustova O. L. Obespechenie v xode predvaritel`nogo sledstviya vozmeshheniya poterpevshemu vreda, prichinennogo prestupleniem: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2019. 201 s.
5. Smirnova E. V. Pravovoe regulirovanie i voprosy` praktiki vozmeshheniya vreda, prichinennogo prestupleniem, v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 2017. 22 s.
6. Mixajlova E. V. Grazhdanskij isk v ugolovnom sudoproizvodstve kak sredstvo zashhity` imushhestvenny`x prav gosudarstva // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2024. № 2. S. 41–45.
7. Markovicheva E. V. Nesovershennoletnij kak grazhdanskij otvetchik v ugolovnom processe // Ugolovny`j process. 2023. № 12(228). S. 70–75.
8. Mixajlova E. V. Grazhdanskij isk v ugolovnom processe: voprosy` teorii i praktiki // Rossijskij sud`ya. 2021. № 12. S. 7–11.
9. Sojnikov M. A. Primenenie raz``yasnenij Plenuma Verxovnogo Suda RF o praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugolovnomu delu v deyatel`nosti advokata // Advokatskaya praktika. 2022. № 2. S. 43–46.
10. Kulikova M. A. Formal`ny`e i neformal`ny`e osnovaniya osvobozhdeniya ot dokazy`vaniya v grazhdanskom processe // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2018. № 3. S. 81–90.
11. Konin V. V., Kudryavceva A. V., Petrov A. V. Ispol`zovanie standartov dokazy`vaniya v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 234–243.
12. Florya D. F., Nikolaenko D. N. Vozmeshhenie NDS pri e`ksporte kak vid nalogovoj prestupnosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2019. № 1(78). S. 103–106.
13. Mezinov D. A. Standart «vne razumny`x somnenij» kak kriterij dostizheniya celi ugolovno-processual`nogo dokazy`vaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2017. № 23. S. 40–47.
14. Eliseev N. G. Dokazy`vanie v sudebnom proizvodstve i v arbitrazhnom razbiratel`stve // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2010. № 2. S. 30–60

Информация об авторе

Александр Владимирович Конин. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the author

Alexander V. Konin. Adjunct.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 16.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.36

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ЛИЦА, ОСУЖДЁННОГО К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ, ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Мельников Евгений Александрович
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

evgmelnikov.1985@mail.ru

Аннотация. В доктрине существуют различные точки зрения на основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ. В статье обосновывается позиция, что объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. Делается вывод, что объекты преступлений, предусмотренных ст. 313, 314 и 315 УК РФ, концептуально совпадают. Рассматривается вопрос, какое значение для правоприменительной практики имеет правильное определение объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ. Кроме того, анализируются отдельные дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания. Исследованы отдельные аспекты назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров в связи совершением данного преступления.

Ключевые слова: ограничение свободы, преступления против правосудия, объективная сторона преступления, объект преступления, состав преступления, злостное уклонение, наказание.

Для цитирования: Мельников Е. А. Злостное уклонение лица, осуждённого к ограничению свободы, от отбывания наказания: дискуссионные вопросы характеристики объекта и объективной стороны // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(104). С. 263–272.

MALICIOUS EVASION OF A PERSON SENTENCED TO RESTRICTION OF LIBERTY FROM SERVING A SENTENCE: CONTROVERSIAL ISSUES OF OBJECT CHARACTERISTICS AND THE OBJECTIVE SIDE

Eugene Al. Melnikov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

evgmelnikov.1985@mail.ru

Annotation. In the doctrine, there are different points of view on the main direct object of the crime provided for in Part 1 of Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author substantiates the position that the object of the crime under consideration is social relations that characterize the authority of justice. It is concluded that the objects of crimes provided for in Articles 313, 314 and 315 of the Criminal Code of the Russian Federation conceptually coincide. The question is being considered of what importance for law enforcement practice is the correct definition of the object of the crime provided for in Part 1 of Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the article discusses some controversial issues of the characteristics of the objective

side of malicious evasion from serving the restriction of freedom imposed as an additional punishment. Separate issues of sentencing for a set of crimes and a set of sentences in connection with the commission of this crime are considered.

Keywords: restriction of freedom, crimes against justice, objective side of the crime, object of the crime, corpus delicti, malicious evasion, punishment.

For citation: Melnikov E. A. Malicious evasion of a person sentenced to restriction of liberty from serving a sentence: controversial issues of object characteristics and the objective side // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2024. № 3(104). P. 263–272.

Основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, аналогичен объекту преступлений, предусмотренных ст. 313 и ст. 315 УК РФ, в части уклонения от отбывания наказания, установленного в приговоре суда или в ином судебном постановлении (в случае когда, например, назначенное приговором суда более мягкое наказание изменено на лишение свободы в соответствии с ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 или ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). Мы полагаем, что концептуально данная группа общественно опасных деяний посягает на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия [1, с. 10]. Некоторые специалисты ввиду однотипности объектов преступлений, предусмотренных ст. 313, 314 и ст. 315 УК РФ, предлагают внести изменения в УК РФ, объединив уклонение от различных видов уголовного наказания в единую статью УК РФ [2, с. 8; 3, с. 470; 4, с. 16; 5, с. 21]. Несмотря на дискуссионность данного предложения, мы солидарны с автором о единой природе объектов данных посягательств.

Мы не видим какого-либо практического смысла в чрезмерной конкретизации основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ. В доктрине иногда определяют объекты отдельно для каждого преступления, закреплённого в ч.ч. 1–3 ст. 314 УК РФ. Например, основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, определяется как общественные отношения, характеризующие «порядок и условия отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы, которые установлены уголовно-исполнительным законодательством и которые осуждённый обязан соблюдать на основании обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу» [6].

Основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ, определяется как общественные отношения, характеризующие процесс реализации уголовной ответственности в форме назначенного приговором суда (иным судебным решением) лишения свободы «в случае предоставления осуждённому права выезда за пределы места лишения свободы или применения отсрочки исполнения приговора или отбывания наказания» [6, с. 154; 7, с. 17]. В качестве основного непосредственного объекта посягательства, предусмотренного ч. 3 ст. 314 УК РФ, рассматривают общественные отношения, характеризующие «порядок прохождения принудительных мер медицинского характера, назначенных лицу судом в связи с расстройством сексуального предпочтения (педофилией) по основаниям, предусмотренным ч. 2.1 ст. 102 УК и ч. 4 ст. 18 УИК, когда такие меры применяются после отбытия уголовного наказания» [6, с. 154; 7, с. 639].

За такой излишней детализацией основного объекта теряется содержательная его часть: какую ответственность должно нести лицо за совершение деяния, предусмотренного ст. 314 УК РФ, если приговор суда или иное судебное решение, которым были установлены в отношении него соответствующие ограничения либо сами эти ограничения в последующим признаны незаконными? В случае если основным непосредственным объектом посягательства рассматриваемого деяния признать общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия, то лицо не должно подлежать

уголовной ответственности ввиду отсутствия состава преступления. При иных подходах к определению основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, вопрос должен разрешаться по-другому.

Аргумент, что общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия, не могут выступать основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч.1 ст. 314 УК РФ, ввиду того, что сложно подсчитать конкретный вред, который ему причиняется в результате совершения данного общественно опасного деяния, представляется нам неубедительными [6, с. 154]. Вопрос о количественном измерении авторитета органа государственной власти возникает в правоприменительной практике, когда органы предварительного расследования вменяют в качестве общественно опасных последствий злоупотребления или превышения должностных полномочий (ст. 285, ст. 286 УК РФ) его умаление. Данные преступления имеют материальный состав, наступление общественно опасных последствий подлежит доказыванию. В связи с этим суды требуют, чтобы наступление общественно опасных последствий было конкретизировано, а не сводилось к абстрактным формулировкам об «умалении авторитета органа государственной власти»[1]. Однако преступление, предусмотренное ч.1 ст. 314 УК РФ, имеет формальный состав. Поэтому необходимость доказывания наступления общественно опасных последствий, находящихся в причинно-следственной связи с совершённым деянием, отсутствует. Тем не менее такие общественно опасные последствия, безусловно, наступают и подлежат оценке в том числе с точки зрения признания деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст. 314 УК РФ, малозначительным (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

В ст. 314 УК РФ объединено несколько составов преступлений, отличающихся по своей объективной стороне.

Наибольшее количество дискуссий в науке вызывает состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 314 УК РФ, – злостное уклонение лица, осуждённого к ограничению свободы. Уголовная ответственность за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, была введена в УК РФ с 1 января 2010 г[2]. В случае злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, оно может быть заменено принудительными работами или лишением свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ). Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 314 УК РФ не наступает. Квалифицировать данное деяние по ч.1 ст. 315 УК РФ также не представляется возможным ввиду наличия специальной нормы, закреплённой в ч. 5 ст. 53 УК РФ. Таким образом, уголовное законодательство в настоящее время предусматривает разные последствия за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы в зависимости от того назначено оно в качестве основного или дополнительного наказания, что представляется не весьма последовательным [9, с. 37].

Как отмечает А. И. Рарог, здесь законодателем допущено «явное нарушение логики в оценке опасности уклонения от отбывания ограничения свободы как основного и как дополнительного наказания» [10]. В частности, им приводится пример, когда лицо осуждено к одному году ограничения свободы и злостно уклоняется от его исполнения. В соответствии с действующим законодательством в рассматриваемом случае ограничение свободы может быть заменено принудительными работами или лишением

[1] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 26 сентября 2013 г. по делу № 22-1826 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Рос. Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Рос. Федерации о наказании в виде ограничения свободы [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерацииот 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

свободы на срок до 6 месяцев (ч. 5 ст. 53 УК РФ). Однако если лицо злостно уклоняется от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного, то оно может быть осуждено к лишению свободы на срок до 1 года [10]. В связи с этим ряд специалистов предлагает отменить указанное правило о замене наказания (ч. 5 ст. 53 УК РФ) и установить уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного как в качестве основного наказания, так и дополнительного [11, с. 49; 12].

Анализ правоприменительной практики показал, что при рассмотрении дел по ч. 1 ст. 314 УК РФ суды в большинстве случаев назначают наказание в виде реального лишения свободы, в том числе в силу разных подходов, сформировавшихся в правоприменительной практике, к нормам о рецидиве преступлений, содержащихся в УК РФ. Аналогичные вопросы возникают и при назначении судами наказания по ст. 314.1 УК РФ. Единая позиция по данному вопросу в доктрине отсутствует [13, с. 40; 14; 15, с. 64]. В ряде случаев суды рассматривают совершение преступления, предусмотренного ст. 314 (314.1) УК РФ, как рецидив преступлений и учитывают его в приговорах как отягчающее наказание обстоятельство и назначают наказание с учётом положений ч. 2 ст. 68 УК[1]. В других случаях суды рассматривают рецидив преступлений как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного ст. 314 (314.1)УК РФ, но наказание виновным лицам назначается также с учётом положений ч. 2 ст. 68 УК РФ[2]. Мы же разделяем позицию тех судов, которые рассматривают рецидив преступлений как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного ст. 314 (314.1)УК РФ, и назначают наказание виновным лицам без учёта положений ч. 2 ст. 68 УК РФ[3]. Представляется, что правило назначения наказания, закреплённое в ч. 2 ст. 68 УК РФ, касается лишь случаев назначения наказания лицам, в действиях которых имеется рецидив преступлений, оцениваемый как отягчающее наказание обстоятельство (т. е. ч. 2 ст. 68 УК РФ не должна распространяться на случаи, когда рецидив является признаком преступления, за совершение которого лицо привлекается к уголовной ответственности) [16, с. 35]. Сказанное косвенно подтверждает то обстоятельство, что в ст. 314 (314.1) УК РФ предусмотрена возможность назначения наказания, не связанного с лишением свободы. Применение же ч. 2 ст. 68 УК РФ фактически исключает возможность назначения альтернативных видов наказания, не связанных с лишением свободы. Кроме того, при назначении наказания по ч. 1 ст. 314 УК РФ возникает проблема, связанная с невозможностью применения правил назначения наказания по совокупности приговоров, так как действующее законодательство не предусматривает возможности сложения основного и дополнительного наказаний (ст. 70 УК РФ). Поэтому правоприменительная практика по вопросу назначения итогового наказания носит противоречивый характер [17, с. 33; 18]. В одних случаях суды учитывают положения ч. 4 ст. 69 и ст. 70 УК РФ[4], в других – нет[1]. В последнем случае при

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 22 сентября 2020 г. по делу № 91-УДП20-3-К3 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2022 г. по делу № 77-825/2022 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 февраля 2022 г. по делу № 77-792/2022; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 5 апреля 2022 г. по делу № 57-УД22-3-К1 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Приговор Ясненского районного суда Оренбургской области от 9 июня 2021 г. по делу № 1(1)-39/2021. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/60425055/extended (дата обращения: 22.07.2025); Апелляционный приговор Вятскополянского районного суда Кировской области

совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, назначается, как правило, новое наказание в виде лишения свободы без учёта неотбытой части наказания в виде ограничения свободы по предыдущему приговору, назначенного в качестве дополнительного наказания.

Оба подхода соответствуют законодательству. Вместе с этим существующая дифференциация в правоприменительной практике, как показал анализ судебных решений, обусловлена не принципом индивидуализации наказания, а отсутствием единого подхода, что уже ставит под сомнение соблюдение принципа справедливости в условиях, когда при аналогичных обстоятельствах совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 313 УК РФ, итоговое наказание определяется по разным правилам. В доктрине также обращается внимание на недостаточную обоснованность отдельной криминализации злостного уклонения от ограничения свободы, в то время как УК РФ предусматривает более строгие виды уголовного наказания, в частности принудительные работы [18]. В случае уклонения от отбывания принудительных работ они могут быть заменены лишением свободы (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). Однако в случае злостного уклонения от отбывания принудительных работ деяние может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 315 УК РФ.

С учётом всех обозначенных недостатков ч. 1 ст. 314 УК РФ распространено мнение, что злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, следует декриминализовать [19, с. 476; 20, с. 45–46]. Параллельно внести изменения в ч. 5 ст. 53 УК РФ, установив, что при злостном уклонении от отбывания ограничения свободы, назначенного как в качестве основного, так и дополнительного наказания, неотбытая часть наказания заменяется принудительными работами или лишением свободы из расчёта один день принудительных работ за два дня ограничения свободы или один день лишения свободы за два дня ограничения свободы [21, с. 25–26].

Некоторые специалисты считают, что ограничение свободы, назначенное в качестве дополнительного наказания, по своему функциональному назначению может заменить административный надзор, за уклонение от которого в ст. 314.1 УК РФ предусмотрена соответствующая уголовная ответственность [22]. В связи с этим ч. 1 ст. 314 УК РФ предлагается также декриминализовать. Подобное предложение представляется весьма спорным, так как ограничение свободы и административный надзор имеют различную правовую природу (административный надзор не является наказанием), разный порядок назначения (ограничение свободы непосредственно связано с совершённым деянием и назначается при вынесении приговора) и цели (административный надзор назначается в превентивных целях и не связан с целью восстановления социальной справедливости, характерной для уголовного наказания). Указанные отличия проявляются в разных подходах к криминализации злостного уклонения от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, и от административного надзора.

По мнению других авторов, уголовная ответственность должна быть предусмотрена лишь за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы, замена которого на более строгий вид наказания невозможна. Все остальные «меры карательного воздействия вполне могут быть заменены как раз лишением свободы (либо иным, более строгим по отношению к тому виду наказания, от которого происходит уклонение)» [18].

от 15 июля 2019 г. по делу № 10-18/2019. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/44559822/extended (дата обращения: 22.07.2025).

[1] Приговор Саровского городского суда Нижегородской области от 18 ноября 2015 г. по делу № 1-106/2015. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/11242658/extended (дата обращения: 22.07.2025); Приговор Заводского районного суда г. Орла Орловской области от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-32/2020. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/48167432/extended (дата обращения: 22.07.2025).

Мы не согласны с изложенными выше мнениями. Мы солидарны с позицией тех учёных, которые считают, что злостное уклонение от исполнения приговора суда должно считаться преступным «независимо от субъектного состава и от вида наказания, поскольку в противном случае ставится под сомнение авторитет судебной власти» [23, с. 143; 24, с. 10]. В законодательстве уголовная ответственность за злостное неисполнение вступившего в законную силу приговора установлена в ст. 315 УК РФ.

В ряде случаев за злостное уклонение осуждённого от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, по нашему мнению, ему должно также назначаться уголовное наказание, также не связанное с лишением свободы (например, принудительные работы, штраф), с одновременным применением правила о замене неотбытой части наказания лишением свободы в тех случаях, когда это предусмотрено законодательством. Однако не всеми специалистами поддерживается такой подход. По их мнению, подобные предложения не в полной мере соответствуют тенденции на «либерализацию» уголовного законодательства [25, с. 96]. Несмотря на недостатки ч. 1 ст. 314 УК РФ, на протяжении последних десяти лет ежегодно за совершение данного преступления осуждается порядка 300–500 человек. Это значительно выше, чем количество лиц, осуждённых по ч. 2 ст. 314 УК РФ (в среднем 15–35 человек в год) и по ч. 3 ст. 314 УК РФ (за 10 лет – 0). Рассматриваемое преступление имеет формальный состав. Данное деяние может быть совершено как в форме действия в случае нарушения запрета, установленного судом, либо в форме бездействия в случае невыполнения обязанностей, установленных судом. Типовой перечень запретов и обязанностей, возлагаемых на осуждённого, закреплён в ч. 1 ст. 53 УК РФ, однако данный перечень не является закрытым. Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, является злостность уклонения. Перечень нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, за совершение которых лицо может быть признано злостно уклоняющимся от его отбывания, определён в ч. 4 ст. 58 УИК РФ.

Ввиду того что перечень оснований для признания лица, злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, является закрытым, каких-либо проблем в правоприменительной практике, связанных с установлением признака «злостности», не возникает[1]. Вместе с этим анализ правоприменительной практики показал, что в случаях если «осуждённый, допустивший нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений» (п. «а» ч. 4 ст. 58 УИК РФ), привлекается к уголовной ответственности по ч.1 ст. 314 УК РФ, то каждое нарушение порядка и условий отбывания наказания, допущенное осуждённым, имеющим взыскание в виде официального предостережения, рассматривается как самостоятельное преступление.

Например, суд осудил гражданина, подвергнутого взысканию в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 314 УК РФ, за то, что он в первом случае отсутствовал по месту своего проживания в ночное время без согласия уголовно-исполнительной инспекции и уважительных на то причин в период с 10 по 11 февраля 2023 г., а во втором – за то, что он отсутствовал по месту своего проживания без согласия

[1] Приговор Буйского районного суда Костромской области от 8 июня 2023 г. по делу №1-98/2023. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/75984956/extended (дата обращения: 22.07.2025); Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 29 марта 2023 г. по делу № 1-76/2023. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/74954928/extended (дата обращения: 22.07.2025); Апелляционное постановление Покровского районного суда Орловской области 17 июня 2021 г. по делу № 10-3/2021. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/60471073/extended (дата обращения: 22.07.2025).

уголовно-исполнительной инспекции и уважительных на то причин в период с 2 по 13 марта 2023 г. За каждое преступление, предусмотренное ч.1 ст. 314 УК РФ, лицу было назначено наказание в виде 6 месяцев лишения свободы, окончательное наказание было определено судом с учётом правила сложения наказаний по совокупности преступлений и приговоров (при сложении неотбытой части ограничения свободы, назначенного осуждённому в качестве дополнительного наказания по предыдущему приговору, и аналогичного наказания, назначенному осуждённому новым приговором за совершённую кражу)[1].

Привлечение лица, подвергнутого взысканию в виде официального предостережения за каждое последующее нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы по совокупности преступлений, считаем концептуально неверным. Получается, что лицо, имеющее официальное предостережение, которое три раза в нарушение установленного порядка покинет в ночное время место проживания, совершит три преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 314 УК РФ, а лицо, которое в принципе скроется с места своего жительства, место нахождения которого будет не установлено в течение более 30 дней, – одно. Это лишний раз подтверждает тезис, что подходы к криминализации деяния, предусмотренного в ч. 1 ст. 314 УК РФ, нуждаются в серьёзной корректировке.

1. Сауляк В. К. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 183 УК УССР). Киев: Н.-и. и ред.-изд. отд., 1980. 31 с.
2. Иванова С. И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 22 с.
3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
4. Губко И. В. Преступления, связанные с уклонением от отбывания наказания или иных мер правового принуждения (статьи 313, 314, 314.1 УК РФ): понятие, система основные направления оптимизации законодательного описания: автореф. дис канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 26 с.
5. Гаманенко Л. В. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: автореф. дис канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.
6. Шиханов В. Н. О некоторых современных проблемах толкования и применения ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 152–158.
7. Андреев К. П. Ответственность осужденных за неисполнение требований приговора суда в российском уголовном праве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.
8. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. / Под ред. Н.А. Лопашенко. Т. 3. Особенная часть. Ч. 2. М.: Юрлитинформ, 2014. 663 с.
9. Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. дис.... докт. юрид. наук. М., 2013. 59 с.
10. Рарог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4.
11. Дядькин Д. С. К проблеме формализации системы наказаний // Российский следователь. 2006. № 8. С. 46–49.
12. Чередниченко Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М.: Волтерс Клувер, 2007.

[1] Приговор Новооскольского районного суда Белгородской области от 10 мая 2023 г. по делу № 1-48/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/76224407/extended (дата обращения: 22.07.2025).

13. Мингалимова М. Ф. Новый подход к назначению наказания за преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ // Уголовное право. 2021. № 7. С. 34–41.
14. Зателепин О. К. Назначение наказания по специальным правилам. Расчет наказаний в усиленных, смешанных и коллизионных санкциях // Уголовный процесс. 2022. № 3. С. 33–39.
15. Щепельков В. Проблема «двойной ответственности» при применении и конструировании института назначения наказания // Уголовное право. 2002. № 2. С. 63–64.
16. Чучаев А. И., Буранов Г. К. Рецидив преступления и наказание // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 32–35.
17. Никишова П. М. Проблемные вопросы уголовной ответственности за преступления, связанные с уклонением от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 11. С. 31–35.
18. Бавсун М. В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ): проблемы правовой регламентации и практики применения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1(80).
19. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / Под ред. Н.А. Лопашенко. М.:Юрлитинформ, 2023. 560 с.
20. Филимонов В. Д. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. 2013. № 2. С. 42–46.
21. Губко И. В., Прохоров Л. А. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности // Российский следователь. 2012. № 16. С. 24–26.
22. Орлов А. В. Уклонение от отбывания ограничения и лишения свободы как преступление, посягающее на пенитенциарную безопасность // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика : мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 22–23 июня 2012 г.) / под общ. ред. Р. А. Ромашова. Самара : Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2013. С. 209–212.
23. Подройкина И. А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М. : Юстицинформ, 2017. 240 с.
24. Бочкарева Ю. В. Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 26 с.
25. Урусов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2024. Т. 21, № 1. С. 96–105.

1. Saulyak V. K. Ugolovnaya otvetstvennost` za uklonenie ot otby`vaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody` (st. 183 UK USSR): Lekciya. Kiev: N.-i. i red.-izd. otd., 1980. 31 s.
2. Ivanova S. I. Uklonenie ot otby`vaniya ugolovnogo nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2004. 22 s.
3. Gorelik A. S., Lobanova L. B. Prestupleniya protiv pravosudiya. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2005. 491 s.
4. Gubko I. V. Prestupleniya, svyazanny`e s ukloneniem ot otby`vaniya nakazaniya ili iny`x mer pravovogo prinuzhdeniya (stat`i 313, 314, 314.1 UK RF): ponyatie, sistema osnovny`e napravleniya optimizacii zakonodatel`nogo opisaniya: avtoref. dis kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2013. 26 s.
5. Gamanenko L. V. Ugolovno-pravovoe obespechenie realizacii naznachennogo nakazaniya: avtoref. dis kand. yurid. nauk. Ryazan`, 2010. 24 s.

6. Shixanov V. N. O nekotory`x sovremenny`x problemax tolkovaniya i primeneniya st. 314 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 12. S. 152–158.
7. Andreev K. P. Otvetstvennost` osuzhdenny`x za neispolnenie trebovanij prigovora suda v rossijskom ugolovnom prave: avtoref. dis.... kand. yurid. nauk. Kazan`, 2007. 27 s.
8. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshhaya i Osobennaya chasti: uchebnik. V 3 t. / Pod red. N.A. Lopashenko. T. 3. Osobennaya chast`. Ch. 2. M.: Yurlitinform, 2014. 663 s.
9. Dvoryanskov I. V. Konceptual`ny`e osnovy` ugolovno-pravovoj oxrany` interesov sudebnoj vlasti: avtoref. dis.... dokt. yurid. nauk. M., 2013. 59 s.
10. Rarog A. I. Oshibka zakonodatelya: vidy`, prichiny`, puti ispravleniya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2019. № 4.
11. Dyad`kin D. S. K probleme formalizacii sistemy` nakazanij // Rossijskij sledovatel`. 2006. № 8. S. 46–49.
12. Cherednichenko E. E. Principy` ugolovnogo zakonodatel`stva: ponyatie, sistema, problemy` zakonodatel`noj reglamentacii. M.: Volters Kluver, 2007.
13. Mingalimova M. F. Novy`j podxod k naznacheniyu nakazaniya za prestuplenie, predusmotrennoe st. 314.1 UK RF // Ugolovnoe pravo. 2021. № 7. S. 34–41.
14. Zatelepin O. K. Naznachenie nakazaniya po special`ny`m pravilam. Raschet nakazanij v usilenny`x, smeshanny`x i kollizionny`x sankciyax // Ugolovny`j process. 2022. № 3. S. 33–39.
15. Shhepel`kov V. Problema «dvojnoj otvetstvennosti» pri primenenii i konstruirovanii instituta naznacheniya nakazaniya // Ugolovnoe pravo. 2002. № 2. S. 63–64.
16. Chuchaev A. I., Buranov G. K. Recidiv prestupleniya i nakazanie // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 12. S. 32–35.
17. Nikishova P. M. Problemny`e voprosy` ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazanny`e s ukloneniem ot otby`vaniya ogranicheniya svobody`, lisheniya svobody`, a takzhe ot primeneniya prinuditel`ny`x mer medicinskogo xaraktera // Vedomosti ugolovno-ispolnitel`noj sistemy`. 2019. № 11. S. 31–35.
18. Bavsun M. V. Ugolovnaya otvetstvennost` za uklonenie ot otby`vaniya nakazaniya (st. 314 UK RF): problemy` pravovoj reglamentacii i praktiki primeneniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1(80).
19. Prestupleniya protiv pravosudiya (gl. 31 UK RF): monografiya / Pod red. N.A. Lopashenko. M.:Yurlitinform, 2023. 560 s.
20. Filimonov V. D. Problemy` differenciacii vidov nakazanij, ne svyazanny`x s lisheniem svobody`, i otvetstvennosti za uklonenie ot ix otby`vaniya // Ugolovnoe pravo. 2013. № 2. S. 42–46.
21. Gubko I. V., Proxorov L. A. Kriminalizaciya zlostnogo ukloneniya ot otby`vaniya ogranicheniya svobody` (ch. 1 st. 314 UK RF): voprosy` obosnovannosti i celesoobraznosti // Rossijskij sledovatel`. 2012. № 16. S. 24–26.
22. Orlov A. V. Uklonenie ot otby`vaniya ogranicheniya i lisheniya svobody` kak prestuplenie, posyagayushhee na penitenciarnuyu bezopasnost` // Penitenciarnoe pravo i penitenciarnaya bezopasnost`: teoriya i praktika : mat-ly` III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Samara, 22–23 iyunya 2012 g.) / pod obshh. red. R. A. Romashova. Samara : Samarskij yurid. in-t FSIN Rossii, 2013. S. 209–212.
23. Podrojkina I. A. Ugolovny`e nakazaniya v sovremennoj Rossii: problemy` i perspektivy`. M. : Yusticinform, 2017. 240 s.
24. Bochkareva Yu. V. Problemy` sovershenstvovaniya sistemy` nakazanij v ugolovnom zakonodatel`stve Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Tambov, 2009. 26 s.
25. Urusov A. A. Ugolovno-pravovaya xarakteristika i problemy` ispolneniya ugolovnogo nakazaniya v vide obyazatel`ny`x rabot // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo. 2024. T. 21, № 1. S. 96–105.

Информация об авторе

Евгений Александрович Мельников. Доцент кафедры экономических и финансовых расследований ВШГА, кандидат юридических наук.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Information about the author

Eugene Al. Melnikov. Associate Professor of the Department of economic and financial investigations of the Higher school of public. Candidate of Law Sciences.
Lomonosov Moscow State University.
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.
The article was received in the editorial office on 05.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 25.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.98

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Морозова Наталия Владимировна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

morozova_nv1982@mail.ru

Аннотация. В статье проведён комплексный анализ такого правового института, как судебная экспертиза, в частности одного из её видов – судебно-медицинской экспертизы. Данный вид экспертиз имеет неоспоримо большое значение в уголовном процессе. Именно заключение сведущего лица в области судебной медицины позволяет решить вопросы медико-биологического характера, возникающее на различных этапах расследования. Автором рассмотрены понятие, сущность специфики судебно-медицинских экспертиз на предварительном следствии, а также проанализированы существующие проблемы в порядке назначения и производства соответствующих экспертиз.

Ключевые слова: экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, эксперт, врач, постановление, специальные познания.

Для цитирования: Морозова Н. В. Судебно-медицинская экспертиза в России: правовые и организационные аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 273–280.

FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN RUSSIA: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Natalia V. Morozova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

morozova_nv1982@mail.ru

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of such a legal institution as forensic expertise, and in particular, one of its types – forensic medical expertise. This type of expertise is undeniably important in the criminal process. It is the expert opinion of a specialist in forensic medicine that allows for the resolution of medical and biological issues that arise at various stages of the investigation. The author examines the concept and essence of forensic medical expertise in the preliminary investigation, as well as analyzes the existing problems in the appointment and production of such examinations.

Keywords: expertise, forensic medical examination, expert, doctor, resolution, special knowledge.

For citation: Morozova N. V. Forensic medical examination in Russia: Legal and Organizational Aspects // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 273–280.

На сегодняшний день уголовное судопроизводство тесно взаимосвязано с различными сферами человеческой жизнедеятельности, а следовательно, его невозможно представить и без оперирования специальными знаниями – естественными, техниче-

скими, экономическими и другими [1, с. 13]. В деятельности следователя такого рода знания играют немаловажную роль при расследовании уголовных дел, помогая в формировании доказательственной основы. Важно отметить, что в некоторых случаях, как показывает практика расследования преступлений, разъяснения лиц, обладающих специальными познаниями, могут выступать одним из единственных источников информации, которая будет иметь доказательственное значение на начальных и последующих этапах расследования. Зачастую на стадии доследственной проверки следователь имеет достаточно ограниченный арсенал средств, к которым он может обратиться для установления состава преступления и дальнейшего принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом. К счастью для следователя, у него имеется правовая возможность назначать на данном этапе производство судебных экспертиз, которые помогают установить множество фактов по материалам доследственной проверки.

Рассматривая сущность судебной экспертизы как процессуального действия, отметим, что оно состоит, во-первых, в проведении исследования по тому или иному факту, во-вторых, в даче заключения экспертом в соответствии с теми вопросами, которые нуждаются в разрешении при помощи использования специальных знаний, реализующиеся по требованию следователя в рамках конкретного уголовного производства [2, с. 65]. Исходя из вышесказанного, целесообразно выделить наиболее важные черты анализируемой категории, которые отражают её сущность:

- исследование на основе специальных знаний;
- реализация экспертизы в непосредственно процессуальной форме;
- цель – установление обстоятельств, имеющих значение для дела;
- реализация специальным субъектом – лицом, обладающим необходимыми познаниями в области проводимого исследования;
- полученный результат экспертизы нуждается в обязательной формализации, закрепляясь в уголовном деле в виде заключения;
- заключение эксперта, согласно действующему законодательству, является отдельным видом доказательств, который несёт в себя своеобразный спектр информации и не может быть получен иным способом. Основной Закон нашего государства призван полноценно защищать человека от негативного воздействия извне, в этих целях закреплены соответствующие нормы, регламентирующие возможность использования помощи системы здравоохранения в рамках реализации судебно-медицинской экспертизы [3, с. 32] (ст. 41 Конституции Российской Федерации). Об этом свидетельствует и действующий в настоящее время Федеральный закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1]. Таким образом, рассмотрев основные черты экспертизы в целом, обратимся к анализу её вида – судебно-медицинской экспертизы. Она представляет собой раздел медицины, который изучает и разрабатывает медико-биологические проблемы здравоохранения.

Дефиниция «медицинская экспертиза» законодательно закреплена в ст. 58 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], в соответствии с которой «медицинской экспертизой является проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-

[1]О государственной судебно-экспертной деятельности в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерацииот 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина».

Главной задачей исследуемого института является непосредственно осуществление информационной поддержки деятельности следователя, в некоторых случаях и суда, обеспечение производства расследования необходимыми сведениями, которые в последующем будут носить доказательственный характер, разрешая при этом вопросы, ответ на которые требует специальных знаний в области медицины и биологии [4, с. 83]. Судебно-медицинская экспертиза как таковая имеет особое значение при производстве по факту совершения преступлений, которые связаны с посягательством на жизнь и здоровье человека. По мнению Д. А. Бадикова, «заметно это проявляется в преступлениях против личности, где следователю необходимо ещё до возбуждения уголовного дела установить тяжесть вреда здоровью, серьёзность повреждений, способы нанесения таких повреждений, причины смерти, психическое и психологическое состояние как жертвы, так и заподозренного лица и другие немаловажные обстоятельства» [5, с. 45].

Как известно, институт экспертизы имеет соответствующего субъекта, который реализует данную деятельность и формирует результат, имеющий значение для следователя. Эксперт представляет собой процессуальное лицо, наделённое правом дачи заключения на основании проведённых им исследований, от своего имени, по своему внутреннему убеждению, которое обладает определённой самостоятельностью и независимостью при проведении экспертизы и несёт за результат личную ответственность [6, с. 108]. Данному участнику уголовного процесса присущи некоторые признаки, отграничивающие его как такового от других лиц. Так, говорим о том, что эксперт:

- обладает знанием медицинского характера, позволяющим осуществлять экспертную деятельность по какому-либо факту;
- имеет практический опыт и способен дать интересующие следователя ответы на неразрешённые вопросы.

Стоит отметить, что законодательство, регулирующее вопрос производства судебно-медицинской экспертизы, закрепляет возможность её осуществления как государственными экспертами учреждения «Бюро судебно-медицинской экспертизы», так и другим компетентным врачом, обладающим соответствующими медицинскими знаниями, при обстоятельствах, в которых штатные сотрудники, имеющие способность в необходимом исследовании, отсутствуют (независимо от избранной специальности и выполняемой работы). При этом процессуальный статус указанных участников с вытекающими правами, обязанностями и ответственностью равный.

Исходя из вышеуказанного, в качестве логического обоснования обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [1], которое даёт чёткое разъяснение процедуры привлечения негосударственного эксперта к реализации исследования. Так, предусматривается процесс включения в процесс врача-эксперта путём направления запроса на получение сведений, которые будут являться основанием назначения его в качестве такового, а именно: его личные данные, специальность, опыт работы, квалификация и иное. Помимо этого, пояснение возложенных на данного участника обязанностей, его законные права и ответственность за осуществляемую деятельность возлагаются на лицо, которое привлекает его к непосредственному производству экспертизы.

По окончании исследования эксперт в письменном виде формулирует результат его проведения, составляя заключение – документ, закрепляющий содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом. Оно включает в себя не только ответы, необходимые следователю, но и данные о лице, которое его оформляло;

[1] О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экспертном учреждении, в котором производилась экспертиза; месте и времени этого события; в обязательном порядке сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

На практике встречаются случаи, когда сведущее лицо устанавливает факты, имеющие определённую значимость в рамках расследования преступного посягательства, но в постановлении следователя о таковых не находит упоминание в форме вопроса. При указанном обстоятельстве должностное лицо вправе допросить эксперта, осуществившего судебно-медицинскую экспертизу, в целях уточнения результатов исследования или разъяснении интересующих следователя вопросов. Реализация допроса возможна и по инициативе участников уголовного процесса для производства процедуры толкования полученных сведений. Отмечаем, что допрос невозможен до момента вынесения заключения. Допрос – важное следственное действие, которое оказывает помощь должностному лицу в производстве расследования. Однако не стоит упускать и положение, в котором чётко говорится, что эксперт не может быть допрошен по тому факту, который стал ему известен в процессе исследования, если он не сопоставим с предметом проведённой экспертизы. Учитываем то, что приобщение заключения эксперта в качестве доказательства к уголовному делу осуществляется путём его независимой оценки следователем, при которой он опирается на своё внутреннее убеждение, ссылаясь на имеющуюся совокупность иных данных.

Судебно-медицинская экспертиза, как и любая другая, имеет определённую классификацию. Так, в зависимости от последовательности осуществления исследования обусловлено появление первичной экспертизы (то есть той, которая проводится впервые и до этого не была реализована) и вторичной (то есть производство которой обусловлено уже имеющимся исследованием). На основании численности экспертов существует медицинская экспертиза, выполняемая единолично (с участием одного специального субъекта) и группой таковых (не менее двух экспертов).

В свою очередь, экспертизы, реализуемые в составе группы, согласно уголовно-процессуальному законодательству, делятся на два вида, в частности: комиссионные (реализуются при помощи не менее двух экспертов, причём с одной специальностью) и комплексные (осуществляются с участием экспертов различных специальностей). Правовые нормы предусматривают основание, которое зависит от времени производства экспертизы, подразделяя последние на дополнительную (производство при выявлении недостаточности данных) и повторную (проведение в случаях выявления неясностей, неточностей, необоснованности заключения).

Касаясь последнего вида, отметим, что практический опыт ОБУЗ «Бюро судебно-медицинских экспертиз», а также иные экспертные организации представляют процессуальную проблематику их осуществления. В частности, при вынесении постановления о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы должностные лица упускают важность уточнения мотивов её производства, то есть не считают должным обосновывать результат своих выводов [7, с. 32]. Бывают случаи, когда следователь указывает в качестве такого процессуального побуждения распоряжение руководителя. Нередко встречаются клишированные фразы, например: «противоречие материалам дела», «сомнения в выводах», «неубедительность» заключения и пр. Также при вынесении постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы частыми ошибками выступают: неполное описание обстоятельства совершённого деяния; неописанный механизм образования следов, не описаны исключительные особенности места происшествия и др. При написании описательно-мотивировочной части постановления следователи всё чаще руководствуются более упрощённым способом составления и не описывают важные детали произошедшего.

Иногда это ограничивается обычной укороченной фабулой дела. Такие ошибки часто приводят к неполному исследованию и результату судебно-медицинских экспертиз.

Также должностные лица, составляющие постановление, чаще могут не указывать основание назначения производства экспертизы или формулируют его неверно. Проблемы присутствуют и при составлении вопросов, на которые необходимо ответить эксперту. Зачастую это очень обобщённые вопросы без уточнения конкретных деталей, интересующих следователя [8, с. 66]. Такие вопросы являются некорректными, и ответ на них эксперт может попросту не дать, указав на это объективные причины в заключении. Огромное число случаев неправильного оформления резолютивной части постановления: часто не указывается первичный вид экспертизы, отражаются только её виды (повторная или дополнительная), не указывается единоличная форма проведения экспертизы. Данные факторы напрямую влияют на качество проведённой экспертизы, где в лучшем случае эксперт может не ответить на вопрос, мотивировав это тем, что вопросы составлены некорректно, или же в худшем – сам эксперт даст некорректный или неверный ответ, что может отразиться на дальнейшем использовании результатов экспертизы в расследовании. Для преодоления таких проблем необходима более углублённая подготовка следственных кадров, а уже действующим сотрудникам рекомендуется чаще обращаться за помощью к специалистам судебно-медицинского профиля для получения разъяснений и составления вопросов для назначения экспертиз [9, с. 68].

Таким образом, резюмируем, что проблемы процессуального характера содержатся не только в обоснованности и процессуальной верности вынесения постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы. Помимо этого, она кроется в самом важном – постановке вопросов эксперту. В своей деятельности должностные лица посредственным образом относятся к данной процедуре, скрупулёзно переписывая образцы из специальных справочников или вовсе ставя вопрос, не имеющий отношения к делу. Последствия такой деятельности носят, скорее, отрицательный характер, нежели положительный, увеличивая как сроки производства данной экспертизы, так и затягивая процесс в целом с большой вероятностью получения неверных выводов.

Наиболее частые ошибки в формулировке вопросов подразделяются на несколько групп:

- логические: вопрос имеет неправильную содержательную последовательность или ставится в сослагательном наклонении – «что бы было, если бы?»;
- процессуальные: подразумевается вопрос, не соответствующий законодательным нормам, например, предрешающий виновность или невиновность лица в совершении преступления;
- операционные: например, вместо назначения повторной экспертизы, обеспечивается дополнительная;
- и иные [10, с. 133].

В силу этого могут быть предложены некоторые правила постановки вопросов, в связи с чем:

- задаваемый эксперту вопрос должен быть конкретно и корректно поставлен – правильно сформулирован;
- в нём необходимо присутствие краткости и ясности для того, чтобы не запутать в своих намерениях эксперта, осуществляющего экспертизу;
- вопросы необходимо выдерживать в строгой логической последовательности в целях получения такого же гармоничного по содержанию ответа.

Для назначения экспертизы следователю заранее необходимо сформулировать необходимые вопросы, которые он задаст специалисту о наличии тех или иных повреждений. Вопросы должны быть составлены грамотно и относиться только к объекту исследования. При составлении вопросов, а также при получении ответа должна быть использована единая судебно-медицинская терминология [11, с. 394]. Исходя из этого, следователь может заранее обратиться к тому или иному специалисту за консультацией, чтобы составить наиболее правильные вопросы для необходимой экспертизы. Для

некоторых экспертиз одной направленности может возникнуть необходимость проведения исследования другой медицинской направленности. К таким примерам можно отнести: назначение рентгенографии с целью обнаружения различных переломов или поражений внутренних органов; если объектом исследования будет являться живое лицо, то будет необходимо проведение медицинского освидетельствования и др.

К числу организационно-тактических проблем производства судебно-медицинских экспертиз относятся случаи, когда следователь после вынесения постановления о назначении экспертизы должен ознакомить заинтересованных лиц, о чём составляются соответствующие протоколы. В сложившейся практике следователи составляют первую версию постановления, с которой он и проводит ознакомление заинтересованных лиц. После удовлетворения всех поступивших ходатайств, если такие возникли, следователи дополняют эту версию постановления, и только после этого оно обретает окончательный вид. Данные действия считаются неправильными, т. к. это нарушает принцип законности и справедливости уголовного судопроизводства. Что касается нарушения принципов уголовного судопроизводства при производстве экспертиз, то стоит отметить, что ознакомление подозреваемого (обвиняемого) лица может повлечь за собой последующее давление на экспертного сотрудника, что, соответственно, будет нарушать требования ч. 3 ст. 195 УПК РФ, а равно принцип законности.

В контексте исследуемой проблематики важно указать и ещё на один момент, возникающий при производстве судебно-медицинских экспертиз. В своём исследовании Я. В. Комиссарова отмечала, что экспертами часто нарушаются правила общения с другими участниками уголовного судопроизводства без разрешения лица, назначившего производство экспертизы [12]. По общему правилу эксперт с согласия следователя имеет право общаться с другими участниками по делу, в том числе с родственниками подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также может самостоятельно собирать дополнительные материалы для исследования. Также эксперт имеет правовую возможность уточнять у родственников умершего лица медицинские данные, то есть различные выписки из историй болезней, истории операций и другие. Данная возможность предоставляется, естественно, также с разрешения следователя. Однако по результатам исследования было выявлено, что всё чаще экспертные работники пренебрегают таким запретам, позволяя себе без разрешения следователя общаться с любыми участниками уголовного судопроизводства, что может повлиять в худшую сторону на качество производства экспертизы. Особенно важно это учитывать при контакте эксперта с подозреваемым и обвиняемым лицом. В результате это может привести к признанию недопустимым доказательством по уголовному делу.

Таким образом, подытоживая, отметим, что судебно-медицинская экспертиза как таковая играет огромную роль в решении многих ключевых для следователя вопросов. Заключение, которое выносится специальным субъектом экспертной деятельности, включается в материалы уголовного дела как результат доказывания и, несомненно, формирует его фундамент. В этой связи весьма значимым условием использования результатов судебных экспертиз является совершенствование организационно-правовых основ назначения и производства судебно-медицинских экспертиз. Модернизация данного института будет только способствовать достижению целей и выполнению задач расследования преступлений против жизни и здоровья человека.

---

1. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе; РФЦСЭ при Минюсте России. М.: Норма, 2010. 687 с.

2. Нечушкина К. А. Особенности назначения и производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3(84). С. 64–69.

3. Обеспечение прав человека: учебник / М. И. Акатнова, А. А. Амирханов, Ю. В. Анохин [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. 756 с.
4. Сретенцев Д. Н. Систематизация и паспортизация методик судебной экспертизы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 1(70). С. 83–86.
5. Бадиков Д. А. Особенности деятельности следователя по назначению экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1(2). С. 44–49.
6. Сретенцев Д. Н. Формы и субъекты реализации судебно-экспертной деятельности // Наука и практика. 2015. № 3(64). С. 108–110.
7. Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений: справочно-информационные материалы // Назначение медицинских судебных экспертиз и исследований. Курск, ОБУЗ «Бюро СМЭ», 2013. 53 с.
8. Колычева А. Н., Булыжкин А. В. Проблемы назначения и производства комплексных судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 64–67.
9. Белкин А. Р. Вновь о проверке и оценке заключения эксперта // Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление, предупреждение: Материалы Круглого стола (Москва, 26 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012. 68 с.
10. Кокорин П. А. Типичные ошибки при назначении и производстве криминалистических экспертиз // Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей и студентов юридического института ИГУ. Октябрь, 2002. Иркутск: ЮИ ИГУ, 2002. С. 132–134.
11. Чаплыгина В. Н., Плетникова М. С., Шайдуллина Э. Д. Особенности судебно-медицинского сопровождения в рамках расследования дорожно-транспортных происшествий // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования : Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции, Орёл, 20–21 апреля 2023 года. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. С. 393–402.
12. Комиссарова Я. В. О профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 1.

1. Rossinskaya E. R. Sudebnaya e`kspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe; RFCzSE` pri Minyuste Rossii. M.: Norma, 2010. 687 s.
2. Nechushkina K. A. Osobennosti naznacheniya i proizvodstva sudebnoj e`kspertizy` pri proverke soobshheniya o prestuplenii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2020. № 3(84). S. 64–69.
3. Obespechenie prav cheloveka: uchebnik / M. I. Akatnova, A. A. Amirxanov, Yu. V. Anoxin [i dr.]. 2-e izd., ispr. i dop. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2020. 756 s.
4. Sretencev D. N. Sistematizaciya i pasportizaciya metodik sudebnoj e`kspertizy` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2017. № 1(70). S. 83–86.
5. Badikov D. A. Osobennosti deyatel`nosti sledovatelya po naznacheniyu e`kspertiz pri rassledovanii dorozhno-transportny`x proisshestvij // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. 2019. № 1(2). S. 44–49.
6. Sretencev D. N. Formy` i sub``ekty` realizacii sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti // Nauka i praktika. 2015. № 3(64). S. 108–110.

7. Ispol`zovanie special`ny`x medicinskix znanij pri rassledovanii prestuplenij: spravochno-informacionny`e materialy`. / Ch.1 Naznachenie medicinskix sudebny`x e`kspertiz i issledovanij / Kursk, OBUZ «Byuro SME`», 2013. 53 s.
8. Koly`cheva A. N., Buly`zhkin A. V. Problemy` naznacheniya i proizvodstva kompleksny`x sudebno-medicinskix e`kspertiz pri rassledovanii prestuplenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 1. S. 64–67.
9. Belkin A. R. Vnov` o proverke i ocenke zaklyucheniya e`ksperta // Oshibki sudebnoj e`kspertizy`: prichiny`, vy`yavlenie, preduprezhdenie: Materialy` Kruglogo stola (Moskva, 26 yanvarya 2012 g.). M. : Prospekt, 2012. 68 s.
10. Kokorin P. A. Tipichny`e oshibki pri naznachenii i proizvodstve kriminalisticheskix e`kspertiz // Materialy` ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej i studentov yuridicheskogo instituta IGU. Oktyabr`, 2002. Irkutsk: YuI IGU, 2002. S. 132–134.
11. Chaply`gina V. N., Pletnikova M. S., Shajdullina E`. D. Osobennosti sudebno-medicinskogo soprovozhdeniya v ramkax rassledovaniya dorozhno-transportny`x proisshestvij // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya : Sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Oryol, 20–21 aprelya 2023 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk`yanova, 2023. S. 393–402.
12. Komissarova Ya. V. O professional`nom statuse e`ksperta v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1.

Информация об авторе

Наталия Владимировна Морозова. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Natalia V. Morozova. Docent in the Department of Forensics and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs. Candidate of Law, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Orel, Russia, Ignatova, Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 20.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.9

СУЩНОСТЬ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Паутов Сергей Сергеевич
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

pautov-mvd@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована актуальность исследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности мошенничеств, совершаемых с использованием интернет-сервисов размещения объявлений. Раскрыта сущность данной категории преступлений, определены её основополагающие признаки: дистанционность, полная опосредованность и высокая степень искусственной латентности. На основе анализа материалов уголовных дел и практики расследования автором выявлены и систематизированы наиболее характерные способы совершения указанных деяний, а также проведено разграничение рассматриваемых преступлений от нарушений гражданско-правового характера.

Ключевые слова: сущность, способ, мошенничество, интернет-сервисы размещения объявлений, опосредованность, латентность, дистанция, ущерб.

Для цитирования: Паутов С. С. Сущность мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 281–287.

THE ESSENCE OF FRAUD COMMITTED USING INTERNET ADVERTISING SERVICES

Sergey S. Pautov
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

pautov-mvd@mail.ru

Annotation. The article substantiates the relevance of the study of crimes committed using information and communication technologies, in particular, fraud committed using Internet services for posting advertisements. The essence of this category of crimes is revealed, its fundamental features are defined: remoteness, complete mediation and a high degree of artificial latency. Based on the analysis of criminal case materials and investigation practice, the author identified and systematized the most characteristic methods of committing these acts, and also distinguished the crimes in question from violations of a civil law nature.

Keywords: essence, way, fraud, Internet services for posting ads, mediation, latency, distance, damage.

For citation: Pautov S. S. The essence of fraud committed using internet advertising services // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 281–287.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и повсеместное внедрение их в общественную жизнь обусловили появление зависимости

совершения гражданами и юридическими лицами даже «обычных» действий от использования различных онлайн-сервисов. В условиях современного российского общества стремительно растёт популярность интернет-магазинов, маркетплейсов и сайтов объявлений. Это обусловлено, прежде всего, удобством их использования, широким ассортиментом предлагаемых товаров и услуг, а также возможностью оперативной доставки «до двери» покупателя [1, с. 135].

В то же время многогранное и динамичное развитие указанных платформ, а также рост числа их пользователей обусловили не только упрощение решения повседневных социальных и потребительских задач, но и сформировали особую цифровую среду, активно используемую как добросовестными участниками гражданского оборота, так и лицами, совершающими мошеннические действия. Это, в свою очередь, привело к широкому распространению преступлений, совершаемых с использованием интернет-сервисов размещения объявлений (далее – ИРО).

Анализ результатов оперативно-служебной деятельности Главного управления МВД России по Воронежской области по линии раскрытия преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, и мошенничеств общеуголовной направленности по итогам 2024 года в сравнении с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ)[1] демонстрирует увеличение мошенничеств, совершённых с использованием ИКТ.

В 2024 году зарегистрировано 5 100 случаев подобных преступлений (АППГ – 4 999, что на 2 % больше). При этом лица, совершившие данные преступления, установлены всего лишь по 442 преступлениям (АППГ – 294, рост составил 50,3 %), раскрываемость незначительно увеличилась и составила 8,6 % (АППГ – 6,2 %).

Злоумышленниками применяются различные способы совершения преступлений с использованием ИКТ:

– «отмена заявки на кредит, перевод денежных средств на безопасный счёт» – 2 987 (АППГ – 2 896);

– под предлогом покупки либо продажи товаров и услуг на сайтах сети Интернет – 1 542 (АППГ – 1 945);

- «кража денежных средств с похищенных (утерянных) банковских карт граждан» – 858 (АППГ – 1 024);

– «инвестирование денежных средств, биржа» – 1 104 (АППГ – 454);

– «родственник попал в беду» – 111 (АППГ – 387);

– иные (преступления, совершённые под предлогами, не имеющими массового применения) – 182 (АППГ – 344).

Приведённый анализ показал, что на территории Воронежской области одним из наиболее распространённых видов мошенничеств, совершаемых с использованием ИКТ, являются преступления под предлогом покупки либо продажи товаров и услуг на сайтах сети Интернет, то есть дистанционные мошенничества, совершаемые с использованием ИРО. Несмотря на то, что статистическая основа настоящего исследования сформирована на примере Воронежской области, сопоставительный анализ приговоров других субъектов Российской Федерации позволяет говорить об устойчивой тенденции распространения указанного вида преступлений в масштабах всей страны.

Раскрытие сущности дистанционного мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, необходимо для того, чтобы охарактеризовать деяние как общественно опасное, то есть причиняющее или способное причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям и определить то, на что направлены противоправ-

[1] Обзор о результатах оперативно-служебной деятельности Главного управления МВД России по Воронежской области по линии раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и мошенничеств общеуголовной направленности по итогам 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://36.мвд.рф (дата обращения: 25.04.2025).

ные действия. Так, понятие «дистанционное мошенничество» законодательного закрепления не получило, также как до настоящего времени не выработано единого подхода к определению дистанционных преступлений. В свою очередь, мошенничество, совершаемое с использованием ИРО, отличается от других дистанционных преступлений именно способом его совершения.

Исходя из этого, раскрывая сущность данного вида преступления, особое внимание следует обратить на способ его совершения, который в качестве признака объективной стороны позволяет разграничить его от иных видов преступлений и нарушений гражданско-правовых отношений. По нашему мнению, именно способ определяет структуру и сущность преступления.

Об этом говорил Н. С. Таганцев, указывая на то, что «способ действия может служить основанием для усиления уголовной ответственности, для классификации преступных действий и, хотя и в немногих случаях, основанием отграничения уголовно наказуемой и ненаказуемой неправды» [2, с. 112].

Так, в соответствии с диспозицией статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, мошенничество совершается путём обмана или злоупотребления доверием – данные признаки являются определяющими для всех разновидностей данного преступления. Аналогичная правовая позиция отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором прямо указано, что способами совершения мошенничества «... являются обман или злоупотребление доверием»[1].

Однако в случае совершения мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, необходимо раскрыть основные черты дистанционности как способа совершения данного преступления. В своём исследовании Ю. В. Гаврилин справедливо подчёркивает, что характерной чертой дистанционных преступлений является территориальное разнесение ключевых компонентов объективной стороны состава преступления. Это касается как мест совершения отдельных действий, так и точек наступления общественно опасных последствий, легализации похищенных денежных средств, а также расположения кредитно-финансовых организаций, операторов связи и интернет-провайдеров, чьи ресурсы и инфраструктура используются при совершении противоправных деяний. По его мнению, данное обстоятельство негативно влияет на оперативность получения информации, необходимой для установления фактических обстоятельств преступления и последующего процессуального оформления полученных данных в качестве доказательств, что в конечном счёте затрудняет соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства [3, с. 12].

Анализ следственной и судебной практики, включая изучение материалов уголовных дел о дистанционных мошенничествах, совершаемых с использованием ИРО в семи субъектах Российской Федерации, а также опрос сотрудников Главного следственного управления Главного управления МВД России по Воронежской области (далее – ГСУ ГУ МВД России по Воронежской области) показал следующие наиболее распространённые способы совершения такого рода преступлений, которые можно условно можно классифицировать по следующим направлениям [4, с. 34–35]:

1. Использование возможностей ИРО и цифровой инфраструктуры:

а) применение фишинговых копий известных сайтов объявлений, интернет-магазинов или сервисов доставки, визуально идентичных оригиналам, с целью получения платёжных данных потерпевших и последующего списания денежных средств;

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

б) рассылка ссылок на поддельные платёжные формы, маскируемых под официальные сервисы, с последующим несанкционированным доступом к банковским счетам жертв;

в) размещение ложных объявлений о продаже товаров и оказании услуг, без намерения их фактической реализации.

2. Использование манипулятивных коммуникационных шаблонов:

а) убеждение жертв предоставить конфиденциальные данные под предлогом необходимости верификации личности или подтверждения оплаты;

б) перевод общения из защищённых чатов ИРО в менее контролируемые мессенджеры или телефонные разговоры;

в) требование предоплаты под видом обеспечения «гарантий», подтверждённых фальсифицированными отзывами или поддельными документами;

г) манипулирование жертвой во время телефонного звонка с целью побуждения к выполнению команд в мобильном банке (например, перевести деньги, одобрить кредит или передать код для привязки устройства);

д) введение в заблуждение относительно уже якобы произведённой оплаты и направление ссылки на фишинговую страницу для «подтверждения получения средств».

Для привлечения большого количества покупателей мошенники, обычно, используют следующие основные схемы:

а) размещают объявления о продаже товаров (услуг) по искусственно заниженной цене, создавая иллюзию выгодного предложения;

б) отказываются от безопасных способов доставки (например, через курьерские службы или пункты выдачи);

в) используют виртуальные номера и анонимные аккаунты в мессенджерах, затрудняя возможность обратной связи и идентификации;

г) оказывают психологическое давление на покупателя, торопя с принятием решения и оплатой, ссылаясь на высокий спрос или ограниченность предложения;

д) высылают поддельные документы (сканы паспортов, лицензий, договоров) для создания ложного чувства безопасности.

При дистанционном мошенничестве невозможно точно определить местоположение преступника в момент совершения преступления. Современные информационные технологии позволяют злоумышленникам получать удалённый доступ из любой точки мира – через сеть Интернет или с помощью SMS-сообщений, отправляемых жертве. В связи с этим необходимо также рассмотреть такой признак дистанционного мошенничества, который непосредственно связан с ИКТ – признак полной опосредованности, который надлежит рассматривать как реализацию субъектом противоправной деятельности с использования определённого средства и невозможности полностью контролировать указанный процесс [5].

То есть признак полной опосредованности раскрывается как признак, в соответствии с которым субъект совершения противоправной деятельности фактически совершает противоправные действия не самостоятельно, а путём управления чужими действиями. Преступник может войти в доверие гражданина и целенаправленными указаниями заставить его перечислить денежные средства со своего банковского счёта на счёт преступника. В подобных случаях преступник фактически не производит самостоятельных действий по осуществлению банковских операций, так как основные действия проводит сама жертва в связи с введением в заблуждение. При этом независимо от способа совершения дистанционного мошенничества предметом хищения являются, как правило, безналичные денежные средства. Мошенничество признаётся оконченным с момента, когда безналичные денежные средства поступили в незаконное владение

виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться ими по своему усмотрению.

Так, по мнению В. В. Хилюты, преступление всегда сопряжено с причинением вреда. Именно вред, наносимый человеческим поведением, предопределяет сущность преступления, поскольку он неизменно затрагивает определённые ценности, подвергающиеся посягательству [6, с. 118].

Однако, как справедливо отмечает в своём исследовании Н. Э. Мартыненко, термин «вред» следует использовать исключительно для характеристики преступного деяния, поскольку потерпевшим признается лицо, которому причинён вред в результате преступления. В то же время термин «ущерб» отражает материальное выражение вреда и применяется в случаях, когда речь идёт об уменьшении имущества [7, с. 109].

В случаях совершения дистанционного мошенничества с использованием ИРО потерпевший лишается принадлежащего ему материального блага – безналичных денежных средств, перечисленных им в счёт оплаты за товары (оказание услуги), то есть происходит уменьшение его имущества.

Также одним из наиболее важных признаков дистанционных мошенничеств является их высокая латентность. В классическом понимании латентность преступлений связана с их нефиксацией правоохранительными органами.

Однако, как справедливо отмечает З. А. Исаев, латентная преступность представляет собой совокупность преступлений и лиц, их совершивших, в отношении которых не были приняты законные меры реагирования и привлечения к ответственности со стороны правоохранительных органов. Искусственно латентная преступность включает как преступления, известные правоохранительным органам, но неучтённые ими, так и преступления, которые были учтены, но остались нераскрытыми или раскрытыми не полностью [8].

Следовательно, латентность преступлений обусловлена не только их нефиксацией, но и объективными сложностями в их раскрытии. В условиях стремительного развития цифровых технологий и анонимности в сети проблема латентности становится особенно актуальной. На наш взгляд, в случаях дистанционного мошенничества она в большей степени связана не с отсутствием учёта таких преступлений, а с трудностями в их раскрытии и привлечении виновных к ответственности. Это соответствует характеристикам искусственно латентной преступности, поскольку многие из этих преступлений остаются нераскрытыми из-за трансграничного характера преступных схем, использования технологий сокрытия личности и недостаточности законодательных механизмов для эффективного противодействия данной категории преступлений.

Таким образом, современные дистанционные преступления как общественно опасные деяния, которые совершаются посредством использования ИКТ, в том числе мошенничества, совершаемые с использованием ИРО, обладают рядом основополагающих признаков. Среди них – дистанционность, полная опосредованность, а также высокая степень искусственной латентности, обусловленная сложностью установления преступников.

Кроме того, помимо изложенного, важно отличать мошенничество, совершаемое с использованием ИРО, от нарушений гражданско-правового характера.

Продажа товаров и оказание услуг через ИРО представляют собой сделки, предполагающие передачу права собственности на товар или выполнение работ (оказание услуг) на возмездной основе. Публичные предложения продавцов, размещённые на таких платформах, являются офертами и формируют основание для заключения договора. Визуальное сходство с гражданско-правовыми сделками, регулируемыми Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), нередко используется мошенниками, создавая у потенциальных покупателей ложное ощущение безопасности.

Так, товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи, за исключением тех, которые ограничены или запрещены в обороте (ст. 454–455 ГК РФ). Под услугой понимается определённое действие или деятельность, которые исполнитель осуществляет по заданию заказчика на основании договора. По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется оказать услуги (совершить определённые действия или осуществить определённую деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ)[1].

Основным отличием мошенничества от нарушения условий гражданско-правового договора является наличие или отсутствие преступного умысла, направленного на незаконное завладение чужим имуществом. В случае мошенничества злоумышленник изначально ещё до вступления в гражданско-правовые отношения, не намерен исполнять взятые на себя обязательства, а лишь использует сделку как способ хищения. Напротив, если лицо изначально добросовестно выполняло условия договора, но впоследствии не смогло их исполнить по не зависящим от него обстоятельствам (например, из-за форс-мажора, финансовых трудностей или иных объективных факторов), такие действия не образуют состав мошенничества и рассматриваются исключительно в рамках гражданско-правовых отношений[2].

В заключение можно сделать вывод о том, что сущность мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, заключается в нарушении существующих общественных отношений, выражающемся в целенаправленном использовании цифровых платформ для совершения противоправного завладения чужими денежными средствами и причинении потерпевшему материального ущерба, с учётом особенностей, способов совершения преступления и предмета преступного посягательства. Обосновано, что основополагающими признаками данного вида преступлений являются признаки дистанционности, полной опосредованности и высокая степень искусственной латентности. Понимание сущности и основополагающих признаков данного вида преступлений, основных способов их совершения, а также умение разграничения их от нарушений гражданского-правовых отношений имеют большое практическое значение для лиц, осуществляющих предварительное расследование и может способствовать более эффективной борьбе с киберпреступностью.

1. Бадиков Д. А., Быкова К. А. Некоторые аспекты расследования мошенничеств, связанных с реализацией товаров и оказанием услуг в сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 135–143.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902. 639 с.
3. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: научно-практическое пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 72 с.
4. Паутов С. С., Пидусов Е. А. Основные схемы мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4(62). С. 32–35.
5. Лебедев А. Е. Об опосредованном исполнении преступлений вообще и преступлений со специальным субъектом в частности // Законность и порядок. 2022. № 4.

[1] Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федер закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Расследование мошенничеств, связанных с реализацией товаров и оказанием услуг в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: https://49.мвд.рф/citizen/Razjasnenija_MVD_Rossii/ (дата обращения: 10.05.2025).

6. Хилюта В. В. Понимание сущности преступления в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 113–128.
7. Мартыненко Н. Э. Понятия «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54). С. 103–109.
8. Исаев З. А. Проблемы искусственно-латентной преступности. По материалам Республики Дагестан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 26 с.

1. Badikov D. A., By`kova K. A. Nekotory`e aspekty` rassledovaniya moshennichestv, svyazanny`x s realizaciej tovarov i okazaniem uslug v seti internet // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 135–143.
2. Tagancev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo: lekcii. Chast` obshhaya. T. 1. SPb., 1902. 639 s.
3. Gavrilin Yu. V. O nauchny`x podxodax k probleme ispol`zovaniya informacionno-telekommunikacionny`x texnologij v prestupny`x celyax: nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 72 s.
4. Pautov S. S., Pidusov E. A. Osnovny`e sxemy` moshennichestva, sovershaemogo s ispol`zovaniem internet-servisov razmeshheniya ob``yavlenij // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 4(62). S. 32–35.
5. Lebedev A. E. Ob oposredovannom ispolnenii prestuplenij voobshhe i prestuplenij so special`ny`m sub``ektom v chastnosti // Zakonnost` i poryadok. 2022. № 4.
6. Xilyuta V. V. Ponimanie sushhnosti prestupleniya v ugolovnom prave // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2024. T. 19. № 5. S. 113–128.
7. Marty`nenko N. E`. Ponyatiya «vred» i «ushherb» i ix ugolovno-pravovaya ocenka // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2(54). S. 103–109.
8. Isaev Z. A. Problemy` iskusstvenno-latentnoj prestupnosti. Po materialam Respubliki Dagestan: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Maxachkala, 2006. 26 c.

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Паутов. Преподаватель кафедры криминалистики.
Воронежский институт МВД России.
394065, Россия, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Information about the author

Sergey S. Pautov. Lecturer at the Department of Criminalistics.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
394065, Russia, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Статья поступила в редакцию 16.05.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 16.05.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.1

РОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ИНТЕРПОЛА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Принц-Лапин Дмитрий Николаевич
УМВД России по Омской области, Омск, Россия

vlug@yandex.ru

Аннотация. На основе изучения опыта практической деятельности территориальных подразделений НЦБ Интерпола рассмотрен вопрос о роли указанных подразделений в предупреждении преступлений. Проведён анализ норм, регулирующих процесс правоприменения и компетенцию подразделений НЦБ Интерпола. Определено место указанных подразделений одновременно в двух правовых системах: международной и национальной. Выявлены несоответствия норм правоприменения в деятельности подразделений НЦБ Интерпола. Сформулированы предложения по устранению противоречий и повышению эффективности работы указанных подразделений.

Ключевые слова: подразделения НЦБ Интерпола, предупреждение преступлений, правоотношения, компетенция, оперативно-разыскные мероприятия, специфика, правовая активность.

Для цитирования: Принц-Лапин Д. Н. Роль подразделений НЦБ Интерпола в предупреждении преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. №. 3(104). С. 288–293.

THE ROLE OF THE INTERPOL NCB DIVISIONS IN CRIME PREVENTION

Dmitry N. Prince-Lapin
Ministry of Internal Affairs of Russia for the Omsk Region, Omsk, Russia

vlug@yandex.ru

Annotation. Based on the study of the practical experience of the territorial divisions of the Interpol NCB, the article considers the issue of the role of these divisions in crime prevention. The article conducts the analysis of the rules governing the law enforcement process and the competence of the Interpol NCB divisions. It determines the place of these divisions simultaneously in two legal: international and national. The article also reveals discrepancies in the law enforcement standards in the activities of the Interpol NCB divisions. Proposals are formulated to eliminate contradictions and improve the efficiency of these divisions.

Keywords: Interpol NCB units, crime prevention, legal relations, competence, operational-search activities, specificity, legal activity.

For citation: Prince-Lapin D. N. The Role of the Interpol NCB Divisions in Crime Prevention // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 288–293.

Предупреждение преступлений является одной из основных задач оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), сформулированных в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ «Об

[1] Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОРД»). Участие подразделений Национального центрального бюро (далее – НЦБ) Интерпола в решении этой задачи как в научном сообществе и литературе, так и в практической деятельности воспринимается неоднозначно. Данное положение послужило основанием для осмысления этой проблемы применительно к деятельности подразделений НЦБ Интерпола. Возникает резонный вопрос: является ли предупреждение преступлений элементом оперативно-разыскной компетенции подразделений НЦБ Интерпола? Если да, то каково её содержание?

В научной литературе встречаются различные мнения по поводу роли подразделений НЦБ Интерпола в предупреждении преступлений. Так, Д. В. Доманов, говоря об Интерполе как о международной организации по борьбе с преступностью, пишет: «Деятельность Интерпола ограничивается регистрацией преступников и международным розыском. Устав наделяет ГС Интерпола полномочиями технического и информационного центра всей организации. В основе этой деятельности лежит сбор информации по вопросам борьбы с уголовной преступностью, её обобщение, обработка и распространение с помощью технических средств и публикации в печати» [1, с. 175].

Ф. П. Васильев рассматривает возможности Интерпола с позиции взаимодействующих правоохранительных органов как средство борьбы с преступностью. Автор отмечает, что «в целях защиты интересов граждан РФ от преступных посягательств, действуя в рамках своей компетенции, взаимодействующие органы:

– используют возможности Интерпола для розыска лиц, выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, имеющих международный характер, по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам, оперативным проверочным материалам и делам оперативного учёта;

– вырабатывают меры по противодействию транснациональной преступности;

– исполняют поступившие по каналам Интерпола запросы правоохранительных органов иностранных государств и международных правоохранительных организаций» [2, с. 132].

Л. Ю. Мельникова, рассуждая о специфике правового регулирования деятельности Интерпола, утверждает, что сама по себе данная организация не имеет оперативных возможностей, но, выступая как транснациональная, осуществляет сбор, анализ и обмен данными, а также является связующим звеном в работе правоохранительных органов разных стран. Этим определяется множественная структура норм правового регулирования деятельности Интерпола [3, с. 25].

В. И. Самарин в основе деятельности указанной международной организации выделяет функциональный принцип сотрудничества, то есть Интерпол через Национальные центральные бюро соответствующих стран взаимодействует со всеми государственными органами своей страны, в функции которых входит предупреждение, раскрытие и расследование уголовных преступлений, а также розыск преступников и без вести пропавших лиц. Кроме этого, автор обозначает принцип гибкости и оперативности методов работы для структурных подразделений Интерпола [4, с. 34–35].

О деятельности Интерпола высказывались В. С. Овчинский, Д. Д. Стронский, К. С. Родионов, Я. М. Бельсон, предлагая в качестве стратегии и тактики борьбы с преступностью эффективное средство, имеющееся в распоряжении Интерпола, – уголовную регистрацию, а также расширение компетенции подразделений НЦБ Интерпола путём наделения их функциями аналитической работы [5, с. 36; 6, с. 13–14; 7, с. 91; 8, с. 122].

К. С. Родионов отмечает, что в соответствии с основной функцией уголовной полиции – предупреждать и раскрывать уголовные преступления – такую же цель поставил перед собой и Интерпол. Сотрудничество в рамках Интерпола не замыкается сферой карательной деятельности полиции. В соответствии со ст. 2 устава Интерпола он должен содействовать и успешному предупреждению общей уголовной преступности. Поэтому в его деятельности имеются элементы не только процессуального, но и

информационного характера. Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола как деятельность, находящаяся на стыке международного и внутригосударственного прав, регулируется нормами его устава и дополняется для каждой из стран-членов нормами национального права [7, с. 91].

На наш взгляд, позиции авторов заслуживают внимания, так как речь идёт о международной организации, функционирующей в рамках Устава этой организации. В нашем случае необходимо учитывать, что интересы международной организации Интерпола в Российской Федерации представляет Национальное центральное бюро Интерпола России, а также подразделения НЦБ Интерпола в субъектах Российской Федерации, которые входят в систему МВД России и деятельность которых регулируется ведомственными нормативно-правовыми актами. В современных условиях противодействие транснациональной преступности, её масштабам, динамике, изменчивости, проникновению во внутренние устои государства предполагает иной подход к выбору средств и методов борьбы с ней в том числе в области предупреждения преступлений на национальном уровне. В связи с этим и нормотворчество, регулирующее данную сферу деятельности, должно соответствовать духу времени.

В целях устранения возникших несоответствий постараемся ответить на следующие вопросы: во-первых, субъектом каких правоотношений выступают подразделения НЦБ Интерпола? Во-вторых, является ли предупреждение преступлений частью оперативно-разыскной компетенции подразделений НЦБ Интерпола? Каковы границы её применения?

Ведомственным нормативно-правовым актом[1] установлено, что подразделения НЦБ Интерпола являются субъектами ОРД, соответственно, субъектами правоотношений, возникающих в связи с применением ОРД, реализуя законные государственные интересы. В теории права правоотношения рассматривают с разных сторон: как разновидность общественных отношений, урегулированную нормой права, или как самостоятельное положение субъекта права в правовой структуре (соотнесённость данного субъекта права с иными субъектами права). Можно рассмотреть правоотношение как специфическую связь между правом и юридической обязанностью, их соотношение [9, с. 672].

Остановимся на следующем определении: «Правоотношение есть специфическая форма социального взаимодействия субъектов права для реализации интересов и достижения результата, предусмотренного законом или не противоречащего закону, а также иным источникам права» [9, с. 673]. Опираясь на это, можно сделать вывод, что подразделения НЦБ Интерпола вступают в правоотношения, которые регулируются нормами международного права, а также нормами, которые содержатся в ведомственных нормативно-правовых актах.

В контексте сказанного можно заключить, что подразделения НЦБ Интерпола являются звеньями одновременно двух систем: Интерпола как международной организации, осуществляющей взаимодействие с правоохранительными органами РФ и иностранными правоохранительными органами, и национальной полицейской службы, решающей внутренние задачи борьбы с преступностью.

В решении второй задачи целесообразно показать нормы, регулирующие не только деятельность подразделений НЦБ Интерпола, их компетенцию, но и процесс правоприменения. Как уже отмечалось ранее, задачи ОРД, сформулированные в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», отнесены ко всем подразделениям, осуществляющим ОРД. В ст. 6 ФЗ «Об ОРД» приведён исчерпывающий перечень оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), посредством которых в том числе должны решаться поставленные зада-

[1] Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Рос. Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чи. Тем не менее законодатель для подразделений НЦБ Интерпола определил усечённый перечень ОРМ из 15 возможных: опрос, наведение справок, отождествление личности. Не предусмотрены и иные оперативно-агентурные и оперативно-технические мероприятия. Отметим, что частные задачи подразделений НЦБ Интерпола (назовём их условно «специальными») сформулированы в ведомственном нормативно-правовом акте[1]. В этом приказе также прописаны функции подразделений НЦБ Интерпола, в том числе ОРД, но наряду с основными задачами не сформулированы те, которые отражены в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», предусматривающие деятельность указанных подразделений по предупреждению преступлений.

Напомним, что, ограничив самостоятельность в организации и проведении всего комплекса ОРМ, законодатель, по нашему мнению, исходил из объёма и специфики мероприятий, необходимых для исполнения запросов правоохранительных органов иностранных государств. Кроме этого, пункт 14.4 названного приказа предусматривает, что руководитель подразделения НЦБ Интерпола вносит в установленном порядке руководителю (начальнику) территориального органа МВД России на региональном уровне предложения:

– по совершенствованию деятельности подразделений НЦБ Интерпола;

– по привлечению необходимых сил и средств структурных подразделений территориального органа МВД России на региональном уровне для организации исполнения запросов.

По сути, это дополнительная возможность для решения задач, возложенных на подразделения НЦБ Интерпола, – обратиться за помощью в территориальные органы внутренних дел или профильные подразделения.

Практическая же деятельность подразделений НЦБ Интерпола показывает, что объём запросных и проверочных мероприятий может отличаться. Огромную роль играет своевременность и оперативность реагирования. К сожалению, многие моменты, касающиеся исполнения запросов иностранных правоохранительных органов, не находят заинтересованности у взаимодействующих подразделений территориальных органов внутренних дел. Кроме этого, встречаются коллизии, выраженные в несоответствии норм права.

Рассмотрим подробнее проблему по предупреждению преступлений, возникшую у подразделений НЦБ Интерпола, на примере противодействия преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности. Так, в соответствии со ст. 3 Устава Международной организации уголовной полиции от 13 июня 1956 г.[2] пунктом 5 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утверждённой приказом МВД России от 06.10.2006 № 786[3], предписано, что осуществлять взаимодействие с использованием каналов Интерпола по преступлениям, имеющим политический, религиозный, военный или расовый характер, недопустимо.

Примечание к ст. 282[1] Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) раскрывает понятие преступлений экстремистской направленности: разжигание по мотивам расовой, политической, идеологической, религиозной ненависти или вражды[4].

---

[1] Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, группе) НЦБ Интерпола территориального органа МВД России на региональном уровне и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10 октября 2013 г. № 830. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Устав Международной организации уголовной полиции [Электронный ресурс]: от 13 июня 1956 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

[3] Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 6 октября 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В свою очередь, ведомственным нормативно-правовым актом МВД России на подразделения НЦБ Интерпола возложены задачи по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности, в том числе по обеспечению информационного сопровождения на территории государств–членов Интерпола разыскиваемых лиц, направлению запросов и взаимодействию с подразделениями по противодействию экстремизму.

Выходом из сложившейся ситуации послужили рекомендации по направлению в адрес подразделений НЦБ Интерпола сведений, исключающих формулировки, содержащиеся в примечании к ст. 282[1] УК РФ, и относящихся к преступлениям общеуголовной направленности. В связи с вышеизложенным можно отметить, что предупреждение преступлений является частью оперативно-разыскной компетенции подразделений НЦБ Интерпола. Действуя как вспомогательные подразделения, тем не менее они являются субъектами ОРД и в отдельных случаях действуют в рамках правовой активности. Учитывая специфику оперативно-служебной деятельности подразделений НЦБ Интерпола, в целях её совершенствования, повышения эффективности, в том числе в решении задач предупреждения преступлений, необходимо разрабатывать и внедрять нормативно-правовые акты, предусматривающие различные аспекты, позволяющие адаптироваться к различным обстоятельствам и потребностям, решать сложные проблемы.

---

1. Доманов Д. В. Некоторые аспекты международного розыска лиц по каналам Интерпола // Преемственность и новации в юридической науке: материалы научной конференции адъюнктов и соискателей. Омск, 2012. Вып. 8. С. 171–175.
2. Васильев Ф. П. Административное регламентирование деятельности МВД России: учебное пособие: в 7 ч. Ч. 7. Исполнение государственных функций в отношении иностранных граждан и взаимодействие с Интерполом. М., 2012. 240 с.
3. Мельникова Л. Ю. Специфика правового регулирования деятельности Интерпола в международном сообществе и в РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Красноярск, 2022. С. 25–28.
4. Самарин В. И. Интерпол: Международная организация уголовной полиции // СПб., 2004. 201 с.
5. Овчинский В. С. Русский Интерпол // Международная жизнь. 1998. № 9. С. 36–42.
6. Стронский Д. Д. Криминалистическая регистрация в системе Интерпола: монография. Краснодар, 2008. 90 с.
7. Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1990. 222 с.
8. Бельсон Я. М. Россия в Интерполе: учебное пособие. СПб.,1995. 236 с.
9. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд. М., 2007. 802 с.

1. Domanov D. V. Nekotory`e aspekty` mezhdunarodnogo rozy`ska licz po kanalam Interpola // Preemstvennost` i novacii v yuridicheskoj nauke: materialy` nauchnoj konferencii ad``yunktov i soiskatelej. Omsk, 2012. Vy`p. 8. S. 171–175.
2. Vasil`ev F. P. Administrativnoe reglamentirovanie deyatel`nosti MVD Rossii: uchebnoe posobie: v 7 ch. Ch. 7. Ispolnenie gosudarstvenny`x funkcij v otnoshenii inostranny`x grazhdan i vzaimodejstvie s Interpolom. M., 2012. 240 s.
3. Mel`nikova L. Yu. Specifika pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti Interpola v mezhdunarodnom soobshhestve i v RF // Aktual`ny`e problemy` bor`by`
s prestupnost`yu: voprosy` teorii i praktiki: materialy` XXV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 ch. Ch. 1. Krasnoyarsk, 2022. S. 25–28.

4. Samarin V. I. Interpol: Mezhdunarodnaya organizaciya ugolovnoj policii // SPb., 2004. 201 s.
5. Ovchinskij V. S. Russkij Interpol // Mezhdunarodnaya zhizn`. 1998. № 9. S. 36–42.
6. Stronskij D. D. Kriminalisticheskaya registraciya v sisteme Interpola: monografiya. Krasnodar, 2008. 90 s.
7. Rodionov K. S. Interpol: vchera, segodnya, zavtra. 3-e izd., pererab. i dop. M., 1990. 222 s.
8. Bel`son Ya. M. Rossiya v Interpole: uchebnoe posobie. SPb.,1995. 236 s.
9. Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: v 3 t. T. 2 / otv. red. M.N. Marchenko. 3-e izd. M., 2007. 802 s.

Информация об авторе

Дмитрий Николаевич Принц-Лапин. Начальник отдела НЦБ Интерпола.
УМВД России по Омской области.
644046, Россия, Омск, ул. Пушкина, 138.

Information about the author

Dmitry N. Prince-Lapin. Head of the Department of the National Central Bureau of Interpol.
Ministry of Internal Affairs of Russia for the Omsk Region.
644046, Russia, Omsk, Pushkin Str., 138

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 10.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Прохорова Екатерина Александровна
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

prokhorovae2@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития системы источников российского уголовного-процессуального права, происходившего преимущественно эволюционным путем: длительный период развития в рамках общего процесса развития формы права; самобытность и особый народный дух источников уголовно-процессуального права на всех этапах эволюции; последовательное смещение приоритета с санкционирования на установление уголовно-процессуальных норм государством; цикличность процессов увеличения количества источников уголовно-процессуального права и последующей их систематизации. Отмечается, что уяснение данных особенностей способствует правильному пониманию современных процессов, происходящих в сфере уголовно-процессуального регулирования, и определению возможных перспектив совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: источники уголовно-процессуального права, форма права, развитие, эволюция, особенности, закономерности, тенденции.

Для цитирования: Прохорова Е. А. О некоторых особенностях развития системы источников российского уголовно-процессуального права // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). Р. 294–299.

ON SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Ekaterina Al. Prokhorova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

prokhorovae2@inbox.ru

Annotation. This article examines the development of the system of sources of Russian criminal procedural law, which has evolved primarily through evolution: a long period of development within the general process of legal development; the uniqueness and distinctive national spirit of the sources of criminal procedural law at all stages of evolution; a consistent shift in priority from sanctioning to the establishment of criminal procedural norms by the state; and the cyclical nature of the processes of increasing the number of sources of criminal procedural law and their subsequent systematization. It is noted that understanding these characteristics facilitates a proper understanding of contemporary processes occurring in the sphere of criminal procedural regulation and the identification of possible prospects for improving criminal procedural legislation.

Keywords: sources of criminal procedural law, form of law, development, evolution, features, patterns, trends.

For citation: Prokhorova E. A. On some features of the development of the system of sources of Russian criminal procedural law // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 294–299.

Современное состояние системы источников российского уголовно-процессуального права является результатом ее развития, происходившего преимущественно эволюционным путем, для которого характерны постепенный, довольно длительный по времени процесс изменений самих источников и системообразующих связей между ними, а также преемственность как особая связь между источниками, действующими на различных исторических этапах. Эволюция – это не просто последовательная смена источников уголовно-процессуального права, а их модернизация, в результате которой на новую «ступень» переносились их лучшие свойства, в виду чего они продолжали реализовывать свое предназначение на качественно новом уровне. И в этом смысле устаревшие источники уголовно-процессуального права оказывали влияние на новые, осуществляя, таким образом, косвенное регулирующее воздействие на общественные отношения. В то же время, они продолжали осуществлять и прямое регулирование, но в ограниченном объеме. Например, несмотря на постепенную замену обычаев нормативными правовыми актами, «основа народного обычая не теряется в положительных законах, а проводится в них во всей своей силе» [1, с. 249]. В частности, именно на обычаях базировалось, в основном, содержание Русской Правды. В то же время, обычай продолжал применяться и в дальнейшем, фактически до конца XIX века [2, с. 109-110; 3, с. 39], намного «пережив» Русскую Правду и последующие источники.

После революции 1917 года естественный ход эволюции был нарушен по причине того, что молодое советское государство, оказавшись в правовом вакууме из-за отрицания законов Российской империи, пошло по пути правового регулирования посредством многочисленных декретов. Однако принятие в 1922 году Уголовно-процессуального кодекса РСФСР можно оценить как первый шаг к реализации намерения вернуться на эволюционный путь.

Учитывая изложенное, выявление особенностей, закономерностей и тенденций исторического развития системы источников отечественного уголовно-процессуального права чрезвычайно важно для правильного понимания современных процессов, происходящих в сфере уголовно-процессуального регулирования, и определения возможных перспектив совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Полагаем, что серьезное внимание должно быть уделено следующим положениям, раскрывающим особенности эволюции рассматриваемого аспекта формы уголовно-процессуального права.

Во-первых, до определенного момента развитие системы источников уголовно-процессуального права осуществлялось в рамках общего процесса развития формы права, поскольку соответствующие акты объединяли нормы, относящиеся в современном понимании к разным отраслям права. При этом нередко не только особенности изложения и выражения определенных положений, но и их содержание не позволяли отграничить, например, право уголовное от уголовно-процессуального. Так, в соответствии с предписанием Русской Правды - «если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата» - кровная месть выступала и наказанием, и правилом процедурного характера.

В главе X Соборного уложения 1649 года отдельные нормы можно считать уголовно-процессуальными: ст. 7 по сути регламентировала такое следственное действие, как очная ставка - «челобитчика, и на кого он сказывал про посулы, ставити с очей на очи, и расспрашивати», ст. 160 – допрос и т.д.. Одновременно в ней были изложены нор-

мы, которые в равной степени могут быть отнесены ко всем процессуальным отраслям права: ст. 11 регулировала порядок составления протокола судебного заседания и ознакомления с протоколом истца и ответчика, ст. ст. 119 и 120 определяли порядок вызова в суд посредством зазывных грамот, ст. 121 допускала примирение сторон «до совершения судных дел» и др.. И даже, несмотря на наименование анализируемой главы – «О суде», предполагающее регламентацию вопросов судоустройства и судопроизводства, в ней имелись и нормы материальных отраслей (уголовного, гражданского и др.), причем, среди норм, которые устанавливали ответственность за преступления, выделялись как связанные с осуществлением правосудия (неправосудные решения - ст. 5, заведомо ложное обвинение судьи в получении взятки - ст. 9, неуважение к суду, посягательство на здоровье и жизнь судьи - ст. 106), так и не связанные с осуществлением правосудия.

Как и в предшествующих источниках, встречались случаи, когда нормы уголовного материального и процессуального права были изложены в одной статье, а содержание этих норм настолько тесто «переплеталось», что их «механическое» разделение без ущерба для смысла или без дублирования материала было невозможно. Например, ст. 12, устанавливавшая ответственность за подлог протокола судебного заседания («а который Дьяк норовя кому по посулом, или по дружбе, или кому мстя не дружбу, велит судное дело подьячему написати не так, как в суде было, и как в прежней записке за истцовою и за ответчиковою рукою написано, и по тому Дьячему приказу подъячий то судное дело напишет не делом…»), одновременно регулировала требования к доказыванию факта совершения данного преступления как обязательного условия привлечения к ответственности («сыщется про то допряма»), а также определяла процессуальные последствия данного преступления, следовавшие после привлечения дьяка и подьячего к ответственности («а дело велети написати, как истец и ответчик в суде говорили, и вершити то дело по суду, до чего доведется»).

Изменения в осознании специфики предмета и метода уголовно-процессуального регулирования привели к обособлению уголовно-процессуального законодательства (Свод законов Российской империи 1832 года, том XV, книга II «О судопроизводстве по преступлениям»), после чего система источников уголовно-процессуального права развивалась по своим законам, хотя и не без влияния общих тенденций развития формы права.

Во-вторых, источники отечественного уголовно-процессуального права всегда характеризовалась самобытностью и особым народным духом. Начиная с правовых обычаев, которые «выросли» из народных обычаев догосударственного периода и оказали серьезное влияние на более поздние источники, устои и традиции русского народа долгое время оставались «эталоном» уголовно-процессуальной деятельности. И даже с появлением первых письменных источников права зарубежного происхождения (греческие Номоканоны, Эклога и Прохирон) [4, с. 40], обычаи не утратили своего преобладающего значения, а в последующем легли в основу Русской Правды, которая в виду этого обладала «чисто русским характером, выработанным русской жизнью» и, хотя включала «несколько статей нерусского происхождения …, но они переделаны на русский лад» [1, с. 219]. И в дальнейшем обычаи, постепенно сдавая свои позиции в качестве формально-юридического источника уголовного-процессуального права, не утратили своего значения в качестве материального источника права и «проводника» русского народного духа, что особенно ярко проявилось при создании Судебника Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича 1550 года.

Иоанн Васильевич, «приступая к составлению нового Судебника, … благословился у митрополита и всего освященного собора «судебник исправити по старине». Все содержание Судебника представляется Ивану Грозному стародавним обычаем, а вовсе не актом его личного усмотрения» [4, с. 23-24].

Не ослабел народный дух и с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года, несмотря на то, что он разрабатывался и принимался в эпоху активизации процессов кодификации в Европе и испытывал естественное влияние более прогрессивных в этом направлении актов. Тем не менее, как отмечал И.Я. Фойницкий, «прямого заимствования в судебных уставах очень мало, почти совсем незаметно… почти ни один процессуальный институт уставов не может быть признан ни английским, ни французским; на каждом из них легла печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную русскую физиономию, приноровленную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий» [3, с. 43].

В-третьих, отчетливой тенденцией развития источников отечественного уголовно-процессуального права является последовательное смещение приоритета с санкционирования на установление уголовно-процессуальных норм государством.

Санкционирование как способ закрепления уголовно-процессуальных норм, состоящий в одобрении государством правовых норм, созданных без его участия, лежит в основе древнейших источников уголовно-процессуального права - правовых обычаев, а также первых письменных источников - правовых актов зарубежного происхождения.

Появление в качестве способа закрепления уголовно-процессуальных норм установления государством, предполагающего непосредственное их создание органами государства, и дальнейшее упрочение позиций данного способа обусловлены усилением государственной власти и ростом публичных начал в уголовном судопроизводстве.

Первым источником уголовно-процессуального права, который можно считать способом установления уголовно-процессуальных норм государством, является Русская Правда, хотя, в виду неопределенности правовой природы этого памятника русского права, возможны сомнения в правильности подобного утверждения.

С одной стороны, учитывая, что «в древнейшей части «Русской Правды» … закреплены пережитки … родовых обычаев» [5, с. 76], то есть князья «не были сочинителями, авторами правил, а только собирателями и редакторами юридических убеждений» [6, с. 67], этот документ санкционировал, то есть одобрил эти самые обычаи.

С другой стороны, в Русской Правде обычаи предстают в несвойственной им до этого письменной форме, с некоторыми ограничениями, установленными княжеской властью. Учитывая к тому же расширение перечня княжеских законов в следующих редакциях Русской Правды [5, с. 76] и определенную самостоятельность этих редакций, представляющих собой по сути «отдельные законодательные памятники разных времен, приспособленные к разным степеням развития русского общества» [1, с. 241], полагаем, что Русская Правда обладала важнейшими признаками нормативных правовых актов, в связи с чем совершенно обоснованно может быть отнесена к способам установления уголовно-процессуальных норм государством.

Объем «нормативного регулирования, исходящего непосредственно от органов государственной власти» [7, с. 13], по современным меркам долгое время был незначительным, а более или менее ощутимое преобладание среди способов закрепления уголовно-процессуальных норм установления их государством произошло в период действия Судебников 1479 и 1550 годов. И, наконец, почти полную победу таких способов можно связать с эпохой Устава уголовного судопроизводства 1864 года, когда обычай применялся «только в мелких делах крестьянских и, в несколько большем объеме, у недостигших достаточной культуры инородцев Закавказья и других местностей» [3, с. 39].

В-четвертых, в развитии формы уголовно-процессуального права отчетливо наблюдается закономерность, состоящая в цикличности процессов увеличения количества источников уголовно-процессуального права и последующей их систематизации.

Данная закономерность обусловлена двумя противоположными, но взаимозависимыми тенденциями – к детализации уголовно-процессуального регулирования, приводящей к увеличению количества разобщенных правовых предписаний, и к правовой

определенности как «возможности без особого труда и неимоверных затрат времени находить все подлежащие применению в данном случае правовые нормы» [8, с. 21], предполагающей объединение и обобщение этих предписаний.

В процессе такого диалектического «спиралевидного» развития постоянно происходит возврат к похожим качествам системы источников уголовно-процессуального права, но каждый раз на новом, более высоком уровне. Так, Русская Правда, систематизировав множественные разрозненные обычаи, предопределила последующий рост числа письменных источников права и обусловленную этим процессом очередную систематизацию нормативного материла в Судебнике 1479 г. и т. д. И Русская Правда, и Судебники 1479 и 1550 гг., и Соборное уложение 1649 г., и Свод законов Российской империи 1832 г., и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. представляют собой примеры систематизации источников уголовно-процессуального права, однако каждый из названных актов обладает совершенно новыми качествами по сравнению с предшественниками, в связи с чем занимает более высокую ступень в эволюции внешней формы права. При этом, начиная с принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. систематизация осуществляется в виде кодификации[1], затрагивающей не только форму, но и содержание соответствующих актов, а упомянутые акты более ранее периода являют собой образцы систематизации иного вида - инкорпорации и консолидации.

Обозначенные особенности исторического развития рассматриваемого аспекта внешней формы уголовно-процессуального права должны быть учтены представителями науки уголовного процесса. Сторонники идеи множественности источников уголовно-процессуального права должны, в первую очередь, ответить на вопрос: действительно ли их позиция отражает объективную реальность современного уголовно-процессуального права и можно ли считать предлагаемые ими преобразования итогом закономерного развития его формы? Авторам, настаивающим на признании судебного прецедента, следует задуматься над тем, насколько подобные изменения будут отвечать национальным традициям нашего народа.

Исследователи, утверждающие о существовании не только официально признаваемых, но и фактически действующих источников уголовно-процессуального права, должны исходить из обязательной связи с государством всех без исключения способов закрепления уголовно-процессуальных норм.

Ученые, рассуждающие о перспективах признания правового обычая и правовой доктрины в качестве источников уголовно-процессуального права, должны учитывать общие тенденции развития формы отечественного права, но при этом понимать, что в этом вопросе нельзя «равняться» на другие отрасли, метод правового регулирования которых отличается от метода уголовно-процессуального регулирования.

По нашему же мнению, естественным завершением очередного цикла накопления количественных изменений источников уголовно-процессуального права должна стать очередная систематизация нормативного материала, но не просто обновление УПК РФ, а принятие качественно нового, сильного уголовно-процессуального закона, по праву играющего ведущую роль в уголовно-процессуальном регулировании.

1. Беляев И. Д Лекции по истории русского законодательства М.: Типо-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. С. 728.
2. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Том 1. Киев, 1889. 318 с.

[1] Понятие «кодификация» здесь используется в узком значении, характерном для отечественной правовой науки. В случае широкого подхода к данному понятию, предложенного, например, в книге французского ученого Реми Кабрияка «Кодификации» [4], оно охватывает все перечисленные нами акты систематизации.

3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 1. С-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. 567 с.
4. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Четвертое издание. СПб : Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 667 с.
5. Чельцов М. А. Уголовный процесс: учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 624 с.
6. Петров К. В. К вопросу о правовой природе Русской Правды // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1(43). С. 67-78.
7. Минникес И. В. Источники российского права: исторический экскурс // Академический юридический журнал. 2007. № 4(30). С. 10-13.
8. Кабрияк Р. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головко. М. : Статут, 2007. С. 476 с.

1 Beljaev I. D Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva M.: Tipo-lit. S. A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879. S. 728.
2 Tal'berg D. G. Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lekcijam. Tom 1. Kiev, 1889. 318 s.
3 Fojnickij I. Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom 1. S-Peterburg: Tipografija t-va «Obshhestvennaja Pol'za», 1912. 567 s.
4 Sergeevich V. I. Lekcii i issledovanija po drevnej istorii russkogo prava. Chetvertoe izdanie. S.-Peterburg: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1910. 667 s.
5 Chel'cov M. A. Ugolovnyj process: uchebnik dlja juridicheskih institutov i juridicheskih fakul'tetov universitetov. M.: Juridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva justicii SSSR, 1948. 624 s.
6 Petrov K. V. K voprosu o pravovoj prirode Russkoj Pravdy // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2016. №1(43). S. 67-78.
7 Minnikes I. V. Istochniki rossijskogo prava: istoricheskij jekskurs // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2007. № 4(30). S. 10-13.
8 Kabrijak R. Kodifikacii / Per. s fr. L.V. Golovko. M.: Statut, 2007. S. 476 s.

Информация об авторе

Екатерина Александровна Прохорова. Докторант, кандидат юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Ekaterina A. Prokhorova. Doctoral. Candidate of legal sciences, associate professor.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.
117997, Russia, Moscow, Academician Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.
The article was received in the editorial office on 28.03.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.139

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Рябинина Татьяна Кимовна[1], Чистилина Дарья Олеговна[2]
[1,2]Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

[1]tatyanakimovna-r@yandex.ru
[2]darya-chistilina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на стадию судебного разбирательства. Использование цифровых технологий в процессе судопроизводства являет собой позитивный пример стремления законодателя не отставать от научно-технического прогресса. Существующие механизмы аудиопротоколирования и участия в судебном заседании посредством видео-конференц-связи положительно сказываются на процессе доказывания, но требуют хорошей технической оснащённости судов и выработки чётких критериев их использования. Установлено, что на практике возникают различные проблемы, связанные со сбоями в информационных системах, а инновационные предложения сталкиваются с невозможностью реализации на практике ввиду отсутствия комплексного подхода к цифровой трансформации стадии судебного разбирательства. В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что информационные технологии должны внедряться на основе принципов системности и гарантированности прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова: цифровизация, судебное разбирательство, доказывание, цифровые технологии, видео-конференц-связь, аудиопротоколирование.

Для цитирования: Рябинина Т. К., Чистилина Д. О. Использование цифровых технологий в ходе судебного разбирательства по уголовному делу: проблемы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. №. 3(104). С. 300–307.

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE COURSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND PROSPECTS[2]

Tatiana K. Ryabinina[1], Darya Ol. Chistilina[2]
[1, 2]Southwest State University, Kursk, Russia

[1]tatyanakimovna-r@yandex.ru
[2]darya-chistilina@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the impact of digitalization on the stage of judicial proceedings. The use of digital technologies in the judicial process is a positive example of the legislator's desire to keep up with scientific and technological progress. The existing mechanisms for audio recording and participation in court proceedings through video conferencing have a positive impact on the evidentiary process, but require good technical equipment of the courts and the development of clear criteria for their use. It

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01341, https://rscf.ru/project/25-28-01341/
[2] The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-01341, https://rscf.ru/project/25-28-01341/

has been established that in practice various problems arise related to failures in information systems, and innovative proposals face the impossibility of being implemented in practice due to the lack of an integrated approach to the digital transformation of the trial stage. As a result of the study, the authors came to the conclusion that information technologies should be implemented based on the principles of consistency and guarantee of the rights of participants in the criminal proceedings.

Keywords: digitalization, court proceedings, evidence, digital technologies, video conferencing, audio recording.

For citation: Ryabinina T. K., Chistilina D. O. The use of digital technologies in the course of criminal proceedings: problems and prospects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 300–307.

Современная модель уголовного судопроизводства вынуждена подстраиваться под изменяющиеся условия с учётом стремительного развития технологий, которые одновременно упрощают и усложняют в техническом плане работу сотрудников правоохранительных органов и судов. С одной стороны, мы не можем сейчас представить нашу жизнь без гаджетов и дистанционного взаимодействия с окружающими, однако в юридической сфере многие технологии остаются недоступными либо ввиду процедурных ограничений, либо в связи с недостаточной технической подготовленностью и оснащённостью правоохранительных структур и судов.

Уголовно-процессуальная сфера строго регламентирована законодательством, что обусловлено необходимостью чёткого соблюдения прав участников уголовного процесса. Поэтому любые нововведения должны рассматриваться через призму гарантированности полноценного участия и обеспечения прав граждан в уголовном судопроизводстве. В связи с этим внедрение цифровых технологий должно происходить поэтапно во все стадии уголовного процесса.

В плане использования цифровых технологий первыми откликнулись суды. Так, впервые курс на цифровизацию был взят Высшим Арбитражным Судом РФ (далее – ВАС РФ), а уже после объединения Верховного Суда РФ и ВАС РФ был создан единый центр судебной власти, что позволило распространить электронные механизмы взаимодействия и на другие формы судопроизводства. Ещё в 2018 году федеральным законом было введено требование о применении автоматизированной информационной системы (АИС) при формировании состава суда для рассмотрения каждого уголовного дела (с учётом нагрузки и специализации судей).[1] Лишь в случае невозможности использования в суде АИС закон допускает формирование состава суда в ином порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства. Тем самым законодатель продемонстрировал важность разрешения вопроса о составе суда, влияющего на дальнейшее рассмотрение и разрешение уголовного дела в условиях, исключающих какое-либо влияние на суд (административно-управленческое, личное, общественное, политическое). Однако проведённый профессором Т. К. Рябининой опрос показал, что более 60 % судей считают такой порядок реализованным не в полной мере, поскольку не во всех случаях автоматизированная система может учесть все нюансы подлежащего рассмотрению уголовного дела, и тогда по традиции данный вопрос вновь будет разрешать председатель суда.

На сегодняшний день российскими судами в ходе доказательственной деятельности активно используется аудиопротоколирование и проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи.

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Введённое в 2018 году аудиопротоколирование в судах первой и апелляционных инстанций, безусловно, явилось давно ожидаемой мерой процессуальной экономии и удобства в фиксировании всего происходящего в судебном заседании, причём как для суда, так и сторон. Но основное значение такой новеллы – это устранение возможности председательствующему вмешиваться в процесс составления протокола судебного заседания. Ведь не секрет, что содержание протокола судебного заседания порой существенно отличалось от того, что имело место в ходе судебного заседания, что подтверждалось представленными сторонами в вышестоящих судах аудиозаписями, которые они вправе вести. Таким образом, нельзя переоценить доказательственное значение аудиопротокола при возникновении споров по процедурным вопросам в процессе обжалования итогового решения суда. Однако нельзя полностью рассматривать аудиопротоколирование как упрощение в деятельности судебных работников, ведь закон предусматривает составление протокола и в письменной форме. К тому же использование средств аудиозаписи не допускается при рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании (ч. 1 ст. 259 УПК РФ). Более того, проблемы технической оснащённости, на что уже обращалось внимание, порождают случаи некачественной, фрагментарной записи или полного её отсутствия, что может привести к отмене приговора, если такие факты своевременно не будут зафиксированы в установленном порядке в акте об отсутствии аудиопротокола[1].

Видео-конференц-связь стала удобным инструментом в ходе проведения судебных заседаний, способствующим снижению судебных издержек и ускорению судебного разбирательства. К тому же в стадиях по пересмотру приговоров данный механизм начал использоваться гораздо раньше. УПК РФ регламентирована возможность использования системы видео-конференц-связи для участия в судебных заседаниях подсудимых, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно (ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ). Причём такое не допускается, если уголовное дело рассматривается присяжными заседателями, что вполне оправданно, так как дистанционное участие искажает картину восприятия непрофессиональными судьями. Участие же иных лиц, вовлечённых в уголовный процесс, в дистанционном формате возможно лишь, если решение будет принято судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе. Уголовно-процессуальный закон не раскрывает подобные случаи, что оставляет широкое поле усмотрения для суда.

Для данных целей могут использоваться как уже привычные нам средства дистанционной коммуникации (*Skype, TrueConf, WhatsApp* и др.), так и отечественные разработки (Винтео). Главным требованием к ним является безопасность соединения и сохранение конфиденциальности. При этом отметим, что в ст. 241.1 УПК РФ частично регламентирован порядок участия в судебном разбирательстве посредством использования видео-конференц-связи, однако остаётся несколько нерешённых процедурных вопросов. Так, И. И. Шереметьев отмечает, что необходимо определить характер помещения, в котором находится лицо, требования к используемым техническим средствам и окружающей допрашиваемое лицо обстановке. Также необходимо исключить влияние на допрашиваемого иных лиц, что можно обеспечить организацией прокторинга (системы контрольного видеонаблюдения) [1, с. 97–100]. Кроме того, заранее необходимо технически оснастить помещение и установить камеры таким образом, чтобы не оставалось «слепых зон», а также запретить допрашиваемому использование виртуального фона. Также проблемой является и плохое качество связи и внезапное её прерывание, о чём участники процесса должны незамедлительно сообщить, чтобы из-

[1] Об утверждении Регламента организации ведения протоколирования с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирования) хода судебного заседания, а также при совершении отдельного процессуального действия вне судебного заседания в федеральных судах общей юрисдикции» [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 9 января 2025 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бежать возможных проблем. Так, в одной из апелляционных жалоб осуждённый указал на то, что «в связи с плохим качеством связи ему не был понятен состав суда, показания потерпевшего, и он был лишён возможности заявлять суду ходатайства». Однако суд счёл его доводы безосновательными, так как заявлений об отложении судебного заседания по причине ненадлежащего качества видео-конференц-связи осуждённым и его защитником не заявлялось[1].

При этом подобный вид коммуникации в ходе судебного разбирательства не должен становиться панацеей. Необходимо помнить о том, что при применении цифровых технологий должны сохраняться существующие гарантии прав участников судебного заседания. В одном из апелляционных постановлений было отмечено, что посредством видео-конференц-связи «невозможно ознакомление подсудимого, участвующего в процессе таким способом, с вещественными доказательствами, в том числе при заявлении им ходатайства об их осмотре в ходе судебного разбирательства, поскольку требуется личное прочтение письменных доказательств обвиняемым и защитником, а также прочтение и воспроизведение вещественных доказательств, в числе которых письменные доказательства»[2].

К тому же не может быть ограничено право подсудимого на участие в судебном заседании непосредственно, если в материалах дела отсутствуют явные основания и ходатайство лица о применении в процессе судебного заседания видео-конференц-связи. Так, в одном из апелляционных постановлений суд указал, что «вопрос о возможности подобного участия подсудимого в судебном заседании судом в установленном законом порядке разрешён не был, при этом мнение ФИО2 относительно участия посредством видео-конференц-связи также не выяснялось, какие-либо обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно, судом не устанавливались». В связи с этим суд пришёл к выводу о том, что было нарушено право осуждённого на непосредственное участие в судебном заседании[3].

В связи с этим хотелось бы обратить внимание, что современные технологии должны быть направлены на усиление гарантий прав граждан, а не на ослабление правового статуса участников уголовного процесса.

Во многих зарубежных странах уже активно используются информационные технологии для упрощения и ускорения некоторых судебных процедур. К примеру, в Нидерландах практикуется подача в электронном формате жалоб в суд, обращений потерпевшего и обвиняемого, апелляционных жалоб и даже некоторых решений должностных лиц по уголовному делу. Кроме того, возможен и допрос посредством проведения видео-конференц-связи в ходе судебного разбирательства свидетеля, эксперта, подозреваемого. Причём процедура подобного допроса подробно регламентирована в законодательстве [2, с. 137–140]. В Сингапуре организационные и правовые аспекты судебной деятельности посредством электронного правосудия реализуются предоставлением виртуальных приложений и услуг для судов, компьютеризацией администрации судов и судебных процессов, разработкой межведомственных систем. Также внедрена система электронного обмена сведениями между правоохранительными органами TICKS 2000 [3, с. 154–158]. Таким образом, зарубежные страны держат курс на техни-

[1] Апелляционное постановление № 22-78/2025 22-9601/2024 от 13 января 2025 г. по делу № 1-569/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZrSaKizP5Rr0/?ysclid=mdj2drywkt624147699 (дата обращения: 23.07.2025).
[2] Апелляционное постановление № 22-202/2025 22-6739/2024 от 14 января 2025 г. по делу № 1-565/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/AzvI8CjmgcQu/?ysclid=mdj2f6akau289430340 (дата обращения: 23.07.2025).
[3] Апелляционное постановление № 22-3208/2024 от 2 октября 2024 г. по делу № 1-141/2024 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.07.2025)

ческое совершенствование судопроизводственной сферы, подробно регламентируя при этом механизм использования цифровых технологий.

В России сейчас уже имеются предложения о расширении использования цифровых технологий в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. В рамках существующей ГАС «Правосудие» предполагается внедрить возможность участия в заседаниях онлайн с биометрической системой аудиоидентификации участников процесса, на что уже было выделено дополнительное финансирование[1].

Помимо традиционно применяемых в ходе уголовного судопроизводства технологий, существуют предложения о внедрении инновационных идей, направленных на повышение качества судебного разбирательства. Например, А. В. Холопов в своём исследовании отмечает, что в силу объёма, противоречивости и сложности представляемой информации в суде иногда бывает сложно сформировать целостное представление о произошедшем, особенно если дело рассматривается с участием присяжных заседателей. В связи с этим для повышения степени наглядности он предлагает использовать технологию 3D-моделирования, с помощью которой можно воспроизвести событие преступление, как это видит одна из сторон либо представить наглядную модель проведения следственного действия, что также облегчит восприятие доказательства. Так, за рубежом используют специальные криминалистические компьютерные программы (*Visual Statement FX3, 3D EyeWitness, The Crime Zone*), которые на основе доказательственной информации способны создавать и визуализировать ситуационную анимированную 3D-модель события преступления. При этом 3D-модель может быть статичной или динамичной (зависит от обстоятельств и желания разработчика) и не будет считаться доказательством, а является лишь способом его визуализации [4, с. 86–87].

Ещё одним способом визуализации с полным погружением является использование VR-технологий. Они могут быть применены для проверки и оценки полученных доказательств по уголовному делу в контексте воссозданной визуальной обстановки; для осуществления контроля за качеством производства следственных действий; сбора ориентирующей информации. Данная технология, как и 3D-моделирование, может помочь более полно погрузиться в демонстрируемое событие. 3D-модель и виртуальная реальность (VR) отличаются тем, что 3D-модель – это трёхмерное представление объекта (может быть статичным и динамичным), а VR – компьютерная симуляция трёхмерной среды, с которой пользователь может взаимодействовать почти так же, как с реальным миром [5, с. 56–60]. Однако для реализации в суде последнего потребуется более мощное оборудование, что неизбежно приведёт к большим затратам.

При этом при использовании данных технологий особое значение имеют носитель информации и формат, цвет и размер дисплея, продолжительность демонстрации и соотношение с другими доказательствами, включая их силу, использование визуальной информации другой стороной и т. п. Поэтому в данном случае необходимо исключить субъективизм при создании модели и основательно подойти к качеству используемого при демонстрации оборудования [6, с. 185–187].

Фактически возможность демонстрировать подобные модели должна быть предоставлена обеим сторонам уголовного процесса в равной степени. Безусловно, для изготовления 3D-модели или VR-пространства необходимо привлечение специалистов, которые должны быть доступны сторонам. В противном случае позиция стороны обвинения будет более убедительной, что поставит сторону защиты в невыгодное положение. Однако встаёт финансовый вопрос, так как привлечение подобных специалистов является дорогостоящим, что не так принципиально для стороны обвинения, однако для защиты может являться решающим фактором. Поэтому считаем, что использование

[1] В России расширят возможности для дистанционного обращения в суд [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2024/06/19/naklikat-pravdu.html?ysclid=mdfoeagqmc969756282 (дата обращения: 23.07.2025).

подобного способа представления доказательств должно быть заранее согласовано и не использоваться в ущерб интересам сторон. Также обвинению и защите стоит помнить о том, что визуализация не должна обнародовать «шокирующие» доказательства, которые могут вызвать предубеждение у судей, особенно присяжных заседателей.

Использовать искусственный интеллект при осуществлении примирения сторон предлагают В. С. Латыпов и А. Б. Гуськова. Они отмечают, что подобная процедура содержит много формальных моментов, из-за чего возрастает нагрузка на судей. Искусственный интеллект может использоваться для анализа имеющихся материалов дела и формирования рекомендаций о возможности или невозможности примирения сторон. Например, с положительной стороны подобные системы показали себя в Китае. Там судьи обязаны консультироваться с системой умных судов. В случае несогласия с выданной рекомендацией судья обязан письменно аргументировать свою позицию [7, с. 264–267]. Из более реальных перспектив уже давно предлагают ввести систему онлайн-трансляций судебных заседаний на общедоступной платформе, чтобы доступ могло получить как можно большее количество людей в реальном времени, что обеспечит открытость правосудия. Однако необходимо будет продумать безопасность каналов трансляции и учесть риски нарушения конфиденциальности и информационной безопасности прямого вещания.

При использовании подобных технологий необходимо учитывать техническую оснащённость судов и иных государственных структур, на которые будет возложена обязанность обеспечения информационными технологиями процесс судопроизводства [8, с. 177]. На данном этапе не все государственные органы в должной мере оснащены техническими возможностями по реализации уже существующих передовых мер, не говоря уже об инновационных разработках. В связи с этим прежде всего для гарантирования равного доступа к правосудию необходимо разрешить материально-технические вопросы и обеспечить должное качество применяемых средств и технологий. Кроме того, большое значение имеет качество использования цифровых технологий. Технические сбои электронных сервисов, нестабильный уровень интернет-соединения, неисправность аудио- или видеоустройств, низкое качество передаваемого изображения или звука существенно влияют на возможность восприятия сторонами и оценки судом доказательств [9, с. 51–53].

Помимо этого, дистанционное взаимодействие предполагает обмен большим массивом данных, которые должны будут храниться на специальных серверах со значительным объёмом памяти, а также системой, которая бы обеспечивала безопасность персональных данных. К сожалению, имеющиеся данные на основе опыта функционирования информационных систем в России и за рубежом показывают, что имеет место утечка персональной информации и широкое вмешательство государства в личную жизнь, а также неправильная оценка автоматизированными системами информации [10, с. 76–81]. Поэтому необходимо нивелировать и этот аспект для обеспечения справедливости всего судебного разбирательства [11, с. 289–290].

Также необходим более системный подход к внедрению информационных технологий, предусматривающий цифровизацию, под которой понимается высшая ступень информатизации, предполагающая переход к более современным технологиям на всех этапах управленческой деятельности [12, с. 57–60]. В случае же фрагментарного реформирования мы получим не упрощение, а усложнение процедурных аспектов с дублированием некоторых делопроизводственных моментов (например, оцифровка бумажных документов или распечатывание цифровых).

Таким образом, цифровая трансформация стадии судебного разбирательства должна проходить в условиях постепенного перехода к новой технологической реальности с учётом существующих гарантий прав участников уголовного процесса и повышения качества доказательственной деятельности.

1. Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №10 (74). С. 97-107.
2. Антонович Е. К. Электронное правосудие по уголовным делам в Нидерландах: современное состояние и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №10 (74). С. 136-149.
3. Цурлуй О. Ю. Судебное разбирательство по уголовным делам и цифровые технологии: совместить нельзя разделить // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 148–158.
4. Холопов А. В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистъ. 2023. № 3 (44). С. 84-90.
5. Антонов И. О., Клюкова М. Е., Кугуракова В. В., Верин А. Ю. Процессуальные особенности и перспективы использования по уголовному делу цифровых копий визуальной обстановки следственного действия // Евразийская адвокатура. 2022. № 4(59). С. 56-61.
6. Хорошева А. Е. Визуальная информация и ее исследование в судебном разбирательстве уголовных дел // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 2. С. 184-192.
7. Латыпов В. С., Гуськова А. Б. Примирение сторон в уголовном судопроизводстве с применением технологий искусственного интеллекта // Закон и право. 2024. № 2. С. 264-267.
8. Проказин Д. Л., Семенов Е. А., Ляпин А. И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 171–178.
9. Развейкина Н. А., Шиханова Е. Г. Трансформации судопроизводства в России, спровоцированные пандемией // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 4. С. 50-58.
10. Марковичева Е. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе: уроки пандемии // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 76–81.
11. Синекин А. А. Роль и место принципа справедливости в системе принципов уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 288–294.
12. Дубень А. К. О современных тенденциях развития правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности судебной системы в Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2021. № 5. С. 56-65.

1. Sheremet`ev I. I. Ispol`zovanie sovremenny`x cifrovy`x texnologij pri sudebnom razbiratel`stve ugolovny`x del v distancionnom rezhime // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2020. №10 (74). S. 97-107.
2. Antonovich E. K. E`lektronnoe pravosudie po ugolovny`m delam v Niderlandax: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2020. №10 (74). S. 136-149.
3. Czurluj O. Yu. Sudebnoe razbiratel`stvo po ugolovny`m delam i cifrovy`e texnologii: sovmestit` nel`zya razdelit` // Lex russica. 2022. T. 75. № 2. S. 148–158.
4. Xolopov A. V. 3D-modelirovanie soby`tiya prestupleniya v stadii sudebnogo razbiratel`stva s uchastiem prisyazhny`x zasedatelej: problemy` i puti resheniya // Kriminalist``. 2023. № 3 (44). S. 84-90.
5. Antonov I. O., Klyukova M. E., Kugurakova V. V., Verin A. Yu. Processual`ny`e osobennosti i perspektivy` ispol`zovaniya po ugolovnomu delu cifrovy`x kopij vizual`noj obstanovki sledstvennogo dejstviya // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 4(59). S. 56-61.
6. Xorosheva A. E. Vizual`naya informaciya i ee issledovanie v sudebnom razbiratel`stve ugolovny`x del // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17, № 2. S. 184-192.

7. Laty`pov V. S., Gus`kova A. B. Primirenie storon v ugolovnom sudoproizvodstve s primeneniem texnologij iskusstvennogo intellekta // Zakon i pravo. 2024. № 2. S. 264-267.
8. Prokazin D. L., Semenov E. A., Lyapin A. I. Razvitie videotexnologij v ugolovnom processe Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 171–178.
9. Razvejkina N. A., Shixanova E. G. Transformacii sudoproizvodstva v Rossii, sprovocirovanny`e pandemiej // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2021. T. 18, № 4. S. 50-58.
10. Markovicheva E. V. Obespechenie prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel`stvo v ugolovnom processe: uroki pandemii // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2021. T. 7, № 1. S. 76–81.
11. Sinekin A. A. Rol` i mesto principa spravedlivosti v sisteme principov ugolovnogo sudoproizvodstva // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 288–294.
12. Duben` A. K. O sovremenny`x tendenciyax razvitiya pravovogo regulirovaniya v oblasti obespecheniya informacionnoj bezopasnosti sudebnoj sistemy` v Rossijskoj Federacii // Nacional`naya bezopasnost` / nota bene. 2021. № 5. S. 56-65.

Сведения об авторах

Рябинина Татьяна Кимовна. Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, доктор юридических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Чистилина Дарья Олеговна. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Information about the authors

Ryabinina Tatiana Kimovna. Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Doctor of Law, Professor.
Southwest State University.
305040, Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya Str., 94.

Chistilina Darya Olegovna. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Candidate of Law, Associate Professor.
Southwest State University.
305040, Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya Str., 94.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 04.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ

Семенов Владимир Ремович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

wladirom@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена системным проблемам квалификации надругательства над телами умерших и местами захоронения (ст. 244 УК РФ). Анализируются ключевые сложности правоприменения: разграничение со смежными составами; спорный статус предмета преступления; обязательность установления прямого умысла; квалификация новых форм обращения с останками. Особое внимание уделяется уникальным правовым казусам (статус тела В. И. Ленина) и этико-правовым коллизиям использования тел в медицинских/коммерческих целях. На основе анализа судебной практики выявлены устойчивые ошибки квалификации, в частности: игнорирование объекта общественной нравственности при хищениях с кладбищ и некорректная оценка субъективной стороны. Автор обосновывает необходимость законодательного расширения понятия «останки умершего», делается вывод о потребности в системном совершенствовании ст. 244 УК РФ с учётом культурных традиций и нравственных устоев общества.

Ключевые слова: преступление, надругательство, тело умершего, места захоронения, состав преступления.

Для цитирования: Семенов В. Р. Проблемы квалификации надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 308–316.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ABUSE OVER THE BODIES OF THE DEAD AND THEIR BURIAL PLACES

Vladimir R. Semenov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

wladirom@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the systemic problems of qualification of abuse of the bodies of the dead and burial sites (art. 244 of the Criminal Code of the Russian Federation). The key difficulties of law enforcement are analyzed: differentiation with related compounds; the disputed status of the subject of the crime; the obligation to establish direct intent; the qualification of new forms of treatment of remains. Special attention is paid to unique legal incidents (V. I. Lenin's body status) and ethical and legal conflicts of the use of bodies for medical/commercial purposes. Based on the analysis of judicial practice, persistent qualification errors have been identified, in particular, ignoring the object of public morality during theft from cemeteries and incorrect assessment of the subjective side. The author substantiates the need for a legislative expansion of the concept of "remains of the deceased", and concludes that there is a need for systematic improvement of Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account cultural traditions and moral principles of society.

Keywords: crime, abuse, body of the deceased, burial places, corpus delicti.

For citation: Semenov V. R. Problems of qualification of abuse over the bodies of the dead and their burial places // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 308–316.

Защита неприкосновенности тел умерших и достоинства памяти о них – это не просто правовая норма, но и фундаментальный этический и культурный императив любого цивилизованного общества. Актуальность углублённого исследования ст. 244 УК РФ обусловлена её ключевой ролью в охране сакрального пространства смерти от актов вандализма, цинизма и кощунства, которые глубоко ранят общественную нравственность и религиозные чувства граждан. Особую остроту теме придают: насущная необходимость адаптации уголовного закона к вызовам современности (новые технологии сохранения останков, коммерческое использование тел); необходимость правового осмысления статуса особых категорий останков (мощи святых, тело Ленина); а также нерешённые проблемы квалификации, ведущие к неадекватной оценке общественной опасности деяний (например, при хищениях с кладбищ или незаконном изъятии органов). Понимание этих аспектов необходимо для формирования правовой системы, адекватно отражающей культурные ценности и нравственные устои многонационального российского общества.

Уголовно-правовая квалификация надругательства над телами умерших (ст. 244 УК РФ) неизменно сопряжена со сложностями при разграничении данного преступления со смежными составами, в частности с посягательствами на собственность. Эта проблема носит принципиальный характер, так как от правильной квалификации зависит адекватная оценка общественной опасности деяния и назначение справедливого наказания. Центральный вопрос заключается в определении первичного объекта посягательства: нарушаются ли в первую очередь нормы общественной нравственности и уважения к памяти усопших или же имущественные интересы? Судебная практика зачастую склоняется ко второму варианту, что, по мнению ряда специалистов, не всегда полно отражает суть преступных действий, особенно в случаях намеренного сокрытия смерти для извлечения материальной выгоды.

Существует позиция, что умышленное сокрытие факта смерти человека для незаконного получения выплат (пенсий, пособий и т. д.) должно квалифицироваться по ст. 244 УК РФ. Однако судебная практика чаще трактует такие деяния, как преступления против собственности. Ярким примером служит случай в Смоленске, где гражданка N обнаружила труп матери, но не сообщила об этом, продолжая незаконно получать её пенсию почти год. Тело мумифицировалось, причину смерти установить не удалось. Уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат)[1]. Представляется, что подобная квалификация недостаточно отражает всю общественную опасность содеянного, поскольку намеренное оставление тела разлагаться в жилище грубо нарушает похоронную культуру и традиции, являясь, по сути, надругательством над телом умершего. Поэтому логичной видится квалификация по совокупности со ст. 244 УК РФ.

При рассмотрении объекта охраны ст. 244 УК РФ важно подчеркнуть, что возраст умершего не имеет значения. Тело мертворождённого обладает тем же статусом, что и тело человека, умершего после рождения. Моментом рождения по закону считается от-

[1] Смолянка год жила в квартире с мумией матери ради денег [Электронный ресурс]. URL: https://www.province.ru/smolensk/zhizn>-nepridumannye-istorii/smolyanka-god-zhila-v-kvartire-s-mumiej-materi-radi-deneg.html?ysclid=lfsp0mtfza517488837 (дата обращения: 01.05.2025).

деление плода от организма матери[1]. Живорождением признаётся такое отделение на сроке 22+ недель (или при массе 500+ гр., длине 25+ см) с признаками жизни. Мертворождением считается отделение на тех же сроках/параметрах, но без признаков жизни[2]. Если же рождения (живого или мёртвого) не произошло, плод не приобретает статус человека и не может быть предметом ст. 244 УК РФ, обладая иным юридическим статусом.

Предметом преступления по ст. 244 УК РФ традиционно считаются тело умершего, места захоронения, надгробия и кладбищенские сооружения [1, с. 96]. Дискуссионным остаётся вопрос, охватывает ли диспозиция статьи действия с прахом после кремации или фрагментами тела (останками). Практика таких случаев редка, но всё же она встречается. Например, в Приморском крае гражданин В.В. был осуждён по ч. 1 ст. 244 УК РФ за вскрытие ниши в крематории, кражу урны с прахом З.Ф. и повреждение мемориальной плиты, что привело к утрате урны[3]. В доктрине права (Е. В. Кобзева) высказывается обоснованная позиция о необходимости расширить понятие предмета до «останков умершего», включающих не только целое тело, но и его фрагменты (голова, конечности и т. д.), а также прах [2, с. 77]. Хотя ст. 244 УК РФ прямо не называет останки, надругательство над ними, как и над прахом (например, использование черепа как пепельницы или футбольного мяча), безусловно, причиняет вред общественной нравственности – охраняемому объекту данной нормы. Судебная практика по фрагментам тел единична, как в случае с гражданином Анашкиным (Рязанская обл.), который вскрыл гроб, извлёк челюсть умершего и скрылся[4].

Отдельным дискуссионным вопросом является предложение некоторых авторов включить некрофагию (поедание плоти умершего) как самостоятельное действие в ст. 244 УК РФ, поскольку это грубейшее нарушение погребальных традиций [3, с. 62; 4, с. 267–271]. Однако действующая диспозиция статьи определяет предмет как «тело умершего», подразумевая анатомически целый организм. Поедание же отделённого фрагмента или манипуляции с ним напрямую под понятие «надругательство над телом» не подпадает. Это указывает на возможную потребность в уточнении законодательной формулировки или доктринальном толковании. Примером может служить приговор Пермского краевого суда в отношении граждан В.,Ч.,Ш., совершивших убийство группой лиц по предварительному сговору. После совершения убийства В. совместно с Ч. решили использовать мясо трупа в пищу, а также продавать его. Они совместно извлекли труп из-под земли и отчленили от него нижние конечности, после чего употребили часть мяса в пищу вместе с Ш., который осознавал, что это труп. Суд квалифицировал их действия по п. «а» ч. 2 ст. 244 УК РФ в части расчленения трупа.

Проблемы квалификации действий, связанных с нарушением анатомической целостности тел умерших или изъятием их органов, отличаются неоднозначностью в судебной практике. Центральный вопрос заключается в разграничении составов преступлений против жизни и здоровья (ст. 105 УК РФ), надругательства над телами умерших (ст. 244 УК РФ), незаконной трансплантации (ст. 120 УК РФ), в отдельных случаях превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Эта сложность усугубляется противоречивой практикой применения ст. 244 УК РФ даже при очевидных признаках надру-

---

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2] О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Рос. Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3] Приговор Мирового судьи судебного участка № 32 г. Артема Приморского края от 31 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://32.prm.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=943&cl=1 (дата обращения: 01.05.2025)

[4] Приговор Сасовского районного суда Рязанской области от 11 октября 2013 г. по делу № 1-104.13 [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru (дата обращения: 01.05.2025)

гательства, а также этико-правовыми коллизиями, возникающими при использовании тел умерших в медицинских, научных или, что особенно спорно, коммерческих целях. Настоящий анализ рассматривает ключевые аспекты этой проблематики, включая спорные случаи квалификации расчленения трупа, вопросы законности изъятия органов для трансплантации и этические границы использования тел на публичных выставках.

Судебная практика демонстрирует неоднозначность при квалификации действий по изъятию органов или расчленению трупа. Согласно позиции Пленума Верховного Суда, глумление над трупом после убийства требует квалификации по совокупности – по ст. 105 УК РФ и ст. 244 УК РФ[1]. Однако встречаются случаи, когда суды игнорируют ст. 244 УК РФ даже при наличии явных признаков надругательства. Яркий пример – приговор Санкт-Петербургского суда по делу граждан Г. и М., которые после убийства расчленили труп, частично употребили его фрагменты в пищу, а остальное выбросили. Суд квалифицировал содеянное только по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, сопряжённое с расчленением трупа), не применив ст. 244 УК РФ, хотя действия явно выходили за рамки самого убийства[2]. Не менее важно отграничивать ст. 244 УК РФ от ст. 120 УК РФ «Принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации». Ключевая проблема здесь – законность изъятия органов у умершего без его прижизненного согласия или согласия родственников. Непосредственным объектом такого незаконного изъятия является общественная нравственность в части достойного отношения к телу умершего. Эти действия грубо нарушают волю покойного и его близких, право человека на посмертное достоинство. Исключение составляют лишь законные процедуры, прямо разрешённые законодательством. Субъектом такого преступления обычно выступает лицо со специальными медицинскими знаниями (врач, патологоанатом), а субъективная сторона характеризуется целью использования изъятых органов для трансплантации. Однако анализ практики показывает, что ст. 244 УК РФ редко применяется к подобным случаям; ответственность чаще устанавливается по статьям о должностных преступлениях. Показателен случай в Ульяновской области: судмедэксперт Мельников на протяжении 3 лет незаконно изымал органы (включая глазные яблоки) у 94 трупов, не уведомляя родственников, и поставлял их в больницу для операций. Уголовное дело было возбуждено только по ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), хотя действия явно содержали признаки надругательства над телами.

Хотя закон допускает использование тела, органов и тканей умершего в медицинских, научных и учебных целях, возникает этико-правовой вопрос: всегда ли манипуляции с трупом или его фрагментами оправданы этими целями? В Российской Федерации неоднократно проводились коммерческие выставки («Тайны тела», «Пластинаты» и др.), демонстрирующие тела умерших, подвергнутые пластинации и иным манипуляциям. С религиозной и светской этической точек зрения подобные практики часто воспринимаются как недопустимые. Особое осуждение вызывали композиции: объединение тел незнакомых людей в сексуальные позы, придание лицам комических или отталкивающих выражений, демонстрация выпотрошенных внутренностей, препарированных половых органов. Подобные действия представляют собой явное надругательство над телом, издевательство над памятью умерших, выражающееся в глумлении, осквернении и унижении человеческого достоинства. Важно подчеркнуть, что даже прижизненное согласие человека на такие манипуляции с его телом является юридически ничтожным, поскольку право на достоинство личности, включая посмертное, – фундамен-

[1] О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 января 1999 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 5 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru (дата обращения: 01.05.2025)

тальное естественное право, от которого нельзя отказаться. В многонациональной и многоконфессиональной России подобные выставки могут быть расценены верующими как публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и оскорбляющие их религиозные чувства и достоинство личности по религиозному признаку.

Правовой статус тела В. И. Ульянова (Ленина) представляет собой уникальный юридический казус в современной России. Сохранение его останков в Мавзолее на Красной площади регулируется исключительно историческим постановлением 1924 года, что создаёт правовой вакуум в вопросах содержания тела, проведения необходимых медицинских процедур и их финансирования. Данная ситуация вступает в противоречие с действующим федеральным законодательством о погребении, что требует всестороннего юридического анализа с учётом принципа верховенства Конституции и современных правовых норм.

В настоящее время правовой статус тела В. И. Ульянова (Ленина) остаётся юридически неопределённым. Сохранение исторического тела регулируется исключительно Постановлением ЦИК от 25 января 1924 года, которое остаётся единственным документом, регламентирующим вопросы содержания останков и их нахождения на Красной площади. Примечательно, что решение о сохранении тела было принято партийным руководством без надлежащего документального оформления. Современное российское законодательство не содержит нормативно-правовой базы, регулирующей пребывание тела Ленина на Красной площади, проведение медико-биологических работ по его сохранению или вопросы их финансирования. Согласно тексту исторического Постановления, «гроб с телом В. Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения. Склеп соорудить у Кремлёвской стены, на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции»[1]. Однако данное положение вступает в противоречие с действующим Федеральным законом Российской Федерации № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [2], который определяет погребение как обрядовые действия по захоронению тела в соответствии с традициями, не противоречащими санитарным требованиям, предусматривающие предание тела земле, огню или воде. С юридической точки зрения захоронение знаменует завершение правового цикла существования личности. После погребения останки перестают быть объектом права, за исключением особых случаев (следственные действия, эксгумация, перезахоронение). Таким образом, текущий статус тела Ленина противоречит требованиям современного законодательства о погребении. При этом историческое Постановление ЦИК формально не отменено и продолжает действовать. Конституция РФ устанавливает важный принцип: законы и правовые акты, действовавшие до её вступления в силу, применяются лишь в части, не противоречащей Основному Закону. Поскольку Конституция имеет прямое действие, любой нормативный акт (вне зависимости от времени принятия) не должен противоречить её положениям и федеральным законам. Исходя из этого, акты советского периода, регулирующие статус тела Ленина, подлежат отмене в части их противоречия действующему законодательству, в частности федеральному закону № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле».

Правовой статус мощей и новых форм поминовения усопших требует специального рассмотрения в контексте ст. 244 УК РФ. Особое положение святых останков в религиозной практике и современные ритуалы с прахом умерших создают сложные юридические коллизии, требующие анализа их соответствия действующему законодательству и общественной нравственности.

---

[1] О сооружении склепа для помещения праха В.И. Ленина [Электронный ресурс]: постановление II съезда Советов СССР от 26 января 1924 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О погребении и похоронном деле [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рассматривая особенности правового статуса мощей в рамках ст. 244 УК РФ, необходимо отметить их специфическое положение. Православная традиция определяет мощи как останки святых, почитаемые как святыни, включающие не только сохранившиеся тела, но и отдельные телесные компоненты (кости, пепел, прах). Религиозное использование мощей противоречит исчерпывающему перечню целей в Федеральном законе Российской Федерации № 323-ФЗ (медицинские, научные, учебные), что создаёт правовую коллизию[1]. Учитывая значимость мощей для религиозных организаций, принудительное изъятие или запрет их использования представляется недопустимым. В связи с этим обоснованным видится предложение о дополнении ст. 68 ФЗ РФ № 323-ФЗ религиозной целью использования останков.

Способы обретения мощей включают открытие (вскрытие захороненных в усыпальницах останков), обнаружение (нахождение останков преимущественно в земле) и эксгумацию. Первые два способа обычно не вызывают правовых вопросов, тогда как эксгумация требует особого рассмотрения, поскольку может осуществляться как правомерно, так и неправомерно. Важно подчеркнуть, что для религиозных общин обретение мощей является культовым действием, лишённым корыстных мотивов. Таким образом, мощи обладают особым правовым статусом, исключающим их из гражданского оборота.

Отдельного внимания заслуживает феномен «кремационной татуировки», где чернила содержат прах умершего. Эта практика набирает популярность как способ сохранения памяти об усопшем. Хотя прах не относится к предмету ст. 244 УК РФ [5, с. 97], он имеет значительную символическую ценность в похоронной культуре и глубокую нравственно-психологическую важность для родственников. Использование пепла в татуировках, мотивированное желанием почтить память, по сути, не является надругательством (безнравственными или циничными действиями). Поэтому при условии соблюдения мастером стандартных процедур безопасности данная практика представляется законной. Квалификация преступлений по ст. 244 УК РФ требует чёткого разграничения со смежными составами, в частности с вандализмом (ст. 214 УК) и преступлениями против воинских захоронений (ст. 243.4 УК), что представляет значительную сложность в следственной и судебной практике. Не менее важной проблемой является установление прямого умысла при надругательстве над телами умерших, а также правильная квалификация действий, связанных с хищением предметов с кладбищ.

Следует отметить существенное сходство объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами захоронения) и ст. 214 УК РФ (вандализм). Практика показывает, что внешние проявления этих деяний часто совпадают, а мотивы преступников могут быть схожи. Однако принципиальное различие заключается в предмете преступного посягательства: для ст. 244 УК РФ это места захоронения, надмогильные сооружения и кладбищенские здания, тогда как вандализм направлен против зданий, сооружений или имущества в общественных местах и транспорте. Аналогичным образом предмет преступления позволяет отграничить ст. 244 УК РФ от ст. 243.4 УК РФ, где специальным предметом выступают воинские захоронения, памятники, стелы, обелиски и другие мемориальные объекты, увековечивающие память защитников Отечества или посвящённые дням воинской славы России [6, с. 193].

Особую сложность в квалификации преступлений по ст. 244 УК РФ представляет необходимость установления прямого умысла, что не всегда должным образом учитывается судами. Наглядной иллюстрацией служит дело гражданина Е., осуждённого за убийство и надругательство над телом умершего. Хотя подсудимый не оспаривал факт нанесения крестообразного надреза на тело потерпевшего, он пояснил, что действовал

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с целью соблюдения религиозного обряда для «упокоения души умершего». Эти объяснения не были опровергнуты материалами дела. Президиум суда, пересматривая дело, пришёл к выводу об отсутствии доказательств прямого умысла на надругательство, в связи с чем судебное решение в части ст. 244 УК РФ было отменено[1]. Этот случай подчёркивает критическую важность установления субъективной стороны преступления.

Значительную проблему представляет квалификация хищений предметов с кладбищ [7, с. 55–59]. Судебная практика демонстрирует разнообразие подходов к оценке таких деяний [8, с. 103–110]. В деле граждан М. и К., извлекавших металлические изделия из-под надгробных плит, действия были квалифицированы по ст. 244 УК РФ, поскольку суд усмотрел в них оскорбительное отношение к памяти усопших и циничное пренебрежение традициями почитания умерших. При этом суд не рассмотрел возможность дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ (умышленное повреждение имущества), несмотря на наличие доказательств повреждения надмогильных сооружений. Напротив, в другом случае гражданин Г., демонтировавший памятник с кладбища с корыстной целью, был осуждён только за кражу по ч. 1 ст. 158 УК РФ, хотя его действия явно посягали на общественную нравственность и оскорбляли чувства родственников умершего. Более сбалансированный подход демонстрирует приговор Шадринского районного суда Курганской области от 21 декабря 2022 года. Гражданин Ф.И. совершил хищение металлических оград с двух захоронений, предварительно выдернув их из земли с применением физической силы. Суд, учитывая, что виновный сознавал противоправный характер своих действий и их последствия для общественной нравственности, признал его виновным по совокупности преступлений ч. 1 ст. 244 УК РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ[2]. Этот пример показывает возможность комплексной квалификации при наличии соответствующих признаков.

Приведённые примеры судебной практики позволяют сделать важный вывод: при квалификации деяний по ст. 244 УК РФ необходимо тщательное установление всех элементов состава преступления с особым акцентом на направленность умысла виновного. Надругательство над телами умерших и местами их захоронения может быть квалифицировано только при доказанности прямого умысла на совершение именно этих действий, а не смежных преступлений. Суды должны учитывать как объективные признаки (характер повреждений, способ совершения деяния), так и субъективные факторы (мотивы, цели, осознание последствий), что позволит обеспечить правильную квалификацию и справедливое наказание. Проведённый анализ позволяет выделить комплекс взаимосвязанных проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, обусловленных законодательными пробелами, доктринальной неопределённостью и противоречивой судебной практикой:

1. Сложность разграничения смежных составов. Наиболее острая проблема дифференциация ст. 244 УК РФ от преступлений против собственности (ст.ст. 158, 159.2, 167 УК РФ); вандализма (ст. 214 УК РФ), по причине сходства объективной стороны и мотивов; надругательства над местами воинской славы (ст. 243.4 УК РФ); принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ).

2. Проблема установления субъективной стороны преступления. Состав ст. 244 УК РФ требует прямого умысла на совершение преступных деяний. На практике суды недостаточно исследуют направленность умысла виновного, ошибочно вменяя состав при отсутствии доказательств умысла именно на надругательство. Также игнорируется субъективный аспект при квалификации хищений с кладбищ, фокусируясь только на ко-

[1] Постановление президиума московского городского суда от 11 ноября 2011 г. по делу № 44у-312/11 [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru (дата обращения: 01.05.2025)
[2] Приговор Шадринского районного суда Курганской области № 1-275/2022 от 21 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GJDXQLapKnLs/ (дата обращения: 01.05.2025)

рыстном мотиве, хотя действия могут одновременно грубо нарушать общественную нравственность.

3. Неопределённость предмета преступления. Законодательная формулировка «тело умершего» порождает дискуссии и пробелы в отношении фрагментов тела и праха. Представители доктрины уголовного права обоснованно предлагают расширить понятие до «останков умершего», включая кости, прах после кремации. Действующая редакция ст. 244 УК РФ их явно не охватывает, хотя надругательство над таковыми, бесспорно, причиняет вред общественной нравственности. Специфический религиозный статус останков святых требует особого подхода и, возможно, законодательного закрепления.

4. Проблемы объективной стороны преступления и новых форм преступного деяния. Речь идёт о некрофагии (поедании человеческой плоти), использовании праха (кремационные татуировки); коммерческом использовании тел усопших (анатомические выставки) и прочих циничных действиях. Подобные деяния требуют оценки с позиций нравственности и законности, поскольку противоречат эволюции погребальной культуры, общественной морали, в отдельных случаях оскорбляют чувства верующих.

Только системный подход, учитывающий как юридико-технические аспекты, так и глубокую связь с культурными и нравственными основами общества, позволит обеспечить адекватную уголовно-правовую охрану неприкосновенности тел умерших и памяти о них.

---

1. Квалификация преступлений против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]. СПб: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. 99 с.
2. Кобзева Е. В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 165 с.
3. Исмагилов Р. А., Шарапов Р. Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны. Монография. М.: Издательство "Юрлитинформ", 2014. 160 с.
4. Шокель А. С. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за употребление в пищу человеческих останков //Инновационные тенденции развития российской науки: сб. материалов III Международной (заочной) науч.-практ. конференции молодых ученых / Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2010.
5. Шарапов Р. Д. Преступления против общественной нравственности: учебное пособие. СПб : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 124 с.
6. Алимирзаев Э. А. К вопросу об уголовно-правовой характеристике надругательства над телами умерших и местами их захоронения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 2(22). С. 189–198.
7. Исмагилов Р. А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1(15). С. 55–59.
8. Понаровкина А. М. Хищение надмогильных сооружений и имущества, находящегося в захоронении: вопросы уголовно-правовой квалификации // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2021. № 22. С. 103–110.

1. Kvalifikaciya prestuplenij protiv zdorov`ya naseleniya i obshhestvennoj nravstvennosti : uchebnoe posobie / D. A. Bezborodov, A. V. Zarubin, R. M. Kravchenko [i dr.]. SPb: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) federal`nogo gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel`nogo uchrezhdeniya vy`sshego obrazovaniya Universitet prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2021. 99 s.

2. Kobzeva E. V. Prestupleniya protiv zdorov`ya naseleniya i obshhestvennoj nravstvennosti : uchebnoe posobie. M. : Yurlitinform, 2014. 165 s.
3. Ismagilov R. A., Sharapov R. D. Poxoronnaya kul`tura kak ob``ekt ugolovno-pravovoj oxrany`: Monografiya. M. : Izdatel`stvo Yurlitinform, 2014. 160 s.
4. Shokel` A. S. K voprosu o privlechenii k ugolovnoj otvetstvennosti za upotreblenie v pishhu chelovecheskix ostankov //Innovacionny`e tendencii razvitiya rossijskoj nauki : sb. materialov III Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauch.-prakt. konferencii molody`x ucheny`x / otv. redaktor Yu.V. Platonova; Krasnoyarskij gosudarstvenny`j agrarny`j universitet. Krasnoyarsk, 2010.
5. Sharapov R. D. Prestupleniya protiv obshhestvennoj nravstvennosti : uchebnoe posobie. SPb : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2022. 124 s.
6. Alimirzaev E`. A. K voprosu ob ugolovno-pravovoj xarakteristike nadrugatel`stva nad telami umershix i mestami ix zaxoroneniya // Aktual`ny`e problemy` gosudarstva i prava. 2022. T. 6, № 2(22). S. 189–198.
7. Ismagilov R. A. Nekotory`e problemy` kvalifikacii xishheniya imushhestva s tel umershix i mest ix zaxoroneniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 1(15). S. 55–59.
8. Ponarovkina A. M. Xishhenie nadmogil`ny`x sooruzhenij i imushhestva, naxodyashhegosya v zaxoronenii: voprosy` ugolovno-pravovoj kvalifikacii // Ucheny`e zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2021. № 22. S. 103–110.

Информация об авторе

Владимир Ремович Семенов. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Vladimir. R. Semenov. Senior teacher of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 18.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.13

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сибилькова Анна Васильевна[1], Бадиков Дмитрий Алексеевич[2]
[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]anna.sibilkova@yandex.ru
[2]dibad008@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам, связанным с возможностями использования информационных технологий и автоматизированных систем в рамках осуществления судебно-экспертной деятельности. Информационные технологии в рамках производства экспертных исследований на современном этапе развития науки и техники являются неотъемлемой частью инфраструктуры судебно-экспертных учреждений. Они существенно повышают производительность и качество экспертных исследований, а также способствуют интеграции усилий разных ведомств в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: производство расследования, информационно-телекоммуникационные технологии, организационное обеспечение расследования, информационное обеспечение расследования, судебно-экспертная деятельность.

Для цитирования: Сибилькова А. В., Бадиков Д. А. Роль информационных технологий и автоматизированных систем в судебно-экспертной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 317–323.

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND AUTOMATED SYSTEMS IN FORENSIC EXPERTISE

Anna V. Sibilkova[1], Dmitry A. Badikov[2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]anna.sibilkova@yandex.ru
[2]dibad008@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to problematic issues related to the possibilities of using information technologies and automated systems in the framework of forensic expertise. Information technologies in the framework of expert research at the present stage of the development of science and technology are an integral part of the infrastructure of forensic institutions. They significantly increase the productivity and quality of expert research, as well as contribute to the integration of efforts between different agencies in the detection and investigation of crimes.

Keywords: investigation, information and telecommunication technologies, organizational support of the investigation, information support of the investigation, forensic expertise.

For citation: Sibilkova A.V., Badikov D.A. The Role of Information Technologies and Automated Systems in forensic expertise // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 317–323.

Современную судебно-экспертную деятельность невозможно представить без широкого применения информационных технологий (далее – ИТ) и автоматизированных систем. Цифровизация, охватившая все сферы общественной жизни, кардинально меняет методы работы судебных экспертов, повышает эффективность исследований и открывает новые возможности для анализа доказательств [1, с. 91; 2, с. 229]. Роль ИТ проявляется на нескольких уровнях:

1) внедрение специализированного программного обеспечения для проведения экспертиз;

2) создание и использование автоматизированных информационных систем (АИС) и баз данных, облегчающих идентификацию и сопоставление объектов;

3) автоматизация внутренних процессов экспертных учреждений (электронный документооборот, лабораторные информационные системы);

4) использование цифровых коммуникационных технологий для взаимодействия экспертов и дистанционных исследований.

Возможности использования современных технических средств и технологий в расследовании преступлений на современном этапе достаточно часто становятся объектом исследований [3, с. 177]. Специализированное программное обеспечение (далее – ПО) является ключевым элементом материально-технического обеспечения многих видов экспертиз.

В компьютерно-технической экспертизе ПО фактически выполняет основную работу по извлечению и обработке электронных доказательств. Программы вроде *EnCase*, *FTK*, *X-Ways* позволили автоматизировать поиск по дискам, восстанавливать удалённые файлы, анализировать интернет-активность, что вручную было бы чрезвычайно трудоёмко или невозможно. Автоматизация поиска ключевых слов, классификация изображений (например, выявление запрещённых материалов с помощью обученных нейросетей), распознавание лиц на фотографиях – всё это реализуется современными программными средствами на базе искусственного интеллекта. Примечательно, что применение искусственного интеллекта (алгоритмов машинного обучения) набирает обороты: уже существуют программы, обученные сортировать большой массив изъятых данных по релевантности, помогая эксперту быстрее сконцентрироваться на существенном.

В портретной экспертизе (идентификации личности по изображениям) сейчас активно используется технология распознавания лиц, встроенная в программные комплексы. Государственные органы МВД России располагают системой «Поток» [4] и другими, которые автоматически сравнивают лицевые биометрические параметры. Эксперты-криминалисты могут задействовать эти системы для предварительного круга поиска, а затем вручную верифицировать результат. То есть автоматизированные системы здесь выступают в роли помощника эксперта, ускоряя процесс.

Дактилоскопическая экспертиза давно переведена на рельсы автоматизации. Единая автоматизированная дактилоскопическая система (АДИС) МВД России содержит миллионы дактилокарт и позволяет в считаные минуты по отпечатку пальца найти совпадения в базе [5, с. 179]. Ранее идентификация отпечатков была полностью ручной и занимала несопоставимо больше времени. Сегодня эксперт по следам рук получает от АДИС список кандидатов (топ-10 наиболее похожих отпечатков) и затем проводит сравнительное исследование лишь для этих вариантов, а не перебирает тысячи дактилокарт. Автоматизация дактилоскопических учётов МВД России распределяется по следующим уровням:

– Федеральные АДИС-ГИЦ в ГИАЦ МВД России (ёмкость БД – более 35 млн дактилоскопических карт) и АДИС-ЦДС в ЭКЦ МВД России (ёмкость БД – более 60 тыс. следов);

– Межрегиональные АДИС всех федеральных округов России. Суммарная ёмкость БД всех десяти АДИС-ФО – более 55 млн дактилоскопических карт. В рамках АДИС-ФО внедрено 144 станции АДИС с возможностью удалённого доступа;

– Региональные АДИС. Введены в действие АДИС-Р во всех регионах страны и 712 станций АДИС с возможностью удалённого доступа. Суммарная ёмкость БД АДИС-Р – более 48 млн дактилоскопических карт и более 2 млн следов. Ёмкость баз данных АДИС-Р – от 300 тыс. до 1,5 млн дактилоскопических карт;

– Районные (локальные) АДИС, состоящие из 1–3 станций, связанных локальной вычислительной сетью и рассчитанные на объём БД от 20 до 90 тыс. дактилоскопических карт [6, с. 247].

Таким образом, автоматизированная идентификация экономит время и повышает раскрываемость преступлений. Аналогично работают баллистические системы, например баллистический идентификационный комплекс (БИК) «Кондор». В комплексе «Кондор» используется способ «кадрово-фрагментной» записи, с помощью которого можно получить высококонтрастное изображение с разрешением 3,5 мкм. «Кондор» выделяется тем, что у него удобный интерфейс, им легко управлять и соотношением цена – качество. «Кондор» функционирует в трёх ключевых режимах – это гильзотека, телемикроскоп и пулетека [7, с. 77; 8, с. 27]. Более того, были изобретены и внедрены такие автоматизированные баллистические идентификационные системы (АБИС), как «ТАИС», «Поиск», «Арсенал», «Растр», – это в Российской Федерации, а в других странах системы *IBISForensic – Technology* (Канада) и т. п. Это крайне важно для раскрытия серийных преступлений, когда связи устанавливаются через автоматическое сопоставление пуль.

Генетические идентификационные системы – ещё одна сфера ИТ в экспертизе. В России создан и развивается государственный Банк данных геномной информации [9, с. 241]. Автоматизированный поиск по этой базе (с помощью ПО того же генетического анализатора) позволяет мгновенно сопоставить профиль из нового преступления с тысячами имеющихся. На практике это привело к значительному числу раскрытых преступлений прошлых лет [10, с. 175]. Например, если ранее не было подозреваемого, а сейчас ДНК с места преступления совпала с профильным учётным образцом осуждённого, преступление раскрывается. Включение всё большего числа профилей (с 2021 года введена обязательная геномная регистрация для ряда категорий осуждённых, в 2024 году перечень лиц, подлежащих ей, расширен) увеличивает ценность этой автоматизированной базы.

Автоматизированные информационные системы (АИС) и базы данных служат не только для идентификации. Они также выполняют роль средств накопления экспертных знаний. В Министерстве юстиции, например, ведётся Реестр методик судебных экспертиз [11, с. 428] – фактически база данных, где каждая методика (методическое руководство) зарегистрирована с указанием области применения. Такая система облегчает экспертам подбор и утверждение методов исследований. Другой пример – банк данных образцов почерка, который формируется экспертами для сравнительных исследований (различные почерки, выполненные известными лицами, для статистического анализа). Отдельно следует отметить информационные системы правовой и справочной поддержки экспертов. Современный эксперт имеет доступ к электронным библиотекам, где собраны заключения экспертиз прошлых лет, научные статьи, диссертации по узким вопросам. Благодаря этому при возникновении нетипичной задачи эксперт может быстро найти прецеденты или научные рекомендации. Раньше подобный анализ требовал недели работы с бумажными архивами, сейчас – несколько часов в электронном ресурсе.

Автоматизация внутренних процессов в судебно-экспертных учреждениях – важный элемент повышения эффективности. Многие лаборатории внедряют системы класса *LIMS* (*Laboratory Information Management System*), адаптированные под судебную экспертизу. Такая система ведёт учёт поступивших объектов, распределяет задания между экспертами, отслеживает сроки выполнения, хранит электронные копии заключений, генерирует статистические отчёты [12, с. 96]. Например, ФБУ РФЦСЭ Минюста разработало и внедрило систему электронного документооборота, которая позволила отказаться от части бумажных журналов регистрации. Автоматизация учёта улучшает и материально-техническое обеспечение: легче контролировать, какие приборы загружены или требуют поверки, какие реактивы на исходе (*LIMS* может автоматически сигнализировать о необходимости пополнения запаса реагентов для лаборатории). Кроме того, внутренние АИС помогают обеспечивать информационную безопасность результатов – все данные заключений хранятся в защищённом виде с разграничением доступа, что препятствует утечкам или утрате данных.

Цифровые коммуникации и дистанционные технологии также расширяют возможности судебной экспертизы. Сегодня стало реальностью проведение некоторых экспертных действий дистанционно. Например, эксперт может участвовать в осмотре места происшествия через видеосвязь, направляя следователя, какие объекты изъять, если лично прибыть не может (такое практиковалось во время пандемии COVID-19 и получило развитие). Возможен дистанционный анализ: в цифровой форме эксперту передаются сканы документов, фотографии, видеофайлы, и он может выполнить исследование, находясь в другом городе. Разумеется, не все экспертизы так осуществимы (вещественные доказательства часто необходимо исследовать физически), но в ряде случаев (лингвистические, компьютерные, экономические исследования) удалённая работа становится обыденной. Для этого важно наличие защищённых каналов передачи данных, чтобы гарантировать конфиденциальность материалов дела.

Информационные технологии сыграли роль и в создании новых видов экспертиз. Так, появились экспертизы цифровых следов, которые ранее не выделялись: экспертиза интернет-активности (например, установление автора сообщения в соцсети), экспертиза программного кода, экспертиза криптовалютных транзакций. Эти новые направления полностью опираются на компьютерные технологии и требуют от эксперта не только специальных знаний, но и соответствующего оснащения (доступа к специализированным ПО, навыков программирования). Государство, понимая стремительное развитие цифровой сферы, предпринимает шаги к нормативному закреплению таких экспертиз. В 2020-е годы активно обсуждается внесение в перечни родов судебных экспертиз новых позиций, связанных с цифровой экономикой, и параллельно – повышение уровня цифровой грамотности самих экспертов. Минюст РФ, как упоминалось, планирует создавать комиссии по оценке квалификации, куда будут привлекаться ИТ-специалисты, чтобы проверять, владеет ли эксперт современными программными средствами.

Автоматизированные системы поддержки решений эксперта. Пока это больше перспективное направление, но элементы его уже есть. Речь о том, чтобы ИИ-системы не только выполняли рутинный поиск, но и подсказывали эксперту возможные выводы, оценивали степень совпадения и даже формировали черновик заключения. В научной среде ведутся разработки экспертных систем, способных, например, по данным баллистического сравнения выдать вероятностную оценку совпадения следов. Такие системы могут повысить объективность, но полностью заменять эксперта не будут – они скорее инструмент в его руках. В любом случае, тренд на нейросетевые технологии прослеживается и можно ожидать их дальнейшего проникновения (например, использование нейросети для определения эмоциональной окраски текста в лингвистической экспертизе, для прогнозирования области поиска по следам обуви и т. д.).

Несмотря на очевидные преимущества, широкое применение ИТ ставит и новые задачи перед судебно-экспертной системой. Прежде всего, это кибербезопасность: экспертные базы данных (особенно ДНК и дактилоскопические) являются объектами повышенного внимания, и их защита от несанкционированного доступа – приоритет. Не менее важно техническое обслуживание ИТ-инфраструктуры: серверы, рабочие станции, регулярные бэкапы данных, обновление программ – всё это требует либо наличия в штате ИТ-специалистов, либо внешнего обслуживания. Эксперты, будучи пользователями систем, должны иметь базовые навыки, но администрирование больших систем выходит за рамки их компетенции. В крупных центрах уже созданы отделы информационных технологий, отвечающие за бесперебойную работу сетей и систем.

Другой момент – стандартизация и допустимость результатов, полученных с помощью ИТ. В судебном процессе важно быть уверенным, что программа, выдавшая результат, корректна. Поэтому возникает вопрос сертификации программного обеспечения для судебных экспертиз. Например, если эксперт ссылается на вывод, полученный программой, сторона защиты может потребовать документы о надёжности этой программы. В ряде стран вводятся стандарты на программные продукты в криминалистике. В России подобная сертификация пока носит ограниченный характер (некоторые программы сертифицируются как измерительные, например, хроматографическое ПО через метрологию), но в будущем может усилиться акцент на этом. Возможно, появятся национальные программные платформы для экспертов с открытым кодом, которые прошли независимую экспертизу – это обсуждается в экспертном сообществе.

В целом роль информационных технологий и автоматизированных систем в судебной экспертизе колоссальна и продолжает расти. Они выступают как необходимое условие современного материально-технического обеспечения: без доступа к базам данных и специализированному ПО экспертное подразделение не может считаться оснащённым по последнему слову техники. ИТ позволяют ускорить процесс производства экспертизы, повысить его объективность (за счёт автоматизированного поиска), обеспечить взаимодействие между разными регионами и ведомствами. Можно утверждать, что за счёт автоматизации ряд экспертиз стал возможен при больших объёмах: например, массовая геномная идентификация или обработка терабайтов цифровых данных преступной организации – задачи, которые человек без компьютера решить не смог бы.

Наглядным примером интеграции ИТ стало создание на базе некоторых экспертных учреждений ситуационных аналитических центров, где собираются сведения из различных систем (баллистика, следы, ДНК) для комплексного анализа преступной активности. В такой центр стекается информация, и программные модули ищут корреляции: связывают случаи по общим признакам, строят карты преступлений. Это уже элементы криминалистической разведки, основанной на данных (*Data-Driven Crime Analysis*), и судебные эксперты участвуют в этом наряду с оперативными сотрудниками, предоставляя структурированные данные из своих автоматизированных систем.

В заключение отметим, что информационные технологии в судебной экспертизе – это область, требующая постоянного развития компетенций самих экспертов. Сейчас эксперт-криминалист – это во многом ИТ-специалист: он должен уметь работать с базами данных, понимать принципы действия программных алгоритмов, уметь представить цифровые доказательства в суде. Поэтому материально-техническое оснащение включает и образовательный компонент – тренажёры, учебные версии программ, виртуальные полигоны для отработки навыков. Многие экспертные подразделения создают учебные классы, где моделируются ситуации с использованием ИТ, чтобы эксперты практиковались в применении новых систем до того, как работать с реальными вещественными доказательствами. Таким образом, автоматизированные системы и цифровые технологии стали неотъемлемой частью инфраструктуры судебно-экспертных учреждений. Они существенно повышают производительность и качество экспертных исследований, а также

способствуют интеграции усилий разных ведомств в раскрытии и расследовании преступлений. В перспективе дальнейшая цифровизация (включая, возможно, элементы искусственного интеллекта для поддержки принятия решений экспертом) ещё более усилит роль ИТ, но при этом сохранится и требование к высокому профессионализму эксперта, умеющего правильно использовать эти мощные инструменты.

1. Подволоцкий И. Н. Трансформация экспертной деятельности в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 2(90). С. 91–97.
2. Сибилькова А. В. Организация расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Закон и право. 2025. № 3. С. 229–235.
3. Сретенцев Д. Н. Возможности использования современных технических средств в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 3(80). С. 177–180.
4. Аппаратно-программный комплекс «ПОТОК» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rossi-potok.ru/ru/ (дата обращения 07.06.2025).
5. Сафонов А. А. Современная автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система органов внутренних дел российской федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 179–183.
6. Майлис Н. П. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза. М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2017. 247 с.
7. Чугунов А. М. Информационные технологии в судебной баллистике // Информационная безопасность регионов. 2009. № 2(5). С. 77–81.
8. Ахмадуллина И. И. Использование цифровых технологий при проведении баллистической экспертизы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3. 27 с.
9. Саляхова Л. Ф. Формирование криминалистических банков данных ДНК // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 241–243.
10. Сибилькова А. В. Тенденции развития судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 175–178.
11. Антилевская Ю. А. Единый реестр экспертных методик: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. 428 с.
12. Ермаков С. А. Выбор программного обеспечения для испытательной лаборатории // Сервис +. 2021. № 4. С. 96–102.

1. Podvoloczkij I. N. Transformaciya e`kspertnoj deyatel`nosti v e`poxu cifrovizacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2022. № 2(90). S. 91–97.
2. Sibil`kova A. V. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij, sovershenny`x s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x texnologij // Zakon i pravo. 2025. № 3. S. 229–235.
3. Sretencev D. N. Vozmozhnosti ispol`zovaniya sovremenny`x texnicheskix sredstv v rassledovanii prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2019. № 3(80). S. 177–180.
4. Apparatno-programmny`j kompleks «POTOK» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.rossi-potok.ru/ru/ (data obrashheniya 07.06.2025).
5. Safonov A. A. Sovremennaya avtomatizirovannaya daktiloskopicheskaya identifikacionnaya sistema organov vnutrennix del rossijskoj federacii // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2021. № 3. S. 179–183.

6. Majlis N. P. Daktiloskopiya i daktiloskopicheskaya e`kspertiza. M. : YuNITI, Zakon i pravo, 2017. 247 s.
7. Chugunov A. M. Informacionny`e texnologii v sudebnoj ballistike // Informacionnaya bezopasnost` regionov. 2009. № 2(5). S. 77–81;
8. Axmadullina I. I. Ispol`zovanie cifrovy`x texnologij pri provedenii ballisticheskoj e`kspertizy` // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2020. №12-3. 27 s.
9. Salyaxova L. F. Formirovanie kriminalisticheskix bankov danny`x DNK // Molodoj ucheny`j. 2022. № 13 (408). S. 241–243.
10. Sibil`kova A. V. Tendencii razvitiya sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii // Akademicheskaya my`sl`. 2022. № 2(19). S. 175–178.
11. Antilevskaya Yu. A. Ediny`j reestr e`kspertny`x metodik: osnova obespecheniya kachestva sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti i verificirovanny`j resurs dlya pravooxranitel`ny`x organov // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2023. № 5. 428 s.
12. Ermakov S. A. Vy`bor programmnogo obespecheniya dlya ispy`tatel`noj laboratorii // Servis +. 2021. № 4. S. 96–102.

Информация об авторах

Анна Васильевна Сибилькова. Старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений, кандидат юридических наук.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Дмитрий Алексеевич Бадиков. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Anna V. Sibilkova. Senior Lecturer, Department of Crime Investigation Management, Candidate of Legal Sciences.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Dmitry Al. Badikov. Associate Professor of the Department of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, Candidate of Law.
Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 26.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.979

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Смирнов Иван Михайлович[1], Климачков Александр Вячеславович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

[1]kadyj@yandex.ru
[2]klimachkovav@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции формирования и развития отечественного законодательства, закрепляющего правовые основы обеспечения экономической безопасности как одного из наиболее значимых и приоритетных направлений деятельности органов государственной власти в процессе обеспечения национальной безопасности государства. Отдельное внимание уделено оперативно-разыскному обеспечению сопровождения расследования уголовных дел по преступным деяниям, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества. Анализируются отдельные организационно-тактические аспекты деятельности оперативных аппаратов органов внутренних дел по раскрытию преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, противодействие легализации, легализация, отмывание денежных средств, раскрытие экономических преступлений, фирма-однодневка.

Для цитирования: Смирнов И. М., Климачков А. В. Деятельность оперативных аппаратов органов внутренних дел по раскрытию преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 324–333.

THE ACTIVITIES OF THE OPERATIONAL UNITS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS IN SOLVING CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS OR OTHER PROPERTY

Ivan M. Smirnov[1], Alexander V. Klimachkov[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

[1]kadyj@yandex.ru
[2]klimachkovav@bk.ru

Annotation. The article examines the trends in the formation and development of domestic legislation, which establishes the legal basis for ensuring economic security, as one of the most significant and priority areas of activity of public authorities in the process of ensuring national security of the state. Special attention is paid to operational investigative support for the investigation of criminal cases related to the legalization (laundering) of funds

or other property. The article analyzes certain organizational and tactical aspects of the activities of the operational apparatuses of the internal affairs bodies in solving crimes related to the legalization (laundering) of funds or other property.

Keywords: operational investigative activities, countering legalization, legalization, money laundering, disclosure of economic crimes, one-day company.

For citation: Smirnov I. M., Klimachkov A. V. The activities of the operational units of the department of internal affairs in solving crimes related to the legalization (laundering) of funds or other property // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 324–333.

Сегодня существует множество способов совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путём. Более того, с в связи с быстрым развитием новых технологий перечень уже известных способов пополняется новыми. Чтобы проводить проверку поступившей информации о фактах совершённого преступления, необходимо наличие чёткой организации оперативно-разыскной деятельности, направленной на достижение определённых целей и задач.

Напомним, что на основании статьи 2 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» задачами ОРД по противодействию легализации имущества, полученного в результате преступной деятельности, являются:

1. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие деяний, а также установление лиц, совершающих или совершивших легализацию денежных средств;
2. Организация розыска фигурантов по уголовным или делам оперативного учёта по статьям 174 и 174^1 УК РФ;
3. Поиск информации о действиях, угрожающих экономической безопасности РФ;
4. Установление имущества, подлежащего конфискации на основании приговора суда по предикатному для легализации преступлению.

Помимо решения санкционированных задач, ОРД по борьбе с легализацией денежных средств или иного имущества, полученных преступным путём, для качественного и своевременного их осуществления предполагается также решать специальные, организационно-тактические задачи узкой категории расследуемых преступлений (ст. ст. 174 и 174^1 УК РФ):

- ориентирование личного состава подразделения, в распоряжении которого содержится информация о фактах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества на обслуживаемой территории;
- составление поручений лицам, оказывающим конфиденциальное содействие ОВД России, а также подбор кандидатов на аналогичные содействия в связи с их личной или профессиональной осведомлённостей по тем или иным фактам пресекаемого общественно опасного деяния;
- отправление соответствующих запросов в государственные службы, уполномоченные контролировать финансовый оборот;
- планирование проведения как первоначальных, так и последующих оперативных мероприятий;
- разработка организационных и тактических возможностей для документирования по фактам легального получения доходов от преступной деятельности;
- недопущение проявления новых фактов отмывания денежных средств или иного имущества как на обслуживаемой территории, так и за её пределами за установленный период времени.

Анализ существующей методики совершения рассматриваемого вида преступлений неразрывно связан с тремя основными стадиями его совершения: введение имущества, сокрытия источников его происхождения и ввод этих средств

в официальную экономику. Исходя из нынешней правоприменительной практики, важно иметь в виду, что наиболее успешным (с точки зрения достижения целей оперативно-разыскной деятельности) является комплекс тех или иных мероприятий на первой стадии данного преступления. На этой стадии злоумышленники только начинают совершать какой-либо из способов сокрытия своих нелегальных доходов. То есть привязка незаконного имущества и преступников прямая, а значит доказывать направленность умысла виновных принципиально неважно.

Как было отмечено ранее, в современном обществе существует масса способов совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путём. Наиболее популярным и удобным способом является осуществление фиктивных операций между юридическими лицами, руководителями которых являются подставные лица. Иными словами, это создание фирм-однодневок для реализации преступного умысла, направленного на отмывание незаконно нажитого имущества.

Официальной трактовки фирм-однодневок на данный момент нет, однако Федеральная налоговая службы Российской Федерации (далее – ФНС РФ) в одном из своих писем «о рассмотрении обращений» указала, что ими могут являться юридические лица, которые не обладают фактической самостоятельностью. То есть компания была создана не с целью занятия определённой предпринимательской деятельностью. Федеральная служба также выделила существенные их признаки: название компании не связано со спецификой её деятельности, отсутствие налоговой отчётности, регистрация по адресу массовой регистрации, минимальный уставный капитал и прочее.

Преступники организуют процесс создания коммерческой организации не от своего имени, а от имени граждан, не осведомлённых о преступных намерениях легализаторов. Подобные действия подпадают под самостоятельную квалификацию в соответствии со ст. 173^1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица».

Чаще всего подставными лицами являются лица из низших социальных слоёв, безработные или живущие случайными заработками, которые в силу своего бедственного материального положения соглашаются за определённую небольшую сумму подписать документы о создании той или иной формы собственности юридического лица. Как правило, эти лица становятся учредителями и руководителями фирм-однодневок и несут уголовную ответственность по ст. 173^2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица». Также злоумышленники при создании фирм-однодневок могут использовать утерянные паспорта либо персональные данные физических лиц, признанных пропавшими без вести или умершими.

Применительно к самой легализации денежных средств или иного имущества использование компаний-однодневок широко распространён среди методов ведения рассматриваемой преступной деятельности из-за возможности совершать расчётно-кассовые операции с незаконными средствами удалённо и анонимно. Так, современные банки предлагают своим клиентам воспользоваться услугами дистанционных переводов денежных средств со своих банковских счетов. Как мы знаем, обязательным условием учреждения юридического лица является открытие расчётного счета в банке, через который будут проводиться финансовые операции. Исходя из этого фигуранты преступления создают фирму-однодневку, учредителем которой является подставное лицо, и под видом необходимых для осуществления предпринимательской деятельности действий (купли-продажи сырья, оплаты заработной платы её работников) совершают соответствующие операции с легализуемыми средствами. Естественно, на самом деле все гражданско-правовые отношения, связанные

с деятельностью такой компании, являются мнимыми и труднопроверямыми для контролируемых инспекций. Для наиболее эффективной латентности проводимого отмывания, а также в зависимости от размера легализуемой суммы денежных средств фигурантами могут создаваться сразу несколько фирм-однодневок, которые, в свою очередь, осуществляют фальсифицированную договорно-разрешительную процедуру между собой.

Что касается организации и тактики раскрытия данного способа легализации денежных средств или иного имущества, то следует отметить, что решающим фактором в выявлении и пресечении фирм-однодневок является эффективное взаимодействие МВД России с другими органами государственной власти. В данном контексте предлагается уделить особое внимания такому оперативно-разыскному мероприятию, как «наведение справок».

Полномочиями регистрации юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений на территории РФ в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 08.08.2001 № 129 и п. 1 Положения, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 30.09.2004 № 506, наделена ФНС России. Также в порядке межведомственного взаимодействия между МВД России и ФНС России в 2010 году было заключено соглашение о взаимодействии. На основании статьи 3 данного нормативного акта одним из приоритетных направлений сотрудничества является выявление и пресечение незаконной регистрации юридических лиц. Сотрудники ФНС России также обязаны своевременно и развёрнуто отвечать на запросы уполномоченных подразделений МВД РФ.

На основании получаемой оперативной информации сотрудникам полиции целесообразно планировать ход раскрытия отмывания имуществу совместно с осведомлёнными работниками налоговой службы России. В свою очередь, получаемые от ФНС России улики могут стать главным доказательством в раскрытии преступной деятельности по созданию фирм-однодневок, используемых для легализации (отмывания) средств, добытых преступным путём.

Для получения дополнительных доказательств о причастности фигурантов к преступлениям, предусмотренным ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ, сотрудникам подразделений ЭБ и ПК МВД России рекомендуется проводить ряд других оперативно-разыскных мероприятий в соответствии со статьёй 6 Федерального закона № 144-ФЗ от 12.08.1995. Основываясь на полученной из ФНС России информации о созданных компаниях-однодневках, оперуполномоченный незамедлительно должен провести опрос лиц, являющихся их номинальными руководителями. Из их показаний необходимо установить в первую очередь субъектов, которые предлагали ему подписать документы взамен на ничтожное вознаграждение [1, с. 84].

После опроса необходимо получить санкцию суда на проведение в отношении разыскиваемых лиц оперативно-технических мероприятий «Прослушивание телефонных переговоров» и «Снятие информации с технических каналов связи» [2, с. 103]. Также необходимо уведомить банк, в котором у фирмы-однодневки открыт счёт, о необходимости его замораживания и последующего предоставления соответствующей информации об истории финансовых операций на нём. При обнаружении большей суммы перевода как на банковский счёт, так и с него необходимо получить сведения об отправителях или получателей денежных средств в рамках нового запроса.

По итогам установления сведений о первичных отправителях средств необходимо осуществить соответствующие следственные действия или оперативно-разыскные мероприятия по задержанию фигурантов, подозреваемых в отмывании денежных средств. В ходе подтверждения их причастности к данному преступлению оперуполномоченному необходимо передать необходимые доказательства (в том числе

добытые негласным путём) в следственные органы (при соблюдении требований о рассекречивании результатов ОРД). При неподтверждении информации о причастности задержанных к преступлению необходимо провести повторную проверку счёта юридического лица по установлению новых финансовых операций и поиску других клиентов, являющихся «получателем-отправителем» денежных средств.

Создание фирмы-однодневки является не только основным способом самой легализации, но может служить приготовлением к совершению другого метода легализации имущества, добытого преступным путём, – мнимых сделок. Данный метод совершения анализируемого общественно опасного деяния отличается достаточной простотой и латентностью, так как проверить действительность совершения подобных сделок крайне трудно [3].

Наиболее распространёнными примерами подобных фальшивых соглашений могут являться договоры консультации, прогнозирования и оценки деятельности того или иного предприятия. Естественно, в большинстве случаев такая фирма была создана подставными лицами и реальной предпринимательской деятельности не вела. То есть для придания правомерности появления нелегальных средств на счетах злоумышленников они заключают соответствующее соглашение с другими номинальными фирмами, которые фактически также находятся под контролем фигурантов.

Также совершение фальшивых сделок может проявляться не только по поводу оказания определенных и трудно проверяемых услуг, но и по купле-продаже целых компаний. Наглядной схемой такого способа является такой случай, когда фигурант, являясь владельцем компании А, предлагает номинальному владельцу фирмы Б продать определённые доли его юридического лица. Подставной руководитель фирмы Б в договоре указывает сумму отмываемых денежных средств, которую должен заплатить основной фигурант. Реализацией преступного намерения является юридическое подтверждение данной мнимой сделки [4, с. 44].

В большинстве случаев для большей конфиденциальности главных субъектов легализации получателем услуг (покупателем) и оказывающим услуги (продавцом) будут являться рассматриваемые выше фирмы-однодневки. Это означает, что для организации раскрытия такого способа, как проведение мнимых операций с нелегальным имуществом, оперуполномоченным ЭБ и ПК МВД России для начала необходимо установить наличие тех или иных компаний с номинальным собственником, а именно обратиться к описанному выше алгоритму по тактике раскрытия отмывания через фирмы-однодневки [5, с. 25].

Для оперативности выявления и пресечения данного метода правоприменитель должен иметь чёткое представление о его отличительных признаках:

- участниками соглашения являются подконтрольные виновному в легализации лицу (его знакомые, родственники или подставные лица);
- труднопроверяемый предмет соглашения (оказание консультационных услуг, прогнозирования и тому подобное);
- по итогам проведения подобных фальшивых соглашений у одной из сторон появляется выручка в крупном и особо крупном размере;
- обычно подобного рода сделки проводятся за короткий промежуток времени после совершения основного преступления.

Для качественного выявления легализации путём совершения мнимых операций оперуполномоченный должен иметь чёткое понимание схемы данного преступления. Более того, положительным показателем выявления подобных операций может являться аналогичная осведомлённость спецаппарата соответствующих оперативных подразделений МВД РФ. Предлагается широкое привлечение к конференциальному сотрудничеству с ОВД категории лиц, осведомлённых о специфике экономических

махинаций с легализуемым имуществом. Данный метод универсален для каждого из рассматриваемых методов совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174[1] УК РФ.

Совершенно новым и стремительно набирающим распространённость противоправных действий является метод легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путём с использованием криптовалюты. Связано это в первую очередь с довольно стремительным развитием *darknet-рынков*, то есть основных онлайн-точек (с использованием сети Интернет) покупки веществ и предметов, оборот которых ограничен или запрещён законодательством большинства стран. В приведённых маркетплейсах криптовалюта обычно выступает главным средством платежа за предлагаемые незаконные товары или услуги. Ввиду отсутствия широкого централизованного контроля злоумышленники получают прибыть от преступной деятельности не в официально конвертируемых валютах тех или иных государств, а сразу в конфиденциальной единице определённого криптосчёта. Это обеспечивает полную анонимность продавца и покупателя чёрного онлайн-рынка.

На сегодняшний день существует целый ряд мер, направленных на выявление отмывания средств посредством криптовалюты.

Во-первых, на всех основных централизованных, торгующих виртуальными активами площадках (*MATBEA; BITBANKER; CURRENCY* и др.) существует так называемая персональная идентификация клиента – *KYC (Know Your Customer)*. Конечно же, фигуранты могут регистрировать аккаунты на таких платформах на имя подставных лиц, но при помощи существующих мониторинговых сервисов биржа уведомляет о наличии сомнительных средств в компетентные правоохранительные органы. Также сервисы *AML-мониторинга* в режиме реального времени способны анализировать вызывающие подозрения операции, которые также должны подвергаться дополнительной проверке и блокировке того или иного криптосчёта [6].

Что касается децентрализованных бирж купли-продажи виртуальных активов (*Biswap; ApeX Pro* и др.), которые не требуют персональных данных клиента, то тут тоже следует отметить, что фигуранты редко прибегают к данной схеме, несмотря на полную анонимность криптокошельков. Связано это главным образом с записью всех DEX-операций в соответствующие блокчейны. Соответственно, при наличии определённого доступа к данным хранилищам криптографической информации правоохранительные органы могут отследить первоисточник сомнительных криптоопераций.

Главным методом отмывания денежных средств или иного имущества с помощью виртуальных активов является использование так называемых криптомиксеров. Принцип работы подобных сервисов подобен функциям бытового прибора. Финансы криптосчёта злоумышленника, находясь в распоряжении определённого алгоритма, смешиваются со средствами других пользователей такой площадки путём проведения многочисленных операций с незначительной суммой перевода. В итоге за малое количество времени совершается большое количество операций между многочисленными электронными счетами пользователей. В конце концов та же сумма криптовалюты предоставляется преступнику и отследить факт её появления практически невозможно. Единственный метод – создание антиподных платформ, которые будут использовать обратные алгоритмы для восстановления первоначального значения на вызывающем сомнения криптокошельке. Также ряд государств, входящие в Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), регулярно вводят санкции в отношении вызывающих недоверие криптомиксеров вплоть до их блокировки [7].

По нашему мнению, самым старым и изживающим себя способом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путём,

является покупка дорогой собственности вне зависимости от её формы. Данный метод в большей степени характерен для такой личности преступника, которая не обладает соответствующими знаниями в экономических и компьютерных науках и не использует услуги таких специалистов.

Движимое и недвижимое имущество характеризуется высокой ликвидностью. Анализируя правоприменительную практику, можно сказать, что в каждом случае совершения предикатного преступления преступники стремятся распорядиться тем или иным имуществом потерпевшего. Не раз обозначенными в работе примерами подобного факта могут являться сделки по покупке коммерческой собственности, автомобилей, драгоценностей, дорогостоящих пород животных и иных вещей по усмотрению мотива фигуранта.

По изученным уголовным делам можно сформулировать мнение, что в большинстве случаев виновные лица после совершения первоначального преступления за небольшой промежуток времени совершают сделки по купле-продаже определённого имущества. Отметим, что регистрация прав на тот или иной объект гражданских правоотношений осуществляется либо от имени самого виновного, либо от имени его доверенных лиц [8, с. 269].

Признаками легализации средств, добытых преступным путём с помощью покупки особо дорогих предметов, могут являться такие факты, как:

- ✓ покупка собственности лицами с невысоким официальным доходом;
- ✓ приобретение такого имущества лицами, не декларирующими в установленном законом порядке свои доходы;
- ✓ совершение сделок по поводу дорогостоящего имущества, участником которой является коммерческая организация, обладающая рассмотренными выше признаками компании-однодневки;
- ✓ предоставление права безвозмездного пользования законным собственником имущества совершившему предикатное преступление фигуранту (оформление доверенности).

Сотрудникам ЭБ и ПК МВД России следует учитывать данные характерные черты отмывания имущества способом покупки собственности для своевременного и качественного документирования последующей незаконной экономической деятельности привлекаемых к уголовной ответственности по предикатным преступлениям лиц, а также достижение иных санкционированных законодательством РФ целей и задач оперативно-разыскной деятельности. Иногда преступники, стремясь легализовать относительно небольшие суммы денежных средств (от 500 000 до 3 000 000 рублей), могут пользоваться абсолютно законным способом сбережения имущества – открытие банковских вкладов. Под данный метод попадают случаи, когда фигурант не стремится моментально реализовать свои преступные намерения по распоряжению нелегально нажитым имуществом и, более того, ему кажется, что данная схема точно не привлечёт внимания правоохранительных органов по поводу его причастности к совершённому преступлению. Однако законодатель чётко прописал, что в соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ от 07.08.2001, банки при открытии соответствующих сберегательных счетов или вкладов могут попросить указать своих клиентов на законность происхождения привлекаемого капитала. В случаях, когда преступнику удаётся обмануть сотрудника банка, в ходе последующих операций (обычно в больших объёмах) информация о личности вкладчика подвергается сомнениям и отправляется на дополнительную проверку в МВД России. Расчёты по таким банковским счетам моментально замораживаются до подтверждения или опровержения факта легализации денежных средств.

Подобный порядок пресечения отмывания денег актуален для другой банковской операции – обмена валют. Фигуранты лично или через подставных лиц

совершают конверсионные операции с официальными денежными валютами двух и более государств. Отметим, что такие расчёты могут проводиться не только через банковские учреждения, но и через иные организации, имеющие соответствующую лицензию Центрального Банка РФ. Также существуют лица, нелегально предлагающие подобные услуги. Однако тактика проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий показывает, что с некоторыми такими правонарушителями нынешние сотрудники подразделений ЭБ и ПК МВД России должны поддерживать тесные конфиденциальные отношения. Информация, полученная из подобных источников, чаще остальной подтверждает и факт легализации или другого экономического преступления, а потом уже подробно документируется в соответствующих делах оперативного учёта [9, с. 277].

В связи бурным научно-техническим прогрессом способ, связанный с открытием банковских вкладов и обмена валют, изживает себя. Однако оперуполномоченному необходимо также поддерживать тесное взаимодействие с кредитно-финансовыми организациями на обслуживаемой территории. Более того, для проверки первоначальной оперативной информации о возможных фактах отмывания имущества сотрудникам необходимо провести ряд оперативно-разыскных мероприятий, в том числе «наведение справок», осуществляемое при помощи отправки соответствующих запросов в службы безопасности банков России. Это необходимо, так как интересуемая оперативный аппарат МВД РФ информация о движении денежных средств на счетах и вкладах клиентов банков может служить основным доказательством факта анализируемого преступного деяния с использованием рассмотренного метода [10, с. 4].

Делая вывод, стоит отметить, что методика совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путём, постоянно совершенствуется новыми способами его совершения. Вместе с этим подобным образом должна развиваться правоприменительная практика по обнаружению таких способов и привлечению виновных лиц к установленной УК РФ ответственности. Нынешняя тенденция развития легализации преступных доходов уходит в киберпространство. Это означает, что сотрудникам подразделений ЭБ и ПК МВД России необходимо совершенствовать свои знания и навыки в цифровой среде. Для этого, на наш взгляд, должны быть организованы соответствующие курсы по повышению профессиональной квалификации данных сотрудников, а также усилено взаимодействие подразделений по борьбе с экономическими преступлениями с недавно созданным оперативным подразделением МВД России – Подразделением по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий [11, с. 29]. В ходе планирования мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174[1] УК РФ, оперуполномоченный должен чётко организовать собственную работу, а также деятельность спецаппарата на основании Конституции РФ, Федерального закона №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также иных ведомственных нормативно-правовых актов.

---

1. Жамбалов Д. Б. Особенности криминалистической характеристики легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2(89).
2. Чечетин А. Е. Правовой режим доступа правоохранительных органов к информации операторов связи // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2014. № 3. С. 98–105.
3. Теневая экономика и экономическая преступность: электронный учебник [Электронный ресурс]. URL:

https://biblioteka.bafe.edu.kg/download/Economicheskaya%20teoriya/Теневая%20экономика%20и%20эконом%20преступн.pdf (дата обращения: 20.06.2024).
4. Самков Ю. С. О совершенствовании законодательства по вопросам противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Вестник федеральной палаты адвокатов. 2012. № 1(35). С. 43–47.
5. Тюнин В. И., Бадзгарадзе Т. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. М.: Изд. группа «Юрист», 2012. № 2. С. 24–26.
6. Дорж Энхтур, Хайрутдинова Ирина Викторовна Проблемы легализации (отмывания) денежных средств через криптовалюту // Юридическая наука. 2021. № 2.
7. Cryptocurrencies by Market Capitalization [Электронныйресурс]. URL: COINMARKETCAP.COM (дата обращения: 20.06.2024).
8. Малышко А. А. Легализация (отмывание) преступных доходов: проблемы выявления и особенности // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: мат. V междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Рагулина, И.Т. Кантюковой. Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2015. С. 268–270.
9. Макарчук З. В., Нгуен В. К. Противодействие отмыванию денежных средств в социалистической республике Вьетнам: спорные вопросы правового регулирования // Современные проблемы публичного права в России и зарубежных странах: сб. науч. тр. преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры административного и финансового права юридического факультета Российского университета дружбы народов. М., 2012. С. 274–281
10. Ларичев В.Д. Роль и значение оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений в оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная характеристика преступлений: понятие, сущность и содержание: мат. круглого стола, приуроченного к 60-летию заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, профессора В.Д. Ларичева. М.: ВНИИ МВД РФ, 2009. С. 2–5.
11. Ларичев В. Д., Жуковская И. В. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 26–32.

1. Zhambalov D. B. Osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki legalizacii (otmy`vaniya) doxodov, poluchenny`x prestupny`m putem // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 2(89).
2. Chechetin A. E. Pravovoj rezhim dostupa pravooxranitel`ny`x organov k informacii operatorov svyazi // Vestnik Voronezhskogo in-ta MVD Rossii. 2014. № 3. S. 98–105.
3. Tenevaya e`konomika i e`konomicheskaya prestupnost`: e`lektronny`j uchebnik [E`lektronny`j resurs]. URL: https://biblioteka.bafe.edu.kg/download/Economicheskaya%20teoriya/Tenevaya%20e`konomika%20i%20e`konom%20prestupn.pdf (data obrashheniya: 20.06.2024).
4. Samkov Yu. S. O sovershenstvovanii zakonodatel`stva po voprosam protivodejstviya legalizacii (otmy`vaniyu) doxodov, poluchenny`x prestupny`m putem // Vestnik federal`noj palaty` advokatov. 2012. № 1(35). S. 43–47.
5. Tyunin V. I., Badzgaradze T. A. Nezakonnoe obrazovanie (sozdanie, reorganizaciya) yuridicheskogo licza (st. 173.1 UK RF) // Rossijskaya yusticiya. M.: Izd. gruppa «Yurist», 2012. № 2. S. 24–26.
6. Dorzh E`nxtur, Xajrutdinova Irina Viktorovna Problemy` legalizacii (otmy`vaniya) denezhny`x sredstv cherez kriptovalyutu // Yuridicheskaya nauka. 2021. № 2.
7. Cryptocurrencies by Market Capitalization [E`lektronny`jresurs]. URL: COINMARKETCAP.COM (data obrashheniya: 20.06.2024).

8. Maly`shko A. A. Legalizaciya (otmy`vanie) prestupny`x doxodov: problemy` vy`yavleniya i osobennosti // Aktual`ny`e problemy` sovershenstvovaniya zakonodatel`stva i pravoprimeneniya: mat. V mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. A.V. Ragulina, I.T. Kantyukovoj. Ufa: Evrazijskij nauchno-issledovatel`skij institut problem prava, 2015. S. 268–270.
9. Makarchuk Z. V., Nguen V. K. Protivodejstvie otmy`vaniyu denezhny`x sredstv v socialisticheskoj respublike V`etnam: sporny`e voprosy` pravovogo regulirovaniya // Sovremenny`e problemy` publichnogo prava v Rossii i zarubezhny`x stranax: sb. nauch. tr. prepodavatelej, aspirantov i soiskatelej kafedry` administrativnogo i finansovogo prava yuridicheskogo fakul`teta Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. M., 2012. S. 274–281
10. Larichev V.D. Rol` i znachenie operativno-rozy`sknoj xarakteristiki e`konomicheskix prestuplenij v operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Operativno-rozy`sknaya xarakteristika prestuplenij: ponyatie, sushhnost` i soderzhanie: mat. kruglogo stola, priurochennogo k 60-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki RF, d-ra yurid. nauk, professora V.D. Laricheva. M.: VNII MVD RF, 2009. S. 2–5.
11. Larichev V. D., Zhukovskaya I. V. Preduprezhdenie prestuplenij v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti // Bezopasnost` biznesa. 2015. № 4. S. 26–32.

Информация об авторах

Иван Михайлович Смирнов. Доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат исторических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Александр Вячеславович Климачков. Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД.
Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Information about the authors

Ivan M. Smirnov. Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Interior Ministry. Candidate of Historical Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Alexander V. Klimachkov. Senior lecturer of the chair of Operational Investigative Activities of the Department of Internal Affairs.
Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
656038, Russia, Barnaul, Chkalova Str., 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 17.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОЦЕДУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Таршева Мира Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

mirra_2023@internet.ru

Аннотация. На основе проведённого анализа автор статьи приходит к выводу о том, что говорить о реализации примирительных процедур (или примирительной процедуры) в отечественном уголовном процессе можно с большой долей условности ввиду того, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не регламентирует порядок действий участников уголовно-процессуальных отношений по достижению примирения сторон. Предлагается авторская модель примирительного уголовно-процессуального механизма (примирительной процедуры).

Ключевые слова: примирение сторон в уголовном судопроизводстве, нереабилитирующие основания прекращения уголовного преследования, компромисс в уголовном процессе, уголовно-процессуальный механизм примирения.

Для цитирования: Таршева М. Н. Процедурный механизм примирения сторон в досудебном производстве: состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 334–339.

THE PROCEDURAL MECHANISM OF RECONCILIATION OF THE PARTIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Mira N. Tarsheva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

mirra_2023@internet.ru

Annotation. Based on the analysis, the author of the article comes to the conclusion that it is possible to talk about the implementation of conciliation procedures (or conciliation procedures) in the domestic criminal process with a high degree of conditionality due to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not regulate the procedure for the actions of participants in criminal procedural relations to achieve reconciliation. parties. The author's model of a conciliatory criminal procedure mechanism (conciliation procedure) is proposed.

Keywords: reconciliation of the parties in criminal proceedings; non-rehabilitating grounds for termination of criminal prosecution; compromise in criminal proceedings; criminal procedural mechanism of reconciliation.

For citation: Tarsheva M. N. The procedural mechanism of reconciliation of the parties in pre-trial proceedings: state and prospects of development // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 334–339.

Общеизвестно, что примирительные обряды и традиции урегулирования конфликтов, в том числе криминального характера, существовали на протяжении всей истории человечества начиная с самых давних времён [1, с. 121]. В архаических обществах такие практики, как кровная месть, денежные выплаты или ритуалы примирения, выполняли функцию альтернативы формальному правосудию, которое в его современном понимании отсутствовало. Например, в Древней Руси с усложнением социальных отношений обычай кровной мести постепенно вытеснялся системой имущественных компенсаций, таких как вира (штраф за убийство) и продажа (штраф за иные преступления), выплачиваемых либо потерпевшему, либо общине [2, с. 7]. Эти механизмы не только регулировали межличностные конфликты, но и способствовали восстановлению нарушенного баланса внутри общины, что подчёркивает их социально-интегративную функцию.

В более поздние эпохи (с развитием государственности) многие из этих практик были инкорпорированы в официальные правовые системы, однако их глубинная антропологическая основа осталась неизменной.

Современные восстановительные технологии, такие как медиация или *restorative justice*, во многом воспроизводят логику архаических обрядов, акцентируя внимание не на наказании, а на восстановлении социальных связей. Это свидетельствует о том, что примирительные практики остаются универсальным ответом на вызовы межличностных и межгрупповых конфликтов, адаптируясь к изменяющимся культурным и правовым реалиям. Неслучайно примирительные процедуры находят своё закрепление в современном отечественном процессуальном законодательстве. В данном случае речь идёт о Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (глава 14.1 ГПК РФ)[1], Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (ст. 137–137.7)[2].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет основание прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ)[3], однако не регламентирует действия участников уголовно-правового конфликта (потерпевшего, подозреваемого) по его достижению.

Большое количество написанных учёными-юристами трудов позволило исследовать примирение сторон уголовно-правового конфликта с различных сторон: теоретической [3], криминологической [4], уголовно-правовой [5; 6], уголовно-процессуальной [7], [8], [9] и т. д. В своих выводах авторы сходятся в одном – норма процессуального закона, закрепляющая право суда, следователя или дознавателя прекратить уголовное дело на основании примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), обладает очевидным правозащитным и воспитательным потенциалом.

Несмотря на ценность уголовно-процессуального примирения, подавляющее большинство правоведов отмечает, что потенциал рассматриваемой нормы не реализуется в полной мере. Такой вывод можно сделать на основании анализа уголовных дел и статистики решений, принимаемых в порядке ст. 25 УПК РФ в досудебном производстве, и судом; решений в порядке рассматриваемой статьи в судебном порядке принимается в разы больше [9, с. 3]. Представляется, что имеет место недостаточность процессуального ресурса, обусловленная отсутствием законодательной регламентации примирительной процедуры.

Фактически процесс примирения в уголовном процессе «пущен на самотёк»; до сведения участников уголовно-процессуальных отношений не доводится даже сама

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс административного судопроизводства Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможность разрешения конфликта тем или иным способом (посредством примирения, возмещения преступного вреда при назначении судебного штрафа и т. д.); сущность и содержание норм материального и процессуального права. Это приводит к тому, что стороны лишены возможности выбора для себя наиболее приемлемого способа разрешения уголовно-правового конфликта (посредством примирения сторон, через возмещение ущерба или иным образом заглаживания вреда при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и т. п.).

Для повышения эффективности примирения в уголовном процессе России считаем необходимым закрепление права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на примирение в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ (которое, по нашему мнению, вытекает из положений ст. 25, 268 УПК РФ), а также процедурного механизма реализации соответствующего права. Не было бы лишним придать ст. 25 УПК РФ императивный характер, чтобы избежать тех случаев, когда при фактически достигнутом примирении сторон, наличии ходатайств потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела соответствующего решения со стороны правоприменителя не следует; объясняя мотивы принятия такого решения, суд, следователь или дознаватель указывают на то, что это их «право, а не обязанность». Предложение о придании норме императивного характера, конечно, уже высказывалось не единожды. Но отстаивание необходимости формального закрепления процедурного механизма без исключения дискреционного характера нормы бессмысленно. Полагаем, что в данном случае усмотрение правоприменителя является лишним. Законодатель закрепил все условия, от выполнения которых зависит конкретный исход дела. Если их недостаточно, то нормы следует скорректировать либо выработать конкретные критерии, которыми мог бы руководствоваться правоприменитель при принятии соответствующего решения.

Следует признать, что в настоящее время примирение сторон в уголовном процессе можно считать примирительной процедурой с большой долей условности, так как отсутствует формализованность и регламентированность действий участников по достижению примирения сторон.

Учёные, занимавшиеся исследованием этой проблемы, предлагают решить её посредством внедрения и нормативного закрепления (А. А. Арутюнян, например, в рамках УПК РФ [10, с. 15-16]; Л. А. Воскобитова – соответствующего ФЗ [8, с. 72]) посреднической процедуры примирения – медиации. Такая практика находит своё отражение в зарубежном опыте. Поэтому можно считать, что примирительные процедуры в уголовном процессе могут осуществляться в двух формах: «самостоятельное примирение сторон», «примирение сторон с участием посредника».

Безусловно, медиация является примирительной процедурой и посреднические примирительные правовые традиции известны истории нашего государства, однако имплементация или же разработка такой процедуры применительно к отечественному уголовному процессу является более сложной задачей (в ранее проводимом диссертационном исследовании нами была предложена авторская модель и посреднической примирительной процедуры), нежели проработка процедурного аспекта примирения, осуществляемого сторонами самостоятельно, в нормах УПК РФ.

Предлагается авторская модель примирительной процедуры. Она включает в себя три этапа: подготовительный, основной (консенсусный), заключительный.

Подготовительный этап заключается в разъяснении следователем до начала первого допроса сторонам уголовно-правового конфликта (потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому) допустимых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, в частности ст. 25 УПК РФ, условий их наступления, а также юридических последствий.

Очевидно, что такие разъяснения могут быть доведены до сведения потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) в случае законодательного закрепления этой обязан-

ности, например в ст. 28.3 УПК РФ. Таким образом, следователя (дознавателя) следует признать участником процедуры на подготовительном этапе; непосредственного участия в переговорах на основном этапе процедуры он не принимает.

На основном этапе процедуры непосредственные участники уголовно-правового конфликта (потерпевший и подозреваемый или обвиняемый) осуществляют переговоры для того, чтобы обсудить условия предполагаемого примирения сторон. Потерпевший озвучивает желаемый размер, способ и форму заглаживания вреда, достаточную для прощения подозреваемого (обвиняемого); получает извинения, ответы на интересующие вопросы и т. д.

На этом же этапе подозреваемый (обвиняемый) осуществляет действия по заглаживанию вреда, по завершении которых следует составить соглашение о примирении и заглаживании вреда (соглашение о примирении сторон).

Надо понимать, что на основном этапе переговоры между участниками примирительной процедуры могут завершаться заключением и промежуточного (предварительного) соглашения (как в устной, так и письменной форме) о сроках, размерах, форме и порядке возмещения преступного вреда. Такое соглашение не должно являться основанием для принятия решения в порядке ст. 25 УПК РФ, оно даёт подозреваемому (обвиняемому) конкретику в понимании того, какие позитивные постпреступные действия ему необходимо совершить. После выполнения договорённостей, стороны заключают соглашение о примирении и заглаживании вреда. Это позволит упорядочить действия участников уголовно-правового конфликта, зафиксировать результаты примирения и возмещения вреда, а также минимизировать ошибки в правоприменительной практике. Соглашение должно быть оформлено в письменной форме и подписано потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым).

Действующее процессуальное законодательство не закрепляет положений, обязывающих стороны удостоверять факт достигнутого примирения сторон составлением соглашения. Это приводит к тому, что последствий в виде прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ не наступает. К такому выводу приходят учёные по результатам изучения материалов уголовных дел [9, с. 96–98]. Например, достаточно распространённой можно считать ситуацию, когда при фактически достигнутом примирении сторон от участников криминального конфликта поступают письменные заявления с ходатайствами о прекращении уголовных дел в порядке ст. 25.1 УПК РФ. В судебном заседании, как правило, этот факт выявляется, и материалы уголовного дела снова направляются в орган предварительного расследования.

На заключительном этапе процедуры любой из её участников может подать ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела соглашения о примирении сторон и принятии соответствующего решения (в порядке ст. 25 УПК РФ). В текущей редакции норма предусматривает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон исключительно на основании заявления потерпевшего или его законного представителя. Однако видится необходимым внести изменения в статью, предусмотрев возможность прекращения дела на основании соглашения, подписанного примирившимися сторонами.

Представляется, что ст. 25 УПК РФ должна быть дополнена положениями, закрепляющими обязательность составления соглашения о примирении и возмещении вреда в случае достижения сторонами примирения, а также определяющими его форму и содержание. При разработке процессуального механизма также важно уточнить круг участников процедуры. Основными участниками, безусловно, должны выступать потерпевший и подозреваемый (обвиняемый), а в отдельных случаях – их законные представители или представитель.

Для принятия решения в порядке ст. 25 УПК РФ следователь (дознаватель) обязан удостовериться в достоверности данных, указанных в соглашении, а также в том, что заключение соглашения не является результатом давления, угроз или иных незаконных действий со стороны подозреваемого (обвиняемого) или третьих лиц. После этого выносится соответствующее постановление. При этом решение о прекращении дела может быть принято только после установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Таким образом, предлагается формализация уголовно-процессуальной примирительной процедуры. При её теоретической разработке мы опирались на положения действующего процессуального законодательства, допускающего примирение сторон в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ.

1. Кури Х., Ильченко О. Ю. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: Российский и зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 1. С. 120–129.
2. Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. 841 с.
3. Мачучина О. А. Институт примирения: теоретико-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 232 с.
4. Квашис В. Е. Примирение в праве: компромисс или уступка? // Вестник КРУ МВД России. 2020. №1 (47). С. 7–11.
5. Аликперов Х. Д., Зейналов М. А. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999. 90 с.
6. Ендольцева А. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (некоторые аспекты применения соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства) // Российский следователь. 2001. № 9. С. 29–31.
7. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 284 с.
8. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. Вып. 6. 2006. С. 65–73.
9. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. … канд. юрид. наук. Орел, 2022. 214 с.
10. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 33 с.

1. Kuri X., Il`chenko O. Yu. Mediaciya i vosstanovitel`noe pravosudie kak sovremenny`e tendencii ugolovnogo processa: Rossijskij i zarubezhny`j opy`t // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2015. № 1. S. 120–129.
2. Chel`czov-Bebutov M. A. Kurs sovetskogo ugolovno-processual`nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel`cheskix, feodal`ny`x i burzhuazny`x gosudarstvax. M., 1957. 841 s.
3. Machuchina O. A. Institut primireniya: teoretiko-pravovy`e osnovy`: dis. ... kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2018. 232 s.
4. Kvashis V. E. Primirenie v prave: kompromiss ili ustupka? // Vestnik KRU MVD Rossii. 2020. №1 (47). S. 7–11.
5. Alikperov X. D., Zejnalov M. A. Kompromiss v bor`be s prestupnost`yu. M., 1999. 90 s.
6. Endol`ceva A. V. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s primireniem s poterpevshim (nekotory`e aspekty` primeneniya sootvetstvuyushhix norm ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva) // Rossijskij sledovatel`. 2001. № 9. S. 29–31.

7. Kuvaldina Yu. V. Predposy`lki i perspektivy` razvitiya kompromissny`x sposobov razresheniya ugolovno-pravovy`x konfliktov v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Samara, 2011. 284 s.
8. Voskobitova L. A. Model`ny`j zakon sub``ekta RF «O sluzhbe primireniya» // Vestnik vosstanovitel`nogo pravosudiya. Vy`p. 6. 2006. S. 65–73.
9. Tarsheva M. N. Primiritel`ny`e i vosstanovitel`ny`e procedury` v dosudebnom proizvodstve: dis. … kand. yurid. nauk. Orel, 2022. 214 s.
10. Arutyunyan A. A. Mediaciya v ugolovnom processe: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2012. 33 s.

Информация об авторе

Мира Николаевна Таршева. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Mira N. Tarsheva. Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.
The article was received in the editorial office on 16.06.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научная статья
УДК 343.21

«КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ» КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хазинурова Екатерина Андреевна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

ekaterina.simakova.2001@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется компьютерная информация как признак состава преступления в российском уголовном законодательстве. Правоприменительная практика в сфере уголовно-правового противодействия компьютерным преступлениям свидетельствует о том, что различное понимание сотрудниками органов внутренних дел компьютерной информации в качестве признака состава преступления влечёт ошибки в квалификации указанных преступлений. В рамках настоящего исследования осуществлён анализ преступлений, где компьютерная информация является признаком состава преступлений, а также определены пути решения обозначенной проблемы для достижения единого применения уголовного закона при решении вопросов квалификации компьютерных преступлений. Рассмотрены мнения учёных, которые выделяют компьютерную информацию в качестве предмета, средства, орудия совершения преступления.

Ключевые слова: состав преступления, компьютерная информация, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предмет преступления, средство совершения преступления, орудие совершения преступления.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД доктора юридических наук, профессора Тюнина В. И.

Для цитирования: Хазинурова Е. А. «Компьютерная информация» как предмет и средство совершения преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 340–346.

«COMPUTER INFORMATION» AS AN OBJECT AND A MEANS OF COMMITTING CRIMES

Ekaterina An. Khazinurova
Saint Peterburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Peterburg, Russia

ekaterina.simakova.2001@yandex.ru

Annotation. This article examines computer information as an element of a crime in Russian criminal law. Law enforcement practice in the field of criminal prosecution of computer crimes shows that differing interpretation of computer information as an element of a crime among police officers lead to errors in the classification of such crimes. Within this research, an analysis was conducted of crimes where computer information serves as an element of the crime, as well as solutions to the identified problem to ensure uniform application of criminal law in the classification of cybercrimes. Various scholarly opinions

regarding the classification of computer information as the object, means, or instrument of a crime are analyzed.

Keywords: elements of a crime, computer information, crimes involving information and telecommunication technologies, object of a crime, means of committing a crime, instrument of committing a crime.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor – the Professor of the Department of Criminal Law of Saint-Peterburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor V. I. Tunin.

For citation: Khazinurova E.A. «Computer information» as an object and a means of committing crimes // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 340–346.

В течение последних десяти лет наблюдается рост преступлений, связанных с незаконным использованием компьютерной информации и технологий, обрабатывающих её. Обозначенная тенденция проявляется в увеличении числа преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий, что подтверждается статистическими данными МВД России. В 2024 году МВД России было зарегистрировано 765,4 тысячи вышеуказанных преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году[1]. С января по май 2025 года на 1,3 % произошло увеличение числа преступлений за аналогичный временной период предыдущего года[2]. Подобная динамика свидетельствует об обострении проблемы обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой трансформации общества в том числе уголовно-правовыми методами.

Несмотря на то, что существует множество теоретических подходов к изучению компьютерных преступлений, законодательное закрепление данного определения отсутствует. В уголовном кодексе Российской Федерации закреплено понятие «Преступления в сфере компьютерной информации», но к данной категории преступлений относятся не все общественно опасные деяния, связанные с использованием информационных технологий, а лишь 6 статей УК РФ (272-274[2] УК РФ). Считаем, что необходимо ввести обобщающее понятие «компьютерные преступления», под которым стоит понимать общественно опасные деяния, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий либо направленные против них. Предлагаемое понятие позволит:

- сформировать единую нормативно-правовую базу для квалификации таких преступлений;
- устранить пробелы в законодательстве;
- обеспечить адекватную уголовно-правовую оценку новых информационных угроз.

К компьютерным преступлениям относятся:

а) преступления в сфере компьютерной информации, ответственность за которые предусмотрена главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[3];

б) преступления с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет[1].

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/ (дата обращения: 25.06.2025).

[2] МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Рос. Федерации за январь-май 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-lnformatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii/. (дата обращения: 25.06.2025)

[3] Уголовный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Традиционные преступления (например, клевета, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) переходят в цифровую среду, приобретая новые качественные характеристики, включая высокую скорость распространения противоправной информации и возникновение состояния анонимности у субъектов преступной деятельности. Анализ Уголовного кодекса Российской Федерации позволил нам выявить 32 состава преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, что демонстрирует постепенную цифровизацию преступной деятельности и необходимость дальнейшего развития законодательства.

На данный момент в уголовном законодательстве использование информационно-телекоммуникационных сетей в большинстве случаев рассматривается в качестве квалифицирующего признака состава преступления, так как их применение повышает общественную опасность деяния [1, с. 124]. Происходит это за счёт повышения скорости передачи компьютерной информации и её обработки в оконечных устройствах; массовости использования информационных технологий; возможности обеспечения анонимности пользователей; увеличения расстояния, на которое могут передаваться данные.

В преступлениях в сфере компьютерной информации непосредственным объектом охраны выступают отношения, связанные с обеспечением целостности и сохранности компьютерной информации, а также с безопасным функционированием информационных систем [2, с. 10]. Несмотря на то, что непосредственный объект преступлений главы 28 УК РФ связан с защитой компьютерной информации, также может осуществляться посягательство и на дополнительные объекты. Например, неправомерный доступ к компьютерной информации может сопровождаться нарушением права на неприкосновенность частной жизни (ст. 137 УК РФ) или причинением имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ). Указанные примеры подчёркивают, что преступления в данной сфере могут затрагивать различные общественные отношения. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости анализа всех элементов состава преступления для корректного применения уголовно-правовых норм.

До сих пор ведутся дискуссии учёных о разграничении понятий «объект» и «предмет» преступления. А. Г. Коргулев говорит о том, что предмет преступления в уголовном праве является элементом объекта посягательства [3, с. 91]. Некоторые учёные не согласны с тем, что предмет преступления является элементом объекта, а также говорят о том, что предмет преступления может существовать независимо от объекта. Например, В. Н. Кудрявцев утверждал, что предмет служит необходимой материальной предпосылкой общественного отношения, на которое направлено преступление, или формой закрепления данного общественного отношения [4, с. 57]. По мнению Н. С. Таганцева, предмет преступления – это материальная вещь, которая существует независимо от объекта, имеет определённую форму, которую можно ощутить, посмотреть [5, с. 102].

Будем придерживаться вышеизложенной точки зрения А. Г. Коргулева, с которым автор согласен в данном вопросе. Компьютерная информация, когда она является предметом противоправного общественно опасного деяния, выступает в качестве признака состава преступления. Например, в ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» предусмотрена уголовная ответственность за незаконное получение доступа к охраняемой законом компьютерной информации. Предметом

[1] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 декабря 2022 года № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступления по данной статье Уголовного кодекса РФ является любого рода охраняемая законом компьютерная информация (кроме информации, которая содержится в критической информационной инфраструктуре). «Охраняемая законом» означает, что информация должна быть защищена (например, паролями, шифрованием, техническими средствами защиты), а доступ к ней должен быть ограничен. Если информация не охраняется законом и средствами защиты (например, является общедоступными данными), то неправомерный доступ к ней не образует состава преступления по данной статье.

В. В. Челноков считает, что в рамках ст. 272 УК РФ компьютерная информация, к которой осуществляется несанкционированный доступ, выступает предметом преступления [6, с. 16]. Аналогично, по его мнению, она является предметом в ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ». В то время как другие авторы пишут о том, что предметом преступления по ст. 273 УК РФ считается вредоносная программа [2, с. 10; 7, с. 55]. Однако вредоносная программа является совокупностью компьютерного кода, состоящего из компьютерной информации.

На основании диспозиций статей 272–274^2 УК РФ такие действия, как уничтожение, блокирование, модификация или копирование данных, наносят вред непосредственно компьютерной информации, а не используемым для её обработки технологиям. В результате всего вышеизложенного компьютерная информация является предметом в указанных ранее статьях главы 28 УК РФ. Например, 26 декабря 2024 года Рудничным районным судом города Прокопьевска Кемеровской области вынесен приговор в отношении оператора 1 класса отделения почтовой связи № 653045 АО «Почта России», который, используя собственную учётную запись (а равно с использованием своего служебного положения) с помощью применения программного обеспечения и технического средства, подключённого к информационному ресурсу АО «Почта Банк», осуществил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в критической инфраструктуре Российской Федерации. Воспользовавшись своими должностными полномочиями, он вносил в базу данных АО «Почта Банк» недостоверную информацию о новых клиентах, что привело к модификации охраняемой законом компьютерной информации. Данные действия повлекли причинение вреда базе данных АО «Почта Банк» как субъекту критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Суд квалифицировал действия подсудимого по 8 эпизодам, подпадающим под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 274^1 УК РФ[1]. В данном случае оператор незаконно модифицировал охраняемую законом компьютерную информацию в базе данных АО «Почта Банка», то есть изменял саму информацию, что привело к её недостоверности. Соответственно, компьютерная информация является предметом преступления, так как именно на неё было направлено противоправное воздействие.

В свою очередь, спорным является вопрос о том, средством или орудием совершения преступлений выступает компьютерная информация в составах преступлений Особенной части УК РФ, за исключением главы 28 УК РФ. Так, А. Г. Коргулев писал о том, что компьютерная информация может выступать орудием или средством совершения преступлений [3, с. 172].

Орудия и средства совершения преступления характеризуют объективную сторону преступления. Средствами совершения преступления считаются предметы, вещества, энергия и приспособления, физические, химические и иные свойства которых используются для совершения преступления. Р. Г. Асланян утверждает, что информация,

[1] Приговор Рудничного районного суда города Прокопьевска Кемеровской области по делу № 1-462/2024 от 25 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/UldpSOxVs4JO/ (дата обращения: 28.06.2025).

применяемая в качестве средства совершения преступлений в области экономической деятельности, представляет собой сведения, намеренно использованные виновным для посягательства на объект уголовно-правовой защиты. Такие сведения не обладают ни экономической, ни научной, ни исторической, ни какой-либо иной ценностью и, как правило, являются заведомо ложными [8, с. 10].

Орудиями совершения преступления являются объекты, которые применяются напрямую в процессе противоправного действия, позволяя расширить физические возможности человека и облегчить достижение преступных целей. Орудия преступления перечислены в п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Орудием непосредственно причиняется вред при совершении преступления, а средство облегчает совершение преступления.

В. В. Воробьев считает, что критерием разграничения средства и орудия совершения преступлений выступает характер их использования в процессе совершения компьютерных преступлений [7, с. 47]. В контексте данного мнения следует рассмотреть разницу в функциональных особенностях двух указанных признаков:

– средства используются для подготовки или облегчения совершения преступления (например, компьютерный код в виде компьютерной информации, из которого создаётся вредоносная компьютерная программа, а в последующем ею будет нанесён ущерб);

– орудия применяются для непосредственного причинения вреда (например, вредоносный код, который повреждает данные, хранящиеся на флешке).

По нашему мнению, вредоносный программный код, вопреки устоявшимся представлениям, не может быть однозначно отнесён ни к средствам, ни к орудиям преступления в классическом понимании данных признаков. По своей сути он представляет собой принципиально новый вид инструмента преступной деятельности, сочетающий характеристики как средства, так и орудия.

Характеристики средства преступления проявляются в том, что вредоносный код:

1. Служит для подготовки преступного акта (например, троянская программа сначала внедряется в систему, а активация происходит позднее);
2. Обеспечивает условия совершения преступления (создаёт уязвимости в системе, обходит системы защиты);
3. Может использоваться для сокрытия следов преступления (удаление логов, маскировка подозрительной активности).

Признаки орудия преступления выражаются в способности кода:

1. Непосредственно причинять вред (шифрование данных, удаление файлов, нарушение работоспособности систем);
2. Выполнять активное разрушительное воздействие (перезапись секторов диска, перегрузка процессора);
3. Физически изменять объект посягательства (модификация данных, повреждение оборудования).

В частности, полученная разными способами компьютерная информация может использоваться, например, для реабилитации нацизма (ст. 354^1 УК РФ), для совершения мошеннических действий (ст. 159^6 УК РФ) или кражи денежных средств с банковского счёта (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В подобных случаях информация служит средством достижения преступной цели.

В соответствии с кассационным определением от 22 мая 2025 г. № 223-УД25-13-А6 Мелихов был осуждён по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Судом был доказан факт размещения им в сети Интернет текстового сообщения с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности. В данном случае компьютерная информация (текстовое сообщение с призывами к терроризму, размещённое в сети Интернет) выступает

средством совершения преступления, так как компьютерная информация не имела воздействия на технические средства (как орудие преступления) и была направлена на формирование общественно-опасных настроений, а не на атаку инфраструктуры.

Подводя итог исследованию, необходимо сделать следующие выводы:

1. Компьютерная информация может выступать в качестве различных признаков состава преступления в зависимости от функций, которые она выполняет при совершении преступления.

2. В рамках главы 28 УК РФ компьютерная информация выступает в качестве предмета преступления (272–274[2] УК РФ).

3. Как результат работы информационно-телекоммуникационных технологий компьютерная информация может быть средством, орудием или инструментом совершения преступлений с использованием средств массовой информации, электронных или информационно телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

4. В рамках систематизации уголовно-правовых норм представляется целесообразным законодательное закрепление унифицированного термина «компьютерные преступления», под которым стоит понимать общественно опасные деяния, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий либо направленные против них, включающие преступления в сфере компьютерной информации; преступления с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также и сеть Интернет.

5. С целью совершенствования практики квалификации за компьютерные преступления предлагаем рассматривать вредоносный программный код как особый вид инструмента преступления, сочетающий свойства как средства, так и орудия совершения преступления.

Таким образом, в рамках составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, кроме преступлений, которые закреплены в главе 28 УК РФ, компьютерная информация может выполнять роль квалифицирующего признака составов преступлений, выступая в качестве средства, орудия или инструмента совершения противоправных деяний.

---

1. Ткачев И. О. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 мая 2024 года. М.: Московская академия следственного комитета, 2024. С. 123-127.
2. Зубова М. А. «Компьютерная информация как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 28 с.
3. Коргулев А. Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар. 2021. 220 с.
4. Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. № 8.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. М.: Наука, 1994. 232 с.
6. Челноков В. В. Компьютерная информация как предмет преступления в отечественном уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 226 с.
7. Воробьев В. В. Преступления в сфере компьютерной информации: юридическая характеристика составов и квалификация: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2000. 201 с.

8. Асланян Р. Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2016. 176 с.

1. Tkachev I. O. Sporny`e voprosy` kvalifikacii prestuplenij, sovershaemy`x s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x setej // Primenenie ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva v praktike Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii: aktual`ny`e problemy` i rekomendacii po ix resheniyu: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 21–22 maya 2024 goda. M.: Moskovskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2024. S. 123-127.
2. Zubova M. A. «Komp`yuternaya informaciya kak ob``ekt ugolovno pravovoj oxrany`: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan`, 2008. 28 s.
3. Korgulev A. G. Predmet prestupleniya v sovremennom ugolovnom prave: ponyatie, priznaki, voprosy` kvalifikacii i zakonodatel`noj reglamentacii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar. 2021. 220 s.
4. Kudryavcev V. N. K voprosu o sootnoshenii ob``ekta i predmeta prestupleniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1951. № 8.
5. Tagancev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. Lekcii. Chast` Obshhaya. T. 1. M.: Nauka, 1994. 232 s.
6. Chelnokov V. V. Komp`yuternaya informaciya kak predmet prestupleniya v otechestvennom ugolovnom prave: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2013. 226 s.
7. Vorob`ev V. V. Prestupleniya v sfere komp`yuternoj informacii: yuridicheskaya xarakteristika sostavov i kvalifikaciya: avtoref. … dis. kand. yurid. nauk. N. Novgorod. 2000. 201 s.
8. Aslanyan R. G. Informaciya kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar. 2016. 176 s.

Информация об авторе

Хазинурова Екатерина Андреевна. Адъюнкт.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

Information about the author

Ekaterina A. Khazinurova. Adjunct.
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, Saint Petersburg, Letchika Pilyutova Str., 1.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 04.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 3(104) 2025 г.
Научная статья
УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Чаплыгина Анна Дмитриевна
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

chaplygina.anya@bk.ru

Аннотация. Научная работа посвящена проблематике сохранения персональных данных при использовании электронного документооборота в деятельности правоохранительных органов. Автором проведён анализ рисков возникновения информационных опасностей при использовании электронных документов, передающихся по системам связи. Также в статье уделено внимание рассмотрению фактов утечки персональных данных и предлагаются меры по их недопущению. Описан процесс оценки уязвимостей программных средств, представлена их классификация, выделены основные направления и методы защиты персональных данных.

Ключевые слова: правоохранительные органы, органы внутренних дел, цифровая безопасность, утечка персональных данных, программные средства, защита персональных данных.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктора юридических наук, профессора Гаврилина Б.Я.

Для цитирования: Чаплыгина А. Д. Особенности сохранения персональных данных при использовании электронного документооборота в деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 347–353.

FEATURES OF PERSONAL DATA PRESERVATION WHEN USING ELECTRONIC DOCUMENT FLOW IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Anna D. Chaplygina
V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

chaplygina.anya@bk.ru

Annotation. The article focuses on the issue of preserving personal data when using electronic document management in the activities of law enforcement agencies. The author analyzes the risks of information security hazards associated with the use of electronic documents transmitted through communication systems. The article also examines the cases of personal data leaks and proposes measures to prevent them. Additionally, the article describes the process of assessing software vulnerabilities and their classification, as well as highlights the main areas and methods of protecting personal data.

Keywords: law enforcement agencies, internal affairs agencies, digital security, personal data leakage, software, and personal data protection.

Gratitude: The work was carried out with the support of the supervisor, Professor of the Department of Preliminary Investigation at the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor B.Ya. Gavrilin.

For citation: Chaplygina A. D. Features of personal data preservation when using electronic document flow in the activities of internal affairs bodies // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 3(104). P. 347–353.

В настоящее время мир переживает постоянную трансформацию, одной из проблем которой является безопасность общества. Человечество на протяжении своего существования всегда подвергалось опасностям различного рода, а урбанизация жизненных процессов вынуждает людей соблюдать принципы, диктуемые нам развитием информационного общества, в том числе и цифровой безопасности.

Термин «цифровая безопасность» появился одновременно с информационно-телекоммуникационными технологиями и проник в жизненные процессы, что создало условия для развития и использования электронного документооборота, в том числе и в деятельности органов внутренних дел, поставив вопрос о защите персональных данных. Перед современной государственной политикой стоит вопрос по обеспечению защиты персональных данных при использовании цифрового документооборота путём предоставления персональных данных только в законодательно определённых случаях.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных»[1] ими является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), что даёт возможность говорить об использовании электронного документооборота в деятельности органов внутренних дел и вызывает обеспокоенность проблемой сохранения персональных данных в их деятельности. Несмотря на то, что данный законодательный акт был издан в 2006 году, до настоящего времени безопасность персональных данных остаётся под угрозой в связи с тем, что их обработка не соответствует характеру операций с использованием средств автоматизации.

Необходимо отметить, что законодатель рассматривает персональные данные как общую и специальную категорию, относя к последней информацию о состоянии здоровья субъекта персональных данных, об участии его в религиозных организациях или общественных объединениях, данные об участии субъекта в связи с осуществлением в отношении него оперативно-разыскной деятельности и пр. Отметим, что обработка персональных данных из специальной категории лиц должна быть незамедлительно прекращена при утрате оснований для их проведения.

При этом следует исходить из того, что толкование понятия персональных данных предполагает признание их через непосредственную идентификацию физической личности человека и данных электронного документооборота, лежащих в основе функционирования, и в частности, органов внутренних дел. Проблему защиты информации в системах электронного документооборота можно решить лишь через сохранение целостности присутствующей информации, в том числе и персональных данных. Также перед органами внутренних дел стоит задача по устранению нарушений конфиденциальности персональных данных, влекущих их доступность.

Говоря об утечке персональных данных, стоит отметить возможность их использования при совершении мошеннических действий, создающих угрозы для экономической стабильности страны и населения. Однако у правоохранительных органов в целом и у органов внутренних дел в частности возникают проблемы по созданию систем со-

[1] О персональных данных[Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2011 г. № 261-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

хранности персональных данных при использовании цифрового документооборота. Полагаем, что цифровой документооборот должен представлять единый механизм по работе с электронными документами и обеспечивать реализацию модели «безбумажного делопроизводства» в их деятельности путём введения, например, «электронного уголовного дела».

Согласно ст. 17 Федерального закона Российской Федерации «О полиции»[1] органы внутренних дел имеют право на обработку персональных данных при реализации трудовых и служебных отношений, а также в связи с оказанием государственных услуг и осуществлением государственных функций в соответствии с целями и в отношении категорий субъектов, предусмотренных нормативно-правовыми актами Российской Федерации. При этом законодатель не использует категорию «персональные данные», хотя, по сути, их накопление и происходит, что связано с тем, что общественные отношения, в рамках которых происходит обработка данной информации, имеют свою особенность: в них публично-правовые начала превалируют над частными правовыми.

В свою очередь, Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее - МВД России) были изданы ведомственные нормативные правовые акты[2], определяющие меры, направленные на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных». «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» также предусмотрела введение электронного документооборота в структуры государственных учреждений[3].

Попутно заметим, что правоприменители в своей деятельности часто сталкиваются со сложностями восприятия определения «персональные данные» из-за его терминологической объёмной конструкции и невозможности понимания, в каких случаях можно считать персональными данными ту или иную информацию, а также определения типа возникающих угроз. Следует иметь в виду, что к электронному документообороту, используемому в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, предъявляются определённые требования в части степени его защиты. Так, руководитель органа внутренних дел либо его заместитель имеет возможность самостоятельно определить тип угроз для персональных данных или поручить разработчику программного обеспечения спроектировать модель угроз.

Список персональных данных, обрабатываемых в системе МВД России, указан в нормативных правовых актах и является открытым в связи с тем, что субъект персональных данных имеет право дополнительно сообщить иные сведения о себе [1]. Для каждой из целей обработки персональных данных определяется их содержание исходя из соответствующей категории субъектов, к которым относятся все должности рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и должности федеральной государственной гражданской службы, если в их обязанности входит обработка персональных данных или осуществление доступа к ним.

В этой части МВД России установлен порядок защиты персональных данных, полученных при реализации трудовых, служебных сообщений или возникающих в связи с оказанием государственных услуг, при предоставлении их третьим лицам.

---

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О некоторых мерах, направленных на обеспечение выполнения МВД России обязанностей, предусмотренных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 21 декабря 2017 г. № 949. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По межведомственным запросам органов государственной власти и органов местного самоуправления, предоставляющих государственные или муниципальные услуги, в обязательном порядке предоставляются сведения о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости. Также МВД России по запросу в рамках расследуемых уголовных дел и находящихся в производстве дел об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, имеет право запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу уполномоченных должностных лиц полиции от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации.

Одним из главных параметров персональных данных является электронная подпись, внедрённая в работу государственных, частных социальных и юридических структур и служащая для оформления любого правового акта без особых затрат вне зависимости от территориального присутствия [2, с. 9]. Она позволяет экономить временные и финансовые ресурсы, однако наряду с явными преимуществами её использования в рамках облегчения процесса оформления документов цифровая подпись имеет ряд недостатков в её применении, заключающихся в формировании новой формации информационной безопасности.

Электронной подписью является информация в электронной форме, присоединённая к другой информации в электронной форме или иным образом связанная с такой информацией и используемая для определения лица, подписывающего информацию. В свою очередь, в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» квалифицированной электронной подписью является «электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам: ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате; для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение требованиям, установленным в соответствии с этим нормативным правовым актом»[1]. Данный тезис подчёркивает, что не любой документ может быть переведён в электронную форму. Он должен сохранить юридическую силу и влечь за собой определённые последствия правового содержания. Любые материалы, прилагаемые к обращениям лиц, участвующих в уголовном процессе, также должны быть обличены в форму электронного документа. В противном случае исключается возможность использования такой процессуальной формы при создании документов.

Соблюдая стандартные принципы безопасного поведения в условиях стремительно развивающейся цифровизации, необходимо сформулировать и задачи безопасности цифровой среды:

1. Идентификация цифровой опасности, выраженная в обнаружении угроз и вызовов путём считывания их возникших характеристик.
2. Препятствование возникновению вероятного риска.
3. Обеспечение гарантий цифровой безопасности жизнедеятельности путём защиты от угрозы и вызовов, исходящих от цифровой среды [3, с. 12].

Идентификация цифровых опасностей должна проводиться через призму рассмотрения существования стандартных опасностей в жизнедеятельности общества, при

[1] Об электронной подписи [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

том что их отличие заключается в сущности самой опасности в виде утечки персональных данных, вторжения в частную жизнь, угрозы завладением интеллектуальной собственностью и прочих [4, с. 87]. Таким образом, гарантией цифровой безопасности жизнедеятельности должны выступать меры, направленные на защиту информации и решение проблем уязвимости в самом программном обеспечении.

Термин «уязвимость» применяется для описания изъяна в системе, который разрушает общую структуру процесса и провоцирует отклонение от правильности функционирования. Уязвимости в программном обеспечении могут выражаться в ошибке программиста в написании кода программы, неправильных расчётах в создании системы, в вирусах, проникших в программное обеспечение, в слабых паролях [5, с. 76].

К основным видам цифровых уязвимостей относятся: висячие указатели, переполнение буфера, обход каталогов, ошибки форматирующей строки, уязвимость нулевого дня, гонки символьных ссылок, ошибки времени, межсайтовый скриптинг в веб-приложениях, подделка межсайтовых запросов в веб-приложениях, неверная поддержка интерпретации метасимволов командной оболочки и пр.

Для поиска подходящего решения по защите персональных данных необходимо понимать, с какими уязвимостями цифровой информации при осуществлении электронного документооборота можно встретиться в том или ином случае. В 2024 году «Лаборатория Касперского» опубликовала статистические данные, указывающие на обнаружение уязвимостей в программном обеспечении [6], позволившие провести классификацию уязвимостей программных средств и выделить три основных направления защиты:

1. Исключение ошибок при составлении программного кода, который не содержит встроенных средств защиты программного продукта.
2. Исключение внедрения вирусных вредоносных программных продуктов, полученных из сторонних источников и через интернет-приложения.
3. Повышение ответственности и добросовестности сотрудников учреждений, которые имеют доступ к персональным данным.

Однако, кроме цифровых уязвимостей, существующих в программном обеспечении органов внутренних дел, необходимо выделить и типы цифровых угроз:

- присутствие недекларированных возможностей в информационном обеспечении, установленном в информационных системах персональных данных;
- присутствие недокументированных возможностей в системном программном обеспечении, установленном в информационных системах персональных данных;
- угрозы, не связанные с наличием неявных возможностей во всех типах программного обеспечения [7].

Внедрение в деятельность правоохранительных органов автоматизированного документооборота указывает на необходимость помнить об обеспечении сохранности персональных данных путём использования проверенного и безопасного способа их хранения и использования. При реализации деятельности в органах внутренних дел, в которых в настоящее время активно ведётся электронный документооборот, необходимо уделять внимание проверке информационных ресурсов, на которых пользователи оставляют свои персональные данные, пользоваться исключительно лицензионным отечественным программным обеспечением, своевременно обновляя антивирусные программы, а также обеспечивать многоступенчатую систему аутентификации.

---

1. Обработка персональных данных в органах внутренних дел https://23.мвд.рф/document/13650184 // https://xn--b1amdelgbarlac.23.xn--b1aew.xn--p1ai/document/64283462

2. Кузнецова И. О., Нестеренко И. С., Нестеренко Г. А. Особенности сохранения персональных данных при использовании цифрового документооборота // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 1. С. 8–15
3. Горлов А. П. Гулак М. Л., Лексиков Е. В. [и др.] Сущность комплексного подхода к разработке системы защиты информации // Информационная безопасность и защита персональных данных. Проблемы и пути их решения: Сборник материалов и докладов XV межрегиональной научно-практической конференции, Брянск, 28 апреля 2023 года / Под общ. ред. О.М. Голембиовской. Брянск: Брянский государственный технический университет, 2023. С. 83–87.
4. Ушаков Н.О., Сибикина И. В., Космачева И. М. Информационная безопасность в системах электронного документооборота // Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития : Материалы Третьей международной научно-технической конференции, Петропавловск-Камчатский, 26 ноября 2020 года / Отв. за выпуск О.А. Белов. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 2021. С. 70-74.
5. Security Week 2420: эксплуатация уязвимостей в ПО // https://habr.com/ru/companies/kaspersky/articles/814065/
6. Защита персональных данных в СЭД / https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/zaschita-personalnykh-dannykh/realizaciya-zashchity-personalnyh-dannyh/perechen-personalnyh-dannyh-podlezhashchih-zashchite/zaschita-personalnykh-dannykh-v-sed/

1. Obrabotka personal`ny`x danny`x v organax vnutrennix del https://23.mvd.rf/document/13650184 // https://xn--b1amdelgbarlac.23.xn--b1aew.xn--p1ai/document/64283462
2. Kuzneczova I. O., Nesterenko I. S., Nesterenko G. A. Osobennosti soxraneniya personal`ny`x danny`x pri ispol`zovanii cifrovogo dokumentooborota // Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal. 2025. № 1. S. 8–15
3. Gorlov A. P. Gulak M. L., Leksikov E. V. [i dr.] Sushhnost` kompleksnogo podxoda k razrabotke sistemy` zashhity` informacii // Informacionnaya bezopasnost` i zashhita personal`ny`x danny`x. Problemy` i puti ix resheniya: Sbornik materialov i dokladov XV mezhregional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii, Bryansk, 28 aprelya 2023 goda / Pod obshh. red. O.M. Golembiovskoj. Bryansk: Bryanskij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet, 2023. S. 83–87.
4. Ushakov N.O., Sibikina I. V., Kosmacheva I. M. Informacionnaya bezopasnost` v sistemax e`lektronnogo dokumentooborota // Texnicheskaya e`kspluataciya vodnogo transporta: problemy` i puti razvitiya : Materialy` Tret`ej mezhdunarodnoj nauchno-texnicheskoj konferencii, Petropavlovsk-Kamchatskij, 26 noyabrya 2020 goda / Otv. za vy`pusk O.A. Belov. Petropavlovsk-Kamchatskij: Kamchatskij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet, 2021. S. 70-74.
5. Security Week 2420: e`kspluataciya uyazvimostej v PO // https://habr.com/ru/companies/kaspersky/articles/814065/
6. Zashhita personal`ny`x danny`x v SE`D / https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/zaschita-personalnykh-dannykh/realizaciya-zashchity-personalnyh-dannyh/perechen-personalnyh-dannyh-podlezhashchih-zashchite/zaschita-personalnykh-dannykh-v-sed/

Информация об авторе

Анна Дмитриевна Чаплыгина. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117437, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Information about the author

Anna D. Chaplygina. Adjunct.
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.09.2025.

The article was received in the editorial office on 04.08.2025; approved after review on 15.09.2025; accepted for publication on 29.09.2025.

Информация для авторов

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном варианте**, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). **Электронная версия** статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Объём статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать диапазону от 0,45 до 0,6 авт.л. (18-24 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой Times New Roman (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Сведения об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500-1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов-адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и ФИО.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

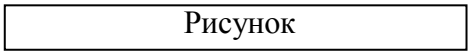

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т.п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

«Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам (аспирантам) дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, ФИО руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.